

Н.И.ТОЛСТОЙ

**СЛАВЯНСКАЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
ТЕРМИНОЛОГИЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Н. И. ТОЛСТОЙ

СЛАВЯНСКАЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
ТЕРМИНОЛОГИЯ

Семасиологические этюды

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1969

Монография посвящена сравнительному исследованию основных славянских географических терминов. Материал книги может послужить источником для топонимических исследований и решения различных этимологических проблем, а также должен привлечь внимание географов и работников краеведческих музеев.

Ответственный редактор

доктор филологических наук

С. Б. БЕРНШТЕЙН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — один из результатов работы Полесской лингвистической экспедиции (1962—1965)¹. Материал для нее был собран в поле и затем сопоставлен с рукописными и печатными источниками по географической терминологии славянских языков. Несмотря на кажущееся обилие материала и в некоторых случаях его безусловную новизну, автор постоянно чувствовал его неполноту, неоднородность, а иногда и известную непригодность для решения поставленных задач. Тем не менее понимая, что именно материал представляет собой наибольшую ценность, автор стремился к его подробному изложению и к строгой документации, которая бы позволила будущим исследователям подойти к нему с критической оценкой.

Существенную помощь в сборе материала оказали автору его коллеги — спутники полесских экспедиций, в первую очередь два филолога-полешука Ф. Д. Климчук и Н. В. Никончук. Ценные сведения по белорусским диалектным терминам были почерпнуты в картотеке «Диалектологического атласа белорусского языка» и заимствованы из личных архивов В. А. Жучкевича и Э. И. Жаковой. Большое число местных географических терминов было извлечено из картотеки «Словаря русских народных говоров», хранящейся в Словарном секторе Института

¹ О работе и составе экспедиции см.: «Полесье». М., 1968, стр. 300—302.

русского языка в Ленинграде, из картотеки «Атласа украинского языка» в Киеве, из рукописных словарей М. О. Онышкевича и Н. А. Грицака и из картотеки «Карпатского диалектологического атласа» (Ин-т славяноведения АН СССР, Москва).

Книгу в рукописи прочли В. М. Иллич-Свитыч (частично), С. Б. Бернштейн, О. Н. Трубачев, Э. М. Мурзаев, Е. М. Поспелов, Г. П. Клепикова, В. М. Мокиенко, Р. В. Кравчук, Н. В. Подольская. За все замечания и исправления автор искренне благодарен перечисленным лицам. Естественно, они ни в какой мере не ответственны за оставшиеся недочеты и ошибки. Автор не может умолчать о том, что на всех этапах работы над книгой, начиная от сбора географических терминов в Полесье и кончая подготовкой рукописи к печати, его строгим судьей и добрым помощником была С. М. Толстая.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к славянской географической терминологии возник давно, почти одновременно с первыми попытками установления и осмысления родственных связей различных славянских «наречий». Он не выделялся особо на фоне общего стремления полнее собрать и научно освоить богатый исторический и диалектный фонд славянской лексики, способный служить одним из источников изучения и познания славянских «древностей» — древней славянской материальной и духовной культуры. Славянское языкознание, едва только зарождаясь, ставило себя на службу славянской истории, археологии и этнографии, складывалось в неразрывной связи с ними и в этом животворном союзе можно видеть основной смысл его существования и в наши дни. Сейчас уместно вспомнить, что еще в первые годы развития славяноведения среди ряда в общем немногочисленных вопросов к Вуку Караджичу Н. П. Румянцев поставил и следующий: «Имеют ли какое значение на древнем сербском языке слова: *болонье, вериги, заруб, грунь, желни, стяг, стан, сени* и глагол *тянуть* принадлежит ли сербскому языку?»¹, что несколько десятилетий спустя С. Соловьев толковал древние новгородские топонимы параллельно с анализом апеллятива *бор*², что П. А. Лавровский, вслед за С. П. Микуцким, пытался разобраться в происхождении племен-

¹ См.: Л. П. Жуковская. Вопросы Н. П. Румянцева к Вуку Караджичу и ответы на них. «Советское славяноведение», 1966, № 5, стр. 76.

² См.: С. Соловьев. О значении слова «черный» в древнем русском языке и преимущественно о черном боре новгородском. «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных». М., 1845, стр. 282—286.

ного названия *лях*, привлекая географический термин *ляда*, *лядина*³ и т. д. и т. п. В те уже достаточно далекие от нас времена начала и середины XIX в. исследования, подобные упомянутым, не преступали еще границ небольших, зачастую любительских, этюдов⁴ — материала для сравнительно-исторического исследования славянской лексики было еще мало, а сам метод исследования не был выработан с достаточной четкостью. Положение изменилось к лучшему, когда в середине и даже к концу XIX в. появился целый ряд словарей славянских языков вслед за капитальными лексиконами В. Караджича, С. Линде, И. Юнгмана, в том числе чрезвычайно ценные для изучения местной географической терминологии «Опыт областного великорусского словаря» (Опыт 1852)⁵ и «Дополнения» к нему (Доп. Оп. 1858), словари И. И. Носовича (Нос. СБН), Е. Желеховского (Желех. МНС), М. Плетершника (Plet. SNS), Н. Герова (Гер. РБЯ), В. И. Даля (Даль СЖВЯ) и др.

Впервые необходимость специального изучения и собирания местных географических апеллятивов была осознана географами, перед которыми стояла задача создания национальных научных терминологий. Стремление освободиться от излишнего балласта иностранных слов и речений побудило географов приступить к сбору диалектной лексики. В 1847 г. Русское географическое общество обратилось «ко всем любящим отечественное просвещение» с призывом собирать местные слова, обозначающие географические предметы и понятия⁶. Постепенно возникло ценное собрание, известное под названием «Материалы Комиссии географических терминов», частично исполь-

³ См.: П. А. Лавровский. Мнение о происхождении и коренном значении названия *лях*. — ЖМНП, 1870, ч. СХLXI, окт. отд. 2, стр. 252—263.

⁴ Во второй половине XIX в. самой серьезной попыткой сравнительного изучения славянских географических терминов с задачей реконструкции праславянского ландшафта («существования») явились разделы «Космография, метеорология, физика, география» и «Небо, воздух, земля» в кн. А. Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным» (Киев, часть I, вып. 1, 1878, стр. 1—51; вып. 2, 1879, стр. 272—289).

⁵ Слосок сокращений названий словарей и источников см. стр. 250—257.

⁶ См.: «От Русского географического общества». — ЖМНП, 1847, ч. LIV, июль, отд. VII, стр. 38—39.

зованное в незаконченном академическом «Словаре русского языка» (СРЯ 1891 и далее). К созданию научной географической терминологии на национальной языковой основе приступали не только в России, но и в других славянских странах. Примером тому может служить хотя бы известный труд Й. Цвиича «Сербскохорватская терминология и номенклатура»⁷ и другие исследования.

Работы географов по местной географической терминологии, в общем достаточно далекие по своим задачам от основных проблем языкознания, оказывались чрезвычайно ценными для лингвистов. Это происходило потому, что географы, не искушенные в вопросах этимологии, семасиологии и диалектологии, стремились, преследуя свои цели, к важной для современной постановки лингвистических задач полноте описания, его системности и, что, вероятно, наиболее существенно, к соотносительности описания системы географической терминологии с системой экстралингвистической — с характеристикой орфографической, гидрографической, климатической и т. п. конкретной, иногда территориально незначительной и замкнутой географической зоны. Так стали возникать параллельные систематические описания внешнего мира и отражающей его географической терминологии. Примером такого ценного труда, посвященного довольно ограниченной славянской территории явилась недавно вышедшая монография словенского географа Р. Бадюры «Народная география» (Badj. LjG).

В 1915 г. известный русский географ и естествоиспытатель Л. С. Берг, объясняя значение работы В. В. Ламанского по собиранию диалектных географических апеллятивов, писал: «Будучи результатом многовековых наблюдений над природою постоянного местного населения и продуктом творчества такого гениального коллектива, каким является народ, народные термины заслуживают самого внимательного к себе отношения как филологов, так в особенности географов»⁸. Л. С. Берг отмечал, что русская научная терминология, служащая нуждам географии, страдает не только от наличия иностранных слов,

⁷ См.: Ј. Цвијић. Српскохрватска терминологија и номенклатура. — В кн.: Ј. Цвијић. Говори и чланци, III. Београд, 1923.

⁸ См.: Л. С. Берг. О русской географической терминологии. «Землеведение», кн. IV. М., 1915, стр. 100.

но в еще большей мере от создания неуклюжих кáлек вроде *порог суши* (Landschwelle), или *хребтовое нагорье* (Rückengebirge), которым соответствуют народные *увал* и *кряж*⁹. Он пояснял вслед за В. В. Ламанским, что собиранье и систематизация местных географических терминов важны не только для пополнения и упорядочения фонда научной терминологии, но и для полевой работы географов и, что не менее важно, для работы географатопонимиста. Наконец, он видел в местной географической терминологии, в этой «народной кустарной науке» материал для историка, филолога-древника и лингвиста-этнолога. «Распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают немало указаний на ход колонизации, перемещения народных масс и взаимные влияния соседних народностей»¹⁰.

Именно такой подход к изучению народных географических терминов был характерен для крупнейшего славянского этнографа, обладавшего блестящей лингвистической эрудицией, К. Мошинского, положившего в 1921 г. своей работой «Заметки о славянской топографической и физиографической терминологии, основанные преимущественно на белорусско-полесском материале» (Mosz. STTF) начало серьезной научно-лингвистической разработки интересующей нас проблемы. Добытые в результате собственных полевых наблюдений, полесские термины рассматривались в этом труде на широком общеславянском фоне с учетом не только лингвистических, но и географических, этнографических и историко-культурных факторов. Детальность описания термина, часто кажущаяся предшественникам К. Мошинского не столь существенной, и широкий контекст обеспечили нужную полноту и точность. К сожалению, только К. Мошинскому удалось обследовать в общем незначительное число пунктов и пришлось судить обо всем Полесье на основании несколько ограниченного материала¹¹. Нарушая хронологическую последовательность истории вопроса и обращаясь непо-

⁹ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 99.

¹⁰ См. там же, стр. 100.

¹¹ Из работ по изучению географической терминологии Полесья следует отметить также небольшую опубликованную в 1939 г. заметку Л. Оссовского (см. Oss. PTT), собравшего материал в северо-восточной части Лунинецкого р-на.

средственно к нашей собственной работе, отметим, что эта небольшая книга является попыткой почти полвека спустя на той же базе, но с несколько бóльшим и новым материалом поставить и в известной мере разрешить вопросы, поднятые знаменитым польским этнографом-лингвистом. Она так же, как и исследование К. Мошинского 1921 г., подчинена более широкой и далекой перспективе, раскрытой в известных трудах того же автора «Первоначальная область распространения праславянского языка» и «О способах изучения материальной культуры праславян»¹².

Если не считать «Заметок» К. Мошинского, то достаточно систематическое и специальное изучение славянской географической терминологии началось лишь в канун и после второй мировой войны.

С завидной педантичностью и строгостью Й. Шютц произвел классификацию всех сербскохорватских географических терминов, извлеченных им из многочисленных словарей и лексикографических трудов. Ему удалось достаточно ярко показать параллелизм употребления термина в различных терминологических сферах, прежде всего в сфере географической и ткаческой, некоторую зависимость географической терминологии от географической среды, связь выбранного им раздела из фонда сербскохорватской лексики с общеславянским фондом. Его книга «Географическая терминология сербскохорватского языка» (Schütz GTSK) была сочувственно встречена специалистами¹³.

Менее удачна на наш взгляд вышедшая в 1964 году книга другого немецкого слависта П. Нитше «Географическая терминология польского языка» (Nitsche GTP), являющаяся полным и потому полезным реестром географических терминов из восьмитомного Варшавского словаря

¹² См.: K. Moszyński. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław—Kraków, 1957; Он же. O sposobach badania kultury materialnej Prasłowian. Wrocław—Kraków—Warszawa, 1962.

¹³ См. рец. на кн. Й. Шютца: И. Поповича («Zeitschrift für slavische Philologie», Bd XXVI, H. 2, Berlin, 1958), В. М. Иллича-Свитыча (ВЯ, 1957, № 4), Ф. Безлая («Rocznik slawistyczny», t. XXI, cz. 1, Wrocław—Kraków, 1960), Ф. Славского («Onomastica», ч. IV, z. 2, Wrocław—Kraków, 1958), В. Махка («Lingua Poznañensis», t. VII, Poznañ, 1959) и рец. Й. Шютца на кн. П. Нитше («Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXXIII, H. 1, 1966).

(польский материал из других источников привлечен в незначительной мере) с семантической классификацией по типам географических объектов и указанием всей необходимой этимологической литературы вопроса. Недостаточное внимание к диалектному материалу оставило вне поля зрения П. Нитше важную проблему географии географического термина и сделало не во всем убедительной статистику заимствований и других подобных расчетов в заключительном разделе книги.

Обилием нового диалектного, точно локализованного материала выгодно отличается от работы П. Нитше, а отчасти и Й. Шютца, монография Т. А. Марусенко «Названия рельефа в украинском языке»¹⁴. Материал Т. А. Марусенко позволяет выделить на украинской территории конкретные локальные зоны и определить изоглоссы для ряда географических апеллятивов. Сколь важен такой аспект работы, в наше время совершенно ясно: давно обращено внимание на тот факт, что изоглоссы, особенно изолексы, далеко не всегда проходят по границам отдельных национальных (национально-литературных) языковых территорий, а часто идут внутри их, создавая при этом нередко своеобразные «межнациональные» ареалы.

Проблема славянских междиалектных соответствий с активизацией лингвогеографических и этимологических исследований оказалась выдвинутой на первый план. Поэтому возникла задача создания областных словарей-коллекций славянских географических терминов — словарей небольших, но достаточно специфических в лингвистическом и географическом отношении зон. Не случайно, что прежде всего в центре внимания славистов оказался Карпатский ареал — место стыка восточно-, западно-, а в прошлом и южнославянских языков. Здесь следует сначала упомянуть работу З. Штибера по польской Гуральской зоне (Stieb. NMG), затем недавний труд З. Голембёвской по соседней Оравской зоне (Goł. TNO) и два украинских локальных словаря — бойковский Я. Рудницкого (Рудн. ГНБ) и гуцульский С. Грабца (Hrab. NGH)¹⁵. Задача всех этих словарей не ограничивалась

¹⁴ См.: Т. А. Марусенко. Названия рельефа в украинском языке. Канд. дисс. Киев—Каменец-Подольский, 1967.

¹⁵ В отношении создания областных словарей географических терминов, впрочем, как и во многих других отношениях, польские

изучением апеллятивной лексики. Они служили базой или вводной частью для топонимических словарей отмеченных районов. Сколь значительную роль в формировании топонимии, особенно микротопонимии играют местные географические термины, доказывать не приходится, особенно после московской конференции, посвященной этому вопросу¹⁶.

Заканчивая беглый обзор литературы, относящейся к славянским географическим терминам и послужившей в значительной мере источником для нашей книги, отметим еще ряд исследований по специальным разделам нашей общей темы на материале отдельных славянских языков. Образцовыми во многих отношениях являются работы Ф. Безлая по словенским терминам мест раскорчевки (Bezł. Krč.) и подводным ямам и омутам (Bezł. Sin.), выполненные с привлечением широкого общеславянского материала. Удачны коллекции словарного материала с этимологическими комментариями по украинским названиям устья, источника и глубоких мест, а также реки и ручья М. Юрковского (Jurk. OŽUG и Jurk. RP) и украинских названий островов И. А. Дзендзелевского, собравшего значительный новый материал (Дзен. УНО). О ценности монографии Р. Бадюры по словенским географическим названиям говорилось выше¹⁷.

Было бы несправедливо обойти молчанием «Словарь местных географических терминов» Э. М. и В. Г. Мурзаевых (Мурз. СМГТ). Предназначенный для географов, он оказывал и будет еще долгое время оказывать услугу лингвистам. Этот словарь остается до сих пор единственным систематическим трудом по местной русской географической терминологии, хотя в нем также хорошо представлена терминология тюркоязычных, угрофинноязычных и других народов нашей страны. Большое собрание русских водных терминов содержится в «Материалах для областного водного словаря» П. Л. Маштакова (Маш. МОВС).

слависты идут впереди. Отметим еще интересную работу М. Каминской с областным словарем географических терминов района Лодзи (Kam. STŁ).

¹⁶ См. кн.: «Местные географические термины в топонимии», М., 1966.

¹⁷ Р. Бадюре принадлежит также небольшая книга, посвященная названиям горных перевалов: R. Badjuga. Gorski prehodi v luči ljudske geografije. Ljubljana, 1951.

Над изучением славянских географических терминов борают много в разных странах: готовятся монографии по чешской и болгарской терминологии, собирается материал по белорусским и русским географическим апеллятивам. Можно надеяться, что пока наша книга будет находиться в производстве, многие из них увидят свет.

* * *

Подзаголовок нашей книги гласит: «семасиологические этюды». Это означает, что аспект исследования несколько ограничен и основное внимание уделено смысловым изменениям в сфере славянских географических терминов. Ограничения проведены по нескольким линиям. Прежде всего в книге изложена не вся славянская географическая терминология, простая систематизация и перечень которой потребовали бы многотомного издания, а основная географическая терминология, собранная в результате полевой работы автора в Полесье в сравнении с географической терминологией других славянских языков и других славянских диалектных зон¹⁸. Материал для сравнения привлекался по принципу общности полесских и других славянских лексем или тождественности семантических сдвигов, наблюдаемых уже на примере иных, т. е. не зафиксированных в Полесье, лексем. Задачу своего исследования автор видел не столько в установлении этимологии отдельных географических терминов, сколько преимущественно в наблюдениях над семантическими процессами слов, безусловно восходящих к одному праславянскому этимону. Именно поэтому во всех случаях, когда дело касалось таких географических терминов, как *гора*, *лес*, *берег*, *багно* и т. п., автор считал нецелесообразным привлечение родственного балтийского, германского и другого индоевропейского материала, в большинстве случаев уже отмеченного в этимологических словарях славянских и других индоевропейских языков. Обращение к нему увеличило бы во много раз

¹⁸ Следует отметить также некоторую неоднородность географической терминологии в пределах самого Полесья, которое лингвистически и археологически распадается в основном на две части — западную и восточную с переходным центральным типом. Подробнее о диалектной дифференциации Полесья см.: Н. И. Толстой. О лингвистическом изучении Полесья. «Полесье». М., 1968; Он же. Об изучении полесской лексики. «Лексика Полесья». М., 1968.

объем книги и привело или к повторению уже известных этимологий, или к новым поискам родственных связей слов и установлению несколько проблематичных этимонов. Это во многом усложнило бы задачу нашего исследования, которая, повторим еще раз, заключается в наблюдении за семантическими сдвигами и смещениями слов, бесспорно относящихся к одному этимону. Однако даже при ограничении наблюдений только материалом славянских языков и диалектов нередко возникали случаи, когда бесспорность одного (общего) этимона для целого ряда привлеченных к рассмотрению лексем оказывалась сомнительной. В этих случаях автор был вынужден идти по пути этимологических штудий или опираться на мнения известных этимологов. От подобных этимологических разысканий автор бы охотно отказался, если бы его не принуждала к этому задача полноты описания полесского и родственного ему славянского материала.

Другим ограничением, принятым в настоящей работе, является отсутствие исторического материала. Достаточно обратиться к историческим славянским словарям Ф. Миклошича, И. И. Срезневского, Г. Е. Кочина, Дж. Даничича, Я. Гебауэра, Е. К. Тимченко и др., чтобы убедиться в том, как много географических терминов содержится в древних славянских памятниках. Привлечение этого материала было бы, безусловно, полезно. Однако оно бы привело к весьма значительному расширению объема работы — почти двойному увеличению числа примеров при пропорционально гораздо меньших общих результатах разрешения поставленных задач. Дело не только в том, что памятники обычно требуют от исследователя предварительного филологического и лингвистического анализа для определения литературной (книжной) и диалектной, а иногда и иноязычной стихий, которые не всегда разграничиваются и четко устанавливаются, дело прежде всего в том, что контекст памятников, в которых обычно встречаются географические термины, далеко не всегда диагностичен для определения их значения или диагностичен в весьма ограниченной степени. Примером тому может служить коллекция экскерпций в словарной статье *bór* в «Старопольском словаре»¹⁹,

¹⁹ См.: «Słownik staropolski», tom I, zes. 3. Warszawa, 1954, стр. 143—144.

при анализе которой трудно определить в каждом конкретном случае, идет ли речь о лесе вообще, т. е. выступает ли *bór* как синоним термина *las*, или о хвойном лесе, смешанном лесе, части леса, старом лесе и т. п. Толкование слова в таких случаях обычно дается по наиболее употребительному, распространенному и устоявшемуся современному значению. Применительно к слову *bór* мы находим почти всегда толкование 'сосновый лес' (лучше обстоит дело с историческим значением термина *bór* 'лес с бортями', '60 бортных деревьев' — оно четче определяется контекстом). А между тем материал современных польских диалектов свидетельствует о том, что *bór* часто значит просто 'лес', 'большой лес', 'часть леса' (подробнее см. стр. 26) и у нас мало оснований считать, что такие значения были невозможны в языке древних памятников²⁰.

Иными словами, диалектная лексика — наиболее щедрый и достоверный источник для определения возможных значений географических терминов, извлеченных из памятников, наряду с древними словарями. Диалекты дают основной материал для исследования семантических процессов, происходящих в сфере географической терминологии и во взаимодействующих с ней других терминологических сферах.

К сожалению, как было отмечено в предисловии, диалектный материал собран неравномерно и неоднородно. До сих пор в ряде случаев мы не можем решить одну из главных задач нашей темы — определить географию географического термина. Мы почти не располагаем областными словарями славянских географических терминов и еще очень далеки от такой «роскоши», как создание лингвистических атласов географических терминов²¹.

²⁰ См. небольшую дискуссию о значении слова *bór* в древнепольском языке на страницах журнала «Język polski» (t. IV. Kraków, 1919, стр. 33—37 и 85—90) — статью А. Давыша «*Bór i las*» и замечания Я. Розвадовского и А. Ключковского.

²¹ Блестящим образцом подобных атласов является недавно вышедший первый том французского «Лингвистического и этнографического атласа Шампани и Брие» Г. Бурсело, в котором 318 общих и 8 сводных карт посвящены исключительно географическим терминам (рельеф, земля обитаемая и возделываемая) и терминам погоды и времени, см.: H. Bourcelot. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Paris, 1966.

Отметим, наконец, третье ограничение нашей работы — отсутствие топонимического материала. Его привлечение, так же как и обращение к исторической лексике, было бы весьма полезно. Однако ничто бы так сильно не увеличило сравнительно небольшой, заранее определенный планом (увы!) листаж работы, как топонимия. Вероятно, параллельному исследованию славянских топонимов и славянских апеллятивов будет посвящено еще немало трудов. Но отсутствие топонимического материала может быть во многом оправдано также одним немаловажным обстоятельством. Топоним в отличие от апеллятива как правило не обозначает, а называет. Топоним в «чистом виде» асемантичен и потому изучение семантических процессов и с л ю ч и т е л ь н о на топонимическом материале попросту говоря невозможно. Во всех случаях нам придется идти от современного диалектного географического термина к историческому, от географического термина к топониму, а не наоборот.

* * *

Особое внимание, уделяемое в этой книге диалектной лексике, вызвано не только тем, что диалекты во многих случаях дают нам примеры специфического, неизвального литературным языкам семантического развития отдельных терминов, что в диалектах встречается ряд терминов (лексем), вовсе отсутствующих в литературных языках, но прежде всего тем, что диалектный материал является основой всякого лингвогеографического исследования, а семантика слова (термина) нередко оказывается в прямой зависимости от его географии²². Известны случаи, когда последовательность семантических сдвигов, или звеньев, соответствует последовательности их территориального распространения или оказывается действенным давно установленное положение, по которому обычно архаизмы лучше сохраняются в окраинных зонах, в гористых и болотистых районах (прямая зависимость лингвистического ландшафта от экстралингвистической ситуации) и т. д. и т. п.

²² См., например, случай с изменением значения географического термина *пелька* на современной восточнославянской территории, изложенный нами в статье «Об одном балтизме в восточнославянских диалектах (*pélkē* — пелька)» (сб. «Этимология, 1967». М., 1969).

К сожалению, очень часты случаи, когда лингвисты-слависты, обращаясь к географии конкретных слов и их значений, из-за отсутствия лексических атласов, построенных по специальной программе, вынуждены судить о положении в той или иной диалектной зоне по описанию (иногда очень отрывочному) одного из диалектов этой зоны и представлять, таким образом, ситуацию на достаточно обширной территории как однородную, «одноцветную». Возможность таких ошибок в виде однообразной характеристики довольно больших ареалов усугубляется при обращении к материалу исключительно литературных языков. Ряд семантических смещений нам часто несколько иллюзорно представляется идущим только от одного славянского языка к другому так же, как полный набор разных семем (значений) для одной и той же лексемы (слова) нами воспринимается зачастую как присущий только сумме всех славянских языков, в то время как для каждой отдельной группы языков или каждого отдельного языка он будет казаться сильно усеченным или вообще представленным единичным значением. Между тем отдельные диалектные зоны при их подробном обследовании часто вырисовываются перед глазами исследователя как значительно более пестрые семантически и лексически более разнообразные.

Известны даже случаи, когда в отдельной славянской микроне в отношении семантики некоторых слов (и их групп) наблюдается ситуация, аналогичная той, которая характерна для всего славянского языкового мира или значительной его части. Такие случаи не часты, но они характерны и принципиально важны для теории лингвогеографии и диалектологии в целом, так как в типологическом отношении некоторые конкретные замкнутые ареалы могут служить аналогом для других, в том числе и исчезнувших исторических ареалов.

Примером того, как в одной микроне может быть представлен набор семем, свойственный и макроне, служит великолуцкий диалектный район, в котором зафиксированы почти все значения географического термина *ляда*, характерные для всех восточнославянских диалектов в целом. В великолуцкой зоне *ляда* известно в значении 'участок из-под леса, приготовленный под пашню или луг', 'участок с вырубленным и сожженным лесом', 'участок с выкорчеванным лесом', 'пашня, поле, луг, на

месте выкорчеванного леса, кустарника', 'место, очищенное от леса, кустарника', 'впервые разработанное поле, распаханная целина', 'земля, которая подлежит распашке', 'пахота', 'участок земли', 'участок обработанной земли', 'покос', 'распаханная целина', 'пустошь, поляна', 'старая лесосека', 'заросший участок', 'пустошь', 'место, заросшее лесом', 'лес', 'вырубленный участок леса', 'участок в первый год после срубки леса', 'вырубленное место с пнями', 'росчисть в лесу', 'низкое болотистое место', 'низкое болотистое место, заросшее лесом или кустарником', 'неудобная для пашни земля', 'неудобная для пашни земля, используемая как луг, сенокосное место', 'бывшая пустошь, неудобная земля, покрытая кустарником', а *лядина* в значении 'участок леса, предназначенный для расчистки под пашню', 'участок из-под леса, приготовленный под пашню', 'пашня на месте выкорчеванного леса', 'засеянное поле на месте выкорчеванного леса', 'поле или луг', 'луговые места, затопляемые водою', 'участок земли', 'индивидуальный участок, полоса пашни при единоличном хозяйстве', 'пустошь, поляна с небольшим кустарником или леском', 'место среди посева, на котором ничего не выросло', 'чистина между лесов', 'лес, выросший на выжженном месте', 'небольшой лесок, насаженный у края усадьбы', 'лес (не на бывшей пашне, пустоши)', 'участок, часть леса', 'маленький лесок', 'место в лесу, где растут грибы или ягоды', 'густой лес', 'большой лес', 'молодой мелкий лес', 'чистый низкий лес', 'кустарник, место, заросшее кустарником', 'лиственный лес', 'лиственное место в лесу', 'участок леса, поросший одной породой деревьев', 'ельник', 'березняк', 'ольшанник', 'лес на высоком сухом месте', 'сухое место в лесу', 'лес', 'большие заросли, предназначенные для вырубки', 'вырубленный участок леса', 'расчищенное место в лесу для стога сена', 'сухое место', 'низкое болотистое место, поросшее лесом или кустарником', 'неудобная для пашни земля', 'земля, неудобная для посевов'²³.

²³ Материал по великолуцкой зоне заимствован у О. Г. Пороховой, которая в свою очередь пользовалась картотекой для «Атласа русских народных говоров» (Пор. Ляда). Естественно, что истинное число семем меньше, так как не все приводимые в толковании признаки релевантны. См. также стр. 134—143 настоящей книги.

При детальном и систематическом изучении отдельных диалектных зон число таких примеров увеличивается. Показательны в этом отношении великолуцкий, псковский, украинский карпатский, польский вармийско-мазурский и другие довольно тщательно исследованные ареалы. Вот почему в настоящей работе полесский материал излагается подробно и сравнивается равноправно с материалом всех остальных славянских языков и диалектов (сравнение микро- и макроареалов).

Основные недостатки многих славистических лексикологических и семасиологических работ, вызванные наличием белых пятен на диалектной карте современного славянского мира, в полной мере присущи и этой книге.

* * *

Географическая терминология по сути дела является частью словарного состава языка или диалекта и потому сам характер, сама суть семантических процессов, происходящих в ее пределах, не отличается принципиально от семантических процессов в других терминологических (геогр. лексических) сферах языка.

По своему характеру эта терминология почти сплошь номинативна: на долю ее приходится более 90% существительных, немного прилагательных и ничтожное число глаголов. Она отражает объекты (предметы, а в незначительной степени и явления) внешнего мира, — конкретной географической среды, ландшафта. Однако ее зависимость от внешнего мира не оказывается прямой — непосредственной и механической. Даже в пределах полесского континуума диалектов, не говоря уже об общеславянском диалектном континууме, лингвистическая сегментация внеязыковой действительности — различна. Различна степень детализации экстралингвистических фактов и даже принципы их отбора системой знаков-терминов. Примером подобной различной сегментации может послужить поле 'дерево' ↔ 'лес', рассмотренное нами на полесском материале во второй статье, посвященной проблемам сравнительно-типологического изучения славянской лексики²⁴. В этой статье, так же как и в предшествующей

наряду с попыткой обосновать целесообразность изучения лексики методом семантических полей, предлагалось некоторое упорядочение терминологии (*лексема, семема, семантический дифференциальный признак, амплитуда колебания лексемы* и т. п.) и излагался способ конфронтации материала. Эта терминология используется и в настоящей книге, хотя в некоторых случаях по мотивам скорее стилистическим, чем принципиальным, наряду, например, с термином *семема*, применяется в качестве его синонима и более расплывчатая дефиниция — *значение* и т. д. и т. п. К сожалению, в книге не оказался примененный метод изучения лексики по конкретным семантическим полям по той причине, что большинство славянских диалектных словарей и других лексикографических источников лишено необходимой для этих целей полноты материала, что приводило к слишком большому числу «белых пятен» и делало невозможным установление коррелятивных связей слов-терминов внутри конкретного микрополя. Тем не менее, не доводя задачи построения семантических полей до формальной реализации (определение границ, графическое изображение сетки-модели и т. п.), автор учитывал их наличие и пользовался рабочим понятием *амплитуда колебания лексемы*, не говоря уже о понятиях *семантическая цепь, семантическое звено*, являющихся неотъемлемым компонентом поля.

Оставляя рассмотрение теоретических вопросов семантики для другого исследования, остановимся лишь на одном терминологическом вопросе, имеющем и более широкое, принципиальное значение.

При рассуждениях о соотношении объектов (предметов) реальной действительности, в данном случае географических объектов, и языковой системы знаков, в данном случае географических терминов, следует учитывать, что одному и тому же объекту могут соответствовать два разных термина-денотатора, например «болоту» может соответствовать *болото* и *сеножать*, в зависимости от того, характеризуется оно как чисто географический объект 'топкое, влажное место', или как объект хозяйственно-аграрноэкономический 'место, где можно косить траву', а разным объектам, например «болотистому лугу», «низинному лугу» и «высокогорному пастбищу» может соответствовать один термин-денотатор, например черногоorsk. *панийна* 'луг, пастбище' (см. стр. 84), независимо от его положения

²⁴ См.: Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава, I. — ВЯ, 1963, № 1; II. — ВЯ, 1966, № 5.

по отношению к уровню моря (ср. полесск. *побльн* и карпатск. *полонина*; см. стр. 77—79). В тех случаях, когда подобное свойство объекта выражается отдельным термином, отдельной лексемой²⁵, мы можем считать его признаком семемы.

В связи с этим нами используется следующая система знаков: ‘. . . .’ (одинарные кавычки) — для обозначения семемы, “. . . .” (лапки) — для обозначения семантического признака, т. е. релевантного, но не основного, дополнительного компонента значения, «. . . .» (кавычки-елочки) — для обозначения свойства географического объекта (реалемы), независимо от того, отражено это свойство семемой (геср. признаком семемы) или нет²⁶.

Механизм семантических преобразований базируется не только на перестройке коррелятивных отношений внутри семантического поля (геср. микрополя), т. е. на внутрilingвистических процессах, но и на процессах экстралингвистических, что хорошо известно. Применительно к интересующей нас географической терминологии изменение внешней среды не сразу ведет к изменению смысла, семантики географического термина, но затем новое свойство объекта может стать признаком, т. е. компонентом значения (семемы). Ср. переход болотного термина *príst* ‘течение воды на болоте’, ‘чистая от зарослей и водорослей полоса, путь для лодки на болоте’ → *príst* ‘глубокое место в реке’ (см. стр. 211) и т. д. и т. п. Таким образом, свойство референта нельзя отождествлять и смешивать со смысловым показателем денотатора. Другими словами, «значение» знака не то же самое, что его «предметная соотнесенность»²⁷.

К сожалению, многочисленные славянские лексикографические труды и словари (особенно диалектные) часто очень неточны и невнимательны в этом отношении. Свойства реалем — географических объектов, притом нередко свойства нерелевантные, факультативные, а иногда и просто случайные, кажущиеся, очень часто вносятся

²⁵ См.: Н. И. Толстой. Из опытов. . . , I. Правило IV, стр. 37.

²⁶ Подробнее см.: Н. И. Толстой. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии. «Славянское языкознание». М., 1968.

²⁷ См.: А. В. Исаченко. О грамматическом значении. — ВЯ, 1961, № 1, стр. 32.

в толкование слова, в определение его значения (семемы). В качестве примера можно привести одно такое толкование из Варшавского словаря: *grondy* ‘старый, хвойный, редко растущий лес, где осенью водятся серны и где их можно издали заметить’ (SW). Ясно, что вторая половина толкования не относится к значению термина, к его семеме.

В работе над настоящим исследованием нам пришлось не раз встречаться с подобными случайными дефинициями географических терминов. Их можно будет в значительном количестве встретить и в нашей книге. Автор нигде не брал на себя смелости редактировать, значительно редуцировать, или как-либо подправлять текст толкования слов, данный в источниках. Естественно, что и толкования, услышанные из уст информаторов и приводимые нами в примерах, грешат отмеченным недостатком²⁸.

Следует, наконец, объяснить еще один технический момент: знаком * (звездочка) отмечены реконструируемые праславянские формы, а знаком + (плюс) — формы, свойственные не какому-либо конкретному языку, а «наддиалектному» обозначению при сравнительных исследованиях родственных языков и диалектов для того, чтобы не повторять каждый раз фонетических корреспонденций и вариантов диалектных лексем. Формы с плюсом как правило образованы по праславянской модели, т. е. в случаях, если такое слово существовало в праславянском языке, совпадают с формой под звездочкой.

²⁸ Нами также нигде не изменялась и не унифицировалась транскрипция, а иногда и просто орфография лексем, взятых из разных чужих печатных и рукописных источников.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОРА — ЛЕС

бор

Известное в белорусском Полесье почти повсеместно слово ⁺*borъ* употребляется как топографический термин с достаточно широкой междиалектной семантической амплитудой колебания¹. И хотя в отдельных говорах, т. е. в каждой конкретной семантической системе, слово ⁺*borъ* в зависимости от коррелирующих с ним слов приобретает различные значения, тем не менее для всего Полесья можно выделить инвариант значения, который будет выражен как 'небольшая возвышенность с супесчаной (реже песчаной) почвой, обычно поросшая лесом, чаще всего сосновым'². Такое толкование несколько от-

¹ Число пунктов, где не зафиксировано слово *бор*, в Полесье невелико. В некоторых пунктах лексема ⁺*borъ* выступает лишь в виде топонима. Так, в Голубице мне объяснили, что *Бор* — большой лесной массив на северо-западе от деревни, за Припятью (см. также *Mosz. RW*, 12). В той же Голубице и в некоторых других пунктах зафиксирован омоним **bъrъ* — *бър* 'просо': у нас *прѣсо* называ́ют *бѣром* (Гл.).

² Наше определение, основанное на собственных наблюдениях, отраженных в излагаемом ниже материале, очень близко к определению, предложенному большим знатоком Полесья Ф. Д. Климчуком: «Несколько слов о слове *быр* (русс. *бор*). Прежде всего под этим словом понимается определенный рельеф местности. В речи полешуков явно преобладает такое значение этого слова. Реже в старинных песнях употребляется слово *бор* в смысле 'лес'. Но и в тех случаях, когда говорят о лесе, то он должен произрастать на местности, которую называют *быр* (в других диалектах *б'ир* или *бур*). Для *бора* характерна супесчаная почва, но не совсем песчаная, которая типична для *горы*, а из растений *хвѣя* и *вѣрес*» (ответы на «Программу для собирания

леса» от используемого в лингвистической литературе для всего Полесья определения К. Мошинского, согласно которому «в среднем и южном Полесье *бор* означает исключительно 'сосновый лес' (Р.); в северном Полесье и вообще в тех частях Белоруссии, где рядом с сосной растет также ель, *бор* значит 'хвойный лес'» (*Mosz. STTF*, 4).

Согласно материалам полесской экспедиции, лексема ⁺*borъ* зафиксирована в следующих значениях: *б'ир*, *бър* 'густой, дремучий смешанный лес, произрастающий на сухом месте' (Рд); *бър* 'небольшая возвышенность, холм, сопка': *ліс* раста́ на *бору́*: *ліс* же раста́ на *бору́*, *ліс* мо́же и на *бору́*, мо́же и не на *бору́*; *борі́я* — *ґорі* такі́е *высо́ке*: *бѣр* — то *ја́к* *ґора́* (Ор.), *бурѣк* 'кочка, холмик': *бурѣк* кол'а *хвојіны* (Ор.); *б'ир* 'бугристые места с супесчаной почвой, поросшие смешанным лесом' противопоставляется слову *поросл'е* 'бугристые места с супесчаной почвой, поросшие почти исключительно сосной' (см. *поросл'я*, стр. 42): на *бора́х* мо́же рості *хвојіна*, *дубі́на*, част'і́чно *берѣ́за*, *ліпа* мо́же *бу́ты* на *бора́х*, *кл'ѣн* *ш'е* мо́же *бу́ты* (Ол.); *б'ир* 'супесчаная почва с мелким смешанным лесом', ср. пояснение информатора на русском языке: Там большого леса нету. Там так будет: *хвѣя* и *берѣ́за* и *вѣрес*. Разный лес... там такая земля, что высокий и толстый лес не растет. Карликовый лес, серый и красный песок. *Вѣрес* — пчелы берут с него мёд и трава такая, какая на лугах не растет; на *бору́* та́м скоты́ну *па́с* (Мл.); *б'ир* 'бугристые места с супесчаной почвой, поросшие смешанным лесом'; пояснение информатора на русском языке: «сопка такая, скажем, вот»; *поґон'у́* скоты́ну на *то́ј* *б'ир*; на *бору́* росте́ *вѣрес*, *ґрибы́* *росту́ц'*, *вѣрес*, *ліс* росте́, *најбі́л'ше* *берѣ́за* (Зб.); *б'ир* 'небольшая возвышенность, поросшая лесом': *б'ир* — та́ка́я *мі́снос'* *высо́ка́я*; на *бору́* росте́ *хвојіна*; *б'ир* *хвојіны* (Лк); *б'ир* 'лесной комплекс, в который входит хороший сосновый лес, произрастающий на возвышенных местах, и

лексики Полесья. Лес и рельеф местности», тетрадь 4. рукопись). Своё определение Ф. Д. Климчук иллюстрирует следующим примером из диалекта дер. Симоновичи: *нычѣ́гыј* *јо́б* *ху́тор*, та́м та́кі́ј *б'ир*, та́ка́ј *боровы́я*, та́м *добра* *скоты́на* не *бу́де*, та и *ны* *роды́тыме* *ны́ц*. Из примера видно, что ⁺*borъ* и ⁺*borovina* в диалекте дер. Симоновичи употребляются как термины, означающие вид рельефа и почвы.

окружающий его смешанный лес, который растет на более низких местах' (Мк); *bír* — пояснение информатора на русском языке: «почва земли лесовой, высокой»; *bír* — высоко, *γрунт* высокие; *bír*, на бору́, де висо́ко (Св.); *bír*, *b'úr* 'сосновый лес', 'бор' (Бч.); *b'úr* 'сосновый лес' (Лп.); *b'br*, уменьш. *borók* 'сосновый лес, лесок' (Гр. Хр. Вл.); *b'br* 'высокое место, где растет сосна (реже береза и дуб)': *ў* *b'br*'е *роўна́ја пло́ш'ад'*, там рас'ц'е дубро́ва, а *ўж* лу́говэ́й тра́вэ там н'ёт; *γáл'исты́й b'br* 'высокое место, не поросшее лесом' (Дк); ср. *дубро́ва*; *b'br* 'высокое место, на котором растет сосна, береза, верес, ягоды': на бору́ рас'т'е хвóйн'ик; л'áдо — боро́во́е ме́сто; *ледо́ваты́й л'ес* 'большой лес, хвойник желтоватый, у которого мало коры и много древесины' (Зм.); ср. также *поросл'á* (Зм.); *b'br* 'смешанный лес, чернолесье': *b'br* — там чернол'есье и верес и т'и́пец там *јóс*'; *b'br* — там разм'ешана: и дуп, и ал'ха́, и асы́на, фс'áки́е л'еса́, см'ес расц'е́; *b'br* на падóл'е, в б'иш'ем — падóл, на падóл'е) (Ш.); *b'br* 'возвышенность, высокое место, обычно супесчаное, поросшее лесом' (Зс.); *b'br* 1. 'сухое, высокое, супесчаное место, поросшее лесом (обычно сосной), или чистое': *b'br* — то́ пло́ш'ад' д'е бо́уáто хвóји; 2. 'колодная пасека в лесу': *м'у'ј* *b'br* пумнахáл, а *и́нш* н'е пумнахáл; *боро́во́ј л'ес* 'сосновый лес': боро́во́ј л'ес — д'е сосна́ жив'е́ (Кч.); *b'br* или *поросл'á* 'сосновый лес, не смешанный': руб'и́у л'ес на бору́, на порос'л'е́ (Гц); *b'br* 'смешанный лес на ровном месте средней высоты'; *барóк* 'маленький лесок вообще'; *боро́во́ј л'ес* 'смешанный лес' (некоторым информантам лексема *bor* вообще неизвестна) (Бд.); *b'br* 'сосновый старый лес' (информаторы сообщают, что только знают такое значение, но в их местности боров нет) (Кн.).

В некоторых населенных пунктах Подесья, например в Спорове и Здитове, лексема *bor* неизвестна, в некоторых — она известна как топоним, например в Боровом. В общем, такие случаи нечасты.

Из опубликованного материала с точным указанием населенных пунктов можно привести еще данные Л. Оссовского: *bor*, *ládo* 'сосновый лес на сухой почве'. Им противопоставляется *les* 'лиственный лес на сухой почве' (Бережце, Стахов, Кожангородок Лунинацк. р-н Oss. РТТ).

Изложенный материал в сильной степени изменяет наше старое представление о значении слова **borъ* в Подесье, которое на основании прежних наблюдений своди-

лось к семеме 'сосновый лес', или в лучшем случае, 'сосновый лес на сухой почве'. Такое, действительно широко распространенное значение считалось основным и почти единственным для всего западно- и восточнославянского ареала, а для южнославянского ареала было до недавнего времени известно лишь значение 'сосна'. Славянские литературные языки довольно последовательно отражают это положение: польск. *bór* 'сосновый лес, лес из смолистых и хвойных деревьев', 'густой, темный лес' (SW, Nitsche GTP); чеш. *bor* 'сосновый лес' (PSJČ SSJČ); словац. *bor* (и *bôr*) 1. 'сосна', 2. 'хвойный лес' (SSJ), н.-луж. *bor* 1. 'сосна', 2. 'бор, сосняк' (Muka SDRS); в.-луж. *bor* 'сосновый лес' (Jak. HSNS); русск. *бор* 'крупный сосновый и еловый лес на возвышенном месте' (СРЯ), 'большой сосновый и еловый лес, растущий на сухом возвышенном месте' (ССРЛЯ); б.-рус. *бор* 'бор' (БРС); укр. *bip* 'бор, красный лес' (УРС); болг. *бор* 'сосна' (РСБКЕ, БТР), с.-хорв. *bor* 'сосна' (Вук СР), словен. *bor* 'сосна' (Plet. SNS).

Западно- и восточнославянский диалектный материал дает большой набор семем для лексемы **borъ*. Его можно почерпнуть прежде всего из недавно более детально обследованных диалектных зон, каковыми являются в первую очередь зоны центральных польских ленчицких и малопольских келецких говоров, зоны польских и украинских Карпат, великорусской Псковской земли. Последние связаны целым рядом изоглосс с Подесьем.

Особый эффект достигается при сборе топографической лексики со специальным вопросом. По такой программе М. Каминская собрала ценный материал в Ленчицкой зоне (район Лодзи) (Кам. STŁ, 211), где на сравнительно небольшой территории для лексемы *bor* ею были зафиксированы следующие значения: 'лес' (Годзянов, повета Скерневице), 'хвойный лес' (Дубе пов. Ласк и Бжежно пов. Серадзь), 'большой лес с подлеском' (Милеев пов. Пётрков и Шлондковице пов. Ласк), 'старый лес' (Желенчице пов. Ласк). В тех же Шлондковицах *borovina* значит 'торфяник, торфяная почва' (о дериватах от **borъ* с суфф. *-ina* см. ниже).

Район Келецкого воеводства (центрально-малопольская зона), расположенный юго-восточнее Лодзинского (Ленчицкая зона), обследован К. Дейной. В третьем выпуске

его атласа³ имеется карта № 387, фиксирующая следующие значения лексемы *bor*: 'лес вообще', 'часть леса', 'лиственный лес', 'хвойный лес', топоним. Почти во всей северной половине центрально-малопольской (Келецкой) зоны отмечено значение 'лес вообще' (при этом в ряде пунктов лексема *las* употребляется как синоним лексемы *bór*; см. карты № 385, 386), южная часть этой зоны,ходящая почти до Кракова, не знает лексемы *bór*⁴, значение 'хвойный лес' отмечено лишь в трех пунктах (к сев.-вост. от Келец и к сев. от Жешова), 'лиственный лес' в одном пункте (южнее Сандомира), а 'часть леса' в трех пунктах (два — западнее Сандомира, третий — Вуйка, Бусск. повята). В говоре с. Доманевек (Ленчицк. повята)⁵ *bur* (уменьш. *borek*) значит 'лес, прежде всего сосновый', а в южновеликопольском говоре с. Лопенно⁶ *bógr* выступает обычно в значении 'лес вообще', наряду с редко употребительным синонимом *las*. В Куявах лексема *las* неизвестна вовсе, вместо нее выступает лексема *bor* (уменьш. *borek*), реже *gaj* (Карл. SGP, по Кольбергу) (ср. положение в Ленчицкой зоне и в северной части среднмалопольской зоны). На кашубской территории Ф. Лоренц отмечает для *b^oor* значение 'лес, преимущественно сосновый', наряду с *las* 'лес, лиственный лес' (Log. PW).

Однако новое сплошное исследование кашубской территории для лингвистического атласа (АЖК) дает более точную и любопытную картину: «на всей территории АЖК *bór* означает 'лес', также 'лес хвойный, сосновый'. В пунктах 124, 136, 137, 138, 185, 193 *bór* выступает в качестве единственного обозначения леса; слово *las* здесь не зафиксировано. Во многих пунктах *bór* выступает как исконное слово, а *las* новое» (АЖК I, 133). Помимо приведенного значения, АЖК отметил в двух случаях (АЖК I, карта № 48, пункты 22 и 32) для лексемы

³ См.: К. Dejna. Atlas gwarowy województwa Kieleckiego, zesz. 3. Łódź, 1964.

⁴ Юго-западнее Кракова в пункте Фацимех лексема *bór* также неизвестна (Кус. PSTWM, 32). Возможно, что то же положение характерно для всей Краковской зоны.

⁵ M. Szymczak. Słownik gwary Domaniówka w powiecie Łęczyckim, cz. I. W.—W.—K., 1962.

⁶ См.: А. Томашевский. Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce. Kraków, 1930, стр. 108, 144.

bór семемы 'мокрое поле' (ср. ниже юж.-польск. *bór* 'болото') и 'вереск', 'бросовая необработанная земля' (ср. псковск. *бор* 'вереск', стр. 32), выступающие, правда, уже как названия урочищ (ср. аналогичное положение в юж.-в.-рус. Тульской зоне, стр. 32).

Окраинные юго-западные и южные районы польского диалектного континуума — Силезия, южная Малопольша, Орава, Погорье и Подгалье, дают интересные значения лексемы *bór*. По свидетельству К. Нитча⁷, силезск. *bur* (род. п. *boru*) означает 'кусты, заросли'; в Ораве *bór* (уменьш. *borek*) — 'болото' (Goł. TNO), несколько западнее в пункте Верхняя Сидина *bór* — 'заливной луг, где косятся трава раз в году' (Кус. PSTWM, 32) и еще западнее — в Западных Бескидах *bór* (уменьш. *borek*) нигде не означает 'лес' (Карл. SGP), а 'торфяник, торфяное болото, болото' (Карл. SGP)⁸. Это же значение распространено в Подгалье в районе Татр (Карл. SGP, по Вжесневскому и по Церхому). Севернее этой зоны в пункте Венчурка *bór* известно в значении 'вереск' (Кус. PSTWM, 32), где в том же значении выступает и лексема *b^orovačina*.

Таково в основном положение в польских диалектах. Материал по другим западнославянским диалектам более скудный: вероятно, в них значение интересующей нас лексемы в общем приближается к значению, зафиксированному в соответствующих литературных языках. Лексема *bor*, как уже отмечалось выше, в лужицких, чешском и словацком языках известна в двух значениях: 1. 'сосновый (или хвойный) лес'; 2. 'сосна'. Оба значения отмечаются в нижнелужицком и словацком. Для диа-

⁷ См.: K. Nitsch. Dialekty polskie Śląska, cz. I. Kraków, 1939, стр. 189.

⁸ З. Штибер отмечает в Подгалье для лексемы *bór* (уменьш. *borek*) также значение 'болото', *b^orek* 'заливной лужок, полянка' (Stieber NMG, A 219, 220). Однако он еще утверждает, что в Подгалье и Погорье лексемой *bór* означали и сосновые леса, ныне почти истребленные. Рассуждения З. Штибера не дают ясной картины, так как в них скорее преобладает элемент этимологизирования, чем констатация современного положения. М. Малэцкий в монографии о говорах Подгалье отмечает значение 'сырая торфяная почва' лексемы *bur* как «типично подгальянского» и фиксирует его в пунктах X: буква и Сидина (ср. Кус. PSTWM, 32), а в пунктах Яхувка, Тшебуня, Стружа, Вербанова и Бышна отмечает отсутствие лексемы *bur*, указывая тем самым, что лексема встречается не повсеместно. См.: M. Małeckie. Archaizm podhalański. Kraków, 1928, стр. 42.

лекта Мошовце (бывш. Жупы Турчанского Св. Мартина) Калалы отмечают помимо 'сосны' значение 'низкий сосновый кустарник на склонах' (здесь синонимом *bor* выступает *kosodrevina*) (Kál. SSLN). В моравской диалектной зоне *bor* означает 'сосну' (Bart. DSM, Mal. SNM⁹), а в восточной части моравско-силезской зоны, вероятно, 'сосновый лес', если судить по уменьшительной форме *borek* 'сосновый лесок' (Kell. VLN II, 133). 'Сосна' в литер. чешском *borovice*, в литер. словацком *borovica* и *bôr*.

Bor 'сосна, основное дерево' — в значении, характерном для огромного большинства южнославянских и перечисленных выше западнославянских диалектов на восточнославянской диалектной территории, известно только в Закарпатье. *Bor* 'сосна' отмечено в пунктах Луг, Пересница, Терново (Гриц. СЗО), Розтоки (карт. КДА); однако известно и *bîr* 'темный густой лес, чаще всего хвойный' — Квасы, Закарп. обл. (карт. КДА). Во всей остальной восточнославянской зоне Карпат и прилегающих районов — в бойковских¹⁰, надднестрянских, гуцульских, покутских и буковинских говорах (Львовск., Иван-Франковск. и Черновицк. обл.), согласно данным картолки Карпатского диалектного атласа, лексема *bîr* встречается редко. Из числа девяноста обследованных пунктов она зафиксирована только в восьми, притом и эти восемь пунктов относятся не к какой-либо компактной территории, а разбросаны иногда на довольно значительном расстоянии друг от друга. Таким образом, в принципе, Прикарпатье и прилегающие районы можно считать довольно обширной зоной (вероятно, продолжающейся на северо-запад до Кракова), где лексема ⁺*borъ* (*bîr*) отсутствует. В тех восьми пунктах, где лексема ⁺*borъ* известна, она зафиксирована в следующих значениях: *bîr* 'маленький молодой лесок' (с. Черхава, Самборск. р-н, Львовск. обл. карт. КДА); *bîr* 'болотистое место, торфяник' (с. Лопьянка, Ив.-Франк. обл. карт. КДА; ср. ма-

⁹ В славковско-бучовицком диалекте (20 км на запад от Брно) А. Грегор отметил лишь *boří sr. p.* 'сосновый лесок' (Грег. SNSB).

¹⁰ Я. Рудницкий отмечает у бойков два значения: *bîr*, *bôru* 1. 'сосновый лес', 2. 'болотистые заросли, кустарник на болоте' (Рудн. ГНБ, 18). С. Грабец у гуцулов лексему ⁺*borъ* не зафиксировал (Граб. NGH).

териал польск. карпатск. диалектов и Я. Рудницкого в сноске 10); *bîr* 'смешанный лес' (с. Лолин и с. Липовиця Ив.-Франк. обл. карт. КДА), *bâr* 'сосновый или еловый лес' (с. Вышквив, Ив.-Франк. обл. карт. КДА), *bôr* 'лес вообще (и хвойный и лиственный)' (с. Яблуниця и с. Довгопиля, Ив.-Франк. обл. карт. КДА), *bîr* 'черный, густой смешанный лес' (как видно из примера, вероятно, преимущественно хвойный. — Н. Т., с. Грабивка, Ив.-Франк. обл.).

Материал по другим украинским диалектам почти не дает свидетельств о распространении и значении лексемы *bîr* (*bor*). Б. Д. Григченко отмечает то же значение, что и современные словари литер. языка — 'сосновый лес, бор' (Григч. СУМ)¹¹. Столь же скуден и опубликованный материал по белорусским диалектам, где, надо полагать, *bor* в основном означает, как и в центральном Полесье, 'сосновый лес на песках, на песчаных возвышенностях'¹². Такое значение для восточной Могилевщины отмечает И. К. Белькевич в своем словаре (Бяльк. ДСЎБ).

Лексика великорусских говоров изучена также довольно неравномерно. Тем не менее в отношении термина *bor* мы располагаем довольно обильным материалом, который при некотором сокращении можно представить следующим образом.

Брянская зона: *bor* 'сосновый лес': сад'ймс'а над бôrъм дѣ ч'арн'йку брал'и || на jôm раст'от сасбн'ик, в'ер'ьск, бу'ун, чарн'йшн'ьк — э'тта бôr (с. Журинич, Брянск. р-н); ягады на бару, уд'е ягады барут — бôr (с. Новотроицкое, Клетнянск. р-н, БОС). Тверская (Калининская) зона: *bor* 1. 'строевой сосновый лес', 2. «сосняк, пещаная месь»: сосновыи лядины на горах у нас бôrъм называються, пь йаму травá вёр'ьс раст'от (Копорский 1946)¹³; «*bor*

¹¹ Можно предположить, что остальные украинские (не прикарпатские) диалекты дали бы ряд интересных и «неожиданных» значений лексеме *bîr*, если сравнить материал Украинского диалектного атласа по лексеме *gay* и материал Т. А. Марусенко по украинской географической терминологии (Мар. МСУГА).

¹² В результате работы над Общеславянским лингвистическим атласом (ОЛА) собран некоторый новый материал на белорусской территории.

¹³ Для опубликованных великорусских диалектных материалов принята система сокращений, введенная Ф. П. Фидиным (см.: «Словарь русских народных говоров», вып. I, М., 1965). Сок-

есть сухая холмистая местность, покрытая строевым лесом, в котором растет только можжевельник и мох с некоторыми другими растениями...» (Преображенский 1860); бор 'хвойный, преимущественно сосновый лес' (Кашин. Смирнов 1901). Владимирская зона: бор 'сосновый, строевой лес' (Меленк. Добрынкин 1875); Вятская зона: бор 'сосновый лес' (Слобод. Шишкин 1881, Мусерская 1898); бор 'высокое лесистое место, покрытое сосною и елью' (Слобод. Тиховидов 1848); Пермская зона: бор 'сосновый лес частого насаждения' (Пономарев 1861); Вологодская зона: бор 'место сухопесчаное, где растет сосняк и то жаровой' (Верховажье, Шайтанов 1849, Дилакторский 1902); Архангельская зона: бор 'хвойный лес, растущий на высоко холме' (Холмог. Грандиловский 1907); 'крупный сосновый или еловый лес на возвышенной сухой местности', 'всякая возвышенность, холм, гора, поросшие лесом' (Подвысоцкий 1885); бор (синонимы: бортина, бортинка) 'бор, сухой сосновый лес' (Сев.-Двин. Романов 1928); бор 'заросли стелящегося березового кустарника на возвышенности среди тундры' (Нижнее течение Печоры, Усть-Цильма. Ивашко 1951, 1956); борá мн. (или борь) 'песчаные лесистые холмы' (Нохча, Кемеровск. Александров 1910); Уральская зона: бор 'сосновый лес, даже если он перемешан с березой' (Челябинск. Шмурло 1914); Сибирская зона: бор и дуброва 'большой лес' (Сев.-вост. Сибирь. Шаховской 1822); бор 'сосновый лес' (слово лес в говоре означает срубленные деревья — Павловское, Барнаул, Молчанова 1929); бор 'сосновый лес или даже сосновые леса, потому что какое бы они пространство ни занимали все будет составлять один бор' (Томск. Потанин 1863); бор 1. 'всякий густой лес не только хвойный': всякий лес там в бору: осинник, березник, сосняк Туг. Барн.; в бору всякий — разный лес Кем. Юрг. Чах. 2. 'возвышенное место': бор мы называем высоко место || мы на бору живем || низко место — пойма В.-Кет. М. Яр. (сокращ. см. в ССО).

Наконец, изложим материал Псковской и прилегающей к ней Новгородской зоны. Некоторое выделение псковского материала вызвано в данном случае не столько языковыми особенностями этой великорусской диалектной

ращения, предложенные Ф. П. Филиным, приняты и для рукописных источников, включенных в его словарь (см. стр. 99—160).

области, сколько тем фактом, что она, благодаря инициативе покойного проф. Б. А. Ларина, в лексическом отношении изучена лучше всех других русских областей¹⁴.

Псковская зона: бор 'хвойный лес' (Гор. Мардохи; Остр. Коношино, Свеклино; Н.-Рук. Кабалсы, Вёска, Кайаны; В.-Лук. Залучье; Ашовск. Плёссы; Пор. Мещоки; Пм. Которен; Себ. Опросово; Палк. Романово; Лед. Лосицы, Васильевщина); бор 'сосновый лес' (Гор. Мещоки; Бел. Дроздово; Остр. Машново; Кр. Лямоны; Печ. Киришино, Остров, Ручей; Красног. Перлица; Гд. Кюровщина; Опоч. Зехново); бор 'большой лес' (Остр. Кахново); бор 'смешанный лес' (Себ. Борисенки; Остр. Жавры); 'лес вообще' (Нев. Прудиче).

Следует отметить, однако, что часто определение семеме, выраженной лексемой бор, как относящейся исключительно к сфере растительности без связи с рельефом (почвой), вызвано в основном лексикографической традицией и желанием собирателей как можно короче и адекватнее толковать диалектное слово. Этот недостаток, свойственный многим диалектным словарям и им подобным источникам, в Псковском областном словаре компенсируется обилием примеров, в которых часто даются толкования самих информаторов и значение лексемы бор тем самым раскрывается достаточно полно: бор м'эста гдэ вѣрес раст'от и сасна, ат сасни н'идал'икó растаја-н'ије кан'эшна н'е балот'ина (писбк) горы там. Гверстонь; бор јѣта сósны раст'ут, а баравина сугрбóм, такóј горкој Кр. Гор. Синеникола; бор мóжет б'йт' ўс'ак'иј хвóјныј ил'и л'йств'енныј Нев. Прудиче; бор там и б'ер'бза, там и сósна, там фс'б Кр. Зубавы; бор тóжы јѣс' — л'ѣс | ѣта на сух'им м'астам раст'ут Гд. Кюровщина. В приведенных примерах-толкованиях дифференциальный признак (ДП) растительности выдвигается на первый план, дифференциальный признак рельефа, если он отмечается, остается на втором плане. Но возможно и обратное положение, когда дифференциальный признак рельефа вы-

¹⁴ Излагаемый ниже материал почерпнут из богатейшей картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС), хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина на Филологическом факультете Ленинградского университета. Сокращения названий районов не расшифровываются, а сохраняются в том виде, в каком они даются в первом томе ПОС — вып. I. А. — Бибишка. Л. 1967, стр. 27—41.

стует как более релевантный: п'асок ета бор | на барав'ин'е бол'ше сосна раст'от. Панк. Парфеево. Бором может называться и возвышенная песчаная почва, не покрытая лесом: пр'им'ерна рош нал'ила галер' па барам, спет' буд'ит В. Луки. Паньково (ср. аналогичное положение в Полесье).

Для псковской диалектной зоны характерно также специфическое значение лексемы *бор* 'вереск, *Calluna vulgaris*', неизвестное другим славянским диалектам: *бор* 'вереск' (Стр. Вольный Дубик; Гд. Лужок, Мошки, Лединки, Кюровщина; Ляд. Лосицы, Тужицино; Пск. Кузнецов 1912—1914): в'ерес бором стар'ик'и называли (Вольный Дубик); в'ер'ес это д'ер'ево, а он насто'яшше бор | бор это в'ер'ес | карбвы жед'ат (Тужицино); бор раст'от в л'асу окала сасны | с'ир'ен'евы, м'ел'ин'к'и цв'аточки | в август'и буд'и бор цв'ест' | с н'иво ноб'ат пч'облы м'от (Гд. Перегребье); у нас жд'ут кала бор за цв'ат'от, а бор цв'ес'т на буд'и¹⁵ (Гд. Лужок).

Новгородская зона: *бор* 'песчаное место' (Трусман 1897), *бор* 'густой, высокий лиственный лес на возвышенном сухом месте' (б. Тестовск. вол. Новг. Новг. Соловьев 1904. Второе Доп. 1905—1921); *бор* 'песчаное место, покрытое густым лесом или кустарником, а иногда и без леса' (Тихв. Доп. Оп. 1858); *бор* 'вереск' (Д. Аверкиев. Вечу не быть. т. 2. изд. 1898, стр. 482 по карт. СРНГ).

В некоторых южновеликорусских зонах, например в Тульской области сосновые леса либо отсутствуют (и отсутствовали), либо исчезли. Приведем чрезвычайно любопытное свидетельство почвовода проф. Ф. П. Саваренского, изучавшего народные географические названия быв. Тульской губернии: «другим неоспоримым названием является название урочища *Бор* в болотистой низине левого берега р. Дона в Елифанском уезде. Этим

¹⁵ Возможно, что выражение «бор цветет» относилось первоначально не только к вереску, а ко всему бору в целом (по типу «сад цветет»). Переход названия с бора на вереск показывает, сколь релевантен для характеристики псковского бора этот вид растения. (О подобных переходах см. ниже, стр. 158.) На Псковщине синонимом *бор* 'вереск' выступает также *багно*: бор этъ травá такаъ | яку и бьгном завут' | ат ак'и | ишп' г'лава бывайт бал'ит (Палк. Марково). И. Д. Кузнецов отмечает для лексемы *бор* еще значение 'плаун, *Lycopodium*' (Пск. Кузнецов 1912—1914).

названием крестьяне отмечают более сухие, местами песчаные участки среди болота»¹⁶ (ср. полесский, псковский, новгородский, кашубский и южнопольский материал).

В южнославянских диалектах слово *+borъ* достаточно семантически устойчиво: почти повсеместно оно означает 'сосну, *Pinus silvestris*': болг. *бор*, с.-хорв. *бдр*, словен. *bdr*. В некоторых диалектах лексема выступает с суффиксальным элементом: болг. родопск. *борика* (БД II, 131), серб. *бдрика* (Вук СР, РСХКНЈ).

Однако в Черногории (в так называемой «Старой Черной Горе») зафиксировано еще одно специфическое, вероятно, реликтовое, но чрезвычайно важное для реконструкции древней «внутренней формы» термина *+borъ* и его семантических связей значение — *бор* 'углубление в карсте вроде пропасти (*jame*), но более широкое и менее глубокое, так, что видно его дно' (РСХКНЈ)¹⁷. В той же диалектной области в том же значении употребляются *ббрина* (с. Трешнево) и увелич. *бдрчина* (Старая Черная Гора, РСХКНЈ). Таким образом, здесь *бдр*, *ббрина*, *бдрчина* выступают как термины рельефа¹⁸.

Вост.-слав. диал. *бор* 'возвышенное место' соотносится с зап.-слав. диал. *bor* 'низменное, болотистое место' и юж.-слав. диал. *бдр* 'глубокая яма в карстовых горах', подобно тому, как вост.-слав. диал. *верх* 'овраг' и юж.-слав. диал. (Попово) *врх* 'седловина, перевал' соотносится с *верх*, *врх* 'вершина' (см. об этом ниже стр. 98, 99).

Таковы значения лексемы *+borъ* в славянских литературных языках и диалектах. Зафиксированные в них дериваты от *+borъ* — многочисленны, а их семантика, естественно, еще более разнообразна. Не все дериваты в равной степени интересны для семантического анализа рас-

¹⁶ См.: Ф. П. Саваренский. О географических названиях Тульской губернии в связи с почвенными данными. Избранные сочинения. М.—Л., 1950, стр. 27.

¹⁷ Это толкование дано в РСХКНЈ вслед за Й. Эрделяновичем, который предложил следующее определение: «*бдр* је, кажу, урвина, којој се види дно» (см.: Ј. Ерделянович. Стара Црна Гора.—СФЗб, XXXIX, 1926, стр. 500). М. Пешикан в 1951 г. отметил в с. Трешнево (Цетинский срез) то же значение и записал пример: Упала му коза у један бор — ни враг јој кости неће отоле изнијет (РСХКНЈ).

¹⁸ Этот термин отсутствует в монографии И. Шютца (Schütz GTSK).

смаатриваемого слова и поэтому они будут описаны с разной полнотой.

В белорусском Полесье из существительных нами зафиксированы лишь уменьш. *бурбѣк* 'кочка, холмик' (Ор.) и *боровѣна* 'трава, мелкая растительность на бору' (Бч. Лп.). Во многих пунктах *бор* отмечался без каких-либо дериватов в том числе и уменьшительных. Исключение составляло прилагательное *боровѣј* 'относящийся к бору', известное почти повсеместно.

Из материала по остальным славянским диалектам отметим следующие основные дериваты:

¹⁹ *bořina*: *борина* 'отмель на реке' (Новгородск. Сычево, Колосов 1877. — примеры переноса терминов наземного рельефа на подводный довольно многочисленны, суфф. *-ина* выражает здесь единичность, отдельность); *борина* 'бор, хвойный лес' (Псковск. Мартюхи Тор., Ветды Холм., Подберезье Локн. карт. Пис) — синоним к *бор*, но, вероятно, с оттенком значения единичности, отдельности по типу *болото* — *болотина* и т. д.; сюда же следует отнести и *боринка* 'группа однородных деревьев' (Псковск. Копаневич 1904—1918); б.-рус. *борѣна* 1. 'боровая сосна': Борину зрубив, 2. 'боровой лес, срубленный': Хату построив всю из борины (Нос. СБН). — материал И. И. Носовича в основном из восточной Белоруссии, главным образом Могилевщины; можно предположить, что *борина* означает прежде всего, а может быть и исключительно 'сосновую древесину', 'сосну как материал', что видно хотя бы из приведенных примеров, и соответствует по значению центральнополесскому *смолина* (Сп. Бч.) и южнославянскому, сербскому *бдровина* 'сосновая древесина, материал'¹⁹.

К этому значению близко болг. *ббрина*, с.-хорв. *бдрина*, макед. *борина* 'лучина' (БТР, РСХКНЈ, РМЈ) и с.-хорв., макед. и болг. диал. *бдрна* (Вране, РСХКНЈ), *бдрна* (Малешево, Неврокоп, Горно Поле, Родопы)²⁰.

¹⁹ О разных значениях суфф. *-ина*, выступающего в названиях деревьев и леса одной породы деревьев, см.: Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава П. — ВЯ, 1966, № 5.

²⁰ См.: Ј. Павловић. Малешево и Малешевци. Београд, 1928, стр. 101; К. Мирчев. Неврокопският говор. «Годишник на Софийския университет», кн. XXXII, 1. София, 1936, стр. 122; Н. Котова. Словарь говора Горно Поле (рукопись).

В западнославянском ареале, в моравском диалекте *bořina* 'сосновый лес, сосняк' (Bart. DSM). В этой зоне суфф. *-ina* в сочетании с корнями-основами, означающими разные породы деревьев, выражает дополнительный семантический признак «множество деревьев, лес»; ср. моравск. *bor* 'сосна' (Bart. DSM). То же в словачком языке, где *borina* 'сосновый лес, сосняк' (SSJ, Isač. SRPS, Kál. SSLN), хотя Калалы фиксируют еще одно значение 'торфяная почва' (ср. юж.-польск. *bór* 'торфяное болото', см. стр. 27).

²¹ *bořovina*. Наибольшее разнообразие значений этой лексемы зафиксировано в Псковской зоне, что следует объяснить, в первую очередь, полнотой картотеки ПОС и лишь, вероятно, во вторую очередь, особенностью псковских диалектов. *Боровѣна* (*баравѣна*) 'сухое место, возвышенность среди болота' (Остр. Приезжино); 'возвышенное место, холм, сопка' (Остр. Зехнево, Сланц. Черно, В.-Лук. Букино); 'сухая часть болота' (Стр. Зачеренне); 'возвышенное место в лесу' (Остр. Козлы, Ереминцы, Кахново, Магиново, Красногор. Рогозки, Вл. Пахомово); 'ягодное место в лесу' (Кр.-Гор. Синеникопа); 'хвойный лес на возвышенном месте' (Палк. Марково); 'хвойный лес' (Печор. Моложба, Себеж. Масенково), 'большой лес' (Себеж. Холы); 'небольшой лес, рощица' (Себеж. Припиши, Остр. Свеклино); 'участок бора' (Ляд. Пужидино); 'участок леса' (Себеж. Припиши, Просни); 'чистое место в лесу' (Гд. Глушь); 'возвышенность, заросшая вереском'²¹; 'сухое место в сосновом лесу' (Пск. Пск. Копаневич 1902). В русских старообрядческих диалектах Эстонии (западный берег Чудского озера) *боровѣна* и *буравѣнка* выступают в одном значении: *бъравѣна* — то *сухѣ м'ѣста в л'асу* (СРСП). Для Калининской, Костромской и северной части Горьковской обл. Мураевы отмечают значение 'небольшие островки боров среди других типов лесов'. В Вятской зоне *боровѣна* 'песчаное бесплодное место' (Слободск. и Котельническ. у. Тиховидов 1848, Опыт 1852), а в Архангельской — 1. 'части леса, холмы' (Кемский у. Дуров); 2. 'лесная трава': *боровѣна* — *трава*

²¹ Следует учитывать, что в некоторых случаях различия в значениях или наличие особых оттенков значения можно отнести за счет индивидуального (субъективного) осмысления и толкования информантом одного и того же объекта (референта) или даже за счет индивидуального выражения (различная степень описательности, образности, метафоричности и т. п.).

в бору так зовётся (д. Русома, Лещуконского р-на и д. Погорелец, Мезенского р-на. Сараева и Браже 1949 карт. СРНГ) (ср. центральнопопелескую, минскую и южнославянскую — сербскую зоны). Ко второму значению близко примыкает *боровина* 'лесное сено': сена настáвят в лесу, на болоте, вот и зовут боровина (Архангельск. Пинежск. Кеврола, Матвеев 1961) (ср. названия сена по месту покоса *дуброва*, *груд*, *пожарница* и т. п. стр. 247). В центральных среднеуральских говорах *боровина* и *боровинка* 'возвышенное покрытое лесом место — остров среди болота' (ССУ); вторая лексема *боровинка* выступает также в качестве общего названия для всех лесных съедобных растений, ягод и грибов (ССУ). Это общее название переходит затем во многих славянских диалектах на частные названия — чаще всего отдельных ягод (см. ниже)²².

В белорусском литер. языке *баравіна* известна как синоним лексемы *бор* (БРС). Близко к литературному диалектное витебское *баравінка* 'хвойная рощица близ усадьбы' (Касп. ВКС) при *бор* 'бор' (Касп. ВКС), в червенских же говорах *баравіна* 'вереск с другими травами в хвойном лесу; служит настбищем': Каровы пагналі на баравіну (Шат. КСЧ).

В украинских закарпатских говорах *боровина* 'сосна, *Pinus silvestris*' (Бичків, Грицак СЗО), *боровіна* 'отдельная сосна, одно сосновое дерево' (Розтоки, карт. КДА). Наряду с этими лексемами семема 'сосна' выражается в закарпатских диалектах лексемами *боровиця* (Водиця, Грицак СЗО) и *бор* (Луг, Нересниця, Терново, Грицак СЗО). Таким образом, здесь представлены все дериваты от **borъ*, известные в западно- и южнославянском мире для выражения семемы 'сосна'.

В чешском литер. языке *borovina* (уменьш. *borovinka*) 'сосновый лес' (PSJČ, SSJČ), в словацком литер. помимо этого значения известно еще — 'сосновые ветки' (SSJ). Я. Карлович для слова *borovina* отмечает в польских диалектах следующие значения: 'вид грунта, почвы', 'торфяная почва', 'кусты черники', 'черника' (Карл. SGP); *boročina* 'торфяник, торфяная земля' зафиксирована

в районе Лодзи (Шлондковице, Кам. STŁ). В Моравской диалектной зоне *borovini* ср. р. собирают, означают 'мелкие сосновые ветки' (в том же значении известно и *boráci* (Mal. SNM).

Сербские диалекты за лексемой *бдровина* чаще всего закрепляют семему 'сосновое дерево, материал' (Вук СР, Бак. РСХКJ, РСХКНJ), но известно также и 'сосновый лес' (ср. западнославянский и восточнославянский материал) и 'сосновые ветки' (РСХКНJ) (ср. западнославянский материал). В македонском *боровина* 'сосновое дерево, материал' (PMJ); то же значение известно в словенском (SSS. Plet. SNS).

**brogovinjъka*. Это слово в некоторых славянских диалектах выступает как уменьшительная форма к *боровина* (см. выше), а в некоторых имеет самостоятельное значение. В Псковской зоне *боровинка* 1. 'небольшой сосновый лес', 2. 'ягодное место в лесу', 3. 'пригорок в лесу', 4. 'чистинка, суходолье в лесу', 5. 'небольшое сухое место среди болота' (синоним — *островинка*) (ПОС); в Онежской зоне 'небольшой лес на пригорке' (Калинин 1933, Куликовский 1898, Поляков 1871). На Среднем Урале, как отмечалось выше, эта лексема употребляется для всех лесных съедобных ягод, грибов и т. д. Только для названия ягод она употребляется у южных славян, где чаще всего она означает 'черника': болг. *боровинка* (чаще только мн. *боровинки*) 1. 'черника, *Vaccinium myrtillus* L.' 2. 'голубика, *Vaccinium uliginosum* L.' 3. 'брусника, *Vaccinium vitis idaea* L.' (Ахт. МББР); макед. *боровинка* 'черника'; с.-хорв. *бдровинка* обл. 1. 'черника' (Сербия — Краиште и Власина), 2. 'костеника', 3. 'можжевельная ягода' (Босния и Герцеговина) (РСХКНJ).

В нашу задачу не входит рассматривать все дериваты от лексемы **borъ* — такое рассмотрение заняло бы слишком много места. Отметим поэтому, что наибольшая часть остальных дериватов падает на названия ягод и некоторых других растений, на названия грибов, а в южнославянских и в той части западнославянских языков, где **borъ* (или его дериваты) означают 'сосна, *Pinus silvestris*', на названия различных видов сосновых лесов, древесины или сосновых веток. Последние обычно образуются по общим словообразовательным типам, как и дериваты от других основ, т. е. от других названий деревьев.

²² Об этом явлении см. подробнее: Н. И. Толстой. О лексико-семантических явлениях при корреляции рода и видового ряда в славянских языках (в печати).

Из названий ягод можно отметить еще русск. рязанск. *боровика* 'брусника' (Опыт 1852, Диттель 1898), укр. *боровиця*, *боровниця* 'черника' (Гринч. СУМ), польск. *borówka* 'черника' (Кис. PSTWM, 57), 'брусника' (Zag. SSS, Szysz. SGD), словац. *borievka* 'можжевельник; можжевельная ягода' (SSJ), чеш. *bořvka* 'черника' (PSJC), чеш. диал. — восточноляшск. *bořfke'i* 'черника' иногда 'брусника' (Kell. VLN II, 133), луж. *bórowka*, *bórinkowa* 'черника' (Мука SDSR), болг. *боровки*, *боровница* 'черника', иногда 'брусника' (в разных диалектах различно) (Ахт. МББР), макед. *борун* 'черника' (PMJ), с.-хорв. *бдровица*, *бдровиача* 'черника' (Сим. БР, РСХКНЈ), словен. *borovnica* 'черника' (Plet. SNS, SSS).

Названия грибов с корневой частью *bor-* образуются так же как и названия ягод от основы, распространенной суфф. *-ov* (*borov-*). Однако полные суффиксальные модели у названий грибов иные, так как в них конечными суффиксами выступают суффиксы мужского рода — преимущественно *-ik* и *-nik*.

В русских диалектах *боровик* 1. 'белый гриб, *Boletus edulis* Bull.' (брянск. карт. БОС; псковск. карт. ПОС; новгородск. Егоров 1896, Второе Доп.; уральск. Миртов 1930); 2. 'подосиновик', *Boletus rufus* (московск. Чернышев 1910, кашинск. Смирнов 1897; костромск. Второе Доп.; вологодск. Муромцев 1852; уральск. Миртов 1930); 3. 'рыжик, растущий в бору' (архангельск. Меркурьев 1957); 4. 'гриб, растущий под березами' (вологодск. Шайтанов 1895, енисейск. Кривошапкин 1865). В белорусском литературном *баравік* 'белый гриб'; то же диал. минск. *баравік* (Шат. КСЧ) и могилевск. *бырывік* (Бяльк. ДСУБ). Б. Д. Гринченко в украинской диалектной зоне отмечает для *боровик* четыре значения, из которых первым значится 'белый гриб', а другие относятся к разным растениям. В чешском литературном языке *borovík* '*Boletus aeneus*' а *borovník* '*Boletus aureus*'. В южнославянских языках названия грибов с корнем *bor-* не зафиксированы.

На Урале, по свидетельству А. В. Миртова, *боровік* означает также 'пять снопов, поставленных в суслон' (Миртов 1930), сельскохозяйственный термин, возникший, вероятно, из термина рельефа. На русском Севере в районе Мезени *боровік* 'березовый веник, метла' (Кузмищев 1847)

от бор 'заросли березового кустарника' (Опыт 1852). В той же Архангельской зоне *боровік* 1. 'местность, занимаемая бором, прежде бывшая под бором', 2. 'лес, растущий на борах (отличающийся плотным слоем)' (Грандидевский 1907).

В большинстве южнославянских диалектов *бор* означает 'сосна' и здесь слово входит в такой ряд названий деревьев, как, например, с.-хорв. *дуб*, *храст*, *цер*, *бук*, *јавор* и т. п. В некоторых сербскохорватских и болгарских говорах фиксируется другая словообразовательная модель *бдрика* (Вук СР, РСХКНЈ), *боріка* (БТР, БД II, 131), входящая в ряд, например, с.-хорв. *молика*, или *мурика*, *мура* 'сосна балканская, *Pinus peuce*', *оморика*, *омора* 'ель, *Picea excelsa*', *трепетлыка* 'осина, *Populus tremula*' и т. п. Чеш. *borovice* и словац. *bor*, *boroviča*, *borica* 'сосна' образованы по словообразовательной модели, свойственной многим чешским и словацким названиям растений. С ними сближается словен. *bórovec* 'сосна'.

На южнославянской языковой территории зафиксированы следующие дериваты от **borъ*, означающие 'лес', 'древесину' и т. п.: с.-хорв. *бдрік*, *борјак*, *бордвік*, *бдровина*, *боровник*, *бдровиак*, *бдричје* 'сосновый лес' (РСХКНЈ), *бдровина* 'сосновый материал, сосновая древесина' (Вук СР), *бдровље*, *борје* 'сосны', 'сосновый лес' собир. (РСХКНЈ); болг. *борák* 1. 'сосновый лес', 2. 'сосновый куст, сосенка' (БТР), болг. диал. родопск. *боріче* *борикак*, *борикалак* 'сосновый лес', *борикаш* 'сосенник, молодой густой сосновый лес' (БД II, 131); словен. *bórije* 'сосны, сосновый лес' (Badj. LjG, 262, SSS), *bđrovina* 'сосновая древесина' (Plet. SNS).

В чешской и словацкой зоне отмечается ряд иных дериватов от **borъ*, выражающих значения 'лес', 'лесок', 'древесина', 'ветки деревьев' и т. п. *borčí* 'молодые сосенки, сосенник', *borek* 'сосняк, соснячок', *borovi* 'сосновая поросль, сосновый лес', *borovina*, *borovisko* 'сосновый лес' (PSJC), *borčí* 'сосновые ветки, хворост' (Bart. DSM), *boři* 'сосновый лес, лесок' (Bart. DSM, Greg. SNSB), *boráni* 'сосновые ветки' (Bart. DSM), *bořiči* 'молодой сосновый лес' (Mal. SNM), *boráci*, *borovíni* 'мелкие сосновые ветки' (Mal. SNM), *borina*, *borník* 'сосновый лес' (SSJ), *borovina* 1. 'сосновый лес', 2. 'сосновые ветки' (SSJ), *boričie* 'сосняк' (SSJ).

В тех диалектных зонах, где 'сосна' называется *bor* (или *borovice*, *borika* и т. п.) 'можжевельник' (*Juniperus communis*) часто носит название, производное от того же корня, так как он, вероятно, в народном сознании воспринимается как некая разновидность сосны: болг. *боровица* (Ахт. МББР), с.-хорв. *боровац*, *боровица*, *боровница* (Сим. БР), словац. *borievka*²³ (SSJ), *boroves*, *borovie* (Kál. SSLN).

Чеш. *holoboř* 'чистое место в лесу, полянка' (PSJČ) (ср. польск. *goloborz*, *goloborze* Nitsche GTP, 150) в том же значении²⁴ отражает архаическую для чешской диалектной зоны семантику **borъ* 'лес вообще', 'лес' без признака 'сосновый'.

У южных славян в македонской зоне зафиксировано архаическое, близкое к исходному значение лексемы **borъ* 'возвышенное место' в деривате *борун* 'сухое место на болоте' (PMJ); ср. омоним *борун* 'черника' (PMJ).

Что же касается псковск. *суббор* 'небольшой холм часто с камнями с полей' (Подсосонье. Пушкиногородск. р-н, карт. ПОС), *субборы* 'возвышенные места, не тронутые при пахоте' (Тинен, Славковск. р-н, карт. ПОС), *суббор* 'груда камней, собранная при пахоте' (Копаневич 1902—1904), б.-рус. витебск. *суббор* 'куча собранных камней' (Касп. ВКС), то их следует, вероятно, возвести непосредственно к **bъrati* 'брать, собирать' (> **sq-borъ*), не связывая с архаическим значением **borъ* 'возвышенность, холм', 'песчаный бугор' и т. п.²⁵

Несомненный интерес представляют значения деривата от **borъ* прилагательного **borovъ(jь)*.

²³ В словацкой зоне можжевельник *borievka* имеет тот же набор дериватов, что и сосна (*borovica*) и другие виды деревьев, со значением 'отдельный куст', 'поросль, заросль', 'ветки', 'плоды' и др.

²⁴ П. Нитше приводит также польский диал. термин *borki*, *-bw* 'поле среди леса' (Nitsche GTP, 120).

²⁵ *Субборь*, однако, значит 'место, где растет сплошной толстый и высокий сосновый лес, бор' (Вологодск. Архангельск., Кузмищев 1847, Дилакторский 1902), 'сосняк по сырой почве' (Северо-Двинск. Романов 1928), 'сосново-дубовый лес на деградированных черноземных супесях' (Приднепровье, Мура. СМГТ), 'сосново-еловые леса, более увлажненные и замшелые, чем боры' (Среднее Поволжье, Мурз. СМГТ), 'хвойный лес, переходный тип от бора к тайге' (Мурз. СМГТ).

В тех зонах, где **borъ* означает 'вид почвы при определенном рельефе местности' или 'рельеф местности, небольшое возвышение', **borovъ(jь)* чаще всего значит 'относящийся к определенной почве, определенному рельефу местности' (напр., псковск. *боровѣя земля* 'земля боровая, где бор, она как песок' карт. ПОС); вятское *боровѣстое мѣсто* «подзол земля; одна сосна растёт — объясняли мне в народе» (Зеленин 1903), в зонах, где **borъ* означает 'лес вообще' или 'сосновый лес', *borovъ(jь)* значит 'лесной' (напр., брянск. *баравѣйи каз'ѣли* 'лесные козули' Крачевск. р-н, карт. БОС), где **borъ* 'сосна' — значит 'сосновый' (чеш. *borovŭ — borová šiška* 'сосновая шишка' PSJČ), с.-хорв. *бѣров — борова кора* 'сосновая кора' (RHSJ), где **borъ* 'вереск' (только Псковская зона) — 'вересковый': *боровѣј м'от* 'вересковый мед' (карт. ПОС).

По наблюдениям Ф. Д. Климчука, в Полесье термин *боровѣј, -ѣја, ѣје* 'относящийся к бору' выступает в ряде сочетаний, из коих наиболее характерны следующие: *боровѣја зымл'ѣ* 'песчаная почва на возвышенном месте'; *боровѣје зѣл'л'ѣ* 'однолетние растения, растущие на бору, в бору'; *боровѣј ѣрыб* 'белый гриб с короткой ножкой, растущий на бору, в отличие от белого гриба с длинной ножкой, выросшего на низком месте', который называют *моховѣј ѣрыб* (Смн.). В Полесье *боровую* землю противопоставляют *неборовую*, на которой культивируют сельскохозяйственные культуры и которая не столь «суха» и малопродуктивна. Ср. полесск. *боровѣје ѣало* 'местность, чистая, открытая, не заросшая лесом или кустарником, но возвышенная, песчаная' (Дк.). Это значение лексемы *боровѣј* имеет свое соответствие в словенском языке, где *borŭv* значит не только 'сосновый', но и 'постный, сухой' — *borŭvo mesŭ* 'постное, сухое мясо' (SSS).

Наконец, приведем крайне интересные наблюдения А. В. Никитина в Новгородской зоне, который записал следующее: «боровые места — это песчаные около мызы (т. е. около мысов, наволоков. — А. Н.) острова (мели — А. Н.) в озере. Вот у нас *боровѣе бзеро*. Долго, бывает, *пѣсына* — то идет, мель — то, значит, остров такой *песчаный*» (Д. Ерзовка, Хвойнинск. р-н, Новгородск. обл.). Здесь у термина **borъ* снова признак "песчаности" и "возвышенности" выступает на первый план.

поросль

Значение термина *поросля* 'крупный сосновый лес' можно считать характерным почти для всей территории белорусского Полесья и специфическим по отношению к другим славянским диалектным зонам. *Поросля* (фонетич. вариант *поросл'э* и т. п.) 'сосновый лес' зафиксировано в пунктах Ол. Мл. Рд. Мк. Св. Др. Дрв. Бч. Дк. Гл. Зм. Кч. Бд. Гц. Ш. *Поросля* употребляется обычно наряду с лексемой *бор*. При этом в тех пунктах, где *бор* означает 'смешанный лес' (напр. Ол. Рд. Мл. Зм.), *поросля* 'чистый сосновый лес'; там же, где *бор* 'сосновый лес', *поросля* тоже 'сосновый лес', но 'растущий на более возвышенной местности' (напр. Св. Дк.): *поросл'э* више бора; *поросл'э* чисто одна хвойна росте (Св.); «на бору ровное поле, а тут возвышенное место, не пашется, это поросля, сосна растет и ягоды» (Зм.). В некоторых пунктах *поросля* и *бор* выступают как синонимичные термины: там на бору, на порослі ходілі (Ол.); *поросл'а* ілі бор: рубіў л'ес на бору, на поросл'э (Гц.); в некоторых синонимичными оказываются *поросля* и хвойник: «*поросл'а* ілі хвойнік» (Бд.)²⁶.

Интересен единичный пример, зафиксированный в Луково, где произошла своеобразная перестановка лексем на семантической сетке: *поросля* 'смешанный лес', 'невысокая средняя местность' *бур* 'сосновый лес'; *поросл'а* — м'еснос', там буд'е смішаниј л'ес, бер'о́за, осіна, о́л'ха; *бур* — такаја м'еснос' висбакаја; *бур* хвойні, на бору расте хвойна (Лк.).

Так же как и *бор*, *поросля* почти повсеместно оказывается не только термином растительности, но и термином рельефа, хотя последний признак в общем менее релевантен, чем первый.

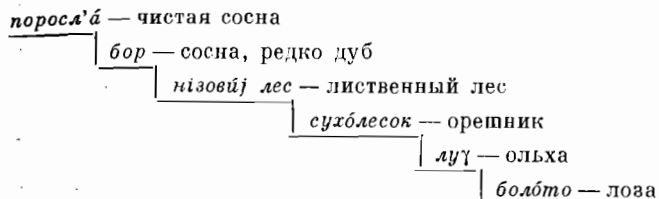
При подробном толковании слова *поросля*, информаторы давали объяснения, близкие к следующему: лиственный лес не растёт, а только сосновый; это бугри-

²⁶ Однако в данном случае можно установить и известное различие в семантике этих слов. *Поросля* сохраняет в своем значении некоторый признак рельефа, в то время как в термине *хвойник* этот признак отсутствует. Ср. сочетаемость производного прилагательного *порослевый*: *паросл'эви мох*, *балотні мох* (Бд.); сочетание *хвойниковый мох* — невозможно.

стые места, где только одна сосна; места песчаные немало, такие сушеси; единично дубочки бывают, а ольха вообще на порослях не растет, — ольха любит в низах, в багнах расти (Ол.).

Можно также отметить контексты, где *поросля* выступает исключительно как термин рельефа, например: *л'ес* расте на порослі, л'ес расте і ў болоте (Зб.); *хвойнік* рас'ц'э на порослі (Дк.).

На шкале уровней рельефа, как уже упоминалось, *поросля* занимает место более высокое, чем *бор*. Такое положение отмечалось, например, в Дяковичах:

Как видно из примера, каждому уровню «лестницы» соответствует в общем определенный тип (или вид) растительности. Этим в первую очередь объясняются возможности перехода терминов рельефа в термины растительности и наоборот, о чем более подробно будет сказано ниже.

Отметим еще, что в восточной части Восточного Полесья по течению Припяти (от Мозыря на юг) *поросля* означает 'поросль молодого леса, выросшего самосадом на песчаных почвах'; может быть сосна — *хвойнік*, а могут быть и лиственные деревья — *чорнол'есје* (Кн. Дн. Дв.). В том же районе в дер. Серые *поросля* или *поросл'кі* 'заросли'. Эти значения уже близки к этимологически устанавливаемой «внутренней форме» слова и к значению, широко распространенному в великорусских говорах; ср. русск. литер. *пбросль* 'молодой лес, а также побеги растений от корней, пней или семян' (Ож. СРЯ).

В Восточном Полесье известна также лексема *заросля* в значениях: 'заросли молодого леса' (Гл. Дк. Кч. Гц.); в тех же пунктах отмечена лексема *поросля*

‘высокое песчаное место, поросшее сосной, сосновый лес’ (Гл. Дк. Кч. Гц.). Этому диалектизму соответствует б.-рус. литер. *záраснік* ‘заросли, поросль, кустарник’, укр. литер. *záросль* ‘заросль’, русск. литер. *záросль*.

Лексема *роца* [роща] в Полесье манифестирует две семемы: 1. ‘росток’; 2. ‘рост, произрастание’.

дуброва

Термин *дуброва* известен во всем белорусском Полесье. В крайних западных и восточных его частях он выражает семемы ‘дубовый лес, роща’ или ‘лиственный лес’, в центральной части также или исключительно семему ‘трава, растущая в лесу или вид кормовых трав’. В отдельных пунктах зафиксированы и другие, близкие значения.

дуброва: ‘дубові́ ліс ілі дубро́ва’ (Ор.); ‘лес, состоящий из деревьев разных пород, в основном лиственных’ (Рд.), ср. *дубі́на* ‘дубовый лес’ (Рд.); ‘отдельный лес, мелкий, но больше лиственный; такая там земля — наполовину чернозём, наполовину — серая, и глина серая попадает местами» (толкование информатора Мл.); ‘небольшой лес любой породы’ [почва не болотистая; противопоставляется *бору*: бór — песчаная почва, дубро́ва — чернозём] (Хр.); ‘возвышенное место, поросшее лиственным лесом’, дубро́ўно́е ме́сто (Др.); ‘сухое ровное место, поросшее мелкой травой или небольшим лесом, покос’ (Кч.), ‘большой дубовый лес’: дубро́ва д’е адналі́нні дуб (Бд.), ср. *дубі́на* ‘старый дубовый лес’, дубні́к уменьш. *дубні́чок* ‘мелкий дубовый лес’ (Бд.); ‘низина среди полей, заросшая кустарником’ (Кн. Дн. Дв.); ‘лесная трава, пригодная на корм скоту’ (Св. Зд. Гр. Дк. Ом. Вл. Вт.).

В некоторых пунктах Полесья, например в Голубице, *дубро́ва* одновременно и ‘небольшой лиственный лес’: *беро́зова дубро́ва*, *дубо́ва дубро́ва*, и ‘трава в лесу’: *дубро́ва*, уменьш. *дубро́ўка*, в Головчицах — и ‘покос среди дубового леса’, и ‘трава, растущая на покосах в дубовом лесу’; в Спорове *дубро́ва* и ‘лужайка, поляна’, и ‘трава, растущая на лужайке, поляне’. Аналогично этому в том же Спорове и ряде других пунктов *пожарні́ца*

‘выгоревшее место в лесу’ и ‘трава, выросшая на выгоревшем месте’, ‘сено, скошенное на выгоревшем месте’. В той же зоне, южнее Спорова в Симоновичах *гру́д* ‘сухая почва, сухое место среди болота’ и ‘сено, скошенное на этом болоте’: *гру́д* — најлі́пше с’іно; *гру́д* да́брае іс’ц’ скоті́на; с’оромі́о шо *гру́дово́е* с’іно, шо *гру́д*; *болото́* ‘болото’ и ‘сено, скошенное на болоте’: с’оромі́о шо бо́лі́тне с’іно сказа́ці шо бо́лото; шé *як* ра́но скóшане, то́ *болото́* і́дко́е жы́вэ. Этого же типа и отмеченный выше семантический переход *бор* ‘хвойный или лиственный лес’ → *бор* ‘вереск’.

Такое явление не ограничено полесской зоной. Не так давно его отметили и уральские диалектологи. В среднеуральских говорах *дубро́ва*: 1. ‘густой лиственный лес’, 2. ‘покос в лесу’: у нас дубровой отрезной покос зовут в лесу, 3. ‘сено, скошенное в дуброве’ (во 2-м знач.): коровы дубровы поели коло дома и легли (ССУ). Синонимом к дуброве в 1-м и 3-м значении выступает в ряде среднеуральских диалектов лексема *дубро́вник*: *сено-то* нынче баскота — дубровник (ССУ); в тех же диалектах *дубро́вний лес* ‘лес, богатый покосами’, что видно хотя бы из примера: вот тот дальней лес — это дубровной, покосы где (ССУ). Это же значение отмечает Миртов: *дубро́вы* ‘лесные покосы, на которых стоят деревья в одиночку и группами’ (Миртов 1930), хотя для той же зоны Шмурло фиксирует ‘хороший березовый лес, чистый, выросший, мощный’ (Шмурло 1914). Впрочем, эти значения не исключают друг друга и часто при определении подобных народных топографических терминов весь вопрос сводится к тому, какой из признаков, заложенных в синкретичном значении слова, выступает у носителей диалекта (а иногда, к сожалению, у диалектолога, ведущего запись) как более релевантный.

Подобно другим словам того же типа и семантического ряда (*бор*, *поросля*, *луг*, *болото* и т. п.) «внутренняя форма» слова *дубро́ва* оценивается носителями диалекта в трех измерениях: 1. качества и характера леса; 2. качества и характера подножной растительности (корма); 3. рельефа (по принципу ‘верх’ ↔ ‘низ’). Экстралингвистически внесоциально (физикогеографически) эти три момента взаимно связаны; экстралингвистически и социально (экономически) — первые два оказываются наиболее значительными. В конечном итоге, как будет

видно и из ряда последующих примеров, топографические термины, обобщающие внешнею природу, различаются, в основном по шкале их экономической полезности, т. е. по возможности их хозяйственного использования (см. ниже пример *гора* — *планина*, *болото* — *луг* и др.). По этому принципу главным образом и наблюдаются различия в значении термина *дуброва* в восточнославянских диалектах.

дубрва. Брянская зона: 'лиственный лес', 'небольшой чистый лесок, роща' (карт. БОС); Курско-Орловская зона: 'лиственный лес', 'дубовая роща' (Кардашевский 1947—1953), 'дубовая поросоль, место, на котором растет дубовый и прочий черный лес' (Рыльск и Суджа. Дмитриюков 1849, то же Опыт 1852), 'место в лесу, поросшее травой, на котором нет деревьев' (Обоян. Кашкин 1859); Калужская зона: 'лес в котором встречаются дубы, или весь состоящий из дубов' (Косого-ров 1910); Вологодская зона: 'место, возвышенное, по ровное с высающимся осинником и березником' (Верховатье, Шайтанов 1849); Пермская зона: 'покосное место, заросшее густым березовым или осиновым лесом' (Огарев 1848); Сибирская зона: 'редкий лес, где есть небольшие полянки' (Томск. Блинова 1960), 'отдаленный покос' (Тобольск. Патканов и Зобнин 1899), 'лиственная поросль, обыкновенно мелкий ивняк (Кольма, Богораз 1901).

дубрава. Севернодвинская зона: 'возвышенность, заросшая березняком и осинником' (с. Устьянско-Дм. Романов 1928); Сибирская зона: 'березовая, осиновая или мешанная роща, но с преобладанием лиственных пород' (Патканов и Зобнин 1899).

Дуброва в белорусской зоне может означать не только 'дубовый лес', но и 'лес вообще', 'лес любой породы деревьев', как, например, на Могилевщине *дубрва*, уменьш. *дубрўка*: во дубрўка — адзіп сасьнінік (Бяльк. ДСУБ); там же *дубрўка* 'лапчатка. *Potentilla L.*'

То же положение наблюдается в украинских диалектах, где *дуброва* (*дїбрва*) означает не только 'дубовый лес', как отмечают многие словари (Гринч. СУМ, Желех. МНС) и как зафиксировано, например, в Прикарпатской зоне в гуцульских и бойковских говорах²⁷,

²⁷ Значение 'дуброва, дубовый лес' отмечают Я. Рудницкий (*dubrva* Рудн. ГНБ, 20), С. Грабец (*dubrwa* Нrab. NGH, 35), М. Онышкевич (*добрва* Оныш. СБД).

но и 'лес', 'лесок, роща', как отмечает словарь литературного языка (УРС) и как зафиксировано в ряде среднеднестрянских и северноукраинских говоров, где *дїбрва* 'то же, что гай, лес' (Сумск. обл. Ахтырск. р-н. с. Клементово, Черкасск. обл. Корсунь-Шевченковск. район, с. Староселье, Киевская обл. Ставищенск. р-н, с. Роскошная), 'смешанный лес' (Кировоградск. обл. Новомиргородск. р-н, с. Коробчино). Т. А. Марусенко отмечает в украинской зоне два случая, когда лексема *дїбрва* выражает не только термин растительности, но и термин рельефа: 'низменность, заросшая лесом' (с. Гологирики, Коснянск. р-н, Львовск. обл. Мар. МСУГА), 'глубокий овраг, заросший лесом' (с. Бородаевка, Верхнеднепровск. р-н, Днепропетровск. обл. Мар. МСУГА).

В южнославянских языках наблюдается аналогичная ситуация. Помимо почти исчезнувшего значения 'дубовый лес', фиксируется широко распространенное 'лес вообще, отдельный лес, роща': с.-хорв. *дўбрава* (RHSJ), словен. *dobráva* (Plet. SNS, SSS), болгарск. *дѣбрава* (БТР). Ср. также румынск. из славянск. *dumbráva* 'лес' (Mih. IVSS, 101).

В западнославянских литературных языках **dobrava* (**dobrova*) означает исключительно 'дубовый лес', 'дубовая роща, дубняк' (SW, PSJČ, SSJ, Muka SDSR. Jak. HSNS). Это же значение в общем фиксируется и в западнославянских диалектах.

В Полесье в Голубице *дубвоје д'єр'єво* означает любое лиственное дерево: кручók сòсны ілі л'убóвь дубóвь д'єр'єва (Гл.). Это значение, вероятно, надо признать достаточно архаическим, если сравнить полесские данные с сербскохорватскими (особенно чакавскими) и словенскими. В современном дубровницком диалекте отмечено *dúb* 'дерево', что встречается часто и в произведениях старых далматинских писателей — М. Ветранича, П. Зорачича, Б. Кашича, М. Орбини (RHSJ): Po listju se trava rozna, a po voću dub (Б. Зузери, RHSJ). В чакавской и словенской зонах в некоторых говорах *hrast* 'дуб', а в некоторых 'дерево', 'лиственное дерево'. Ср. чакавск. *hrást* 'дерево' (на Цресе, в Бакре, Красице, Селце), словенск. *hrást* 'лиственное дерево' (Резья)²⁸: na *grást*

²⁸ См. М. Tentor. Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika. «Razprave» I. SAZU. Ljubljana, 1950, стр. 74.

búkowa 'буковое дерево, буковый куст' (рукописный Резьянский словарь Бодуэна де Куртене).

На этом основании можно считать, что и значение термина **dǫbrova* 'лиственный лес' наряду с 'дубовый лес' достаточно древнее. Дуб у славян воспринимался как первый компонент в видовом ряду лиственных деревьев, так же как сосна в ряду хвойных, и поэтому обозначающая его лексема могла относиться к обобщенно родовой семеме 'лиственное дерево'. Обратный случай, когда родовое название переходило на первое в ряду видовое название: ю.-в.-рус. воронежск. *лес* 'дубовое дерево' (Опыт 1852). Ср. также славянизм в албанском *lis* 'дуб' и 'дерево', наряду с *dushk* 'дуб', *dru* 'дерево'²⁹.

Этимологии слова **dǫbrava* посвящена большая литература, одно перечисление которой заняло бы много места³⁰. Отметим лишь, что нам представляется справедливым этимологическое сближение праслав. **dǫbъ* 'дуб' и **dǫbrava*, которое принято М. Фасмером (ЭСРЯ I), Ф. Славским (Slaw. SEJP) и К. О. Фальком (см. сноску 30), через форму **dǫbrъ* и т. п. Особого внимания заслуживает цепь семантических мутаций, предполагаемая Ф. Славским: 'низменное место' → 'долина, долина, заросшая лесом' → 'лес' → 'дерево' (для славянск. **dǫbъ*), которая находит соответствие в приведенном выше восточнославянском материале и в данных балтийских языков (см. Slaw. SEJP), хотя порядок следования звеньев и направление мутации могут быть пересмотрены.

gaij

В Полесье термин **gaijъ-*, как и во всех славянских литературных языках, в которых он известен, означает 'роща, небольшой лесок' (Ол. Рд. Мк. Зб. Вт. Дк. Гр. Бл. Гл. Др. Кн. Дн. Дв.). Чаще всего этот термин относится к лиственному лесу, но возможны и сочетания типа *гайбк соснови* (Св.) 'сосновый лесок, роща'. Обычно

²⁹ См. «Fjalor i Gjuhës shqipe». Tiranë, 1954. Примеры семантических переходов 'дерево' ↔ 'лес' на балтийском материале см. в отмеченной ниже статье А. Вайяна.

³⁰ См. прежде всего: К. О. Фальк. Славянское название дуба. «Scando-Slavica», IV. Copenhagen, 1958, стр. 265—285; A. Vaillant. Dǫbŭ «arbre, chêne». — «Revue des études slaves», t. XIV, f. 3—4. Paris, 1934, стр. 223—224.

гај толкуется как *кружбк ліса* (Св.), *кружбвиј ліс* (Ол.). В большинстве полесских говоров термин *гај* употребляется редко, чаще выступает синоним *л'есбк*. Для значения слова *гај* характерен признак отдельности, оторванности от общего лесного массива, поэтому и встречаются такие толкования, как 'небольшой лес среди болота или поля' (Дк.). Однако в том же Полесье в некоторых пунктах *гај* значит 'опушка, край леса' (Гц. Бд.): *хвојовиј, осіновиј, дуббвиј гајбк* (Гц.), *пъ нат пол'ем кустарнікі і п'эја — гај* (Бд.), в некоторых пунктах лексема *гај* неизвестна (Лк.) или она встречается только в песенном языке (Хр.).

Вне полесской зоны наблюдается большее разнообразие значений интересующего нас термина. По данным картотеки «Дыялекталагічнага атласу беларускай мовы», в белорусских говорах *гаі* чаще всего, помимо значения 'роща' (в одних случаях только лиственная, в других — любая), значит 'лес вообще'. При семантическом переходе 'роща' → 'лес вообще' исчезает признак отдельности или малой величины, а также лиственной породы. Однако, помимо семемы 'лес вообще', известны семемы с дополнительными дифференциальными признаками: 'совсем молодой лес' (центральнополесские, центрально- и восточнобелорусские говоры) и с полярным признаком 'старый лес' (помимо центрального Полесья, к западу, северо-западу и северо-востоку и югу от Минска, район Барановичей, Молодечна, Борисова, Слуцка) и довольно часто 'большой дремучий лес' (западнее Волковыска, восточнее и юго-восточнее Минска, южнее и юго-восточнее Слуцка, северо-восточнее Мозыря, западнее Гомеля). Выделение признака "часть целого" — *гаі* 'участок леса' — зафиксировано, помимо Полесья, в районе Полоцка (см. *гај л'эсу* — п. 61 — д. Шчеперия Полоцк. р-на; ср. полесск. *гај лісу*), на севере Белоруссии, в крайних западных говорах в районе Гродно и несколько восточнее. Менее часты случаи введения дополнительного семантического признака «определенная порода деревьев» — *гаі* 'сосновый лес' (карт. ДАБМ 191, 206, 283, 355, 436), 'еловый лес' (карт. ДАБМ 218, 221, 224, 405, 498), 'березовая роща', 'молодой березовый лесок' (карт. ДАБМ 14, 18, 102, 179, 243, 264, 314, 366, 372, 391, 443, 484; *огайок* 'небольшие кусты' 56, *гаі* 'ольховые кусты' 363, 367); лишь в единичных случаях отмечается *гаі* 'лес

на кладбище' (карт. ДАБМ 593, 636). В некоторых диалектах *gaij* означает просто 'кладбище' (карт. ДАБМ 273, 279, 291, 314, 317), что может быть понято как утрата лексемой основного признака-значения "растительность", тогда как референт это свойство сохраняет (как правило сельские кладбища Белоруссии поросли деревьями).

Однако в белорусских диалектах отмечены также семемы, которые отражают и свойство референта «отсутствии растительности». Таковы *gaij* 'участок поля' (карт. ДАБМ 517, 697, 781, 990, *падгај* 'участок поля' 511, ср. *gaij* 'участок леса'), возможно, через промежуточное звено *gaij* 'поле, где был когда-то лес' (карт. ДАБМ 709, 783; ср. примеры из Курско-Орловской и Пермской зон) и *gaij* 'болото' (карт. ДАБМ 128, 401, дер. Задубровье, Сурожск. р-н Витебск. обл. и д. Осмолово, Новогрудск. р-н, Гродненск. обл.), возможно, через промежуточное семантическое звено *gaij* 'небольшой топкий участок на болоте, где есть редкие деревья' (карт. ДАБМ 23, дер. Спринды, Браславск. р-н, Витебск. обл.). Наконец, следует отметить значение *gaij* 'заливной луг' (карт. ДАБМ 615, 657), 'луг возле леса' (карт. ДАБМ 658 с. Залесье Высоковск. р-н, Брестск. обл.) и близкие к ним единичные случаи *gaij* 'луг, заросший лозой' (карт. ДАБМ 952, 962, 974), *gaij* 'топкий участок на лугу' (карт. ДАБМ 518 д. Старый остров, Кличавск. р-н, Могилевск. обл.)³¹.

Не меньшее число различных семем зафиксировано в средненадднепрянских и северноукраинских говорах. В них, согласно данным картотеки Диалектологического атласа украинского языка (карт. ДАУМ)³², помимо широко распространенного значения *гај* 'роща, лесок' (карт. ДАУМ 661, 776, 789, 852, 869, 882, 893, 894, 896 и др.), отмеченного иногда с некоторыми модификациями и дополнительными признаками ('небольшой лес

³¹ Подробное рассмотрение различных семем, относящихся к лексеме **gaij*, путем их разложения на семантические дифференциальные признаки см. в нашем докладе к VI съезду славистов: Н. И. Толстой. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии, стр. 348—352 и 357—361.

³² В находящемся в печати «Атласі середньонадніпрянських і північних говорів української мови» (Київ) дана нумерація пунктів, которой мы пользуемся в настоящей книге.

над рекой' карт. ДАУМ 911, 913, 'лесок в долине' карт. ДАУМ 903, 'лесок, поблизости от села' карт. ДАУМ 870, 'посаженный лесок' карт. ДАУМ 748), отмечены следующие семемы: *гај* 'кусты, заросли, на месте старого срубленного леса' (п. 714. Винницк. обл. Крижопольск. р-н, с. Радянське), 'заросли кустов у реки' (п. 853. Кировоградск. обл. Бобринецк. р-н, с. Велике Друкове), 'низкое место, лозняк' (п. 866. Кировоградск. обл. Кремгесовск. р-н, с. Марьевка), 'равнина, где растет трава и небольшие кусты' (п. 878. Днепропетровск. обл. Пятихатск. р-н, с. Грушеватка), 'кустарник' (п. 512 Киевск. обл. Кагарлицк. р-н, с. Перегоновка). Семантический переход 'лес' ↔ 'кустарник' понятен и не требует подробного объяснения, особенно, если он фиксируется в безлесных или малолесистых зонах.

Интересны примеры, где семантика слова сместилась в сторону увеличения признака размера — *гај* 'большой густой лес' (п. 775. Черкасск. обл. Уманск. р-н, с. Антоновка) или где смещение пошло в противоположном — энантиосемическом направлении: исчез признак растительности, но сохранился признак размера — *гај* 'поляна' (п. 706. Винницк. обл. Могилев-Подольск. р-н, с. Боровка).

К значению 'заросли, кустарник' примыкает значение 'заросли бурьяна, бурьян'. Этот несколько метафорический перенос значения хорошо иллюстрируется выражением: заросло буряном, як гајем (п. 774. Черкасск. обл. Уманск. р-н, с. Текучая). Ср. *гај* 'густой бурьян' (п. 735. Винницк. обл. Христиновск. р-н, с. Ухожа), 'делянка поля, сильно заросшая бурьяном' (п. 779. Кировоградск. обл. Ульяновск. р-н, с. Велики Трояни).

В селе Коробчине (Кировоградск. обл. Новомиргородск. р-н, п. 802) зафиксирована любопытная дистрибуция лексем *бір*, *добрѡва*, *гај* в зависимости от породы деревьев: *колі ліпа ростѡ — ліповиј гај*, *сѡсна — соснѡвиј бір*, *різни деревѡ — добрѡва*.

В той же диалектной зоне отмечены значения термина *гај* с дополнительным признаком рельефа. В с. Кудашевка (Днепропетровск. обл. Криничанск. р-н, п. 908) *гај* не только 'небольшой лесок' и 'густой лес', но и 'балка, в которой растут деревья'. В близлежащем пункте — с. Николаевка (Днепропетровск. обл. и р-н, п. 905) *гај* 'балки, где растут кусты'. Наконец, можно отметить случаи, где признак растительности уже пол-

постью исключен: *γaj* 'долина' (Черкасская обл. Корсунь-Шевченковск. р-н, с. Пабоков, п. 574), 'луг' (Черкасск. обл. Корсунь-Шевченковск. р-н, с. Сухины, п. 573 и Житомирск. обл. Олевск. р-н, с. Жеровцы, п. 36), 'берег' (Черкасск. обл. Шполянск. р-н, с. Капустино, п. 794 и Кировоградск. обл. Александровск. р-н, с. Цыбулёво, п. 830). Ср. *γaj* 'заросли кустов у реки' с наличием признака растительности.

По западноукраинской диалектной зоне, к сожалению, мы располагаем менее подробным материалом. У бойков записано значение 'лесок, молодой лес' (Рудн.ГНБ). То же в общем значение фиксируется на белорусской территории 'роща, лесок' (Нос. СБН, Бяльк. ДСУБ, БРС).

Южновеликорусские диалекты демонстрируют также ряд специфических значений. В Брянской зоне, по данным карт. БОС, *γaj* чаще всего означает 'глухой лесной участок, заросли в лесу': *γaj* бта з́арос' в л'ес'е (д. Городище, Брасовск. р-н и д. Мтеж, Комаричск. р-н), 'дремучий лес' (д. Стелбово, Брасовск. р-н) или просто 'лес' (Севск., Воропешск., Комаричск. р-н). В некоторых пунктах, как и в соседней украинской зоне, *γaj* оказывается не только термином растительности, но и термином рельефа: *γaj* 'заливной луг, или участок леса' (д. Евдокимовка, Комаричск. р-н), 'овраг, по склонам которого растет лесок' (д. Ножа, Комаричск. р-н), 'лес на болоте' (д. Журиничи, Брянск. р-н). Но, пожалуй, самой примечательной семемой, относящейся к лексеме *γaj*, в Брянской зоне оказывается семема 'мусор на гумне' (хутор Дядонов, Брянск. р-н), отражающий семантическую цепь 'лес' ↔ 'куча'³³ ↔ 'мусор' (ср. ниже *шума*: 'лес' ↔ 'листва' ↔ 'мусор' стр. 70). Одно из «переходных» звеньев этой цепи зафиксировано в соседней Орловской зоне: *гай* 'часть, пай, долянка, урочище, площадь, участок (но непременно поверхность земли)' (с. Ильинское, Болхов. у. Сахаров 1901). В той же Курско-Орловской зоне *гай* 'дубовый бор; лес вообще, любой по составу, размеру и возрасту', 'роща' (Карда-

шевский 1947—1953); 'незначительное количество камыша, хвороста и деревьев, растущих отдельно от большого количества этих предметов' (Дубровский 1852, Опыт 1852, Кардашевский 1947—1953), 'тонкое или осушенное, но неудобное для кошения травы место' (Рыльск и Суджа, Курск. губ. Дубровский 1852. Опыт 1852. Кардашевский 1947—1953), 'небольшой участок поля, леса': *гай* зямлі (д. Б. Бутырки, Вольск. р-н, Орловск. обл., д. Меньший Колодезь, Долгоруковск. р-н, Орловск. обл. Арх. ИРЯ. Кардашевский 1947—1953), 'большой луг' (с. Телегино, Моховск. р-н, Орловск. обл. Арх. ИРЯ, Кардашевский 1947—1953), 'лес, растущий на луговом месте', 'луг, низменное сырое место' (Рыльск и Суджа Курск. губ. Дмитрюков 1849), 'луг' (с. Фептисово, Золотухинск. р-н, Курск. обл. Арх. ИРЯ, Кардашевский 1947—1953). В Тамбовско-Воронежской зоне *гай* 'роща, лесок' (Борисоглебск. Доп. Оп. 1858); это же значение зафиксировано и на Смоленщине (Добровольский 1914). В Самарской зоне южнорусских диалектов *гай* 'болотистые, непроходимые места, поросшие кустарником' (Малаховский 1957). То же значение отмечено в соседних средневеликорусских пензенских говорах: *гай* 'тонкий кустарник, болото' (Поимск. и Видинск. р-н, Иссерлин 1945, Царёва 1958. карт. СРНГ).

В переходной белорусско-севернорусской Псковской зоне термин *гай* почти повсеместно зафиксирован в значениях 'мусор, отбросы (при обработке льна или сортировке соломы)³⁴, а также в значениях, приближаю-

³⁴ От этого слова, надо полагать, образовано прилагательное *га́йный* 'спутанный, находящийся в беспорядочном состоянии': Кул'авáйа салóма дл'а крýшы, а гáйнья́а салóма ид'от дл'ь патс'т'я́лк'и скатú. Лат. Гáйнья́а н'йтка н'и гáд'и́цца, йáйб'на́да распúт'ьт' и тада́ в'азáт' Эст. (СРСН). Толкование 'спутанный' здесь, видимо, не совсем удачно (правильнее 'свалившийся') и зависимо от второго контекста. Характерно, однако, что *га́йный* сочетается прежде всего с существительным *салóма*.

В той же Прибалтийской зоне, в Эстонии, у великорусских старожилов зафиксирован термин *га́йгора* 'небольшой лес': В нас та́к гáйг'ры ва́к'рúг д'ал'áнк'и б'я́л'и пр'э́жы, фс'о за́р'об'шы, д'ич, п'икáк н'и прáйт'й (СРСН). *Гáйгора* — сложное существительное, созданное по той же модели, что и в.-рус. *гайворон* 'ворон', 'грач' (Фасм. ЭСРЯ). Ср. также глагол *гайга́й-кать* 'завывать (о буре)' (Фасм. ЭСРЯ). Просто *гора́* в значении 'лес' на восточнославянской территории нигде не зафиксирована (ср. стр. 73—94).

³³ Это значение лексемы *гай* отмечено в словаре П. Беринды в издании 1627 г.: «гаі: кúна, грома́да, сто́гъ, сто́сь, а́бо згро́маже́не» (см.: «Лексикон словеноросский Памви Беринди». Київ, 1961, стр. 198, фототипическое издание).

щихся к южнорусским, белорусским и украинским — 'куча хворосту', 'хворост, ломаше ветки' (карт. ПОС). Кроме того, в псковских говорах отмечен омоним *гай* 'шум' (ср. костромск. и тамбовск. *гай* 'крик', Опыт 1852). Семантические звенья лексемы *гай* 'лесок' ↔ 'хворост' ↔ 'мусор' того же порядка, что и славянской лексемы **šuma* (см. стр. 70).

Обращает на себя внимание тот факт, что основные семантические звенья термина **gajъ* в общем совпадают с семантическими звеньями термина **šuma*: 'лес' ↔ 'лиственный лес' ↔ 'низкий, корявый лес' ↔ 'кустарник' ↔ 'хворост' ↔ 'остатки соломы, мякины', 'сор на гумне'. Это дает основание предположить, что подобно тому, как **šuma* 'лес' связывается с **šuměti* 'шуметь' (ср. русск. простореч. *шуметь* 'громко говорить' и т. п. см. стр. 68), **gajъ* следует связать с **gajiti* 'кричать, шуметь'. В пользу этой гипотезы свидетельствует материал великорусских диалектов, где зафиксировано — курск. *гайтъ*, *гайкатъ* 'кричать, орать или шуметь; гикать, гаркать, кричать кого, звать, кликать; переключаться, аукать' (Даль СЖВН, Гардашевский 1947—1953), тамбовск., пермск., новгородск. *гайкатъ* 'кликать' (Опыт 1852), костромск. *гайкатъ* 'кричать, кликать' (Опыт 1852), рязанск. *гайтъ* 'бранить, ругать': Кто ийó гáйт' анá самá ругáицъ... (ССРНГ), воронежск. *догайтъся* 'докричаться' (Собинникова 1954), смоленск. *гайкатъ* 'говорить часто о чем-нибудь, надоедать' — Я ему усё гайкала (с. Борода, б. Поречск. у., Добровольский 1914), уральск. *гайтъ* 'плакать' — Сидим вдвоем и гаим (ССУ), олопецк. *гайтъ* 'открывать' — Што ты рот-от гаешъ (Барсов 1872) [Барсов, как видно из примера, дал, вероятно, не вполне точное толкование — Н. Т.], архангельск. *гайчить* 'окликать, опрашивать встречное на море судно' (Подвысоцкий 1885). Ср. также череповецк. *гайнó* 'глотка, пасть' (об усиленном крике, орании) — Ишь гайло-то распустил — не боимся (Герасимов 1910).

Таким образом, едва ли правомерно разделять *гай* 'роща' и *гай* 'шум' на два несвязанных между собой слова, восходящих к разным этимонам, как это делает М. Фасмер (Фасм. ЭСРЯ), возражая А. Преображенскому и В. Махку. Основное сомнение у М. Фасмера вызвала семантическая сторона. А. Преображенский, действительно, довольно наивно допускал (со знаком «?») возможность вывести *гай* 'роща' из *гай* 'шум, крик'

на том основании, что «небольшие лесочки — любимые места грачей» (Преоб. ЭСРЯ) В. Махек выводил **gajъ* 'роща' из предполагаемого ряда 'заговор, заклинание' → 'место заклинания', опираясь на санскр. *gāyati* 'поёт' и др. (см. также относящийся сюда литовский и др. материал у Преоб. ЭСРЯ, Фасм. ЭСРЯ, Bern, SEW, Traut. BSW). Но, надо полагать, значение типа северско-белорусск. *гайць* 'лечить, заживлять' (Раст. СБГ) вышло из 'говорить, заговаривать (заклинать?)', так же, как в свою очередь через звено 'лечить' развилось значение 'пестовать, выращивать, ухаживать' и далее 'беречь, охранять', 'огораживать' и т. п. Ср. с.-хорв. *gájumi* 'выращивать, ухаживать (за растениями, скотом, детьми и т. п.)' (RHSJ), 'огораживать' (кайкавск. XVII в. у И. Белостенца RHSJ), где первое значение сблизилось с *gdjumi* 'откармливать, выращивать', чеш. *hájiti* 'охранять, беречь', 'защищать' (PSJČ), польск. *gaić* 'разводить лес', 'убирать зеленью, ветками', диал. 'вырубать лес' (SW), др.-польск. 'выращивать (сад и т. п.)' (Sław. SEJP). Значения, имеющие профессионально-терминологическую окраску, связанную с лесоводством, могли возникнуть позднее, чем 'кричать, шуметь', 'пестовать' и т. п. в результате сближения с термином **gajъ* 'лес, роща'. Что же касается слов **gajъ* 'роща' и предполагаемого **gajъ* 'заклинание', то они могли развиваться независимо друг от друга, хотя и из одного источника (**gajъ* 'шум, крик?'), если **gajъ* 'заклинание' вообще когда-либо существовало.

Для северновеликорусских говоров характерно в общем отсутствие слова *гай* как географического термина. В них *гай* отмечается крайне редко, зафиксированные примеры единичны. Таким является случай записи в Уральской зоне, в Верхне-Городском р-не (восточнее Перми): *гай* 'участок поля' (ССУ)³⁵.

Лексема **gajъ* не распространена на болгарской и македонской диалектной территории. В польском, чешском, словацком, в верхне- и нижнеслужижском, сербскохорватском и словенском литературных языках **gajъ* 'роща,

³⁵ Может возникнуть предположение: не занесена ли лексема *гай* с соответствующей семемой переселенцами из Орловской зоны?

лесок'. В том же значении *goj* встречается в полабских источниках.

Некоторые специфические значения термина **gaĵь* отмечены на польской диалектной территории. В польских Карпатах в районе Оравы *gaj* 'ольховые кусты у воды' (Goł. TNO) (ср. укр. приднепровск. 'заросли кустов у реки'). Несколько севернее в районе Сидзин и еще севернее в пункте Фацимех на Висле М. Кудала записал значение *gaj* 'отдельное дерево, главным образом не растущее в лесу' (Кус. PSTWM). К нему примыкает значение *gojik* 'маленькое хвойное дерево', 'украшенная елка', 'рождественская елка' (Zag. SSS)³⁶.

Лексема **gaĵь* обладает малой деривационной потенцией, которая ограничивается в основном деминутивными дериватами типа вост.-слав. *гайок*, с.-хорв. *gajuh*, чеш. *hájek* (*hájik*), *hájinka*, *hájinečka* и адъективными дериватами укр. *гайовий*, *гайний* 'лесной, относящийся к гаю', чеш. *hájový*, польск. *gajowy*. Кроме того, в чешском и польском существует еще ряд моделей с локативными суфф. *-ina*, *-isko* и др.: чеш. *hájina* 'роща', польск. *gajowina*, *gajowisko*, *gajowizna* 'почва, поле, на котором растет, прорастает или произрастал лес' (SW), ср. кашуб. *gaĵożna* 'лесная почва, грунт' (Log. PW). Особый интерес представляет польская лексема *gajocho* 'полянka в лесу' (SW); ср. укр. винницк. *гај* в том же значении.

лес

Термин *лес* в Полесье зафиксирован в двух значениях: 1. 'лес, silva', 2. 'деревянный материал (для строительства и т. п.)'. Эти значения характерны в общем для всего восточнославянского диалектного континуума и, надо полагать, отражают достаточно древнее славянское состояние в сфере интересующего нас семантического поля. Термин **lěszь* в Полесье, как и почти во всех восточно- и западнославянских диалектах, употребляется

³⁶ Ср. чеш. *háj* 'ветки с листьями, украшающие алтарь в церковные праздники' (PSJČ). Ср. также с.-хорв. диал. (область Лика) *бѣрак* 'пшеница, посеянная в какой-либо посудине так, чтобы она проросла к рождеству'. В Лике рождественскую пшеницу *бѣрак* после праздника закапывают на пахотном поле, «чтобы был хороший урожай и чтобы его не топтали» (РСХКНЛ).

для называния большей или меньшей площади земли, заросшей деревьями любой породы: старій лѣс, молодїј лѣс, густїј лѣс, рїдкїј лѣс, великїј лѣс, малїј лѣс; лѣс рѣстѣ на порослї (Зб.), лѣс раста на бору (Ор.); хвојѣви лѣс, ол'ховїј лѣс, дубѣвиј лѣс, бер'ѣзовїј лѣс (Зб.). Наряду с этим в определенных контекстах *хвојѣвиј лѣс*, *ол'ховїј лѣс* и т. п. означает соответственно определенную древесину, материал: хата з смоловоу лѣсу, стѣл з берѣзовоу лѣсу (Кн.) и т. п. В ряде пунктов в зависимости от распределения лексем на ссмагтической сетке материал конкретной породы деревьев может выражаться лексемами типа *хвојїна*, *хвојник*, или просто *хвоја*³⁷, соответственно *берѣзіна*, *берѣзник*, просто *берѣза* и т. д.

В значении 'лес, silva' термин **lěszь* известен в восточно- и западнославянских языках, а из южнославянских в словенском и в ряде сербскохорватских говоров, где он чаще означает 'материал, древесину'. Словен. литер. *lěs* прежде всего 'спиленное дерево', а затем уже и 'лес'; при этом в последнем значении чаще употребляется собирательная форма *lesovje* 'лес', *lěsje* 'лес, лесок', или множественная *lesovi*. Словен. *lesovina* 'древесина', 'целлулоид' и адъективные дериваты: *lěsen* 'деревянный' свидетельствует о том, что семема 'лес', 'лесной' больше связывается с лексемами *gozd*, *gozdni*, чем с *lěs* и тем более *lěsen*, *lěsén*. Об архаизме *gozd* и других лексемах, выражающих семему 'лес' в словенском языке, речь будет идти ниже. Отметим только, что значение словен. *lěs*, так же как и русск. *лес*, объясняет некоторые другие значения этой лексеммы, зафиксированные на южнославянской территории. По свидетельству В. Караджича, *lějes* в Герцеговине означает 'лес, der Wald, silva'³⁸, а в горных районах Герцего-

³⁷ В некоторых пунктах Полесья специально сосновая древесина называется *смоїна* (Сп. Бч. Ом.). Об этом см. подробнее стр. 34.

³⁸ Это значение для сербскохорватского языка отмечено только в Словаре Караджича и в загребском академическом словаре (RHSJ). Несмотря на авторитетность словаря Вука и на его указание на географическое распространение лексеммы («в Герцеговине»), возникает сомнение, не проникла ли она в словарь из книжного, а не народного языка? Случаи включения Караджичем книжных, церковнославянских слов в словарь не единичны (см. об этом: Н. И. Толстой. Архаизм и нова-

вины 'гребень крыши, конёк', в области же Ядра 'рало с ярмом' (Вук СР). Последнее значение не ограничивается одним Ядром; в Поповом Поле (южная часть Герцеговины, граничащая с Далмацией в районе Дубровника) *lijes* 'рало, деревянное орудие для пахоты'. «*Lijes*, — как поясняет Л. Мичович, автор этнографического описания Попова Поля, — весь деревянный, только на „ралице“ лемех из железа»³⁹. В словенских и хорватских говорах **lěsz* 'древесина, лес как материал': ср. словен. резьянск. *līs, siz lōeson* 'Das Holz, Ledno', 'mit Holz' (БдК М I, 274 и 82), хорв. истрийское *lēs* 'gradjevni materijal' (Rib. СДЗб. IX), хорв. Мурское Поле *les* 'дерево, древесина' (ZNŽO X, 150), хорв. Госпич *lijes* 'дерево, деревяшка' (ZNŽO XVI, 152). В говорах, распространенных на территории Хорватии и Славонии, *lijes* означает 'гроб' (RHSJ)⁴⁰. В чакавских жумберакских говорах П. Скок⁴¹ для лексемы *lēs* (род. п. *lěsa*) отметил, помимо значения 'гроб', значение 'порода (животных)'. Последнее можно объяснить семантической связью 'материал (порода дёрева)' ↔ 'порода (скота)'. Значения 'рало', 'гроб', 'гребень крыши, конёк', а также 'стропила' (см. RHSJ) развивались как переносные, метонимические значения от основного 'деревянный материал, дерево, предназначенное для обработки'⁴²; все означаемые ими референты являются продуктами из древесины, дерева. К сербскохорватскому *lijes* 'стропила'

торство у языковой реформы Вука Караџића. «Анали филолошког факултета [Београдског ун-та]». св. 5. Београд, 1966. стр. 229—231.

И. Стулич отмечает два значения *lijes* 1. 'дерево как материал' и 2. 'лес' (см. RHSJ). При втором значении дается помета, что это слово — русское. Первое значение 'дерево как материал' зафиксировано в старинных хорватских словарях Я. Микали, А. Делла Белы, И. Вельстенца и Й. Вольтича (см. RHSJ).
³⁹ См.: Љ. Мићовић. Живот и обичаји Поповаца. — СЕЗб, LXV. Београд, 1952, стр. 4.

⁴⁰ Это значение зафиксировано в словаре Ямбрешича — *les mrtvecki sandapila, tumba*.

⁴¹ См.: P. Skok. Novi prilozi proučavanju govora žumberačkih Čakavaca. «Hrvatski dijalektološki zbornik», knj. I. Zagreb, 1956, стр. 223.

⁴² Характерно, что в словенском и сербскохорватском демутивы от *lēs, lijes* не встречаются, так как слова, означающие материал, избегают демутивов.

близко русск. *лесá* 'леса, сооружение из досок при постройке и ремонте здания'.

Дериваты от **lěsz* не очень многочисленны. Помимо адекватных дериватов типа русск. *лесной*, словен. *lesén* 'деревянный', чеш. *lesní* 'лесной', *lesnatý* 'лесистый' и т. п. и пейоративных и аугментативных типа русск. *лесок, лесочек, лесуше*, чеш. *lesík, lesíček*, польск. *lasek, laseczek* интерес представляют дериваты типа **lěsina*. В Полесье хотя и не повсеместно зафиксирована лексема *л'есіна* в значении 'отдельно растущее дерево любой породы' (Дк. Др. Зс. и др.). В том же синонимическом значении встречается лексема *д'ерэвіна* (Вл. Дк. Гл. Др. Ш. Зс. Кч. Кн.): вót лесіна, адна дэрэвіна з јакбј ўжé она ні јес'т' порбди (Зс.); адна дэрэвіна — вос'інка (Зс.); на кáжну дэрэвіну кáўт лесіна (Дк.). При этом следует отметить, что *лесіна* в Полесье далеко не всегда 'лесное дерево', так, например, в д. Дяковичи записан следующий текст: садóваја адна у м'ен'á л'есіна (Дк.).

По той же словообразовательной модели, что и *лесіна, дэрэвіна*, образуются названия одиночных деревьев определенной породы *берэзіна, вјаз'іна* и т. д. (Зс.). С тем же значением суфф. *-ина* сочетается и с другими основами (*м'єстіна* 'место, отдельное место', *р'ібіна* 'рыба, одна рыба' Ом.) в целом ряде пунктов Полесья. Однако в том же Полесье есть зоны, где этот же суффикс с той же акцентной парадигмой означает не 'единичность', а 'множество, группу однородных предметов'. Ареал, в котором суфф. *-ина* фиксируется со значением единичности, простирается далеко на север от Полесья, хотя прерывистая изоглосса идет и на юг к Карпатам и даже может быть отмечена у южных славян в зоне чакавских говоров. С границами этой зоны, вероятно, совпадает распространение лексемы *лесіна* в восточнославянских, преимущественно великорусских говорах. На псковско-новгородской территории, на русском Севере (Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская, Вятская и Уральская зоны) и в Сибири (Иркутская, Томская, Амурская и др. зоны) *лесіна* означает в общем 'отдельное дерево' часто с некоторыми дополнительными признаками: 'высокое (отдельное) дерево', 'поваленное (отдельное) дерево', 'отдельное дерево, приготовленное как материал, бревно'. В Псковской зоне в Новодвор-

ском р-не *лесина* 'растущее дерево' в противоположность *дѣреву* 'спиленному дереву' (карт. ПОС); в других псковских говорах *лесина* обычно 'упавшее, часто уже сгнившее дерево' (карт. ПОС) или 'ствол дерева, колода' (дубоваја, жаловаја лесина), в Дедовичском же р-не интересующая нас лексема встречается с удвоенным суффиксом *лесинина* 'отдельное дерево' (карт. ПОС). Эта же лексема зафиксирована в близком территориально Осташковском р-не Тверской зоны — 'высокое дерево' (Доп. Оп. 1858), хотя С. А. Коноровский в 1946 г. отметил лишь лексему *лесина* в значениях: 1. 'дерево' (пример свидетельствует, что 'отдельное') и 2. 'сваленное, обделанное, приготовленное к вывозке из леса дерево' (Коноровский 1946). В том же районе *лесинник* (дериват от *лесина*) означает 'лес, изобилующий высокими строевыми деревьями' (Доп. Оп. 1858). Деминутив *лесинка* в Псковской зоне значит 'отдельное деревце' (карт. ПОС), а в Архангельской — 'ветка дерева, прут с листьями' (ср. юж.-слав. *шумка*, см. стр. 70); там же *лесинье* 'ветви, сучья и всякие отростки в лесу' (Подвысоцкий 1885).

«Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (ССО) отмечает то же положение, что и в Полесье: *лесина* употребляется наряду с синонимом *деревина* в двух значениях: 1. 'одно растущее дерево', 2. 'ствол срубленного дерева, бревно или толстая жердь'. В том же бассейне реки Оби *лесинка* 1. 'небольшое отдельное деревце', 2. 'прут, ветка' (ССО).

В Сибири, в Западных Саянах *лесина* означает: 1. 'отдельное дерево'; 2. 'ствол дерева'; 3. 'ветки, отростки на дереве': растет две-три лесины от одной — это отростки (Римаш. ЛЛЗС, 133). Все перечисленные семемы могут быть выражены также лексемой *лес*: 1. ветерок дунет — падает шишка, а другая на *лесу* сидит; 2. когда обрубят лес, а всё негодное останется — вершинник; 3. если (дерево) вырвало не сысполна, и на ём лес растет — йскорь называется (Римаш. ЛЛЗС, 133).

Аналогичный семантический сдвиг 'лес' → 'отдельное дерево' отмечен в западной части сербскохорватской диалектной территории, где *гдра* 'дерево, отдельное дерево' (Ни једна гора од првог ударца не паде. — Ни одно дерево не падает от первого удара. РСХКНЈ). Такое положение наблюдается, например, в штокавско-икавском диалекте средней зоны Полици (Далмация),

для которого характерны и чакавские черты (ZNŽO X, 96). Ср. выше юж.-малопольск. *gaj* 'отдельное дерево' (стр. 56). О с.-хорв. *гбра* 'лес' см. ниже (стр. 74).

В Смоленской зоне, где, вероятно, проходит изоглосса, разделяющая ареалы, где суфф. *-ина* означает единичность и множество, отмечены два значения для лексемы *лясина* 1. 'бревно, палка' (Поречский уезд, с. Иньково) и 2. 'вообще лес' (Духовищск. уезд, с. Шиловичи). Из украинской же зоны нам известен только один пример, приведенный Б. Д. Грипченко, с указанием на источник — Каменецкий уезд: *лісовина* 'лесное дерево' (Гринч. СУМ). Здесь уже подобно другим аналогичным западноукраинским и южнославянским дериватам наблюдается комбинация суфф. *-ов* и *-ина* (ср. *буковина*, *липовина* и т. д.).

В западнославянских языках лексема **lēsina* известна только в чешском *lesina* 'площадь, поросшая лесом, лесная поросль' (PSJČ)⁴³. Она образована по той же модели, что и *březina* 'березовый лес', *habřina* 'грабовый лес' и т. п. В южнославянских языках эта лексема отсутствует.

Лексема **lěstь*, манифестирующая семеме 'лес', на южнославянской территории почти вытеснена другими синонимическими лексемами, такими, как **šuma*, **gora*, а в некоторых микродиалектных зонах семема 'лес' выражается лексемами **polnina*, **logъ*, **loza*, **balkan*. Кроме них, в словенских, сербскохорватских северно-чакавских истрийских и штокавских южногерцеговинских говорах зафиксирована архаическая лексема *gozd* — *gvozd* (**gvozdъ*), сохранившаяся в современном чешском и нижнелужицком и встречающаяся в древнесербских, древнехорватских и древнепольских памятниках.

Обычно считалось, что современным восточнославянским диалектам термин **gvozdъ* неизвестен. Однако в 1956 г. К. Мошинский сообщил, что во время своих экспедиций 1922—1926 гг. в Полесье он записал в дер. Дружиловичи бывш. Дрогопчинского повета географический апеллятив *увод* (*hvozd*), выступающий как синоним апеллятива *остров* (*ostrov*). *Остров*, пояснил К. Мошин-

⁴³ В словацком языке существует омоним *lesina* 'часть плетня, деревянного забора', являющийся дериватом от иной основы — *lesa* 'плетень, деревянный забор' (SSJ).

ский⁴⁴, в представлении полешука — 'небольшое сухое, возвышающееся среди болот, пространство, покрытое густым лесом' (см. стр. 117). Термин **gvozdъ* — один из многочисленных фактов, свидетельствующих об архаичности части лексического состава современного словенского языка и его связях с восточнославянской зоной через западнославянские языки, в первую очередь лужицкие, чешский и словацкий⁴⁵. Другой изоглоссой, объединяющей южнославянский диалектный континуум с западнославянским, являются лексемы **suma* и **gora* в значении 'лес'. Лексема **gora*, так же как и лексема **polnina*, колеблется между семантической сферой рельефа и сферой растительности, что будет видно из приводимого ниже материала.

**gvozdъ*: словен. *gòzd* означает 'лес', *črni gozd* 'чернолесье, хвойный лес', *gòzden* 'лесной', *gozditi* I 'заселять', *gozditi* II 'вклинивать, вколачивать, вгонять силой' (что лишний раз свидетельствует о связи слов *gvozdъ* 'лес' и *gvozdъ* 'гвоздь'). Словен. собирательное *gozdòvje* 'большой лес' образовано по модели *bréstovje* 'берестовый лес', *dòbovje* 'дубовый лес', *bùkovje* 'буковый лес' (SSS). Аналогичный материал дают и словенские диалекты; ср. например, резьянск. *hòst* 'лес' (БДК. М I, 806, 812).

По свидетельству Й. Рибарича, в прилегающих к словенским северо-восточным истрийским чакавским и штокавским диалектах сербскохорватского языка *gòzd* 'густой лес, буковый лес'⁴⁶. В Черногории, по свидетельству Вука Караджича, *gvozd* 'скала', 'высокий торчащий камень в горах', но в диалекте черногорского племени Куча, вероятно, сохраняется также значение 'старый, густой

⁴⁴ См. Mosz. Uwagi («Język polski» XXXVI, стр. 204). Там же К. Мошинский приводит и топонимический материал — *Hvùzd* название урочища в Давидгородокском р-не в Полесье, в дополнение к другим полесским и белорусским топонимам и гидронимам (*Гвòздаў* — сосновый лес около Хойник, река *Гвоздица* — приток Уборти и др.), приведенным им несколько ранее (Mosz. Uwagi. «Język polski», XXXV, стр. 121). Нами, к сожалению, термин *гвозд* в Полесье не обнаружен. Будем надеяться, что дальнейшее лингвистическое изучение Полесья позволит выявить новый материал по этому вопросу.

⁴⁵ См.: F. Bezlaj. Stratigrafija Slovanov v luči onomastike. «Slavistična revija», I. XI, Nr. 1—2. Ljubljana, 1958.

⁴⁶ См.: J. Ribarić. Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri. — СДЗБ. IX. Београд, 1940, стр. 148.

лес', что видно из следующего контекста: «Дакле планинска гора се и сад *риједи* несмотранијем *брањем*, јер у планинским *гвоздовима* може сваки племеник да сијече по вољи и потреби коликогод хоће»⁴⁷ [А горный лес и сейчас разреживается (риједи) бесконтрольной рубкой (брањем), потому что в горных густых лесах (гвоздовима) может каждый член племени рубить по своему желанию и нуждам сколько ему угодно]. В южной Герцеговине, прилегающей к Далмации в районе Дубровника, в Пошовом Поле *гвозд*, вероятно, имеет то же значение, что отмечено Вуком в Черногории. Это видно из следующего примера: «Осим тога женске иду у брдо и међу *гвоздима* (шкриповима) гдје не могу доћи коњи ни говеда, чунају виша (врста траве *Lasiagrostis calamagrostis*)»⁴⁸ [Кроме того, женщины идут в горы и среди высоких камней (небольших теснин), где не могут пройти кони и крупный рогатый скот, рвут «виш» (сорт травы)]. В словаре дубровчанина Стулича (начало XIX в.) *gvozd* 'silva antiqua et densa' — 'старый густой лес' (RHSJ). В этом, видимо, значении лексема *гвоздъ* встречается в древне-сербском актовом языке (до XIV в.) и в хорватских чакавских памятниках (до XVI в.), *gozd* зафиксирован также в древнепольском языке (начиная с XV в.)⁴⁹, но из современных польских диалектов он повсеместно исчез (см. Nitsche GTP, 134—135).

Таким образом, в современных южнославянских диалектах лексема **gozdъ* занимает территорию, охватывающую словенский язык, часть сербскохорватских чакавских диалектов (северная Истрия) и штокавских диалектов (северная Истрия, узкий пояс в районе Черногории и Герцеговины, прилегающий к Далмации), т. е. западную часть южнославянской «латеральной» зоны, в то время как в восточной части «латеральной» зоны, на территории южной Болгарии и Македонии, эта лек-

⁴⁷ См.: С. Дичић. Живот и обичаји племена Куча. — СЕЗБ, XLVIII. Београд, 1931, стр. 60.

⁴⁸ См.: Љ. Мићовић. Живот и обичаји Поповаца... стр. 19. См. другие примеры в РСХКНЈ.

⁴⁹ См.: «Słownik staropolski», т. II, zes. 6 (12), стр. 477, где среди прочих приводится следующий пример под 1415 годом: *Sub densis nemoribus et oppacis siluis vlg. gosdi dictis.*

сема не зафиксирована⁵⁰. Исторические памятники и некоторые данные топонимики (см. RHSJ) свидетельствуют о том, что в прошлом ареал лексемы **gvozdъ* на Балканах был значительно шире и захватывал часть современной центральной (штокавской) зоны⁵¹, где в настоящее время распространились такие инновации, как **šuma* и **gora* в значениях 'лес, silva'.

Из западнославянских языков **gvozdъ* сохранился в современном чешском и нижнелужицком языке: чеш. *hvozd* 'большой густой лес', *hvozdnatý* 'поросший большим густым лесом' (PSJČ), н.-луж. *gózd*, *gózda* 'сухой, нагорный лес', *gózdc*, *gózdk* 'сухой лесок', *gózdžic* 'густой нагорный лес' (Muka SDSR).

Совр. с.-хорв. литер. *šuma* 'лес' широко распространено почти на всей сербскохорватской диалектной территории, известно словенскому литературному языку (*šuma* 'лес')⁵², македонскому литературному языку, многим болгарским диалектам и ряду диалектов чешского языка. В македонском *шума* означает 1. 'лес', 2. 'листья широколиственных деревьев', 3. 'срезанные ветви с листьями, высушенные и заготовленные для зимнего корма скоту', 4. 'листья кукурузы' (PMJ)⁵³. С.-хорв. диал. также *шума* 'ветка с листьями'. Это значение отмечено в Далмации в пункте Трпань, в Боснии в пункте Високо; это же

⁵⁰ О центральной и латеральной лексических зонах на языковой территории балканских славян см.: В. Вратаниć. *Uz problem doseljenja Južnih Slavena*. «Zbornik radova (Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu)», 1951, стр. 221—250; Н. И. Толстой. Из географии славянских слов, 1—5. — ВСЯ, 6, 1962, стр. 140—155 и сб. «Общеславянский лингвистический атлас». М., 1965, стр. 133—147).

⁵¹ Об экспансии элементов штокавской зоны или о так называемых штокавских инновациях см.: I. Поповиć. *Geschichte der serbokroatischen Sprache*. Wiesbaden, 1960, стр. 440—444; И. Поповић. Сербскохорватско-болгарские лексические этюды. «Славянское языковедение». М., 1958, стр. 35—47; Он же. Южнославянские лексические этюды. — КСИС, 35, М., 1962, стр. 44—62.

⁵² Словенские дериваты от *šuma*: *šumar* 'лесник', *šumarški* 'лесной, лесоводческий', *šumarstvo* 'лесоводство', даны в SSS с пометой 'избегать в хорошем языке'. Возможно, что они воспринимаются как заимствования из сербскохорватского.

⁵³ Ср. значение в юж.-макед. говорах: *шума* му велиме / та од бѹка лис и от ченѹца лис / та *шума* му велиме (с. Куца и Караджовско в Воденском р-не на границе с Кукушским — собственные наблюдения).

значение есть и в болгарском литературном языке (и диалектах), где, кроме того, существует близкое значение 'листья широколиственных деревьев' (БТР). Помимо болг. диал. *шѹма* 'лес, кустарник' (БТР дает помету *обл.* — областное), известна лексема *шумѹк* 'густой мелкий лес, чаща' (по модели *брезѹк* 'густой березовый лес', *дѹбѹк* 'дубовый лес или кустарник' БТР), принятая в литературном языке и зафиксированная в ряде говоров⁵⁴. *Шѹма* в значении 'лес' характерно не только для западноболгарских говоров: это слово встречается далеко на востоке и северо-востоке, например, в округе г. Севлиево, где *шѹма* 'лес', 'лиственный лес, используемый для фуража', 'лиственный фураж'⁵⁵ в еркеческом говоре, где *шѹма* 'низкий, корявый лес' (ИИБЕ IV, 365), а дериваты от *шѹма* типа *шумнѹт* 'покрытый листвою, листьями' распространены на крайнем юго-востоке в Страндже⁵⁶.

Этимология слова **šuma* не вызывает никаких затруднений: связь с глаголом **šuměti* (с.-хорв. *шѹмети*, болг. *шумѹя*, чеш. *šuměti* 'шуметь') очевидна. 'Листья (листава)' ↔ 'листья с ветками' ↔ 'низкий лиственный лес' ↔ 'молодой лиственный лес' ↔ 'лес' такова семантическая цепь, начало которой идет от 'шумящих и шелестящих листьев', а кончается, как будет видно из последующего материала, 'мусором'.

В сербскохорватском косовско-метохийском диалекте *шѹма* означает, во-первых, 'гора, поросшая лесом', во-вторых, 'листья от лесных деревьев' (Елез. РКМД). Приведенные выше толкования Г. Элевович сопровождается следующими примерами: Отишѹо у шѹму за дрѹва; Стѹка јѹ шѹму [Пошел в лес по дрова; Скот ест листья] (ср. болг. *шѹма* 'листья, лиственный фураж'). В Южногерцеговинской зоне в районе Попова Поля лексема *шума* употребляется наряду с лексемой *гора*, притом *шума*

⁵⁴ Ср., например, в говоре с. Габаре Белослатинской окolini *шумѹк* 'низкий лес' (ИИБЕ IV, 171).

⁵⁵ См.: Н. И. Ковачев. Местные названия от Севлиево. София, 1956, стр. 52.

⁵⁶ Толкование снабжено следующим примером: Димо одѹбу ид'ѹше, шумнѹта в'ѹйка нѹсеше (БД I, 158). Значение *шѹма* 'лес' отмечает И. Гылыбов в Страндже в связи с топонимом *Гѹбрувата шѹма* (с. Индже-войвода) см.: И. Гъльбов. Прибос кѹм изучаване на странѹжанската топонимия. «Странѹжанска екснедѹция 1955». София, 1958, стр. 94).

означает более мелкий лес, так называемую «зимну гору», т. е. 'лес, листья которого можно употреблять на корм скоту, мелкий лес', а *гора* 'крупный лес'⁵⁷. Можно предположить, что такое соотношение старше простой синонимии **šuma* : **gora* которая возникла в ряде диалектов, а потом стала междиалектной, так как в большинстве диалектов сохранилась только одна из двух лексем с общим значением 'лес'.

По свидетельству В. Караджича, в той же зоне по соседству с Макарой в районе Имотского Поля *шума* означает 'сухие ветки, сухие дрова' (Вук СР). Семема 'сухая, опавшая листва' в сербскохорватском языке (госр. говорах) манифестируется рядом лексем: *шумань*, *шумкор* (ср. *шумтати* 'шелестеть') и *шумље*. Последняя находит свое соответствие в западноболгарской форме *шумл'ак* или *шумл'опок* собир. 'сухие стебли растений', зафиксированной в кюстендилском говоре (Умл. КГ, 271)⁵⁸. В соседнем софийском говоре *шумл'ак* значит уже 'мусор' (БД I, 273, БД II, 113), а *шумл'аф* 'захламленный, покрытый мусором' (БД II, 113). В тот же семантический ряд следует отнести литер. и диал. *шумка* 'соринка'

⁵⁷ См.: М. С. Филиповић и Љ. Мићовић. Поново у Херцеговини. [Сарајево, 1959], стр. 147.

В центральной Сербии, в Расине, для того чтобы сделать оглоблю, используют подходящий дуб, дубок. Такой дубовый материал называется *шумаровина* (см.: С. М. Мијатовић. Занати и снафи у Расини. — СЕЗБ, 42. Београд, 1928. стр. 25).

⁵⁸ В Лике, области, простирающейся за северодалматинским горным хребтом Велебит, в говоре с. Смилић противопоставляется 'густой крупный лес' 'густому мелкому лесу'. Первая семема выражается лексемами *timor — gora* (ср. с.-хорв. *тјмор* 'каменное место') и *duman* (ср. тур. *duman* 'темень, мрак'), а вторая — *šušljaga* (ср. ниже болг. *шумл'ак*) и *guštar* (от с.-хорв. *густ* 'густой'). Несколько южнее, в Далмации, в районе Макарой, для зарослей лозы установлена в говоре возрастная сегментация: лоза, которой уже два года, называется *шумљак*, годовалая только что проросшая лоза называется *сад*, трехлетняя — *поглавник*, а четырехлетняя — *маца* (RHSJ). В еленском диалекте *шумл'оп* 'листья, покрывающие кукурузную кочерыжку' (БД II, 319), а в родонском асеновградском диалекте *шумл'ок* 'полугнилые листья и сучки, употребляемые как топливо' (БД II, 307). Ср. диал. *шумтѐ* 'сор' и *шумтѐм* 'сорить', лит. *шумна* 'шелестеть', с.-хорв. *шумтати* 'то же'. Возможна коптаминация от **шумтия* и *сушл* 'сушить', например для лексемы *шумл'ок* (с > ш), так как 'сушеное мясо' в девинском родонском говоре *шумѐница* (БД II, 307).

(РСБКЕ, БД I, 217) и родонск. *шумтѐ*, *шумтие* мп. 'сор' (БД II, 307), *шумтѐм* 'сорить' (БД II, 307).

От оноματοпозитического корня **šuš* в сербскохорватском языке есть еще ряд образований, относящихся к растительному покрову: *шумњар* 'куст' (Бак. РСХКЈ)⁵⁹, *шумњав*, *шумњаст* 'кустистый, ветвистый', *шумњат* 'покрытый листьями, листвою' (Вук СР, Бак. РСХКЈ) и в том же значении *шумнат* (Вук СР).

Несомненный интерес представляют более поздние болгарские семантические образования. По тому же образцу, что и от *шумя* 'шуметь' возникло *шума* 'обрубленные ветки с листьями', в кюстендилском диалекте от *шумоля* 'шуметь не громко, шелестеть' образована лексема *шумол'ак* 'листья с ветками': Направиме кол'иба от шумол'ак од дабие [Сделали мы палаш из дубовых веток] (Умл. КГ, 271)⁶⁰. В соседнем софийском говоре, как и в случае с лексемой *шумл'ак*, мы наблюдаем определенное семантическое смещение: *шумол'ика* здесь уже — 'сорняк, растущий в жите' (БД II, 113).

Семантическая цепь 'лес' ↔ 'листва' ↔ 'мусор, сор' ↔ 'грязь' может быть прослежена не только в ряде южнославянских диалектов, но и в западно- и восточнославянских. Аналогично болгарским дериватам *шумол'а* ↔ *шумол'ак* ↔ *шумол'ика* соотносятся чешские дериваты *šuškatí* (диал. *šušnati*) 'шептать, напептывать' ↔ *šušnůj* 'чумазый, грязный' ↔ *šušnivec* 'грязнуля, замарашка'.

В чешских диалектах *šuma* 'лес' (PSJČ дает при этом помету *устар.* и *диал.*). То же значение отмечено и в польских диалектах, где *szuma*, *szumia*, *szumawa*, *szumek* 'лес' (SW)⁶¹.

⁵⁹ Ст. Илчев в ботевградском говоре записал лексему *шумт'ак* (ср. с.-хорв. *шумтати*) в идиоме *фанá шумт'ака* 'сбежал, скрылся' (БД I, 205). Можно предположить, что *шумт'ак* вне идиоматического сочетания означал 'кустарник, лес' (по модели *шум'ак*); ср. болг. *хвана гората* 'скрыться, скрыться в лесу'.

⁶⁰ Аналогичный пример можно привести из болгарского пирдопского диалекта. В топонимике Пирдопского края есть два названия для одной и той же местности — холма (*рътлина*), поросшего мелким лесом: *Шумната рѐтлина* и *Шумурлива рѐтлина*. Как предполагает Й. Заимов, прилагательное *шуморлив* произведено от глагола **шуморя* 'шуметь, поднимать шум' (см. Й. Заимов. Местные имена в Пирдопско. София, 1959, стр. 290).

⁶¹ Быть может, сюда же относится и польск. диал. *szum* 'мусор' (SW), хотя нельзя исключить возможности влияния заимствования из немецкого *szum* (а также *szuma*) 'пена, накипь'

На восточнославянской диалектной территории выделяется ареал, охватывающий, по предварительным данным, Восточное Полесье, спорадически восточную, центральную и северную Белоруссию и Псковскую землю. В этом ареале **šuma* означает 'сор, мусор', 'остатки соломы, мякины', 'сор от семян и зерна'. Ср. черниговск. *шумá*, вост.-полесск. *шўма* 'остатки соломы, употребляемой для плотины' (Гринч. СУМ, Лис. СССР); центр.-б.-рус. червенск. *шумá* 'навоз из сухой мелкой соломы и прочих остатков на гумне, слегка подгнивших' (Шат. КСЧ); витебск. *шумá*, *шўма* 'сор' (Касп. ВКС, МСНДМ, 82), полсцк. *шўма*, *шўмець* 'сор на гумне, мякина, перетертая, непригодная для корма солома' (Янк. ДСП), псковск. *шўма*, *шумá* 'грязь, мусор' (Кузнецов 1912), 'всякий сор' (Опыт 1852, Копаневич 1902—1904, карт. ПОС), 'сор от семян, зерна' (карт. ПОС), 'отходы при молотье' (карт. ПОС), прибалтийско-русс. *шўма* 'мусор' (СРСП). Следует отметить также такие дериваты, как витебск. *шуміна* 'соринка' (МСНДМ, 148), прибалтийско-русс. *шуміна*, *шумінка* 'то же' (СРСП), псковск. *шўмина*, *шуміна*, 'то же' (карт. ПОС) (ср. суфф. *-ина* в значении "единичность предмета": *лесина* и т. п.), витебск. *шумётник* 'место, где складывается мусор' (Касп. ВКС), прибалтийско-русс. *шумётник* 'то же' (СРСП), псковск. *шумáра* 'мусор (в избе)' (карт. ПОС)⁶², псковск. *шумнбй*

(SW). Ср. нем. *der Schaum* 'пена, накипь'. Этот германизм довольно широко распространен в зап.-слав. и примыкающих к ним вост.-слав. диалектах. Ср. польск. *szumowina*, чаще *szumowiny* 'пена, накипь' (SW), чеш. народ. *šum* 'то же' (PSJČ), словац. обл. *šum*, *šumina* 'пена (на вине и т. п.)' (SSJ), укр. и б.-рус. *шум* 'пена' (Гринч. СУМ, Нос. СБН).

⁶² С лексемой *шумáра*, по-видимому, связан широко распространенный в северной, средне- и южновеликорусских диалектах глагол *шумáркать* 'слегка шуметь', 'шуметь', 'буйнить', 'говорить громко', 'шептать', 'бушевать', 'заводить ссору, задорить', 'кидать, швырять', 'важничать', 'бояться', 'шутить', 'мешкать', 'заботиться', и т. п. (Опыт 1852. Доп. Оп. 1858, Мельн. КЯЮС, Васнецов 1907, Луканич 1856, Архангельский 1853, Добровольский 1905, Копорский 1946, Бирюков 1934, Сахаров 1901, Бодров 1853, Куликовский 1898, Дилакторский 1902 и др.) и олонекский глагол *шўморить* 'нашептывать, колдовать' (Георгиевский 1896, Куликовский 1899). Ср. также субстантивно-вербальную параллель в прибалтийско-русских говорах *шум*, *шўма* 'сор, мусор' — *шуміть* 'то же, что *сб́рить*, сорить' (СРСП).

'сорный (о ржи и т. п.)' (Копаневич 1902—1904). К ним примыкает также дериват *шўмоть* 'остатки рваной одежды, доскуты', зафиксированный в украинском Восточном Полесье (Обручский р-н, д. Выступовичи, Лыс. ССЖ).

В белорусском Восточном Полесье нами отмечено *шумот'а* 'остатки соломы': *сіно ні зл'аґапо, — то як шумот'а* (Ш.). Это значение, надо полагать, предшествовало значению 'тряпье, доскуты'.

В качестве лексико-семантического соответствия южнославянским — коссовско-метохийскому *шўма* 'листья, листва', болгарскому севлевск. *шўма* 'лиственный фураж' и др. (см. выше стр. 65) можно отметить вологодск. *шум* 'густо навалившийся на землю осенью древесный лист' (Иваницкий 1883—1889, Дилакторский 1902).

В том же севернорусском ареале, в олонекских диалектах, А. А. Шахматов записал *шўмоґа*, *шумоґá* 'пустяки', 'отбросы': одну шумоґу набрали на поле (Куликовский 1898), которую можно соотнести с украинско-белорусско-псковским *шўма* 'сор, мусор, остатки соломы', и т. п.

Особый интерес представляет бойковский термин *шумáга* 'высокая гора' (д. Сушица Рыкова, Старосамборск. р-н. Оныш. СБД), демонстрирующий семантический переход 'лес' → 'гора' (ср. ниже аналогичный переход в сербском шумадийском селе Аджибеговац *планина* 'лес', стр. 83). Однако этот единичный пример требует, безусловно, еще проверки и прежде всего подтверждения в том, что он является географическим апеллятивом, а не топонимом. Из однокоренных слов в украинской Карпатской и Прикарпатской зоне (в основном в закарпатских гуцульских, покутских и наднистрийских говорах зоны КДА) отмечены *шумелина* 'листья, обвивающие кукурузный початок, стебли, листья кукурузы, бобовых', 'капуста, у которой листья не завиваются в кочан', 'верхние несъедобные листья капусты', 'стручки бобовых, из которых вышелущены зерна', 'название растения' (какого? — Н. Т.), 'стружки'; *шумела* 'стручки бобовых, из которых вышелущены зерна', 'скорлупа орехов', 'название растения' (какого? — Н. Т.), *шумиль* 'листья, обвивающие кукурузный початок'; *шумак*, *шумелка* 'капуста, у которой листья не завиваются в ко-

чан' (КДА карта № 166; см. также атлас И. А. Дзендзелевского, карту № 203⁶³).

Деминутивный, деэтимологизированный (по терминологии Л. А. Булаховского⁶⁴) дериват **šumьka* распространен на южнославянской территории в районе южной Сербии и северной Македонии: *šumьka* 'веточка с листьями' (RHSJ); *шумка* 'веточка с листьями', *шумка од полажења* 'веточка ползника'⁶⁵, *шумка* 'ветка дубового дерева с листьями': Задени ту ползникуву шумку за врата. [Засунь эту шумку ползника за двери] (Елез. РКМД). *Шумка* — ритуальный атрибут народного обычая *полажење*⁶⁶. Семантическая мотивированность термина достаточно ясна: палицо метонимический переход с целого ('лиственный лес', 'лесок') на его часть ('небольшая ветка с листьями'). То же явление также с ритуальным оттенком в значении (который заложен в самом денотате) мы отметили уже в польском — опольское *gożik* 'маленькое хвойное дерево', 'рождественская елка' и в севернорусском: архангельск. и обск. *лесина* 'прут, ветка' (см. выше стр. 59).

Таким образом, лексема **šuma* дает довольно значительную амплитуду колебания на семантическом пространстве, содержащем следующие звенья: 'листва' ↔ 'ветки с листьями' ↔ 'молодой лиственный лес' ↔ 'лес' ↔ 'отходы от соломы, зерна' ↔ 'мусор'.

Нетрудно заметить, что амплитуда колебания лексемы **gajь* в целом ряде звеньев аналогична: 'хворост, вет-

⁶³ См.: Й. О. Дзєндзєлївськїй. Лїнгвїстичнїй атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. (Лексика), ч. II. Ужгород, 1960.

Р. В. Кравчук указал мне на интересный пример из записей И. Вагилевича — бойковск. *шум* 'ветви', см.: J. W a h y l e w i ś. *Bojkowé, lid ruskosłowianský w Haličjuh*. «*Časopis Českého Museum*», roč. 15, sv. 1. Praha, 1841. стр. 53.

⁶⁴ См.: Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке. «Труды Ин-та русского языка», т. I. М., 1949, стр. 147—209.

⁶⁵ См.: Д. Дебєльковїћ. Обичаї српског народа на Косову Пољу. — СЕЗб, VII. Београд, 1907, стр. 332.

⁶⁶ Об обычае «полажења» см.: П. Богатырев. «Полазник» у южных славян, мадьяров, словаков, поляков и украинцев, «*Lud Słowiański*», t. III, zes. 1 и 2. Kraków, 1932—1934, стр. В 257—258.

ки' ↔ 'молодой лиственный лес' ↔ 'лес' ↔ 'отходы от соломы, зерна'.

Термин **gora* в значении 'лес' широко распространен на южнославянской территории. В болгарских и македонских диалектах он почти повсеместно означает 'лес вообще'⁶⁷ и встречается часто вместе с менее распространенным термином **šuma*, который обычно означает 'лиственный лес', 'мелкий лиственный лес'. То же значение **gora* 'лес' известно на значительной части сербскохорватской диалектной территории, где этот термин выступает иногда наряду с синонимичным **šuma*. Не только как топоним, но и как географический апеллятив **gora* в ряде мест сохраняет более старое значение 'гора' (ср., например, топонимы *Црна Гора*, *Фрушка Гора*), хотя эта семема чаще выражается лексемами **polnina*, **brdo*, **bergь*. По свидетельству Загребского академического словаря, *gōra* в значении 'лес' известна не только в районе Имотского Поля, как отмечал еще В. Караджич (Вук СР), но и «во всем Приморье и далее»; вообще же «не всегда можно отличить одно значение от другого» (RHSJ). В бывшей Риечкой нахии в Черногории *gōra* 'лес' (ZNŽO XVIII, 168). Такое же значение зафиксировано в далматинском Дрвенике около Макарской (ZNŽO XXVI, 185), на острове Корчула (СДЗб XI, 209), в Буковице, в Скрадинской общине севернее Шибеника (ZNŽO XII, 209), на северном побережье Риекского залива в Каставе (ZNŽO 39, 289), в Хорватии в районе Госпица (ZNŽO XVI, 150), в Шупшневом Селе и Чаковце (ZNŽO V, 166) и других пунктах. Авторы древних сербскохорватских словарей в зависимости от своей диалектной принадлежности по-разному толкуют лексему *gōra*. Вранчич, Белостенец, Ямбренич и Вольтич дают только перевод-толкование 'гора, mons', Микаля, делла Бела и Стулич — толкование 'гора, mons' и 'лес, silva'. Термин **gora* в значении 'гора' более распространен в центральной части штокавской зоны, в кайнавских и словенских

⁶⁷ Ср. материал, извлеченный В. Будишевской из румынских памятников XV—XVI вв., переводных со славянского (среднеболгарского?), где гора воспринималась как 'лес' (codru). См.: W. B u d z i s z e w s k a. *Z bułgarskich studiów wyrazowych*. «*Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*», 6. Warszawa, 1967, стр. 143—144.

диалектах. При этом, как отмечает Р. Бадюра, словен. *góra* означает не только 'высокая гора — ein hoher Berg', как толковал М. Плетершник (Plet. SNS), а 'гора вообще, любая, в том числе и небольшая гора, возвышенность' (Badj. LjG, 116). Таким образом, значение словенского *góra* аналогично общерусскому *гора́*, хотя в словенских диалектах, в частности в юго-восточной Штирии, *góra* 'горный лес' (Plet. SNS). Подобно тому как русское *лес* означает и 'строительный деревянный материал', болг. литер. *gorá* выражает также семему 'деревянный материал, но не доски; балки, бревна' (БТР). Это же значение зафиксировано в западноболгарских говорах, в частности в р-ше Самокова в с. Говедарци (ИИБЕ IV, 300) и в переходном болгарско-сербском пиротском диалекте (RHSJ). В ряде сербскохорватских говоров аналогично семантическому переходу и соотношению, выражаемому лексемой *шума*: 'лес' ↔ 'ветки от деревьев', фиксируется еще одно значение: *góra* 'ветки от деревьев'.

Выше было отмечено, что ареал распространения слова **šuma* 'лес' захватывает часть западнославянской диалектной территории. Укажем теперь, что с ним частично перекрывается, но полностью не совпадает, так как захватывает более широкий диалектный массив, ареал слова **gora* 'лес'. В моравских диалектах *hora* 'лес' (Bart. DSM., Bart. DM I, 215, DM II, 317, Mal. SNM); в центральной и северной части зоны дольских моравских наречий *hora* 'взрослый лес' (Belić DNM, 180)⁶⁸; в мистрицком моравском говоре — 'лес с крупными деревьями' (Mal. SNM). Аналогичное значение 'высокий лес' зафиксировано на моравско-словацком языковом пограничье в районе Яворника⁶⁹. В словацком *hora* 'лес' (SSJ) и 'гора, обычно поросшая лесом' (SSJ). Последнее значение для восточнословацких диалектов отмечает Цамбель⁷⁰; ему в значительной мере соответствует малопольское *góra* 'склон горы, поросший лесом' (Kuc. PSTWM, 29), хотя в той же диалектной зоне наряду с этим значением зафиксировано и обычное, общепольское *góra* 'гора' (Kuc. PSTWM, 29).

⁶⁸ В южной части зоны дольских наречий *hora* 'виноград' (Belić DNM, 179). Так же в словен. *gora* 'виноградник' (Plet. SNS).

⁶⁹ См.: F. Světlák. Karlovičské nářečí. Praha, 1957, стр. 115.

⁷⁰ См.: S. Czambel. Východoslovenské nářečie. Turčianský Sv. Martin, 1906, стр. 518.

Для остальных западнославянских диалектов, так же как и для всех восточнославянских, характерно значение термина **gora* 'гора, возвышенность'. У восточных славян наряду с этим значением встречается орографический термин **gora* 'высокий берег реки', 'берег реки', 'правый берег реки'. Эти случаи будут рассмотрены ниже в связи с лексемой **bergъ* (см. стр. 94).

Семантический переход 'гора' ↔ 'лес' можно считать одним из универсальных семантических сдвигов, характерных не только для славянских, но и для других индоевропейских, угрофинских, тюркских и монгольских языков⁷¹.

В славянском языковом мире тенденция к такому семантическому сдвигу ярче всего проявилась у южных славян, — в некоторых говорах она распространилась и на заимствованные слова. Так, например, лексема *балкан*, выражающая в большинстве болгарских говоров семему 'холм, гора, возвышенность', в родном говоре села Старцево (Елехча) близ города Златограда манифестирует семему 'лес', 'горный лес': *не'акаа тоо балкан моо балкан дърве има много* (собств. наблюд.), а лексема *байр*, выражающая в литературном языке и в большинстве болгарских диалектов семему 'холм, гора, возвышенность' (БТР), в юго-восточном говоре села Нова Надежда (Гердима), близ города Хасково, манифестирует еще и семему 'лес': *на байр'ъ има млогу дърва* (ИИБЕ IV, 214)⁷².

⁷¹ См., например, замечание А. И. Попова в его кн.: «Из истории лексики языков Восточной Европы». (Л., 1957, стр. 86) и статью Э. М. Мурзаева «Гора — лес» («Русская речь», 1967, № 1).

⁷² Для болгарских диалектных слов *балкан* и *байр* в указанном выше значении 'лес', 'горный лес' можно предположить и следующую судьбу. Они могли проникнуть непосредственно из турецкого языка без изменения семантики, ср. тур. лит. *balkan* 'горная цепь, покрытая лесами'; *bayir* 'холм, бугор, склон горы (поросший деревьями)'. В большинстве же других болгарских диалектов при заимствовании или позже был утрачен семантический ДП 'растительный покров' при сохранении основного значения 'гора, возвышенность'. Чрезвычайно любопытна семантическая амплитуда колебания термина *balkan* в турецких диалектах. Ср. *balkan* [*balgam*, *balgamlik*, *balgan*] 1. 'болото, топь, трясина'; 2. 'место, где скопляются загрязненные воды'; 3. 'лужа'; 4. 'грязь, образовавшаяся от таяния снега и дождя'; 5. [*balgamlik*] 'место, поросшее густым лесом', 'место, поросшее

В Полесье чистое луговое пространство среди леса или болота, иногда у реки, пригодное для пастбища, называется *полбнь* или *болбнь*. Обе формы не сосуществуют в одних и тех же говорах и могут быть разграничены географически. В западном Полесье и в западной части центрального Полесья *полбнь* 'чистое безлесное место, луг, сенокать' почти то же, что и *чал*' (Св.), *полбнь* 'чистое место на болоте и в лесу, сенокать, пастбище' (Гр.), *полбнь*'*н*'*а*, уменьш. *полбнь*'*ка* 'луг, пастбище' (Лх.), *пулбнь* 'открытое место без леса и кустарника' (Рдс.). В Центральном Полесье в районе Пинска и далее на восток в Восточном Полесье известен термин *болбнь* и близкие к нему дериваты *болбнь*'*н*'*е* 'луг, сенокать' (Бч.), 'заливные дуга, сенокосы' (Хр.), *болбнь*'*е* 'нескашиваемый луг с редкой травой, пастбище' (Гл. Др.), *болбнь* 'заливной луг у реки' (Дк.), *болбнь*'*н*'*е* 'луг' — *у лубі, у болбнь*'*і* (Ш), *оболбнь* 'низкое место возле реки, сенокосы, иногда заросшие кустарником' (Кч.), *оболбнь*'*е* 'большое низменное пространство, занятое обычно под сенокосы' (Кн. Дв. Дрн.).

Несмотря на общность и устойчивость семантики, возможность формального объединения корней **boln-* и **poln-* и рассмотрения их как фонетических вариантов одного корня наталкивается на значительные трудности, что вынуждает нас, при нынешнем состоянии вопроса о допустимости существования дублетных форм с *b/p* отказаться от их сближения и совместного рассмотрения⁷³.

кустарником'; 'чаща', 'кустарник', 'рощица'; 6. 'равнина, низменное место'; 7. мокрота. (Türkiye'de halk ağizından derleme sözlüğü, II, Ankara, 1965). Ср. также *bayır* 1. 'невозделанное поле, степь', 2. 'земли, годные для возделывания винограда'; 3. 'пастбище' (там же, стр. 580). Даже эти два примера показывают, сколь интересна проблема изучения тюркских географических терминов и сколь близки к универсальным семантические сдвиги, наблюдаемые на материале языков разных семей.

⁷³ Это положение не меняют и два следующих момента, из коих один относится к древнему праславянскому состоянию, а другой — к современным особенностям ряда полесских говоров. Таковы, во-первых, параллелизм форм типа *брызгать*—*прыскать*, *блевать*—*плевать*, серб. *бабѣшка*—*пѣпушка* 'шишка, пупы-

Обращаясь сначала к термину ⁺*bolnъ* (⁺*bolnъje*, ⁺*obolnъje*), отметим, что основная масса восточнославянских диалектов, в которых он распространен, сохраняет устойчивую семантику слова с незначительными модификациями.

Так, в Белоруссии по И. И. Носовичу (вероятно, на Могилевщине) *болбна*, *болбнина*, *болбнь*, *оболбна*, *оболбнина* 'обширное, открытое ровное место при селении или в поле, поляна', *блонь* 'блонье, открытое место, равнина, поле' (Нос. СБН), в западной части Могилевской обл. в районе Мстиславля на границе со Смоленщиной *аболбнь*, *аблбна*, *аблбньня*, *аблбнина* 'равнина, ровное поле' (Бяльк. ДСЎБ), *блбнь* 'равнина, ровная низина' (Бяльк. ДСЎБ), в районе Глусска (Могилевская обл.) *абалбнь* 'луговое побережье реки, которое заливается в половодье' (Янк. ДС I), а в Быховском р-не той же Могилевской обл. *балбньня* 'заливной луг' (МСНДМ, 84). На Витебщине *болбньне* 'пойма', 'пизина, болото' (Касп. ВКС), в районе Полоцка *абулбнь* 'прибрежный заливной луг' (Янк. ДС II, 16), на Псковской земле *оболбнье* (*оболбнье*, *оболбньне*) 'сырое и неудобное для покоса место', 'низкое болотистое место' (карт. ПОС), на Смоленщине *болонья* 'заболоченный луг', *блбнье* 'низкое место, луг, залитый водою' (Добровольский 1914)⁷⁴, *блонь* 'равнина, выпас для скота' (Монастырск. р-н, граничащий с Белоруссией)⁷⁵, в курских говорах, по

рышка' (см.: И. Попович. О словесных корнях **pob-*, *pob-* и неким ъховим дериватама. «Јужнословенски филолог», XIX, књ. 1—4. Београд, 1951—1952, стр. 159—171), связанные с ономотопеическим (экспрессивным) моментом и, во-вторых, характерное для группы полесских говоров локальное и спорадическое явление перехода *n* → *b*, особенно в позиции перед лабиальным *o*, типа *бол'аки/пол'аки* 'поляки' (Лк.), *Болтаўскаја губэрніја* 'Полтавская губерния' (Лк). Об этом явлении см. подробнее: М. И. Лекомцева и С. М. Толстая. Фонологический комментарий к полесским диалектам. «Полесье». М., 1968, стр. 56.

⁷⁴ В. Добровольский сопровождает лексему *блбнье* примером, взятым из фольклора, из народной песни.

⁷⁵ См.: А. И. Иванова. К истории слова *болонье* (*блонье*). «Труды Второй научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр русского языка педагогических институтов». Владимир, 1964. — В этой статье А. И. Иванова приводит не только материал собственных наблю-

свидетельству М. Халанского, *болонья* — 'заливной луг'⁷⁶, в районе Жыздры *оболонье* 'топкое место' (СРЯ, т. 14). В том же значении 'луговая низменность' лексема *болонь* зафиксирована в украинских говорах на Киевщине в Переяслав-Хмельницком и Бориспольском районах (Мар. МСУГА), лексема *болоння*, *оболонь*, *оболбня*, *оболбне* в Черниговской, Киевской, Винницкой, Тернопольской, Станиславской и Львовской областях (Мар. МСУГА)⁷⁷. Для бойковских говоров характерны лексемы *оболбн'а* (уменьш. *оболбн'це*) и *оболбн'е* 'выгон, лужок' (Опыш. СБД). Полонизованные формы *блонь*, *аблонь*, *аблона* встречаются sporadически в белорусских и смоленских говорах. Им соответствуют польские *blonі*, *blonie*, *blonia* 'луг', 'общественное пастбище, большое пастбище' (Nitsche GTP, 108), полаб. *bluonó* 'луг, пастбище' (Rost SDP), в.-луж. *blóik* 'лужайка' (?) (Фасмер ЭСРЯ I), н.-луж. *blóte* 'травник, пажить, долина, общественный выгон' (Muka SDSR), древнечешское *blana* (XV в.) 'травник, пажить' (Mach. ESJCS).

Лексема **bolнь* (п ее варианты **bolньje*, **o-bolньje*), манифестирующая почти идентичные семемы 'луг', 'пастбище', 'луговая низменность' и т. п., распространена в ареале, охватывающем большинство белорусских и соседние исконные, смоленские, курские великорусские говоры, говоры западно- и центральноукраинские, польские и лужицкие. Сюда же с некоторой долей вероятности можно отнести и зап.-болг. *бланá* 'дёрн', предположив, что это слово отражает семантическую модификацию, сохраняющую связь с прежними семемами

дений для «Смоленского областного словаря», но и обильный диалектный и исторический материал по русскому и другим славянским языкам.

⁷⁶ См.: М. Халанский. Сведения и заметки о говорах русского языка. — РФВ, т. XVI. Варшава, 1884, № 4, стр. 233. — С. М. Кардашевский в «Курско-орловском словаре» своего материала по слову *болонья* не дает, а ограничивается только ссылкой на М. Халанского и на Даля, у которого слово *болонья* 'низменная луговая равнина у реки или озера' дано с пометой «зап.»

⁷⁷ При этом в одних и тех же населенных пунктах часто одновременно встречаются различные формы одной и той же лексемы, выражающие одну семему 'луговая низменность'. Например, в пунктах Цыбли, Вьюнице и Козицы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. зафиксировано *болбнь*, *оболбнь* и *оболбня* (Мар. МСУГА).

'луг', 'травяной покров на значительном пространстве' и т. п. Ср. зап.-болг. *бланá* 'дёрн' (Сб.НУ X, 223—224), софийск. *бланá* 'то же' (БД II, 70), врачанск. *бланá* 'комок земли' (СбНУ XIV, 190), белослатинск. *бланб* 'комок земли или навоза' (ИИБЕ IV, 150), *бланá* 'навоз, выделанный брусом для топлива, кирпич кизяку' (Гер. РВЯ), где 'дёрн' пережил дальнейшее изменение → 'комок земли' → 'комок навоза' → 'кирпич кизяка'. Не менее вероятным будет сближение **bolna* 'дёрн' с **bolna* 'пленка, кожица', **o-bolna*, **bolнь* 'верхний слой дерева под корой' (ср. польск., б.-рус., укр., рус., словац., чеш. см. Фасм. ЭСРЯ), так как 'дёрн' может трактоваться как 'верхний слой земли', 'верхний слой луга'. Ср. также рум. *bláná* 'шкура животного с густой шерстью, щетиной', арумунск. *bláná* 'доска, большой кусок дерева, сыра'⁷⁸ из славянск. (Mih. ÍVSS). У М. Фасмера для болг. *бланá* значение 'ровное место, лужайка, глыба' дано ошибочно (Фасм. ЭСРЯ). Что же касается с.-хорв. ю.-зап. *блáньа* или *плáньа* 'рубанок', 'долото, топор', *блáньалица* 'то же' (РСХКНЈ, RNSJ), то это слово нужно возводить, вероятно, к латинск. *plana*, *planula*, а не к слав. **bolna*, вопреки мнению Г. Михайла (Mih. ÍVSS, 88).

Ареал термина **polнь*, имеющего в общем то же значение, что и **bolнь*, почти не перекрывается с ареалом термина **bolнь* за исключением, вероятно, отдельных случаев в Полесье, в южнопольской и южноукраинской зонах, где, однако, нам неизвестны примеры одновременного употребления двух форм в системе одного диалекта (болг. *блана* здесь не учитывается из-за специфики семантики и скудости материала).

Лексема **polнь* и ее территориальное распространение будут рассмотрены отдельно от дерпвата **polнина*, получившего в ряде славянских диалектных зон и говоров специфическое семантическое развитие.

Ареал лексемы **polнь* (варианта **polньja* и т. п.) — кроме полесских, словацкие, моравские, южнопольские, словенские и сербскохорватские (в основном западные и южные) говоры.

В Полесье термин *полбн'* сохранил, надо полагать, наиболее древнее для славянского диалектного континуума значение 'чистое, свободное для пастбища или сенокоса место'. Ср. словац. *plán* 'широкая равнина',

'плоскогорье', 'площадка в горах' (SSJ), чеш. *plán*, *pláně* с тем же значением (PSJČ отмечает еще признак 'без растительности или с низкой порослью'), моравск. диал. *ptaň* 'дикая голая вершина' (Bartoš DM I, 248, Svěrák KN, 129), польск. *plonia* 'лужайка в лесу' (Nitsche GTP, 115, 151), юж.-польск. *plania*⁷⁸ 'пространство (большая площадь поля и леса)' (Kuc. PSTWM, 27), 'полянка в лесу' (Karł. SGP, 134), в.-луж. *plonj*, *plóna* (синоним — *plonina*) 'равнина' (Jak. HSNS), словен. *plan* 'открытая местность, не поросшая деревьями', 'равнина' (SSS), прил. *plan, a, o* 'не поросший деревьями' (SSS), *planja* 'альпийский луг, пастбище' (Badj. LjG, 274)⁷⁹, словен. диал. резьянск. *plana* 'равнина, Ebene' (BdK M I, 18), с.-хорв. диал. *plana* 'большая поляна, лужайка в лесу' (с. Смилляч в Лике ZNŽO X, 310)⁸⁰.

⁷⁸ Формы с *a* (*plania*) появились, очевидно, под чешско-словацким воздействием.

⁷⁹ Р. Бадюра отмечает, что толкование М. Плелершика слова *planja* как 'любая открытая, свободная равнина' («offene freie Fläche» (Plet. SNS) неточно, а толкование Х. Тумы (см.: «Planiški vestnik». Ljubljana, 1909, стр. 188) как 'каменистое место, каменистое поле' неверно. Ближе к правильному пониманию термина подошел, по мнению Р. Бадюры, Ф. Эръявец, давший определение 'чистое место в горах, не поросшее деревьями'. Однако и он не уточнил, замечает далее Р. Бадюра, что орографический термин *planja* распространен лишь в высокогорных районах, в так называемых *snežnikih*, в Юлийских Альпах, на Караванках и в западном Похорье, изредка в Гринтовцах. В Гринтовцах же и на центральных Караванках вместо лексемы *planja* для той же семемы употребляется лексема *lōka* и *ločica*, которая в других диалектах означает 'болотистый луг в долине' (Plet. SNS, Badj. LjG, 255), в Бохинских горах, в частности в Бохинских нижних горах (Богатин—Ратитовец) употребляется лексема *poljana* и *poljanica* (в других диалектах 'поле, ровное поле, равнина' Plet. SNS, Badj. LjG, 44), в Ратешском районе *zélje*, *zéljec* и *slátne*, а в тех же Караванках, на Яворнике, у Церкненского озера и в ряде других менее высокогорных мест *gúbno* или *gumno*, диал. *gebno*, *gemno*, у Жичского монастыря *kumno* (Badj. LjG, 274). Последние альпийские луга перед голой каменистой поверхностью, иногда и в скалистой местности среди скал называются *zelenice*, а последние клочки почвы со скудным пастбищем, подчас почти отдельные пучки травы, называются *dřni* и *dřniči* (ср. русск. *дёрн* (Badj. LjG, 274 со ссылкой на Х. Туму); в долинах *dřn* означает 'травник, травой покрытая площадка', а у Церкненского озера на реке Стржене 'травой поросший берег' (Badj. LjG, 275).

⁸⁰ В Смилляне *plana* противопоставляется *proplanaku*: *mala čistina u gori zove se proplanak, veća čistina zove se plana* (ZNŽO X, 310).

Достаточно чисток ареал распространения лексемы **polnjava*, охватывающий лишь словацкий, чешский и словенский языки. Словац. *plánava* 'большая низина', 'равнина' (SSJ), чеш. *plánava* 'нар, певспаханное поле', 'оголенная часть лесного массива, очищенная для нового залесения', словен. *plánjava* 'обширное сенокосное угодье, луг в горах' (Badj. LjG, 45, 146, 272). «Словарь словацкого языка» (SSJ) дает слова *plan*, *plánava*, *planina* как синонимичные (не во всех контекстах правда, абсолютно). Синонимичность словенских слов *plan*, *planjava* (диал. часто в форме мн. числа *plánjave*) и *planina* отмечает и Р. Бадюра (Badj. LjG, 45). К ним он присоединяет и *planôba*, *planota*, *plánjica* (*planica*).

Следует отметить, что словацко-чешско-словенская общность, а при этом в ряде случаев и обособленность от остального славянского мира в сфере лексики и словообразования (в частности — отдельных словообразовательных моделей) не ограничивается приведенным фактом⁸¹.

Слово **polnina*, его территориальное распространение и семантическая эволюция уже было предметом специального рассмотрения у ряда лингвистов⁸². Тем не менее полный охват имеющегося в нашем распоряжении материала дает возможность уточнить ряд существенных деталей в лингво-географическом и семасиологическом аспектах.

Ареал распространения лексемы **polnina* — западно-украинские, южнопольские, верхнедужицкие, словацкие, чешские и все южнославянские диалекты. Ср. укр. *полонина* 'горное пастбище, луг', 'горная равнина'⁸³,

⁸¹ На этот факт недавно вновь обратил внимание Э. Штибер (см.: Z. Stieber. W sprawie pierwotnego podziału dialektalnego języka prasłowiańskiego. «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz». W.—W.—K., 1965, стр. 307).

⁸² Среди них следует прежде всего упомянуть Гунчо Гунчева и В. М. Иллича-Свитыча (см.: Гунчо Ст. Гунчев. Плана—планина. «Годишник на Софийския университет», кн. XXVII, 6. София, 1931; В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. «Известия АН СССР, ОЛЯ», XIX, вып. 3. М., 1960, стр. 223—224).

⁸³ Я. Рудницкий бойковское *polonina* определяет как 'горное пастбище' (Рудн. ГНБ, 28), а С. Грабеч гундульское *polonina* — как 'горное пастбище под границами лесов, горный луг' (Граб. NGH, 45). Согласно данным картотеки КДА и карте,

польск. *plonina* (диал. *planina, polonina*)⁸⁴ 'безлесное (голое) горное пастбище' (Nitsche GTP, 99, 115), словац. *planina* 'непокрытая лесом, голая равнина', 'платогорье' (SSJ), чеш. *planina* 'равнина обычно на возвышенности, не покрытая лесом, голая', 'платогорье' (PSJČ), в.-луж. *plonina* 'равнина' (Jak. HSNS). Таким образом, в тех восточно- и западнославянских диалектах, где известна лексема **polnina*, значение ее ограничивается довольно узкой семантической сферой 'открытое, безлесное место, обычно луг или пастбище'. А так как слово **polnina* распространено у восточных и западных славян преимущественно в горных районах, то его значение, обычно 'горный луг, пастбище'⁸⁵.

В южнославянских диалектах при сохранении старого значения развились и новые. В сербскохорватском, македонском и болгарском языках **polnina* стала означать 'горы вообще', 'горные массивы', 'гористую местность', а в некоторых сербскохорватских говорах 'гора, покрытая лесом' и даже просто 'лес'.

выполненной Г. П. Клепиковой, слово *полонина* распространено в Прикарпатье и Закарпатье (в зоне закарпатских, бойковских, гуцульских и южно-буковинских говоров) за линией, проходящей южнее Дрогобыча, Станислава и Коломыи, которая затем, образуя петлю и захватывая несколько пунктов севернее Черновиц, поворачивает западнее Черновиц на юг. Так как слово *полонина* входит в словарный состав украинского литературного языка, то в общем оно известно и вне отмеченной зоны и употребляется, вероятно, на том же основании, на котором в русском литературном языке употребительно, например, слово *прериш*. Этим, очевидно, можно объяснить тот факт, что в ответах на «Анкету» Т. А. Марусенко, оно отмечено в Житомирской, Винницкой и Днепропетровской областях (Мат. МСУГА).

⁸⁴ Формы, возникшие, вероятно, под влиянием соседних словацких и украинских говоров.

⁸⁵ Зап.-слав. **polnina* часто переводится по-русски как 'равнина' (см., например, перевод А. В. Исаченко в его «Словацко-русском переводном словаре» - Isač. SRPS). На самом же деле это скорее 'ровное пространство местности, иногда небольшое и не покрытое лесом'. Русское слово *равнина* предусматривает большое пространство, притом не в гористой местности. Поэтому в русском языке в принципе невозможно сочетание типа «горная равнина». В четырехтомном Академическом «Словаре русского языка» (М., 1959) равнина толкуется как 'ровная, без гор и больших холмов, земная поверхность'. Нами сохраняется перевод 'равнина' в несколько условном и не приходящем русскому литературному языку значении.

Ср. болг. литер. *планина* 'гора, большая возвышенность' (БТР), макед. литер. *планина* 'гора' (PMJ), с.-хорв. литер. *планина* 'гора, горный массив' (RHSJ), словен. литер. *planina* чаще мн. число *planine* 1. 'гора, не поросшая лесом, голая гора'; 2. 'горное пастбище' (SSS. Badj. LjG, 272)⁸⁶.

Значение, сохранившееся в словенском литературном языке и диалектах⁸⁷, свойственно и многим болгарским, македонским и сербскохорватским говорам.

Согласно наблюдениям Г. Гунчева, *планина* «в значении высокогорное пастбище употребляется в болгарских народных говорах гораздо чаще, чем это можно предположить»⁸⁸. Г. Гунчев отмечает, что в селе Железнице Софийской округи выпасные луга на горе Витоше называются *планини*, в Троянской округе *планина* 'поросшие травой самые высокие части гор над лесным поясом', в Родопях же помаки горные пастбища называют планина (соответственно турецкое *яйла*), а для семеей 'гора' у них употребляется лексема *балкан*. Со ссылкой на П. П. Карапетрова тот же Г. Гунчев отмечает, что панагюриштекие скотоводы держали скот зимой в зимовниках (*зимовище*), а летом выгоняли скот «на планина, на паша», на родопские, рильские и витошские горные луга. Многие из них имели собственные *планини*. Наконец, опираясь на показания

⁸⁶ Р. Бадюра дает подробное толкование интересующего нас слова: «1. *planina* die Alpe, Alm, более или менее пространное пастбище в «планинском» (высокогорном. — Н.Т.) поясе, куда горцы или жители равнин (*poljanci*) пригоняют скот летом на время от Петра и Павла до Рождества Богородицы (21—IX), где они *plančijejo*, *plansarije* («полоют». — Н.Т.), т. е. пасут скот, косят сено, доят, делают сыр и т. п.; 2. *planine* или *planince* часто также обыкновенные *plane* (см. стр. 79. — Н.Т.) открытые гладкие участки местности (сенокосы, покосы или вырубки) именно в низменных местах, низменностях» (Badj. LjG, 272).

⁸⁷ В словенских диалектах *planina* имеет почти повсеместно то же значение, что и в литературном языке. Ср. резьянск. *uhnojēt planýne*: Die Alpenwiesen aufdüngen (БдК М I, 92); An spí taua góre, ma planíno: Er schläft auf dem Berge, er hat eine Alp (Alpenwiese) (БдК. М I, 17); Kórytō to so planýne te Osújské: «Korito» das sind die Alpen von Oseacco (БдК. М I, 86).

⁸⁸ См.: Ъ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, књ. II, Београд, 1863—1864, стр. 309.

македонского географа Ильи Иванова, Г. Гунчев отмечает, что в западной Македонии *планина* означает не только возвышенности, но и горные пастбища. В округе Самоковском в селе Говедарци *планина* 'лужайка в лесу' («ливада в гората») (ИИБЕ IV, 293, 319).

Дж. Даличич понимал древнесербское слово *планина* и как 'пастбище', что видно из следующего, данного в его словаре толкования: «*планина* — *планина*, *mons*, *планины* упоминаются чаще всего в связи с валахами (так могли называться и любые скотоводы пастухи. — *H. T.*), которые без сомнения имели на них стойбища, а часто упоминаются и села со своими «планинами», хотя и кроме них у них были пастбища (из документов XIV—XV вв.)». Большинство сербскохорватских лексикографов, предшественников Вука Караджича, толковало слово *planina* как *alpes* и *mons*. Ф. Вранчич (чакавица, конец XVI в.) дает перевод *alpes*, Я. Микаля (боснийская штокавица, середина XVII в.) — *gora*, *mons*; А. деляла Бела (начало XVIII в.) — *gora*, *brdo*, *montagna*, *monte*; И. Белостенец (кайкавица с некоторыми элементами чакавицы и штокавицы, конец XVII в.) — *gora*, А. Ямбренич (кайкавица, середина XVIII в.) — *alpes*, Й. Вольтич (штокавица и чакавица, начало XIX в.) — *montagna*, *alpe*, *gebirge*; И. Стулич (начало XIX в.) — *mons*. В. Караджич впервые ввел для слова *планина* укоренившееся в современной сербскохорватской лексикографии толкование 'гора, покрытая лесом' *Bergwald*, *saltus*, *mons silvovus* (Вук СР). Это значение едва ли можно считать повсеместным. Скорее наоборот. Вероятно, оно локализуется в зоне южных штокавских диалектов, а по значению приближается к отмеченному в Черногории и центральной Сербии 'горный луг и лес, к нему примыкающий' (см. ниже стр. 84). Согласно материалам Г. Элезовича в Косовско-Метохийской зоне *планина* 'лесом поросшая, обычно гористая местность' (Елез. РКМД). Ср. юж.-макед. диал. *планина*, уменьш. *планин'чка* 'гора, поросшая лесом', *планина* је дека има дрв'чија [планина — где есть (растут) деревья] (с. Купа и Караджовско. собств. наблюдения).

Дальнейшим семантическим сдвигом оказалась редукция признака рельефа и закрепление за словом *планина* чисто дендрологического значения. В селе Аджи-

беговац в Шумадин (Сербия) зафиксирована лексема *планина*, манифестирующая семему 'лес' без каких-либо дополнительных семантических признаков⁸⁹.

Слово **polnina* следует рассматривать в соотношении с другими орографическими терминами. К сожалению, далеко не все имеющиеся в нашем распоряжении диалектные материалы предоставляют нам эту возможность. Соотношение географических терминов в одной языковой системе (системе одного говора и т. п.) обычно оказывалось вне поля зрения лингвистов и поэтому часто наиболее ценные материалы мы черпаем из описаний и исследований этнографов и географов.

Еще в начале прошлого века известный филолог карпаторосс Ю. Венелин писал: «*Планина* у задунайских славян, *полонина* у Карпатской Руси значит то же самое, что *alpes* у латынян. Карпатские русаки *полониной* называют высочайшие хребты, если они покрыты не лесом, а травой; *бескидами* — если покрыты лесом; *горами* — только второстепенные отрасли, *вергами* — третьестепенные, *горбами* — ближайшие и нижайшие уступы, которые в Москве показались бы ужасными горами. Такую же разницу между *планиною*, *горою* и *баиром* делают и задунайцы. Как в Карпатах, так и в Балканах всякая *планина* имеет свое собственное название, напр. *Шар планина*, *Кунара*, *Яблонца*, *Костац* и проч. Таких имен собственных множество»⁹⁰.

В сербской диалектной географической терминологии в районе Гружи (центральная Сербия) П. Ж. Петрович наблюдал следующее соотношение: «*утрине* — луга («ливаде») с травой; *рудина* — луг с травой, опаленный солнцем; *планина* — довольно значительное пространство с лесом и пастбищем в третьем самом возвышенном хозяйственном поясе»⁹¹. Значение *планина* 'выпас-

⁸⁹ См.: Г. Ердельяновић. Етнолошка грађа о Шумадинцима. — СЕЗб., књ. LXIV. Београд, 1951, стр. 100.

⁹⁰ Ю. Венелин. О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835, стр. 33. — На это интересное свидетельство Ю. Венелина обратил мое внимание Г. К. Венедиктов.

⁹¹ См.: П. Ж. Петровић. Живот и обичаји народни у Гружи. — СЕЗб., LVIII. Београд, 1948, стр. 31. — За приведенной выше цитатой следует пояснение: «Третий или самый высокий пояс образуют самые возвышенные поверхности,

ные луга отмечено также в Южной Сербии, в Планице⁹² и в Черногории у Пиперов, Братоножичей, Белопавличей, в Старой Черной Горе, где *планина* — собственность «коммуны», сельской общины означает 'летнее пастбище'⁹³. То же положение в общем зафиксировал в Черногории П. Ровинский: «Самое распространенное название высоких гор *планина*, которому противопоставляется *жупа*, как место, более низкое и потому более теплое и более способное для обработки земли под посев хлебов. Так, область Пивы делится на Пивскую—планину и Пивскую—жупу... *Планинско мјесто*, которое находится на высоких горах, очень холодное, где ничего не сеют, а только лето проводят со скотом на катунах, и это главное значение планины в экономической жизни черногорца. На планинах же находится лес и покосы. Если говорят: «Мы имамо своју планину», это значит, что имеются пастбища и лес; а если: «Немамо планине», то — нет ни того, ни другого... Это не отдельная гора, а горная область, в которой иногда ни одна отдельная вершина не носит общего названия планины... В этой общей горной системе части ее, состоящие из отдельных равнин, покрытых лесом или травой и всегда почти с источниками воды, носят также названия планин с особенными собственными именами... Понятие о пастбище так тесно связывается с названием планины, что планиной называется вообще пастбищное место, хотя бы оно и не находилось на высоких горах и находилось бы совершенно в пизине. Так, жители Криниц (в Краине) называют свою планиною Гаведий-брод (очевидно, *Говеђи брод*. — Н.Т.), местность по северному берегу Скадар-

склоны и вершины гор (между 600 и 800 м над уровнем моря). Это пояс лесов и пастбищ, самый ограниченный по площади».

⁹² См.: Р. Т. Николић. Польаница и Клясура. — СЕЗб., VI. Расправе и грађа. Београд, 1905, стр. 39.

⁹³ См.: Ј. Ердельановић. Поставак племена Пипера. Етнологика расправа. — СЕЗб., XVII. Београд, 1911, стр. 245, 270; Он же. Братоножићи. — СЕЗб., XII. Београд, 1909, стр. 519; Он же. Стара Црна Гора. Етничка прошлост и формирање пригорских племена. — СЕЗб., XXXIX. Београд, 1926, стр. 407; П. Шобајић. Бјелопавлићи и Пјешивци. — СЕЗб., XXVII. Београд, 1923, стр. 252—253.

ского озера настолько низкую, что ее затопляет озеро»⁹⁴.

И. Попович, опираясь на некоторые из приведенных выше примеров, делает, по нашему мнению, не совсем верный вывод, что значение *планина* 'выпасные луга' «вообще не сербскохорватское, а еще менее — общеславянское», что в общеславянской перспективе это черногорское значение еще удаленнее от общеславянского — 'голое каменистое место', чем от сербскохорватского, отмеченного Вуком — 'гора, поросшая лесом'⁹⁵. По нашему мнению, дело обстоит как раз наоборот.

Во многих южнославянских диалектах сохранилось и сохраняется до сих пор старое общеславянское значение 'луг', 'пастбище (место, не заросшее лесом)'. Ср. полесск. *полон* 'луг', 'чистое пространство среди леса'. Притом свойство реалемы-референта «высота над уровнем моря» далеко не всегда отражалось и было семантическим признаком. Выпасной луг оставался выпасным лугом независимо от того, оказывался ли он в горах, как на Карпатах и во многих местах на Балканах, или снова на низине, как у Скадарского озера. Лишь позже на Балканах (а не на Карпатах!) свойство реалемы-денотата «высота над уровнем моря, возвышенность» было воспринято и закреплено как семантический признак десигната "горный", который, став релевантным, сначала сосуществовал с значением-признаком 'луг', а затем и вытеснил его. Так произошел семантический сдвиг *планина* 'выпасной луг' → 'выпасные луга в горах' → 'горы', 'гора' (точнее 'группа гор'). В дальнейшем свойство реалемы-денотата «покрытый лесом» стало семантическим признаком "покрытый лесом": *планина* 'гора, покрытая лесом' (Вук СР), что привело к еще одному локальному сдвигу — 'лес' (см. выше стр. 83). Что касается семантического параллелизма, отмеченного И. Поповичем, черногорск. *планина* 'луга, летнее пастбище' (не только черногорского. — Н.Т.) и алб. *bjeshk* 'Alm, Alpenweide' так же, как и серб. *планина* 'гора, покрытая лесом'

⁹⁴ См.: П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, кн. 2. — Сб. ОРЯС, т. LXXX, № 2. СПб., 1905, стр. 590—592.

⁹⁵ См.: I. Popović. Neki gentilni i njima srodni termini kod Crnogoraca i Albanasa. «Radovi (Naučnog društva NR Bosne i Hercegovine)», knj. II. Sarajevo, 1954, стр. 77.

и того же алб. *bjeshs* 'Alpengebirge, Berg, Wald'⁹⁶, то оно заслуживает внимания и отдельного рассмотрения в общепалканской перспективе, для чего, к сожалению, у нас сейчас нет места.

Подробное, профессионально точное описание термина **polnina*, данное этнографом П. Ровинским, соответствует его значению и употреблению не только в Черногории, но и в Словении, в западной Болгарии и болгарских Родопях, в восточно- и западнославянских Карнатах и других зонах. Наконец, с тем же значением 'пастбище' на берегу Припяти и Припятских озер встречается лексема *полнн*'. Таким образом, во всех сегментах обширного ареала распространения лексемы **polnina*, в восточно-, западно- и южнославянском сегментах фиксируется, как следует предположить, древнее значение 'пастбище, место, свободное от растительности', затем, в зависимости от того, на каком уровне рельефа находилось это пастбище, оно приобретало значение 'горного', или 'прибрежного', а иногда и 'заливного', но, вероятно, в большинстве случаев оно относилось к 'пастбищу высокого качества'. Следующим семантическим сдвигом, произошедшим, по-видимому, отнюдь не в зоне Карпат, а уже на территории Балканского полуострова, было метонимическое название всей горной области, горного микрорайона по находящимся на них пастбищам (кстати говоря, для скотоводов они имели решающее хозяйственное значение) — *планина*, или первоначально даже *планине* во мн. числе⁹⁷. Затем в некоторых диалектах название *планина* закреплялось за горным пастбищем с прилегающим участком леса, что влекло за собой переход названия на горные участки, поросшие лесом⁹⁸, и, наконец, послед-

⁹⁶ См.: N. Jokl, *Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen*. Berlin—Leipzig, 1923. стр. 165—166.

⁹⁷ Более архаическая форма множественного числа в качестве более употребительной отмечена в современном словенском языке (Badj, LjG, 272) и в сербскохорватских памятниках, начиная с XV в. Загребский академический словарь (RHSJ) отмечает, что «*plur. planine uzima se katkad za jednu planinu*».

⁹⁸ В основных чертах эта семантическая эволюция уже была выявлена Гунчо Гунчевым, который, по нашему мнению, дал более объективный анализ материала, чем В. М. Иллич-Свитыч, связывавший не всегда достаточно убедительно ряд семантических сдвигов с временем карпатской миграции славян и оставивший

ний этап — отрыв термина от семантической сферы рельефа и переход его в сферу исключительно растительного покрова: *планина* 'лес'. Этот последний этап мог наступить и без некоторых из перечисленных «промежуточных звеньев», так как семантическая трансформация 'гора' → 'лес' хорошо известна на базе других славянских лексем. Таким образом, конечными звеньями семантической амплитуды колебания лексемы **polnina* оказываются антонимические семемы 'место, свободное от леса' ↔ 'место, заросшее лесом, лес'.

Из наиболее характерных восточнославянских примеров семантического перехода 'лес' ↔ 'гора' отметим еще два термина, относящихся к Севернорусской зоне: обск. *материк* 'крупный лесной массив, тайга': материк — это тако хрестьянско слово, а тайга остяцко слово; всё равно материк и тайга⁹⁹; пошёл огонь, и материк сторел; 'возвышенная незаливная часть местности': материком идёш — по одну сторону болото, по другую — болото; материк на горах, а здесь, скажем, водотопное место; наряду со значениями 'залог, целина' (ср. *лядо* стр. 139) и 'мягкая рассыпчатая земля' (ССО)¹⁰⁰; архангельск. *шалга* (из карельск. *šelgoñe* 'глухой дикий лес, глушь') 'глухой, иногда на десятки верст тянущийся лес, среди которого есть озера', 'гора или холм, на которых не растёт трава', 'обширные, только зимой проходимые болота', 'поросшее кустарником место в лесу, где рубят дрова', 'сырая, поросшая высоким, частым ельником и вереском местность' (Подвысоцкий 1885), 'молодой хвойный лес', 'заболоченный лес, чаща', 'срубленные хвойные деревья, не идущие на постройки'¹⁰¹.

без должного внимания часть южнославянского диалектного материала; см. цитированные выше (стр. 79) работы Г. Гунчева и В. М. Иллича-Свитыча.

⁹⁹ Аналогично семантическое развитие тюркско-монгольск. *тайга*, заимствованного русским языком. Как прекрасно показал Э. М. Мурзаев, термин *тайга* имел первоначально по крайней мере два значения: 'голая гора' и 'лес' (см.: Э. М. Мурзаев. О происхождении термина «тайга». «Изв. АН СССР. Серия географическая и геофизическая», 1940, № 6, стр. 911—915).

¹⁰⁰ Ср. польск. *matecznik* 'глухая часть смешанного леса, окруженная болотом' (Nitsche ГТР, 136).

¹⁰¹ См.: В. Я. Дерягин. О развитии диалектов Архангельской обл. по данным истории и географии слов. Автореф. канд. дисс. М., 1966, стр. 6, 53.

Примеры семантического перехода 'гора' ↔ 'лес' в украинской диалектной зоне см. на стр. 100—101, где рассматриваются термины *байр'ак*, *б'алка*, *кр'їча* в связи с другим переходом по линии 'верх' ↔ 'низ'.

край, берег

В западном Полесье спорадически семема 'берег' манифестируется лексемой *крај*. Так, например, в дер. Олтуш берег Олтушского озера называется *крајем*: *нечїстїй крај*; *зарбсїлї крај*; *крај зарбсїлї лепехо́жу* (камышом); *буу́ровїтїй крај*¹⁰² (Ол.).

Такое значение слова **kraja* находит свое соответствие в других, главным образом окраинных зонах современного славянского языкового мира, в восточно-, западно- и южнославянских диалектах. Ср. сев.-в.-рус. холмогорск. *край* 'берег, обрыв' наряду с общеславянским, известным и в Полесье значением 'предел, граница' (Грандлевский 1907), юж.-в.-рус. калужск. *край* 'берег' (Мурз. СМГТ)¹⁰³, кашуб. *krōj* 'край, берег' наряду со вторым значением 'край, страна' (Log. PW)¹⁰⁴, с.-хорв. чакавск. *kraj* 'берег' на острове Паг (ZNŽO XXXI, 52) и в Полице, восточнее Сплита (ZNŽO VIII, 199)¹⁰⁵.

¹⁰² На Олтушском озере *буу́ровїтїй крај* 'песчаный более возвышенный берег' в отличие от пологого *нечїсто́го крају* (Ол.).

¹⁰³ «Опыт областного великорусского словаря» (1852) дает для слова *край* значение 'лес' с пометой *калуж.* Возможно, что в «Опыте» не совсем точно передано значение 'край, опушка леса', или 'край поля, где начинается лес'. Хотя метонимический семантический переход 'край леса' → 'лес' вполне возможен. Ср. сев.-в.-рус. череповецк. *середи́ны* 'низменные пространства, покрытые лесом' (Герасимов 1910). См.: Р. Эккерт. О значении русской диалектной лексики для литовской этимологии. «Baltistica», III (1). Vilnius, 1967, стр. 62—63, где приводится тождественный литовский материал (но это тождество — не обязательно генетическое, а значение — древнее. — Н. Т.).

¹⁰⁴ Т. Моджеевский отмечает для польского *kraj* значение 'берег, морской берег' как устарелое и исчезающее.

¹⁰⁵ В Полице наблюдаются следующие соотношения: тот берег (*strana*), который заливают море (морской прилив. — Н. Т.), называется *žalo*, *obala*, *morski kraj*, а если скалы (*stine*) (скалистый берег. — Н. Т.) — *sedra*, *stinica* (ZNŽO VIII, 199). В Комиче на острове Вис *krōj*, род. п. *krōja* 'берег', 'суша', *visōki krōj* 'крутой берег'. *Krōj*, таким образом, это — 'берег вообще', а *zōld* 'пляж, песчаная отмель', *riva* 'укрепленный берег' (см.:

В том же Олтуше *крајем* оказывается не только 'берег', но и 'край воды у берега'; например: *тоўстїй лїд*, — уже *крај роста́у* (Ол.). То же значение этого слова известно в сербскохорватском¹⁰⁶ и словенских диалектах, в Словении, в частности на Церкненском озере (Badj. LjG, 29). Кроме того, Р. Бадюра отмечает в словенской географической терминологии следующие значения термина *kraj*: а) 'край низины'; б) 'край крутизны горы'; в) 'край леса, роши'; г) 'край дороги'; д) 'край равнины' (Badj LjG, 28, 29). Почти все эти значения общеславянские, т. е. свойственны всем современным славянским языкам. Известны они и в Полесье: *крај* 'переход от более возвышенного места к низменному — край возвышенности и край низины' (Вл.)¹⁰⁷; 'покатый край большого поля (метров 20—60 в ширину)' (Хр.); ср. топоним *Салїмоноф крај* (Хр.); *крај* 'опушка леса' (Ом. Бл. Зм)¹⁰⁸; *крај* 'край

М. De anović. Lingvistički atlas Mediterana II. «Rad» JAZU, knj. 344. Zagreb, 1966, стр. 13).

¹⁰⁶ Как свидетельствуют старые сербскохорватские словари, слово *kraj* в значении 'берег' было свойственно не только чакавским, но и кайкавским, а возможно, и штокавским говорам, где одновременно было известно и другое значение — 'край воды у берега'; так, Ф. Вранчич дает толкование: *kraj vode* 'crepido, riva'; *kraj litus*; *ripa*; Я. Микаля: *kraj mora* 'littus'; *kraj od rijeke* 'ripa, ripula'; А. делла Бела: 'lido e lito, terreno contiguo al mare', 'littus'; 'ripa, riva', 'ripa', 'spiaggia, lido o riviera del mare', 'littus'; А. Ямбрешич: *kraj morski* 'littus'; *kraj potocnih vod* 'ripa, crepido'; И. Вольвич: 'lido, ufer' и И. Ступич: на *крају* 'juxta ripam' (о диалектной основе перечисленных лексикографических работ см. на стр. 82). Загребский академический словарь в числе прочих толкований слова *krāj* дает и следующее: 'место суши, до которого доходит вода (море, река, озеро, лужа и т. д.), берег; отличается от значения под *a* тем, что *kraj* в этом значении не часть воды, а то, что вокруг окружает и ограничивает воду» (RHSJ). Значения 'край суши' или 'край воды' в сущности можно свести к одному инварианту. Различие в значениях возникает в зависимости от пункта ориентировки, от которого ведется противопоставление. Если ориентировка производится от водного пространства, **kraja* 'край воды', если же с суши — **kraja* 'край суши', 'берег'. Подобным же образом пункт ориентировки может находиться на склоне горы, возвышения. Тогда **kraja* 'край склона', и наоборот, при ориентировке с ровной местности, равнины **kraja* 'край равнины'.

¹⁰⁷ Это же значение для центрального Полесья отмечает Ф. Д. Климчук: *край ліса* 'опушка леса' («Словарь дер. Симоничи», рукопись).

¹⁰⁸ В Ольманах (Ом.) этому термину соответствует *закрајок* 'граница между *горбј* и *нізом*': на *закрајку* *росте різниј ліс*,

болота, дуга' (Гр.), — заросли кустов на краю болота, дуга (пояснение информатора Гр.).

В большинстве полесских говоров, однако, так же как и почти во всех восточнославянских диалектах, *+bergъ* 'берег, берег реки или водоема'. Более сухая, твердая почва вокруг болота называется *бэреуом* и *кρά-жем*: *кράј, бэреу болота; виходім із болота на сухо, виходім на бэреу, на крáj болота* (Зм.). На Припяти и ее притоках обычно различается крутой и пологий берег реки: *круті бэреу* 'крутой берег', *пр'амі бэреу* 'низкий, пологий берег' (Зс.); *к'р'уча или крутој бэреу* 'крутой берег', *п'абск'іј бэреу* 'низкий берег' (Гл. Др.); *буурістніј бэра'х* 'высокий берег', *н'ізніа-бэраx* 'низкий берег' (Кч.), *крутој б'эр'еу* 'крутой берег', *н'із* 'низкий, пологий берег' (Кч.). В центральном Полесье в Хоромске *бэрэу* только 'крутой, высокий берег', который называется иногда и *прім'ол*, а ему противопоставляется *вісна* 'низкий, пологий песчаный берег' (Хр.). Немного западнее на Пинщине, на р. Стыри, *н'ечэра* 'высокий крутой берег', *одміл* 'низкий песчаный берег' (Лп.). А в восточном Полесье, на Припяти, в Конотопе, Дёрновичах и Довлядах различается *к'р'уча* 'крутой берег реки' и *скат* 'пологий берег'.

В некоторых полесских говорах *+bergъ* не только 'граница суши по отношению к водному пространству', но и, как уже отмечалось, 'граница более твердой почвы по отношению к болоту' и, наконец, 'граница лесного пространства по отношению к пространству открытому, не поросшему деревьями': *бэреу ліса, бэреу л'уга* (Зс.). То же положение наблюдается в центральной Белоруссии на Червенщине, где *бэраг* 1. 'берег реки': Чудь высказыву з вады на берег и 2. 'край леса'; Далёка у лес ня йдзі; з бэрагу зб'ірай грыбэ (Шат. КСЧ), в старожильческих русских говорах Латвии (у выходцев из новгородских, псковских и тверских земель), где *бэрег*, уменьш. *береж'ок, береговінка* 'опушка леса, граница поля, дуга': И л'эс кончылс'а, ужэ б'эр'ьк, б'ир'аж'ок (СРСИ) и, наконец, на славянском Западе у поляков, где *brzeg* 'край (леса, полянки, поля, дороги, села)': *Brzeg wsi; Brzeg między polami* (SW), у кашубов, где *břèg* 'берег', 'край': *Na břègu jezora. Na břègu lasa* (Ram. SJPK).

бб на чорэ т'ол'ко адна' с'осна; н'із — там жеіш'э не бол'ото, а здор'оваја земл'а (Ом.).

Синонимичность слов *+bergъ* и *+kraĵь* в сфере терминологии рельефа отразилась в конкуренции лексем *+bergъ* и *+kraĵь* в других семантических сферах. Так, в литературных польском, украинском и белорусском языках и диалектах *+bergъ*, помимо прочего, значит 'край какого-либо предмета (обычно сосуда, книги и т. п.)'. Ср. польск. *brzeg* 'край сосуда': *Filizanka ze złotemi brzegami* (SW); укр. *бэрег* 'край, борт': Глибока миска з крутими берегами (б. Конотопск. у., Гринч. СУМ); б.-рус. *бэраг* 'край сосуда' (БРС). Эти же значения наблюдаются в ряде великорусских диалектов; притом в центрально-великорусских, тверских и московских, видимо, термин *+bergъ* не выходит за пределы сферы рельефа, а в южно-великорусских, в первую очередь в брянских, говорах и переходных великорусско-белорусских смоленских говорах положение аналогично тому, что отмечено в польском, украинском и белорусском. В Тверской зоне около Твери и во входящей в ее состав Дмитровской подзоне (б. Ильинск. и Озерек. вол. Дмитровск. у.) *бэрег* 'край пашни' (Второе Доп. 1905—1921, Орлов 1904), а в Московской обл., согласно данным Э. и В. Мурзаевых, *бэрег дороги* 'край дороги, обочина' (ср. польск. *brzeg gościńca* SW, словен. *kraj ceste* Vadj. LjG, 28). В Брянской диалектной зоне *бэрег* уменьш. *береж'ок* не только 'берег реки', 'край болота' и т. п., но и 'край какого-либо предмета' (Севск., Трубчевск., Судземск. р-ны карт. БОС): *кукшы́н* (-кувшин) с наб'ітыми б'ир'и'у'ами (Рябчевск, Трубчевск. р-н карт. БОС). То же значение зафиксировано северо-западнее в Смоленской зоне, где *бэрег*, 'берег, край чего-либо' (Добровольский 1914).

Наконец, в специализированном значении 'край ткани, платка, полотенца, одежды' слово *+bergъ* известно также польскому, украинскому и белорусскому языкам. Ср. польск. литер. *brzeg — brzeg kapelusza* и т. п. (SW), диал. ленчицк. *bżuk* 'край ткани' (Szymb. SGD), укр. *бэрег* 'край, кайма': Принесу хвартух дорогий — золотіі береги (Гринч. СУМ, УРС); б.-рус. литер. *бэраг* 'край ткани, кайма': Ху́стка з чырво́нымі бэрага́мі (БРС); диал. могилевск. *біряж'ок* 'край, кайма': Біряжок у хусты зялёнінькі́й такей (Бял'к. ДСУВ). Это значение широко известно и в Полесье: *б'эрэу* (б'эр'еу), уменьш. *б'ерэж'ок, бэраж'эчж* (Дк. Хв. Гл. Кк. Гц. Зм. Ш.): *одној рукоју*

бэрэжэчка здэрыжыш, а друго́ю чоўніка кидáеш (Дк.)¹⁰⁹.

В западнославянских языках орографический термин *+bergъ* выступает в основном в двух значениях: 1. 'берег', 2. 'холм, возвышенность' (также и 'склон, откос'): польск. литер. и почти повсеместно диал. *brzeg, bżyk* 'берег' (SW, Nitsche GTP, Кам. STŁ, Szym. SGD), диал. малопольск. *bżyk* 'очень крутой склон у берега ручья' (Кус. PSTWM), оравск. *brzeg, brzeżek, brzegi* 'холм, пригорок', 'крутой склон горы' (Goł. TNO, Nitsche GTP, 14), чеш. литер. *břeh* 1. 'берег', 2. 'холм' (PSJČ, SSJČ), диал. моравск. *břech* 'холм' (Mal. SNM), словац. литер. *breh* 1. 'берег' 2. 'холм' (SSJ, Isač. SRPS), в.-луж. *brjóh* 1. 'берег', 2. 'холм, пригорок', 3. 'скат, откос' (Jak. HSNS), н.-луж. *břog* 1. 'берег', 2. 'бугор, вал, насыпь', 3. 'куча, громада', 4. 'склон' (Mika SDSR).

Неполнота данных, которыми мы располагаем, не позволяет сделать достаточно категорическое заключение о географическом распространении слова *+bergъ* на западнославянской территории в значении 'холм, пригорок', однако в общих чертах намечается следующий ареал: южнопольские говоры, примыкающие к Карпатской зоне, словацкие, моравские, лужицкие. В этот же ареал входят западноукраинские карпатские и почти все южнославянские (исключая значительную часть болгарских) диалекты.

Картотка КДА дает обильный материал по интересующему нас слову. Почти на всей территории Прикарпатья и Закарпатья *+bergъ* 'берег', 'берег реки', однако наряду с этим значением во многих диалектах этой зоны фиксируется 'холм, небольшая гора'. Такое значение отмечено в Самборском р-не Львовской зоны (с. Чайковичи, Вовче и др.), в Долинском, Камуском и Богородчанском районах Станиславской зоны (с. Тростянец, Гошпив, Вышков, Лолин, Бытков, Быстрица, Лойва и др.)¹¹⁰.

¹⁰⁹ Запись Н. Г. Владимирской.

¹¹⁰ Для бойковских и гудульских говоров Я. Б. Рудницкий, М. О. Онышкевич и С. Грабец, помимо значения 'берег', отмечают также 'холм, небольшая гора' (Рудн. ГНБ, Оныш. СБД, Нгаб. NGH). Я. Б. Рудницкий приводит еще значение 'крутой склон, обрыв, пропасть', а М. О. Онышкевич 'неурожайная земля, земля, непригодная для обработки' (с. Ямельница). С. Грабец трактует связь семем 'гора' ↔ 'берег' на Карпатах следующим образом: «Поскольку село и угодья располагаются обычно в долинах рек (potoków), окружающие их возвышенности

Севернее и северо-восточнее в Львовской обл. *+bergъ*, помимо общего для всех украинских говоров значения 'берег реки', значит также 'склон', 'крутой склон холма' (Стрыйск. и Самборск. р-ны, с. Верхнее и Нижнее Гуспе, Според, Ялинковате, Мельнич), 'край оврага' (Старосамборск. р-н, с. Майдан), 'крутой спуск, обрыв над рекой и в поле на холме' (Самборск. р-н, с. Черхава). Последние значения приближаются к значениям, отмеченным в Полесье и в ряде других восточнославянских зон.

Довольно специфичны украинско-прикарпатские значения *+bergъ* 'ровная площадка над обрывом' (Станиславская зона, Косовск. р-н, с. Краснополя), 'небольшой уступ на склоне горы' (Станиславская зона, Верховинск. р-н, с. Быстрец), 'верхняя часть крутого обрывистого склона' (Черновицкая зона, Кидманск. р-н, с. Лошковка), 'ровное место, площадка в горах, круто обрывающаяся к низу' (Станиславская зона, Косовск. р-н, с. Буковец). Во всех этих случаях наличествует признак определенной границы (limes), грани, отделяющей одну плоскость (по степени наклона и т. п.) от другой. Однако помимо семантического признака границы, грани, в Карпатской зоне, а затем и во многих южнославянских диалектах, все более релевантным оказывается и признак высоты, который в украинско-карпатской зоне особенно четко выявляется в диалекте с. Яблуница (Станиславская зона, Богородчанск. р-н), где *бэрег* 1. 'высокий берег', 2. 'холм': *б'ік* (< **бокъ*) 'берег вообще' (ср. юж.-слав. *+storna* 'берег').

Противопоставление *высокий берег: невысокий берег* известно и в других восточнославянских диалектах. Достаточно ярко это противопоставление выражено в зоне северновеликорусских диалектов, в архангельских, олонекских, волжских, уральских и сибирских говорах. М. Романов на Северной Двине (б. Усьянско-Дмитриевск. вол.) отметил следующий факт: «если у реки имеются низкие и высокие берега, то первый называется *берегом*, а второй *горой*: Дорогой или горой, а я бере-

действительно образуют «берега» (brzegi) реки (potoku)» (Нгаб. NGH). Тот же С. Грабец отмечает, что подобное объяснение для немецких судетских диалектов предложил Е. Шварц (см.: E. Schwarz. Die Ortsnamen der Sudetenländer als Geschichtsquelle. München, 1931, стр. 41).

жощиком» (Романов 1928). В. Андросова поясняет, что на Белом море *гора* 'возвышение земли, сухой высокий берег, береговой путь'; *горой шел*, т. е. по берегу, берегом; *гора* 'весь сухой берег реки, а не одно отдельное возвышение' (Андросова 1937). А. Грандилевский поясняет, что в Холмогорах *горá* 'высокий речной берег' (Грандилевский 1907), а архангельск. *горой ехать*, по свидетельству П. Ф. Кузмищева, значит 'на берегу реки, или вообще сухим путем, а не водою, не морем' (Кузмищев 1847). Те же значения для архангельских говоров отметили А. Подвысоцкий (Подвысоцкий 1885), Л. М. Шренк (Шренк 1850) и др., а для олонецких — Г. Куликовский. Олонецк. *горá* 'берег, а также всякий сухой путь' (Куликовский 1898) идентично псковскому и повгородскому *горá* 'вообще берег', 'сухой и высокий берег реки' (Кузнецов 1912—1914, Опыт 1852). О значении *ехать горой* 'ехать берегом, сухим путем' в пермских и соликамских говорах свидетельствуют Ф. И. Покровский и Е. Н. Яценко (Второе Доп. 1905—1921). Этот же идиом *горами ехать* записал в тех же уральских говорах А. В. Миртов (Миртов 1930), который отметил также, что *горá* 'высокий берег реки'. Точно также на Волге, по данным П. Л. Маштакова, «гора не отдельная возвышенность, а весь сухой и высокий берег; по Волге *гора* — правый берег, *луговой* — левый» (Маштаков 1931)¹¹¹. В ярославских говорах *горá* 'сухой и высокий берег реки' (Мельн. КЯОС). В Сибири на Оби и Иртыше *горá* 'нагорный берег крупной реки' (Патканов и Зобнин 1899).

Таким образом, на славянском Севере 'высокий берег реки' обозначается лексемой **gora*, а на славянском Юге 'гора' — лексемой **bergъ*. В северновеликорусских говорах за лексемой **bergъ* не закрепился дополнительный признак «высоты». Такой признак оказался релевантным для восточно- и западнославянских говоров Карпатской зоны (и несколько шире) и для значительной части южнославянских, прежде всего для центральных сербскохорватских штокавских диалектов.

**Bergъ* в значении 'берег' известен всем южнославянским языкам. В словенском *breg* 'берег реки' наряду с синонимами *kraj* или *strana* (Badj. LjG, 237). Однако

¹¹¹ *Гора* — берег могут быть противопоставлены и по другому принципу. На Колыме *горá* (*гойá*) 'внутренняя часть страны, в противоположность берегу моря или реки' (Богораз 1901).

эта синонимика не абсолютна. *Kraj*, по свидетельству Р. Бадюры, непосредственно 'берег реки', «граница реки и *brega* крайняя часть реки, часть суши, пояс, место, где ток воды касается *brega* (*brežine*). *Breg* — более широкое понятие. Оно означает всю часть суши, более или менее крутую, низкую или высокую боковую сторону, бок речного русла, который называется также *brežina*, вместе с относящейся к ней неопределенной (по границам. — Н.Т.) верхней ровной террасой на *brežini*» (Badj. LjG, 237). Одновременно словенское *breg* означает 'холм, гора' (Badj. LjG, 58, 59)¹¹². То же положение наблюдается в македонском, где *breg* 1. 'берег', 2. 'холм, гора' и в сербскохорватском, где *brëg*, *brÿjeg*, уменьш. *brežÿľak* (реже *brëžÿľ*, *brëžak*) 'холм, гора' и реже и далеко не повсеместно *brëg*, *brÿjeg* 'берег реки, водоёма' (RHSJ, РСХКНЈ). Наконец, в болгарском *бряг* 1. 'берег', 2. 'высокая крутая сторона оврага, рва и под.' (РСБКЕ).

Таким образом, южнославянские языки демонстрируют в общих чертах единство значения слова **bergъ*. Однако болгарский язык устойчивее других южнославянских языков сохраняет значение 'берег, край суши', в то время как ряд сербскохорватских диалектов (преимущественно штокавских) вовсе утерять значение 'берег', и выражает соответствующую семему лексемами *обала*¹¹³, *страна*, *kraj* или вообще она остается формально не выраженной. Иными словами, в некоторых южнославянских диалектах понятие 'берег', 'берег реки, ручья' отсутствует¹¹⁴.

¹¹² И. А. Бодуэн де Куртене записал в Резье следующий текст, снабдив его переводом на немецкий: «Tána Bríbu; tána wpsé; höré pö wpsih. Wæ rh e velèk; ánu tí, ká e maj, te klánac; bríh to té welyk. Wærh ánu bríh to wse dnó [Auf dem «Berg»; auf dem Gipfel; oben über die Gipfel. Ein Gipfel (hoher Berg) ist gross (hoch); und der jenige, welcher klein (niedrig) ist, heisst Hügel (Abhang); der Gipfel ist der grosse. Der Gipfel und der Hügel das ist eins und dasselbe.] (БдК М I, 295).

¹¹³ Этому довольно широко распространенному на с.-хорв. территории термину соответствует укр. *обáлина* 'покатый склон, спуск' (с. Богдановка, Волошск. р-н, Хмельницк. обл., сообщила Т. А. Марусенко).

¹¹⁴ Такое положение наблюдалось нами (в 1961 г.) у представителей ряда эгейско-македонских говоров, где все контексты, требующие употребления понятия 'берег', передавались с его исключением. Например, 'на берегу', 'на берегу реки, ручья' — *на река-та, kraj реката* 'на реке', 'у реки' (с. Ловраде, Ко-

Наиболее распространенное и устойчивое значение для слова *bręg*, *bręjes* в сербскохорватской зоне — 'небольшая гора, на которую взбираются, или с которой сходят без особого труда' (RHSJ), 'возвышение на земной поверхности, обычно меньшего объема, чем *brdo* и одиноко стоящее' (PCXKHJ), а также 'кучка, горка' (PCXKHJ). Вместо *bręg* во всех случаях, по свидетельству Загребского словаря (RHSJ), можно сказать *brdo*, но не про всякое *brdo* можно сказать *bręg*, так как *brdo* обычно большего размера¹¹⁵.

Славянское **bъrdo* 'гора' имеет достаточно четкий ареал распространения, во многом совпадающий с ареалом слова **bergъ* 'гора, холм'. **Bъrdo* известно в современных словенских, сербскохорватских, македонских, болгарских, чешских, словацких и карпатско-украинских диалектах¹¹⁶. Р. Бадюра отмечает, что термин *brdo*

стурско). В какой-то мере десигнату 'берег реки' соответствует деонат *страната на реката* (с. Ловраде, Костурско), однако, здесь соответствие неточное, так как обозначается 'край реки', а не 'край суши' (ср. аналогичный случай со словом **krařъ* в словенских диалектах и в полесском Олтуше).

¹¹⁵ Ср. объяснение Й. Цвиича, согласно которому *брежулак* не превышает, или превышает немного высоту в 65 м, а *брегови* или *брда* имеют высоту от 200 до 500 м; при этом *brdo* от *брега* отличается не высотой, а тем, что *brdo* шире, «плечистее» и длиннее, *bręg* же меньшего размера и в известной мере одиноко стоящий (см.: Ј. Цвиич. Прилог географској терминологији нашој. «Просветни гласник», VIII. Београд, 1887, стр. 904); ср. также утверждение Р. Бадюры, что для *brega* характерна крутизна, не превышающая 40° (Badj. LjG, 58).

¹¹⁶ В прошлом географический термин **bъrdo* был распространен, вероятно, в восточнославянских диалектах гораздо шире, достигая и великорусской (правеликорусской зоны), о чем свидетельствуют факты топонимии. М. Юрковский в недавно вышедшей статье «Słowiańskie *bfdo* 'rodzaj góry' jako termin geograficzny i nazwa własna» (см. «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 6. Warszawa, 1967) справедливо возражает В. М. Илличу-Свистычу, считавшему, что на восточнославянской территории, кроме зоны Карпат, нет топонимов, восходящих к славянскому **bъrdo*, и что славянский географический термин **bъrdo* пережил изменение семантики в зоне Карпат в период славянской миграции, когда «**bъrdo* 'зубчатая вершина лесистой горы' оказалась глубоко виизу», а затем название «было перенесено на пологие холмы вообще» (см. «Лексический комментарий...», стр. 224—225). М. Юрковский приводит южнославянский диалектный материал, согласно которому **bъrdo* означает не только 'пологий холм', но и 'скалистое крутое возвышение' (см.: М. Ј u r k o w s k i. Słowiańskie **bfdo*... стр. 154—155; см. там же на стр. 151—154

у словенцев «не означает, как у хорватов и сербов, высоких гор, предгорий (podgorij), а почти повсеместно — более низкие возвышения местности» (Badj. LjG, 113). Это же положение наблюдается в болгарском языке, где *бърдо* 'невысокое, продолговатое, голое возвышение на ровном месте, холм' (PCBKE). В чешском диалектное *brdo* 'холм' (PSJĎ), в словацком *brdo* 'холм каменистого образования' (SSJ), 'утес' (Isač. SRPS). В украинской Карпатской зоне, по данным карт. КДА, *бърдо* 'скала' (Станиславская зона, Богородчанск. р-н, с. Бытків, Пасечная, Быстрица, Лойва и др.), 'скалистая гора' (Станиславская зона, Косовск. р-н, с. Брустури, Буковец, Криворовня и др.). В тех же Карпатах встречается значение 'неприступная отвесная скала' (Станиславская зона, Верховинск. р-н, с. Быстрец) и, наконец, полярное предшествующему значение *бърдо* 'пропасть' (Косовск. р-н, с. Устерики), 'глубокая пропасть с отвесными стенами' (Косовск. р-н, с. Яблуниця). Здесь мы сталкиваемся с явлением междиалектной энантиосемии в сфере орографических терминов, на котором следует остановиться подробнее.

этимологию слова). К сожалению, ему оказался не известным опубликованный в 1963 г. материал А. В. Никитина, свидетельствующий о том, что в Тверской и Новгородской зонах, в районах оз. Селигер, Сиговского и Вельё *бърдо* (*бърда*) означало 'небольшой покаты холм' и 'подводную мель' ('подводный холм'), как видно из топонимических названий ряда мелей, тоней и пастбищ. Так, пастбища, расположенные на холмистых покатых вгорьях у оз. Вельё, известны как *Первое Бърдо*, *Второе Бърдо*, *Заднее Бърдо* (см.: А. В. Никитин. «Собственное» и «нарицательное» употребление некоторых ландшафтных терминов. — Уч. зап. Новгородского гос. пед. ин-та, т. VI, вып. II, 1962, стр. 111—113). В приведенном примере уже как бы исчезает грань между микротопонимом и географическим термином, что дало нам повод в свое время все же ошибочно понять устное сообщение А. В. Никитина и воспринять повгородск. *бърдо* как географический апеллятив (см. нашу статью. «Из опытов...», I, стр. 38). Во всяком случае материал А. В. Никитина опровергает мнение К. Мошинского, В. М. Иллича-Свистыча и др., что восточным славянам вне района Карпат географический термин **bъrdo* был неизвестен и делает невозможным предположение о заимствовании карпатск. *бърдо* из южнославянского источника.

Наиболее ярким из примеров, демонстрирующих случаи, когда одна и та же лексема в разных славянских диалектах оказывается связанной с семемами противоположного плана, является **vьrxъ*. Ср. общеслав. **vьrxъ*, вост.-слав. *верх* 'верх, вершина горы, холма и т. п.', с.-хорв. *врѣх* 'то же' (RHSJ), словен. *vrh* 'то же' (Plet. SNS, SSS), так же и в других славянских языках наряду с южн.-в.-рус. тульск., курск., орловск., воронежск., тамбовск., рязанск. *вѣрх*, *вершбк*, *вершина* 'овраг, шпз, глубокая яма'. Ср. *верх*, *вершина* 'овраг', 'низ', 'глубокая и большая продольная яма' (б. Дубенск. Тульск. и Крапивенск. Алексеевск. у. Тульск. губ., б. Спасск. уезд Тамбовск. губ., Белогорск. р-н Курск. обл.)¹¹⁷, *верх*, *вершбк*, *вершина* 'балка, овраг, заросший лесом, овраг, большой овраг с кустарником и без одного' (курск., орловск., тульск., воронежск., рязанск. Кардашевский 1947—1953, Макаров 1847—1848, Опыт 1852, Диттель 1898). По наблюдениям М. Стаховича, в б. Елецком у. «овраги, балки и ущелья, в которых... ключи образуются, называются *верхи*. Верх начинается вообще в здешней стороне небольшой едва заметной ложбиною... Судя по остаткам кустарника на всем протяжении здешних верхов и по рассказам старожилов все такие верхи были покрыты лесами дремучими. Во время наводка и половодья... верхи, как выражается народ, гуляют и играют иногда сильнее самих рек»¹¹⁸.

Это свидетельство указывает на возможность перемещения термина *верх* 'начало, верховье реки' на 'овраг, балка'. Ср. укр. *вершина*, *вершбк*, 'исток реки, верховье реки' (Гринч. СУМ), *вершадь* 'то же', *вершідь* 'овраг, заросший кустами' (Юг. ОЗУГ, 67), смоленск. *верхи* 'начало реки' (Добровольский 1914), в.-рус. *верх реки* 'вершина, исток, начало', 'место, лежащее выше по течению ближе к истокам' (Даль СЖВЯ).

На основе, по всей вероятности, иного семантического сдвига, идущего, надо полагать, по линии 'верхний, наиболее возвышенная часть пути' → 'перевал, седло-

вина, самая низкая часть горного хребта' возникло словен. *vrh* 'перевал, седловина горы' (Badj. LjG, 101—103)¹¹⁹, с.-хорв. диал. (Попово Поле) *врѣх* 'то же'¹²⁰.

Пример с термином **vьrxъ* можно было бы считать случайным и петиичным, если бы он оставался единичным и мы не располагали целой серией примеров подобного рода, где возможность толкования поляризации значений «окольных» семантическими путями (смещениями), как в случае с **vьrxъ*, минимальна.

Сев.-в.-рус. термин *увал* 'холм', 'косогор', 'обрыв, осыпь' распространен в двинских, пинежских, мезенских и некоторых опежских говорах Архангельской зоны: там *увал* был на берегу реки, востро было на *увале* (пинежск. Кеврола)¹²¹. Этот термин в том же значении *увал* 'пригорок', 'скат', 'обрыв' известен также в ивановских, пермских, уральских и сибирских говорах (Опыт 1852, карт. СРНГ). Ср. также укр. *увал* 'небольшая земляная насыпь' (житомирск., днепронетровск. Мар. МСУГА), 'склон' (Гринч. СУМ, Мар. МСУГА). Но уже в вологодских говорах известно *увал* 'большая выбоина на дороге, ухаб' (устюжск. Опыт 1852), что соответствует с.-хорв. *увала*, увелич. *увалина* 'долина, котловина, впадина' (Вук СР. Бак. РСХКJ), 'карстовая яма, воронка' (Schütz GTSK, 42 по Й. Цвничу), чеш. *uvala* 'то же', *úval* редко *úvalina* 'долина, ложбина, ложбина' (PSJČ, Мурз. СМГТ). В северовеликорусских говорах семантический переход произошел по линии 'низ' → 'верх', как можно судить по этимологии слова (от **valъ*, **valiti*).

¹¹⁹ Р. Бадюра отмечает, что было немало «неверных Фом», которые не могли себе представить, как может самое низкое место на гребне горы — хребта называться «верхом». Тем не менее этот факт подтверждают не только современные словенские местные географические термины, но и многочисленные топонимы, в состав которых входят эти термины, типа *Jezerski Vrh*, *Vrh Mrzlega dola*, *Vrh Konjske planine*, наконец просто *Vrh* (три случая) (См.: Badj. LjG, 103, а также: R. Badjuga. Gorski prehodi v luči ljudske geografije. Ljubljana, 1951, стр. 31—34.

¹²⁰ См.: М. С. Филиповић, Љ. Мићовић. Попово у Херцеговини. [Сарајево, 1959], стр. 9.

¹²¹ См.: В. Я. Дерягин. О развитии диалектов Архангельской обл. по данным истории и географии слов. [Канд. дисс.] М., 1966, стр. 71, карта № 18; автореф. — стр. 8.

¹¹⁷ См.: Ф. Н. Филин. Исследование о лексике русских говоров. М.—Л., 1936, стр. 128.

¹¹⁸ См.: М. Стахович. История, этнография и статистика Елецкого уезда. М., 1858, стр. 17—18.

Семемы возвышение, вершина, верх' и 'углубление, низкое место, яма' не всегда образуют двухзвеньевую семантическую цепь 'верх' ↔ 'низ', чаще они выступают в составе более сложной семантической цепи, например, 'лес' ↔ 'гора' ↔ 'крутой берег' ↔ 'пропасть' ↔ 'пизменность' ↔ 'глубокое место в реке', характерной для лексем *круча*. По материалам Т. А. Марусенко, на украинской территории преобладает значение *круча* 'крутой склон горы' (Мар. МСУГА), что соответствует общевеликорусскому и белорусскому значению. Однако известны также семемы 'пропасть', 'крутой берег' (Грипч. СУМ, Мар. МСУГА), 'глубокое место в реке' (б. Миргородск. у. Грипч. СУМ) и наконец в единичных случаях 'возвышенность' (с. Омельник, Онуфриевск. р-н, Кировоградск. обл. Мар. МСУГА) и 'лес' (с. Маломолищы, Ружичинск. р-н, Хмельницк. обл. Мар. МСУГА).

Почти та же семантическая цепь без звеньев 'лес' и 'глубокое место в реке', но с дополнительным звеном 'труднодоступное место в горах' (близкое к 'круча, обрыв') выявляется на том же украинском (в основном, западноукраинском) материале для термина *рiна* 'гора'¹²², 'крутой отвесный берег', 'круча, обрыв, крутой обрывистый склон', 'пропасть', 'овраг', 'яма', 'углубление неопределенной формы' (Грипч. СУМ, Мар. МСУГА, карт. КДА). Этот термин, по свидетельству Г. П. Клепиковой, на Карпатах локализуется в основном в «средней» зоне¹²³, но известно также *рiна* 'овраг' в Одесской, Кировоградской и Хмельницкой областях (Мос. СОО, Мар. МСУГА), *рiна* 'углубление почвы неопределенной формы' в Одесской, Днепропетровской и Кировоградской областях (Мос. СОО, Мар. МСУГА). Ср. польск. диал. *гура* 'большое скопление скал, спускающихся террасами к подножию горы' (SW), с.-хорв. *рiна* 'скала', 'груда камней' (RHSJ)¹²⁴.

¹²² Термин *рiна* 'гора, не заросший лесом пригорок', синоним *горá, убрп* отмечен только на Тарнопольщине в районе Трембовля и Тарнополья К. Дейлой (см.: К. Dejna. Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957, стр. 124).

¹²³ См.: Г. П. Клепикова. Из наблюдений над карпато-украинской терминологией горного ландшафта. — «Местная географическая терминология и топонимика» (в печати).

¹²⁴ О возможности сближения с.-хорв. *рiна, рiпа* и *ропа* см.: В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий... стр. 226—227. Литература по этимологии слов *гура, гура* ука-

Если для термина *рiна* во всех ее значениях характерен, по-видимому, признак 'отсутствие растительности, леса', то для заимствованного из тюрск. термина *бай-рiк* во многих случаях признак 'растительности' обязателен. Уже на примере курско-орловского географического термина *верх, верхiк* 'балка, овраг, заросший лесом' наблюдалась потенциальная связь семем 'верх' → 'низ' → 'лес' (последняя семема не возникла, очевидно, потому, что признак растительности оставался факультативным, нерелевантным). Такая семантическая цепь оказалась реализованной на основе междиалектной семантической амплитуды колебания украинского термина *байрак*, означающего 'возвышенность, густо поросшая лесом' (Острожск. и Млиповск. р-ны Ровенск. обл. Мар. НРУЯ, 66), 'роща, лесá твердых пород на холмистой или пересеченной ярами и балками местности' (полтавск. Мар. НРУЯ), 'низина, поросшая деревьями', 'овраг, поросший лесом' (широко распространенное на Украине значение), 'лесок в овраге', 'небольшой лесок' (Кировоградск. Мар. НРУЯ), 'буерак, овраг', 'рвы, вымытые водой' (Мар. НРУЯ). Аналогична и семантическая цепь для украинского термина *балка* 'лес на взгорье' (с. Кайлов, Бориспольск. р-н, Киевск. обл. Мар. МСУГА), 'небольшой холмик' (закарпатск. Гриц. СЗО), 'холм' (гуцульск., кировоградск. Мар. МСУГА), 'низменность возле реки' (Запорожск., Кировоградск. обл. Мар. МСУГА), 'овраг, стеной овраг', 'небольшой овраг', 'глубокий обрывистый овраг' (широко распространенное на Украине значение), 'ущелье' (кировоградск. Мар. МСУГА). Число подобных примеров значительно: только в украинской географической терминологии оно превышает полтора десятка¹²⁵.

зана у Nitshe GTP 51, Schütz GTSK 48. См. также: Т. О. Марусенко. Назви рельєфу в українській мові. «Дослідження з мовознавства». Київ, 1963, стр. 72—75.

¹²⁵ Т. А. Марусенко отмечает, помимо приведенных, такие случаи: *балюра* 'выбояна, бугор' (см. стр. 233), *бескид* 'глубокий овраг', 'гора' (см.: Т. О. Марусенко. До походження назви *бескид*. «Лексикографічний бюлетень», IX. Київ, 1963, стр. 65—73; Ф. Корещінь. О záhadě jména Beskydy. «Adolfu Kellnerovi. Sborník jazykovědných studií». Opava, 1954, стр. 158—173), *вал* 'ров', 'насыпь', *визіт* 'овраг', 'горный хребет', *висна* 'глубокая пропасть', 'насыпанная горка', *подина* 'овраг', 'холм', *рапа* 'обрыв', 'скала', *разчоліна* 'долинка', 'гора', *фоса* 'ров', 'холм' и др. (Мар. НРУЯ 208).

При поляризации значения по линии 'верх' ↔ 'низ' у терминов горного ландшафта или у терминов, означающих 'высокая гора', 'высокий берег', 'овраг' и т. п., объединяющим осевым признаком выступает крутизна. В самом деле, в таких случаях, как карпатск. *bérdo* 'скала, скалистая гора' и *bérdo* 'глубокая пропасть с отвесными стенками' (см. стр. 97) по сути дела мы сталкиваемся с одной реалемой-денотатом, по разному воспринимаемой и потому имеющей два десигната. В одном случае можно предположить восприятие снизу: 'скала, скалистая гора', в другом — сверху: 'глубокая пропасть'. В обоих случаях осевой признак "крутизна". Отметим, что речь идет скорее о семантическом механизме образования слова, чем о действительном положении вещей — семантике термина в том или ином конкретном говоре. В каждой отдельной системе (говоре) закрепляется обычно лишь одно из полярных значений (см. например, коллекцию географических терминов в картотеке ИДА), так как семантическая система диалекта (языка) избегает энантисемии¹²⁶. При междиалектном сопоставлении можно найти еще немало примеров, подобных приведенному случаю с *berdo*. Таковы укр. диал. *skárna* 'внутренний склон рва', 'крутая вершина горы', *sténa* 'обрыв', 'скала', *скрут* 'длинный обрыв', 'недоступная вершина горы' (Мар. МСУГА, Мар. НРУЯ 208).

Осевой признак крутизны, однако, отсутствует при поляризации компонента значения 'верх' ↔ 'низ' в терминах почти ровного болотистого ландшафта, где признак 'верх' и 'низ' трансформируются соответственно в 'сухое место' и 'топкое место'. Случаи подобного рода тоже не малочисленны и так же, как и в рассмотренных выше примерах, семантические звенья 'верх' ↔ 'низ' (соответственно 'сухое место' ↔ 'топкое, мокрое место') далеко не всегда образуют замкнутую двучленную цепь, а входят обычно в состав более сложной многозвеньевой цепи. Некоторые из них приводились выше или будут подробно рассмотрены ниже, поэтому ограничимся здесь лишь их неполным перечислением. Ср. полесск. *верéтсје* 'низкое болотистое место', *верéтија* 'возвышенное сухое место среди болота' (см. стр. 129), в.-рус. *ляда* 'высокое

место на болоте', *ляда* 'низменное болотистое место' (см. стр. 140); архангельск. *шáлга* 'обширные, только зимой проходимые болота', 'гора или холм' (см. стр. 87) и др.

Того же характера южн.-в.-рус. рязанск. *корь*, *корёк* 'возвышенное место' и 'низкое болотистое место, болотце среди поля или под лесом', встречающееся наряду с другими значениями как то: 'место, расчищенное от леса под пашню', 'небольшой лесок на месте вырубленного' (ср. *лядо*, стр. 136—139)¹²⁷.

Отметим также случаи, где противопоставления обнаруживаются в более широком общеславянском ареале: ср. полесск. *бор* 'возвышенное место', польск. диал. *bór* 'болотистое место', с.-хорв. черногорск. *bór* 'карстовая воронка' (см. стр. 33 и 39); полесск. *круг* 'топкое болото', с.-хорв. *круг* 'вершина горы, гора', где осевым признаком является округлость (см. стр. 119—120); в.-рус. *кряж* 'горка, небольшая горка, заросшая лесом' и 'глубокое место' (см. стр. 120—121).

Поляризацию компонента значения по линии 'верх' ↔ 'низ' можно обнаружить также в великорусских диалектных терминах *буй*, *яр*, *юр*, подробно исследованных Б. А. Лариным. Среди достаточно сложных семантических полей, образуемых амплитудой колебания каждой лексемы, выделяются такие противопоставления, как *буй* 'высокое место, холм, бугор', 'глубокое место в реке, озере', *яр* 'открытое высокое место', 'отвесная крутая гора', 'крутой, высокий берег', 'глубокое место, уступ дна в реке, озере', 'водоворот', 'пучина', 'лог, поросший лесом, кустарником', 'овраг, буерак', *юр* (*юра́*, *юрб*) 'горка, самое видное место, уединенное, возвышенное место', 'омут', 'средина реки, самое быстрое течение'¹²⁸.

Наконец, примером, где 'верх' ↔ 'низ' противопоставляется в подводном рельефе, может служить термин *пáесо* 'глубокое место в реке' и 'мелкое место в озере или реке', 'отмель' (см. стр. 204—206).

¹²⁷ См.: Г. П. Смолицкая. *Корь* (*корёк*) как географический термин. «Местные географические термины в топонимии». М., 1966, стр. 23.

¹²⁸ См.: Б. А. Ларин. Об архаике в семантической структуре слова (*яр — юр — буй*). «Из истории слов и словарей». Л., 1963, стр. 78—89; он же. Из истории слов. Буй — погост. «Слово в народных говорах русского Севера». Л., 1962, стр. 6—7.

¹²⁶ См.: Н. И. Толстой. Из опытов... П.—ВЯ, 1966, № 5, стр. 35.

БЕЗЛЕСНОЕ ПРОСТРАНСТВО — ЛЕС

гало

Подобно тому как *болоту* противопоставляется *груд* (см. ниже стр. 122), в Полесье *лесу* (*лісу*, *лієсу*) противопоставляется *гало* 'открытое безлесное пространство', 'пространство земли, не поросшее лесом или кустарником'. Этот термин выступает часто как междиалектный синоним к термину *полон*' (см. выше, стр. 74). В Сварыни термин *гал*' почти неупотребителен и вместо него выступает *полон*'. Следует отметить, что референт, к которому относится *гало*, чаще бывает не болотистым (= *груд*, но всегда без признака растительности и т. п.), иногда же 'заболоченная местность'. В Западном Полесье известна лексема *гал*', в Центральном и Восточном — *гало*. Ср. *гал*' 'чистое безлесное место' (Зб. Ол. Млр. Лк.); *вишоу* на *гал*' (Ол.); *i піўка — гал*', *i сіножат*' — *гал*' (Зб.); на *галі німа пі затішку*; *віїжаў* на *такўју гал*' і *такáја крутовіна* (Млр.); *гал*' — *де лісу нема і орут*, *пасовіско*, *i кбс'ут* (Лк.); *гал*' 'чистое, несколько возвышенное место в лесу' (д. Озеряны, Турийский р-н, Вольцск. обл.); *гал'авина*, синоним *пол'ана* 'поляна' (там же); *гал*', *гал'авина* 'чистое место среди кустарников, леса (на лугу, в лесу и т. п.): *кбс'ат* на *гал'і* (с. Забужье, Любомльск. р-н, Вольцск. обл.); *гал'авина* 'то же' (д. Святязь, Любомльск. р-н); *гало* 'открытое, безлесное пространство' (Гр. Ом. Хр. Дк. Гл. Др.); *гало* 'поляна в лесу, безлесное пространство' (Ш. Бд. Гц. Кн. Дп. Дв.); *гал'іна* 'отдельная поляна в лесу, отдельное чистое пространство среди кустов и т. п.' (Ш.): *гало* — то *тамока*

по *лесу*; *jest'* *галá* *такіје*, — *кбс'ат*; это уже у каз'онных *лесáх* (Кн.).

В Буде и Ковотопе *гало* не только 'чистое безлесное пространство', но и 'низменная местность, поросшая травой и затопляемая водой среди пахотных полей', иногда 'болотистая открытая местность большой площади'. Таким образом, если в Западном Полесье в Збуроже признак "обработанность", или "необработанность" почвы не релевантен, то в восточной его части в Буде и Ковотопе противопоставление «обработанности земельным участкам» существенно. Кроме того, в украинском Западном Полесье в Озерянах отмечено *гал*' 'возвышенное место' (ср. ниже болг. *гала*), а в Восточном Полесье иногда 'низменное, болотистое место', хотя почти повсеместно для термина *гало* (*гал*' и т. п.) признак "высота", так же как и в общем признак "величина", не релевантен.

«На правобережье Припяти, близ реки Горыни, — по свидетельству В. П. Семенова, — встречаются обширные болота, носящие название *гала* и отличные по своему характеру от типичных пинских ... Так как *гала* занимают более возвышенные места, чем типичные пинские болота, то высокие воды реке заливают их»¹. К. Мошинский на основании своих наблюдений в Восточном Полесье характеризует *гало* как 'широкую пустую равнину без кочек, полностью лишенную деревьев и только в исключительных случаях кое-где поросшую мелким кустарником' (Mosz. PW 15). Равнина эта «более или менее болотистая, поросшая болотной растительностью» (Mosz. STTF 6). В «нижнем» Полесье, поясняет К. Мошинский, *гало* не достигает таких значительных пространств, как в «верхнем», и оказывается обычно 'полянкой в лесу большего или меньшего размера' (Mosz. PW 15). Это же отмечают и другие источники. На северо-восточной окраине Полесья, южнее Бобруйска (д. Здудичи, Парицк. р-н) *гала* 'чистое место: делянка вырубленного леса, сеножать среди лесов, большая поляна среди леса': *быў лес*, а *стала гала* (МСНДМ 162), несколько западнее на Глущине (д. Клетное) *гало* (*гáла*) 'широкая болотная сеножать среди лесов', 'большое пространство среди

¹ См.: «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб., 1905, стр. 11.

лесов' (Янк. ДС I), а в украинском Восточном Полесье на северной Житомирщине *гáло* 'низкая болотистая местность (Лыс. ССЖ). На южной окраине Полесья в районе Луцка, Ровно и Новограда Волынского *+galo* 'лесная поляна': *гáл'аўка* 'поляна в лесу' (д. Сепкевичевка, Гороховск. р-н, Волынк. обл.), *гáл'ава* 'поляна' (д. Симонов, Гоцанск. р-н, Ровенск. обл.; ср. словен. *goljava*), *гáл'áвi'на* 'лесная поляна' (д. Гвоздов, Гоцанск. р-н, Ровенск. обл.). Там же в районе Новограда Волынского *гáло* 'круглая поляна в лесу', 'круглое пространство на озере, незаросшее водорослями', 'лесное озеро' (Гринч. СУМ), *гáлява*, *гáлявна*, *гáльбвина* 'поляна в лесу', 'незаросшее место среди хлеба в поле' (Гринч. СУМ). В Киевской зоне *гáльовина* 'возвышенное и открытое место' (хут. Борок, Переяслав-Хмельницк. р-н. Мар. МСУГА)². Это же значение зафиксировано в в.-рус. говорах в Псковской зоне, где *гáля*, *гáль* 'безлесное место, поляна', 'чистое моховое болотце в лесу' (карт. ПОС): *гáля* — мѣста ровнае, мала кустоф (д. Самолва, Гдовск. р-н); *гáлей* мógут назвáть мѣсто такѣ голае, траф, зпáчит, нет, гáль аднá и астáлась (д. Выставка, Печерск. р-н); на гáлi дерéвля стáяла (д. Староверский Луг, Пшюск. р-н) и в районе оз. Селигер, где сочетание *на гáлi* означает 'на голом месте'³. Ср. также в.-рус. *чистогáл* 'топкое болото без растительности' (СРСІ).

Инвариантное, не имеющее отклонений значение термина *+galo* 'чистое, безлесное (без растительности) место'. Оно особенно ясно выступает в прилагательных *гáл'ниј*, *гáл'истиј* 'голый, чистый' и в глаголе *гáл'ати* 'очищаться, оголяться'. Ср. *гáлисто болото* (Вл.); *гáл'ноје болото* (Ш.); *гáл'истоје болото*, *гáл'истиј бор*, *гáл'истиј луг* (Дк.); смоленск. *гáлое болото* 'безлесное болото' (с. Свары, б. Рославльск. уезд), *гáлая болота* 'голое болото' (с. Прищи, б. Рославльск. у. Добровольский 1914); *гáл'áло*, *бэро гáл'áје* — говорят об озере, когда оно очищается ото льда (Сп.) Ср. также новгород-волынк. *гáло* 'круглое незаросшее пространство на озере'.

² См. также обильный топонимический материал: В. П. Петров. Гідронімія Верхньої Наддністрянщини. р. Агалінг. Гáло. «Ономастика». Київ, 1966, стр. 85—86.

³ Материал из Псковской зоны сообщил В. М. Мокленко, а из Приселигерья — А. В. Никитин. За эту и иную информацию приношу им свою глубокую благодарность.

Помимо приведенных выше дериватов типа *гáл'ава*, *гáл'аўка* и т. п., в Полесье зафиксированы и приставочные образования *прогáлина*, или *гáл'ина* 'поляна в лесу, заросшая травой' (Дк.), *прогáл'ина*, или *прогáлок*, синоним *гáло* 'безлесное пространство' (Бд. Гл.); ид'ош л'ѣсом, по́том прогáл'ина (Гл.). Термин *прогáлина* широко распространен в восточнославянских языках. Ср. литер. русск. *прогалина* (СРЯ), укр. разгов. *прогáлина*, *прогáлинка* (УРС). б.-рус. *прогáлина* (БРС) 'прогалина'⁴, а также в.-рус. диал. *прогáль* 'прогалина'⁵, архангельск. *прогáльзина* 'чистое место в лесу' (Доп. Оп. 1858), 'полянья' (Подвысоцкий 1885), 'проталина', 'пробойна, просвет, отверстие' (Грандлевский 1907).

Из бесприставочных образований в великорусских говорах с другой ступенью чередования *a: o* можно отметить: *голинá* 'голь, голое место, особенно голая земля' (ср. *голое место*, 'безлесное место', Даль СЖВЯ), которой соответствует польск. диал. *golina* 'голое, незаросшее деревьями место в лесу, или хлебными злаками в поле', 'поле, выкорчеванное среди леса' (SW), в.-луж. *holina* 'голое открытое пространство в лесу' (Jak. HSNS), болг. *голинá* 'голое, не покрытое растительностью место, место не покрытое снегом' (БТР, РСБКЕ), словен. *golina* 'голая, каменная вершина горы' (см. ниже), затем олонек. *гóломень*⁶ 'открытое место в озере, незащищенное от ветра, водная гладь' (Куликовский 1898), сибирск. обск. *голея* 'пустое безлесное, болотистое место': *голея* — чистое болото, продольно, только по краям лес (ССО), архангельск. *гáлец* мн. число *гáльцы* 'чистая, ровная поляна в лесу', 'выдающийся из воды в реке или море камень' (Подвысоцкий 1885), уральск. *гольцýй* 'открытые'

⁴ Эти формы также широко распространены в диалектах, ср., например; гуцульск. *прогáлина* 'полянка в лесу' (Hrab. NGH 46).

⁵ См. «Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка». М., 1960, стр. 32.

⁶ Форма *гóломень* входит в словообразовательный ряд *сузьмень* 'сухое место' (см. стр. 128), *рамень* 'лес, хвойный еловый лес' (Мура. СМГТ), 'лес, соседний с полями, с пашней' (Даль СЖВЯ), костромск. и рязанск. 'мешаное чернолесье', и т. д. См. подробнее: Ю. В. Откупщикова. О происхождении слов *рамень* и *раменье*. «Вопросы общего языкознания». Л., 1935, стр. 88—89.

поросшие мхом места на болотах, трясины' (ССУ), воронежск. и рязанск. *голь* 'голое поле' (Опыт 1852).

В западноукраинских говорах известно *голийця* 'чистое поле, прочищенное от деревьев место' (Грипч. СУМ, почерпнуто из материалов Я. Головацкого и снабжено пометой *угорск.*), бойковск. *голийця* 'неурожайное поле, гора' (Руди. ГНБ 21), которой соответствует н.-луж. *gōlica* 'степь, пустое место' (Muka SDSR)⁷ и словен. *gōlica* (см. ниже). Зап.-украинскому лемковскому *gōla* 'поляна' (Stieber NMG) соответствует польск. диал. гуральск. *gōla*, чаще синоним *p^olana* 'поляна' (Stieb. NMG), в то время как польск. диал. оравск. *hala* 'горное пастбище' (Goł. TNO, 12), отмеченное также Варшавским словарем *hala* 'высокая, лысая гора', 'горная долина', 'горное пастбище' (SW), формально по ступени гласного и семантически ('пастбище') соотносится с полесским *gālo*⁸. Тот же Варшавский словарь отмечает диалектные формы *hola*, *halizna*, *golina*, *golażń*, *golażnia* и т. п. 'открытое, пезаросшее пространство в лесу', 'неплодородная возвышенность, холм среди нахотных полей' (SW), *golizna* 'голое поле', 'место, заросшее сорняками' (SW), *halawa*, *holawa*, *chalawa* 'пространство без деревьев, пезаросшее лесом', 'большой открытый затон на озере, пруду', 'лука' (SW).

В словацкой и чешской зонах не зафиксировано такого разнообразия дериватов, как на польской территории. Здесь известен тот же, что и в польской карпатской зоне, термин словац. *hol'a* (*hol'*) 'поверхность высоких гор над границей лесного покрова, покрытая травой', 'высокогорное пастбище', 'альпийский луг' (SSJ), чеш. диал. *hole*, *hola* 'горное пастбище', 'пастбище над верхней границей леса' (SSJČ, PSJČ), 'прогалина в лесу' (PSJČ).

Западнославянский (Карпатская зона) и словенский материал (см. ниже) демонстрирует параллелизм терминов

⁷ Вероятно, Э. Мука не совсем удачно выбрал русский эквивалент *степь*, скорее это должно быть 'голое место, поляна'. На связь термина *gōlica* с лесным массивом указывают другие дериваты: *gōlka* 'пустая пива', 'лесок', *gōlnik* 'лесовщик', *gōlny* 'степной' (Muka SDSR). Как известно, в Нижней Лужице вообще нет степей.

⁸ О польском *hala* подробнее см.: J. Sze w c z y k. Termin topograficzny «hala» w języku polskim. «Poradnik językowy», 1960, zes. 1, стр. 36—43.

+polnina и *+golina* (*+goljava*, *+golja* и т. п.), отмеченный еще В. М. Илличем-Свितычем⁹. Этот параллелизм наблюдается и в Полесье, где известны термины *gālo* (*gāl'*) и *polbn'* с одинаковым значением 'поляна в лесу', 'безлесное пространство, пригодное для пастбища'. В д. Сва-рынь оба синонима сосуществуют, хотя *gāl'* встречается редко. В ограниченном центральнозападнополесском ареале, где термин *gālo* неизвестен, фиксируется *polbn'*.

В южнославянских языках, помимо уже упомянутого болг. *голинá* 'голое, непокрытое растительностью место', известно с.-хорв. *gōlēt* 'голое место, особенно на горе' (RHSJ) 'гора, лишешная лесного покрова' (Вук СР) и словен. *gōla*, *goljáva*, *goličáva*, *golina*, *golica*, *gōlež*.

Р. Бадюра устанавливает для словенских терминов три градации по признаку наличия травяного покрова: 1. *gōla*, *goljáva* 'пространство в горах без деревьев и кустарников, покрытое луговой травой, пастбище, сеножатя'¹⁰; 2. *goličáva* 'пространство в горах без деревьев и кустарников, с редкой дерновой растительностью на песчаной и каменистой почве'; 3. *golina* 'самое высокое пространство в горах, каменистое, голое, лишешное всякой растительности' (Badj. LjG, 125). К этим терминам следует добавить: *gōlica* 'голый склон горы, на которой вырублен лес, деревья' (SP) и *gōlež* 'голая, не покрытая растительностью гора' (SP). Ср. словен. *goljáva* и *plánjava* 'обширное сенокосное угодье, луг в горах', а также *plána*, *planina*, *planica*, обнаруживающие семантические и словообразовательные параллели (подробнее см. стр. 79).

Из изложенного материала видно, что полесск. *gālo*, *gāl'* следует возводить к праслав. **golъ* 'голый, непокрытый, открытый', как это делали К. Мошинский (Mosz. STTF 6), Ян Розвадовский¹¹ и др. Предположение о происхождении

⁹ См. В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий... стр. 224.

¹⁰ Несколько иначе дает толкование диалектного черноврицкого термина И. Томинец: *gūlāwa* 'голое пространство с бедной растительностью' (Tom. ČD).

¹¹ См.: J. Rozwadowski. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948, стр. 79—85. Там же обильный топонимический материал и этимология **golъ*.

полесск. и б.-рус. *у́гло* из литов. *gālas* 'копец' (DLKŽ), как полагал А. Л. Погодин¹² и другие, едва ли правомерно.

луг—лука

По свидетельству полесских старожилов, *лүү* также относится к *болоту*, как и *бау́б* (см. стр. 145 и 154). Там, где *бау́б*, там обычно не косят, *болото* же нередко скашивают, а *лүү* — это чаще всего сенокосные угодья, где лучшая трава. Поэтому *лүү*, в общем не столько термин, относящийся к рельефу или болоту, сколько термин агрономический, в котором оттенок хозяйственного значения зачастую преобладает. Обычно *лүүом* в Полесье пазывают заливные луга, с обильным травяным покровом, которые, однако, могут зарастать кустарником (*лозб́й* и т. п.), или листовыми деревьями (*олéхој*, *осіној* и т. п.), иногда даже *лүү* просто 'лиственный лес (обычно у реки)'. Ср. *лүү* 'луг, заливной луг' (Зд. Зм. Бр. Бл. Кп. Дп. Дв.): *тўт пол'е і тўт пол'е, а тўт — лүү, вода́ все там* (Зд.); *лүү* 'заливной луг около реки, озера и т. п., обычно поросший лесом': *д'е ол'ховиј ліс ужé такіј — лүү называјут* (Ол.); *лүү; на лүү — лоза́, і берелб́з, і ол'ха́* (Хр.); *лүү при вад'е, при рак'е, трава́ там рас'т'е́* (Бд.); *лүү* 'низменное место большой площади, заросшее листовым лесом или кустарником (орешником, лозой, ясенем, черемухой), обязательно у реки': *тим лүүом т'ече річка, с'ер'бдком т'а́рп'ет р'екá, кру́ом бер'е́ами — л'и'са́, лб́зи понара́стајут; з ра́кі розліва́јеца вода́ на лүү, а потб́м спа́да у р'эчку* (Зс.), *лүү* 'заливной прибрежный луг, заросший листовым лесом или чистый' (Кч., Гл. Дк.); *лүү* 1. 'большой смешанный лиственный лес (дуб, осина, ольха и т. п.); 2. 'открытый сенокосный луг' (Др.).

Таким образом, в Полесье наблюдается наличие двух значений, одного общевосточнославянского — *+lǫgъ* 'травяная земля, покос, пастбище; пожня, пажить; мелкотравная (не болотистая, не бурьянистая) равнина'

¹² См.: А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

(Даль СЖВЯ), и другого, характерного для западно- и южнославянских языков, — *+lǫgъ* 'лес'. Правильнее было бы сказать, что в Полесье фиксируется одно синкретичное значение 'заливной участок, где растет трава и возможен покос, пастбище, поросшее листовым лесом, или свободное от него'¹³. Признак крупной растительности не выступает как определяющий (релевантный), а иногда его, очевидно, даже нельзя признать компонентом семемы, хотя можно считать свойством референта (реалемы). Семема 'луг, лиственный древесной растительности', 'лужайка' выражается в Полесье обычно лексемами *полб́н'*, *болб́н'* (см. стр. 74), 'нескошенный луг' — *синож'ат'* (Смн.); 'огороженный луг около села' — *осéлиц'а* (Смн.); 'выпасной луг' — *випас* (Смн.); и т. п.

Возможно, что в прошлом, как и в ряде современных полесских говоров, *+lǫgъ* — *+polнь* противопоставлялись по признаку 'луг, поросший кустарником, деревьями' — 'луг, открытый, чистый'. В пользу этого предположения свидетельствует материал западно- и южнославянских языков. Ср. чеш. *luh* 'луг на сырой почве со свежим зеленым (травяным. — Н. Т.) покровом или поросший листовыми деревьями либо кустарником', 'роща у реки с преобладанием высокоствольных деревьев и сплошным травяным покровом' (PSJČ), 'луг', 'очень сырой, преимущественно лиственный лес (ольха, ясень, тополь) на гумусовой почве, затопляемый в половодье', квижн. 'край, страна' (SSJČ), словац. *luh* 'сырой, высокоствольный лес, роща у воды' (SSJ), польск. *łag, łęg*, диал. *ług* 'низкое место у реки, поросшее обычно лозой и заливаемое весенним половодьем', диал. 'пастбище над рекой', 'луг, ровное пастбище у реки, болотистый луг на низине', *luzak* 'болото, лужок' (SW, Nitsche GTP, 69, 79), кашубск. *ług* 'болото'

¹³ Т. А. Марусенко отмечает, что «в значительной части украинских говоров *луг* сохраняет древнее общеславянское значение 'низина около реки, покрытая лесом'». См.: Т. О. Марусенко. Українські назви рельєфів і реконструкція праслов'янської лексики. «Питання топоніміки та ономастики». Київ, 1962. стр. 144. См. также обильный великорусский (в том числе и исторический) и славянский материал по терминам *луг* и *лука* в монографии: Н. П. Гринкова. Вопросы исторической лексикологии русского языка. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 231. Л. 1962, стр. 45—66.

lug^{ovato} lqka 'болотистый луг' (Log. PW), в.-луж. *lul* 'болото, ржавое лесистое болото' (Jak. HSNS), н.-луж. *lug* 'луг', 'болото, поросшее травой, болотистая низменность', 'болотистый луг' (Muka SDSR), болг. *лъг* 'лесок посреди луга в сыром месте' (РСБРЕ), 'луг', 'небольшой мелкий лес в низинке' (Гер. РБЯ), макед. *лаг* 'лес, гай' (РМЈ), с.-хорв. *лѣг* 'лес, гай'; 'болотистое место, поросшее камышом' (RHSJ, Вук СР), диал. косовск. *лѣг* 'лес, гай' (Елез. РКМД), словен. *lóg* 1. 'гай, лес на равнине около населенных мест, чаще в малооблесенной местности, в отдалении от водоема'; 2. 'угол, окраинная часть долины или равнины'; 3. 'небольшое плоскогорье, слабо залесенный дол, открытая площадка среди снежных гор' (Badj. LjG, 209—210)¹⁴.

Что касается украинской зоны, то она в общем характеризуется тем же положением, что и в Полесье, и в польских диалектах, примыкая, — с одной стороны, к чешско-словацкому и отчасти южно-славянскому ареалу, фиксирующему значение 'лес', с другой, — к великорусскому, отмечающему, в основном 'открытое низменное пространство с богатым травяным покровом'. Т. А. Марусенко в своих «Материалах» приводит для большей части Украины, как право-, так и левобережной, два основных значения: 1. 'низменность, поросшая травой', 2. 'низменность, поросшая лесом' и несколько более детализированных значений. К таковым относятся бойковск. *лѣг*, *лужбк* 'луг, низменность у реки или ручья, поросшая кустарником или деревьями' (Рудн. ГНБ 25), 'пастбище у реки' (Оныш. СВД), гу-

¹⁴ Словенские словари (Plet. SNS, SSS) дают для термина *lóg* в общем одно значение 'роща, низменный лес'. Отсутствие специальных трудов по географической терминологии, основанных не на данных имеющихся общих словарей, а на полевых наблюдениях и записях географов и диалектологов, затрудняет работу по сравнительно-семасиологическому исследованию славянских географических терминов. Словари не всегда достаточно полно и точно передают значение интересующих нас терминов, пренебрегают нередко важными «детальными», существенно изменяющими общую картину. Исследование Р. Бадюры пока единственный труд, посвященный терминологии одного славянского языка, почти целиком основанный на полевых наблюдениях. К сожалению, и он не лишен недостатков для лингвистов, так как в нем плохо разработана география диалектных географических терминов.

цульск. *лѣг* 'низина, низкая местность', *лужбина* 'место, где раньше был луг, пастбище' (Hrab. NGH, 42). Из дериватов на украинской территории зафиксированы *лужбина* 'место, где раньше был луг' (Гринч. СУМ), *лужовина* 'то же' и 'низменность, поросшая травой' (Мар. МСУГА), *лужбинка* 'место, где раньше был луг' (Мар. МСУГА) и 'старое русло реки, долинка' (Hrab. NGH, 42; ср. этот гуцульский пример со словен. *lóg* 'слабо залесенный дол'), *лужайка*, *лужина* 'низменность, поросшая травой' (Мар. МСУГА, Гринч. СУМ), *лужбк* 'углубление на месте водоема', 'лесок на низменности' (Мар. МСУГА). Часть из них известна также на великорусской, белорусской и польской территории. Таким образом, синкретичное значение термина ⁺*lógъ*, зафиксированное в Полесье, следует, вероятно, признать первоначальным. Из него потом развились значения 'лес' (чеш. словац., польск. лужицк., болг., макед., с.-хорв., словен.), 'болото' (кашуб. лужицк., с.-хорв.), 'луг' (б.-рус., в.-рус., укр., польск., лужицк.). Словенский материал, как и в большинстве других случаев, сохраняет архаику, *lóg* означает не только 'лес', но и 'край равнины или долины', вероятно, как реликт древнего, во многих зонах хорошо сохранившегося значения 'луг (чаще поросший лесом) у реки, водоема'. Словенцы, если учесть наблюдения Р. Бадюры, оказались единственными, перенесшими равнинный (низменный) термин ⁺*lógъ* на высокогорную территорию: *lóg* 'открытая площадка среди снежных гор'. У южных славян, вероятно, первоначальное, известное в Полесье значение термина ⁺*lógъ* было сужено и специализировано до 'лес, лиственный лес' (очевидно, 'лес с травяным покровом') в связи с заимствованиями с.-хорв., болг., макед. из греческого *ливада* и из турецкого *чаир* 'луг, открытый луг'. Что касается термина ⁺*polnina*, то он, как было рассмотрено выше, в ряде южнославянских зон сохранил значение 'луг, пастбище', но в основном в связи с новой географической средой (при смене референта «равнинное пастбище» → «горное пастбище») стал означать 'гора, горы', а в единичном случае и 'лес' (по модели семантического сдвига 'гора' → 'лес'; см. стр. 71—73).

На восточнославянской, преимущественно северно-великорусской территории помимо термина ⁺*lógъ* изве-

стен также термин ⁺*lęga*, отражающий праславянское чередование *o* : *e*. За ним закрепилось в основном значение 'лу́жа', 'яма, наполненная водой', отражающее, вероятно, семантический процесс «микроризации» подобно переходам *барыб* 'болото' → *барыб* 'лу́жа' и т. п. (см. стр. 156, 169, 235). Ср. архангельск., онежск. *лѣга* 'небольшое углубление земли, наполненное водой, лужа', 'лу́жа', 'пруд', реже 'мокрое, вязкое место' (Опыт 1852, Подвысоцкий 1885), архангельск. *лѣга* 'глубокая яма в реке, омут' (Опыт 1852).

Семантическая эволюция, близкая к той, которая наблюдается у термина ⁺*logъ*, произошла и с общеславянским термином ⁺*lōka*. Его этимология, вернее исходное значение, достаточно ясно. Оно сохранилось до сих пор в некоторых славянских диалектах: ⁺*lōka* 'изгиб реки, лука реки', а отсюда и 'луг (поросший или не поросший лесом) на изгибе, излучине реки'. В ряде славянских языков ⁺*lōka* не только географическое название, но и анеллятив, означающий 'изгиб, кривизну чего-либо' (ср. русск. *лукá*, с.-хорв. *лѹка* и т. д.). На древность значения 'изгиб', а также, вероятно, первоначально 'место у изгиба реки' указывают факты балтийских языков, где литов. *lañkà* 'заливной луг', *lañkas* 'дуга', 'обод', 'лук' (DLKŽ), латыш. *lañka* 'заливной луг' (Mül.-Endz. LVV).

Литературные восточнославянские языки сохраняют значение *лукá* 'излучина, изгиб (реки, морского берега и т. п.)' (Ож. СРЯ, БРС, УРС), но диалекты уже демонстрируют иные значения, характерные также для западно- и южнославянских языков. Ср. тверск.-осташковск. *лукá* 'залив, губа' (Доп. Оп. 1858, Копорский 1948), 'дорога, сгибающая луку' (Доп. Оп. 1858), пинжегородск. 'мыс', брянск. *лукá* 'луг между двумя речками', *лѹки* 'заливные дуга', *лѹчка* 'сухой островок в заливных дугах' (Клетнянск. р-н, запись В. И. Чагишевой), курск.-суджанск. 'низменная луговая равнина при потоке или реке', донск. 'значительная купа деревьев, ограниченная с двух или трех сторон водою' (Опыт 1852), рязанск. 'ровный и сухой участок лиственного или смешанного леса, где обычно хорошо растут грибы' (ССРЯГ), смоленск. *лукá*, *лѹчка* 'изгибом реки ограниченное небольшое луговое пространство', 'луг' (Добровольский 1914), б.-рус. диал. *луковина* 'лука, из-

лучина': дорога луковиною пдзецъ (Нос. СБН), *лукѹ* 'заливные дуга у реки или озера' (д. Шаршуны, Минск. р-н Жак. ДМ), *лѹки* 'луг у изгиба реки' (д. Бобровичи, Воложинск. р-н Жак. ДМ), *лукá* 'луг у реки, лука' (витебск. Пасп. ВКС), укр. диал. *лукá* 'низменность, поросшая травой' (широко представлено на Восточной и Западной Украине, Мар. МСУГА), 'луг поемный', 'крутой изгиб реки, образующий мыс' (Гринч. СУМ), 'место около хаты, где косят траву': *лукá* коло хаты, а кісниц'а у верху́ або с'іножатка (бойковск. Опшн. СВД), *лѹк*, *лѹки* 'низменность, поросшая травой' (Мар. МСУГА), *лукáнь* 'то же' (впшницк., могилев.-подольск. Гринч. СУМ, Мар. МСУГА).

В западнославянских языках почти повсеместно ⁺*lōka* означает 'луг'. Ср. польск. литер. *łąka*, реже *łątka*, диал. *lōka*, *lañka*, *lonek* 'участок земли, обыкновенно низкой, на котором растет трава и где косят сено', диал. *łąka* 'пахотная земля', *łączyną* 'плохой луг' (SW), кашуб. *lōka*, уменьш. *lōčka* 'луг' (Log. PW), чеш. литер. *louka* (или *luka*), уменьш. *loučka* 'пространство земли, поросшее травой, где косят и сунат траву для корма' (PSJČ, SSJČ), словац. *lúka*, уменьш. *lúčka*, 'обширная площадь, поросшая травой' (SSJ), в.-луж. *luka* 'луг', *lukovina* 'луговая местность' (Jak. HSNS); н.-луж. *luka*, уменьш. *luc̣ka* 'луг' (Muka SDSR).

Это же значение 'луг' с обязательным признаком "у реки" отмечают южнославянские лексикографические источники. Ср. болг. литер. *лъка* 'низменное место у реки с дугами или пашнями' (РСБКЕ), диал. родопск. *лъка* 'травяной луг около речной излучины' (БД II, 200), 'общее название для зеленой долины у реки, обычно окаймленной лесом' (ИИБЕ IV, 77), макед. *лака* 'место у реки, сырое, с хорошим пастбищем' (PMJ), с.-хорв. литер. *лѹка* 'луг у реки', 'морской залив', 'порт' (Вук СР, RHSJ), диал. косовск. *лѹка* 'участок земли у реки' и т. п. (Елез. РКМД).

Помимо значения *лѹка* 'луг у реки', на сербскохорватской территории в прошлом были зафиксированы значения 'роща, лес' и 'долина' (ср. рязанск. *лукá* 'участок лиственного или смешанного леса', донск. *лукá* 'значительная купа деревьев, ограниченная с двух или трех сторон водою', курск.-суджанск. *лукá* 'низменная луговая равнина при потоке реки'). Об этом свидетель-

ствуют словари XVII в. на кайкавской диалектной основе Ю. Габделича и И. Белостенца, толкующие слово *luka* как 'лес', 'низменное место, поросшее лесом' (*silva, nemus, vallis nemorosa*; см. RHSJ). Это же значение отмечают и более поздние лексикологические труды начала XIX в. И. Стулича (по Ю. Габделичу) и Й. Вольтича, отражающие как штокавскую, так и чакавскую лексику (*silva*, итальян. *boscaglia, Gehölze*; см. RHSJ). Чакавский словарь Ф. Вранчица конца XVI в. дает толкование 'долина' (*draga, vallis*; см. RHSJ).

Словен. *lōka* означает 'болотистый луг в долине' (Plet. SNS), 'луг около реки, озера' (SSS). По свидетельству Р. Бадюры, *lōka*, уменьш. *ločica* 'ровный, открытый участок местности на равнине, у реки, ручья, дола' (Badj. LjG 255), *zálōka* 'луга, пастбища на холмах над *lokami*' (Badj. LjG 255, 256), 'луг на краю леса, небольшой луг в долине' (Plet. SNS). В центральной части горного хребта Караванки в районе Радохи-Смрековца *lōka, ločica* означает то же, что и *plánja, plánjica*, т. е. 'горный луг, горное пастбище' (Badj. LjG 256, 274; см. стр. 79 этой книги).

Архангелское значение, засвидетельствованное хорватскими кайкавскими словарями XVII в., известно в румынском языке, где заимствованное из славянского *lincă* означает 'низина, или заливаемая местность у проточной воды' (Mih. ÎVSS 100)¹⁵. Того же характера и происхождения венг. *lanka (lonka)* 'пологий склон', 'место у реки', 'фруктовый сад у реки', 'место, где медленно течет вода' (Kniezsa MNSzJ).

В Западном Полесье в д. Симоновичи зафиксировано заимствование из польск. *łóнок* 'сенокосный луг': *сіпо з дбóроґо лóнку*; на Заліс'сі лóнок ничбóґиґ (Смн.).

Как отмечалось выше, семема 'заливной луг', 'луг у реки' в Полесье чаще всего выражается лексемой *полбн'*, *болбн'* и т. п. (см. стр. 74).

остров

Помимо термина *ґруд*, в Полесье широко употребителен термин *бóстров (бóстроў)*. При этом, если для термина *ґруд* наиболее релевантным признаком оказывается твер-

¹⁵ См. также нашу рецензию на Mih. ÎVSS («Этимология», I. M., 1963, стр. 280).

дость, для острова определяющими являются признаки "замкнутость пространства" и его "невозделываемость". Поэтому термин *бóстроў* может быть применен как к 'сухому участку среди болота (обычно поросшему лесом)', так и к 'участку леса среди безлесного пространства' и даже 'безлесному участку среди леса'. Подобная мобильность или расплывчатость значения термина, т. е. его способность соотноситься с группой отличных по ряду свойств референтов, отмечается в Западном Полесье, в то время как в Восточном слово *бóстроў* более терминологично, там почти повсеместно *бóстроў* 'сухое место среди болота, поросшее лесом'. Ср. в Луково *бóстров* 'сухой участок земли среди болота': *дэґаґи бóстров маґе назвáниґе, прбóзвікоґе је на неґо (Лк.)*; 'участок леса среди безлесного пространства, роща': *бóстров лісу (Лк.)*; 'полянка, неспаханное свободное пространство в лесу': *бóт, ка, чістіґи бóстров (Лк.)*, 'участок леса одной породы, среди леса другой (других) породы (пород)': *бóстров лісу, — берэзовиґи ліс (Лк.)*; *бóстроў*, уменьш. *востровбк* 'возвышенное место на болоте', 'свободное, неспаханное пространство в лесу' (Св.); *бóстрсў* уменьш. *островбк* 'сухое место среди болот, поросшее лесом' (Гр. Ом. Гл. Др. Дк. Кч.): *пачўґем на бóструв'е, ў л'есе (Др.)*; *бóстров (бóструв)* 'участок сухой земли, окруженный болотом' (Кн. Дн. Дв.). 'Остров на реке' в Восточном Полесье обычно *прос'ербд* (Кн. Дн. Дв.). Полесский термин *бóстроў* имеет свое соответствие в северновеликорусских диалектах. Ср. архангельск. мезенск. *остров* 'холм на болоте' (Подвысоцкий 1885), олопецк. *островбк, бóстров* 'сухое, высокое место среди болота, поросшее лесом'; 'кучка леса, отличающаяся от окружающей заросли большей высотой или однородностью своего состава': «...отсюда *березовый остров, сосновый остров*» (Куликовский 1898); *остров* 'место, покрытое диким лесом' (Барсов 1872—1882), вологодск. *бóстров* 'место в лесу, покрытое высокой травой' (Доп. Оп. 1858); ярославск. *бóстров* 'небольшой отдельный лес', 'участок строевого леса', 'плохой лес, выгон', 'маленький лес, сеча', 'частый, густой, непроходимый лес' (Мельн. КЯОС); сибирск.-обск. *бóстров* 'участок леса среди болот': *есь болото большое, на двадцать вёрс ушло, на нём берёзовы, осиновы островья...* (ССО).

Полесскому и севернорусскому термину *бóстрсв* в общем соответствует польск. диал. кувявск. *ostrów* 'участок

поля среди лугов' (Karł. SGP, SW), мазовецк. 'заросли у берега реки' (Karł. SGP, SW) и кашуб. *ostrów* 'возвышенность на лугу или поле', 'обработанный участок поля среди лугов' (АЖК I, II, 102—103). Кроме того, у кашубов зафиксировано *ostrów* 'облог, обложное поле', 'широкий ров' (семантическое смещение 'верх' ↔ 'низ'), 'прибрежный луг' и, наконец, также 'остров' и 'полуостров' (АЖК I, II, 102—103). Варшавский словарь толкует еще *ostrów* как 'речной остров, заросший лесом' (SW), а 'остров' без признака "растительность" по-польски называется *wyspa* (ср. полесск. *вісна* на стр. 90). Во всех остальных славянских языках и в румынском (из славянского), как и в русском литературном, ¹⁶*ostrów* 'остров' без дополнительных семантических признаков, так же как и др.-польск., с.-хорв., словен. ¹⁷*otok* 'остров', в.-рус. диал. *оток* 'остров на реке, в заливе' (Муруз. СМГТ), укр. *обітк* 'остров, небольшая часть земли, временно окруженная водой' (Гришч. СУМ), укр. *обток*, *оток* 'остров', закарпатск. *оток* 'остров' (Дзеш. УНО, 104, 106).

В Западном Полесье, помимо случаев употребления термина *бстров*, *бстров лісу* в значении 'участок леса', 'роща' и т. п., зафиксированы также термины *хóўн* и *купнак*, которые обычно выступают с определением в родительном падеже *хóўн лісу*, *хóўн хвојіни* и означают 'отдельный участок леса, рошица', или 'участок или часть леса, отличающаяся от других частей однородной растительностью'. Ср. *хóўн хвојіни*, *купнак хвојіни*, *купнак бербзы* (Лк.); возможно также сочетание *бур хвојіни* (о термине ¹⁸*borъ* см. стр. 23): *ш'ч'іріј хóўн хвојіноу лісу*; *30 хвојіп росте то б'уде хóўн*, *пвеліка плóш'ад* (Лк.); *хóўн лісу хо'рóшо'го* (Св.)¹⁶. *Купнак* следует считать дериватом от общеслав. **кпра* 'куст, пучок, островок' (ср. полесск. *купіна*, *к'упа* 'кочки', 'кочка' и т. п.).

круг — кряж

В Западном и Центральном Полесье для 'отдельного лесочка, роши', иногда 'зарослей кустарника', но не 'участка леса среди лесного массива' отмечен также термин *кружбк*, чаще с определением *кружбк лісу* (Млр. Св.):

¹⁶ Ср. в соседних Ляховичах: *гајбк ліса*, *гајбк березині*, *гајбк ол'шині*, *гајбк хвојіні* (Лх.) (см. стр. 49).

помеже пól'ем кружбк лісу (Млр.). Однако, так же как и термин *бстров*, термин *кружбк* обладает некоторой «мобильностью» значения и может относиться не только к лесной растительности, но и к болоту' с признаком "небольшая величина" и "окруженность твердой почвой". Так, в той же Малорите *кружбк* 'небольшое болото': *як меже пól'ем* — *кружбк*, *кружбкóе болóто* (Млр.), в Олтуше *кружбк* также 'отдельные заросли кустарника': *у нас т'а'овóје пól'е*, *а ў ніх кружбкé бул'э* (Ол.), в Сварыши и Ольманах *кружбк*, *кружбк лісу* 'гай, отдельная роща' (Св. Ом.)¹⁷: *јеслі кружбкóм пól'е*, *а тут трóшечки лісбк*, *это кружбк* (Ом.). Таким образом, для этой зоны Полесья для термина *кружбк* релевантны признаки "замкнутость пространства" и "величина", а признак "тонкость" или "лесная растительность" избирательны.

В Восточном Полесье широко распространён термин *круу* с более конкретизированным значением. Ср. *круу* 'топкое болото, обычно заросшее ольхой', 'ольховый лес на болоте' (Вл. Кч.): *круу* — *міз л'еса прот'а'п'е долина*, *нізкаја*, *водá там* (Кч.) [синоним *ол'бс* (Вл.), см. стр. 159]; *круу* 'отдельное болото среди листовного леса' (Бд.): *па круу́ мэжна нерајтí*, *а бом ужé не парб'д'еш* (Бд.). Ср. также *круу́вiна* 'низкое мокрое место у реки' (Бд.) [синоним *пл'бсо* (Бд.), см. стр. 204]. Последнее значение имеет свое соответствие в украинском на северном пограничье Центрального Полесья, где *кругóвина* 'небольшая болотистая низина в лесу', 'небольшая, заливаемая весенней водой лужайка' (д. Б. Рожан, Солигорск. р-н, Жак. ДМ), в Восточном Полесье, где *круг* 'сеножать на низком месте', 'небольшой пруд или озерцо на поле или в лесу' (Льс. ССП), а также в северной Житомирщине, где *круг* 'деланка сеножати в лесу или над рекой' (Льс. ССЖ). Если в Полесье все значения термина *круу* относились к неводелываемой почве, то в б. Киевской губ. Б. Д. Гринченко отмечает *круг* как 'участок поля': *в с'ому крузі луччі буряки*, *аніж па пизу* (Гришч. СУМ). Что же касается бойковского термина *круу*, *кружбк* 'полукруглая часть берега' (Рудш. ГНБ), то он не находится в прямой связи с полесским. К нему скорее приближается диал. чакавск. *krúg* 'скала в море у берега' (RHSJ), хотя

¹⁷ В Ольманах термин *гај* неизвестен, но в соседней дер. Кошары он зафиксирован — *гај* 'отдельная роща'.

в сербскохорватских диалектах известны также значения *krūg* 'круглое поле, нива' (ср. укр. *круга*) (Вук СР), 'вершина горы', 'гора' (RHSJ). И. Шютц отмечает древнее значение 'вершина горы, покрытая лесом' (Schütz GTSK, 59), что в известной мере соответствует приведенным западнополесским примерам. Из материала польских диалектов пока известен лишь термин *krąglak* 'лес округлой формы' (SW). Значения словенского термина *króg* почти совпадают с рядом сербскохорватских — 'площадь чего-либо, округлой формы', 'крутой поворот дороги, шоссе', 'холм, горка правильной округлой формы' (Badj. LjG, 123)¹⁸. Для всех перечисленных терминов наиболее релевантным и устойчивым признаком оказывается признак "округлость формы". На основании этого признака и произошла зафиксированная в Восточном Полесье контаминация лексем *круг* и *курган* путем метатезы: *кругáн* 'чистое сухое место среди леса, обычно песчаное', 'несчастный холм' (Гл.). Ср. также *кърган* (или *кърган*) 'сухой песчаный остров среди болота' (Кч.). Ср. укр. и русск. *кургáн* 'насыпной холм, искусственная возвышенность' (СССРЛЯ, Гринч. СУМ, Мар. МСУГА). Можно, однако, допустить и непосредственное образование полесского *кругáн* от *круг* (**krōgъ*), если принять во внимание северно-великорусский материал. Ср. архангельск. мезенск. *круган* 'перерезываемое ручьем озеро' (Подвысоцкий 1885), холмогорск. *кругáн* 'водяная путина, закругленный обрыв в реке' (Грандилевский 1907), ярославск. *круговáн* 'курган' (Мельн. КЯОС).

Выше отмечалось, что на великорусском Севере лексема *горá* выражает семемы 'гора' и 'возвышенный берег', 'сухой берег реки'. Аналогичное положение наблюдается со специфически восточнославянским термином *кряж* (*креж*, *криж* из **kręg-*), родственным южнославянским *krūg*, *krōg* 'холм, гора округлой формы', 'вершина горы' и т. п. (подробнее см. стр. 119). Значения 'горка, возвышенность, гора' и 'крутой берег, обрыв' зафиксированы в основном в средне- и северновеликорусской зоне:

¹⁸ В румынских и венгерских диалектах славянизм *cring*, *korong* (*kurung*) означает 'лесок, роща, круглый лес' (Mih. ÍVSS 101; Kniezsa MNSzJ), притом, как свидетельствуют формы слов, для румынского характерно отражение стадии ринезма, а для венгерского — более поздней стадии (из восточно- или южнославянского).

в псковских, новгородских, тверских (селигеро-торжковских), олонечких, архангельских, уральских диалектах.

Псковская зона: *кр'áж* 'сухое место на болоте', 'сухое поросшее травой место', 'возвышенное место среди низины', 'сухой высокий луг на болоте', 'сухое возвышенное место на лугу' (ср. *кряжевой* 'луговой, не болотный'); *кряж* 'приподнятое место земли, пераспаханное', 'непаханная земля, участок целины среди вспаханного поля', 'возвышенное непаханное место', 'непаханное место между полосами', 'невозделанная земля, межа'; *кряж* 'гора, крутой скат', 'бугор'; *кряжи* 'бугорок'; *кряж* 'склон горы, возвышенности', 'круча'; *кряж* (*креж*) 'крутой берег', 'обрыв', 'высокий берег реки', *кряж* 'берег', 'берег озера', 'сухое возвышенное место у реки', *кряж* 'край', 'край поля, огорода, обочина дороги', 'край болота, кащавы', наконец, *кряж* 'подводный обрыв': в озере мелко все идет и вдруг кряж сразу, глубокое место (Карт. ПОС, Опыт 1852, Доп. Оп. 1858). Таким образом, в Псковской зоне (что, вероятно, следует, как и во многих других случаях, объяснить также лучшей ее изученностью в сфере лексики по сравнению с другими зонами) наблюдаются почти все звенья семантической амплитуды колебания лексемы *кряж*: 'сухое место на болоте, лугу' ↔ 'гора' ↔ 'берег, обрыв' ↔ 'берег' ↔ 'край', затем 'гора' ↔ 'берег, обрыв' ↔ 'глубокое место' (ср. также *бердо* стр. 97, *яр* стр. 103 и др.). Помимо приведенных значений, в псковских диалектах *кр'áж* (*креж*) означает также 'толстое дерево (растущее и спиленное)', 'вязанка (дров и т. п.)', 'поленница дров', 'обрубок дерева' (карт. ПОС). Интересно еще отметить форму безпалатализации *кр'аг* 'дерево вообще, одно дерево' (карт. ПОС), а также дериваты, относящиеся к географическим терминам: *крежвина* 'обрыв', *крежá* 'обрыв', 'канавы по сторонам дороги' (Доп. Оп. 1858).

В других диалектных зонах наблюдается следующее положение: новгородск.-тихвинск. *кряж* 'высокое место с обрывистым спуском' (Эрдман 1857, Доп. Оп. 1858), пермск. *кряж* 'то же' (Опыт 1852), тверск.-останковск. *кряж* 'обрыв', 'возвышение на берегу озера', 'высокое место с обрывистым спуском' (Карпов 1855, Доп. Оп. 1858, Копорский 1946), *кряжевина* 'возвышение' (Копорский 1946), олонечк. *кряж*, *кряжок* 'гора прибрежная' (Рыбников 1864), онежск. *кряж* 'небольшая горка, заросшая лесом' (Луза,

Онежск. р-н, Архангельск. обл. Микельская 1952), беломорск. *кряж* 'хребет землястых гор' (Андросова 1937), пермск. *кряж* 'то же' (Опыт 1852), уральск. *кряж* 'то же' (Миртов 1930), волжск. *кряж* 'песчато-плетые берега долины реки, состоящие из слоев твердого грунта': на Волге в ее низовьях кряжем долины называется левый возвышенный берег (Неуструев 1914).

С. А. Конорский записал в оставковских говорах значение термина *кряж*, отмеченное и в псковских, а также в смоленских говорах, 'глубокое место'. Ср. *кряж*, *кряж* 'обрывистое место в озере' (Конорский 1946), *кряж* 'обрыв на дне озера, углубление, яма' (Поречск. у. б. Смоленск. губ. Добровольский 1914).

В украинских диалектах довольно широко известен термин *кряж* 'холм, возвышение' (Гришч. СУМ, Мар. МСУГА). Кроме того, в украинском языке *кряж* 'деревянный обрубок' (Гришч. СУМ), что в полной мере соответствует б.-рус. литер. *кряж* 'колода', а также полесскому *кряж* 'кривое дерево' (д. Листвиц, Словечанск. р-н), *кряж* 'круглая стандартная балка, брус, из которой делают шпалы' (Лыс. ССЖ). Впрочем, значение 'колода' общеславянское, так как во всех великорусских говорах — северных, средних и южных — *кряж* 'толстое бревно, колода, обрубок дерева, большое крепкое дерево' и т. п. (старая «внутренняя форма» — 'печто круглое'). Значение *кряж* 'колода, большой обрубок дерева (2,5—3 м)' широко известно и в Полесье (Зс. Кч. и др.). Из специальных значений интересно отметить лишь курск.-обоянск. *кряж* 'толстый холст' (Доп. Оп. 1858) и вологодское *кряж* 'улей' из 'колода, обрубок дерева' (Герасимова 1941).

груд — *гряда*

Обобщающим термином, означающим 'твердую почву' в отличие от 'тонкой, болотистой, напоенной влагой почвы' в Полесье повсеместно является *груд*, уменьш. *грудбк*. Таким образом, *груд* противопоставляется *болоту* и всем видовым терминам, определяющим его разновидности. Термины *груд*, *грудбк* лишены признаков, отмечающих конфигурацию, наличие или отсутствие растительности. Ср. *груд* 'участок твердой, обычно песчато-плетемой земли': сеножёт' — островки такіе, *груд* (Зб.); *груд*, *грудбк* 'суша', 'твердая земля' (Млр. Ол. Рд. Мк.):

було на грудку вода, а теперіка уже край (=берег) великі; ширіш напіраје на грудок (Ол.), *груд*, *грудбк* 'лесная поляна, покрытая травой, на возвышенном месте', 'твердая земля на болоте' (синоним *бстроў*), 'луг на возвышенности' (синоним *оболбн'а*, *луг*): *грудок* — пајкраш'іј с'інокос дла худоби, там с'іно јак була (Рд.); *груд*, *грудбк* 'луг на возвышенном месте': косіў *груд*, косіў на груду (Мк.); *грудбк*, *грудбчек* 'возвышенное, сухое место на болоте' (синоним *паўроок*, *паўроочок*) (Сми.), *груд*, *грудбк* 'ровное, несколько возвышенное место среди болота, обычно поросшее лесом' (Зд. Сп.): је такіј *груд* — беробовіј *груд*; меж болотами јест *груді*, березіна, ол'шина, м'і ночевали в тих *грудях* (Зд.); ој, кяже, нашла *грудка* — одна лешчина (Сп.), *груд* 'участок твердой почвы среди болота (до гектара)', *грудбк* 'то же (до 15 соток)' (Лх. Св. Рдс.), *груд*, *грудбк* 'более возвышенное место среди болота' (Лп. Рб., Хр. Ом. Вл. Гл.). В Лопатине считают, что *груд* может быть до 30 гектаров — *великіј груд* (Лп.), в Рубле *груд*, *грудбк* также 'высокий, незаливной сенокос' (Рб.), в Хоромске полагают, что: *груд* до лесу не стосуюец'ца, пол'е можно робіць на *груды*; з *грудка* сено (Хр.), в Голубице *грудбк* противопоставляется *бстроу* по признаку палиция или отсутствия растительности: *бстроў* — з л'ісом, *грудок* — без л'іса (Гл.)¹⁹, а в соседних Дорошевичах это противопоставление отсутствует: *груд* то же, что *бстроў* 'сухое место среди болота' (Др.); это же значение имеет *груд*, *грудбк* и в других пунктах (Зм. Бд. Кп. Дп. Дв.): усекали л'іс, поробляли пол'е, вот і *груд*, ілі новина (Зм.), притом в Конотопе, например, по свидетельству информантов, *груд* — величиной в 1,5—2 гектара, а *грудбк* — в 0,25 гектара.

¹⁹ В словаре Э. и В. Мурзаевых (Мурз. СМГТ) дано: «*груд* — участок широколиственного леса, обычно несколько возвышенный (Полесье)». Эта дефиниция не совсем точна, так как признак растительности как правило является факультативным для полесского термина *груд*, вернее, он может быть свойством реалемы-референта и в то же время не являться признаком десигната (семемы). Впрочем, в Здитово и в Спорово мы столкнулись с тем, что *груд* всегда покрыт лесом или кустарником (см. выше, стр. 123) и для нашего термина в этих говорах признак "растительность" уже, видимо, следует признать компонентом семемы (если есть противопоставление термину без этого признака).

Различия в толкованиях, изложенных выше, следует отнести прежде всего за счет разного подхода к термину со стороны информаторов и разных внешних условий, разных вариантов реалем-референтов, которые, однако, не нарушают единства основного значения, общности десигната (за исключением случаев, как в говорах д. Голубицы или Эдитова и Спорова, когда признак "растительность" оказывается релевантным). В общем можно сказать, что в Полесье повсеместно *груд*, *грудьк* 'участок твердой почвы среди болота'. Признаки твердости, относительно малой величины и некоторой возвышенности являются основными компонентами достаточно архаического значения, из которого развились и остальные, относящиеся уже к негеографическим апеллятивам, вплоть до таких достаточно обособившихся, как в.-рус. исковск., тверск., калужск., брянск., смоленск. *груд* 'куча', 'куча дров, хвороста' и отсюда *груд* 'костер'. Оставляя их детальное рассмотрение для другого случая²⁰, отметим лишь примеры с употреблением слова **grǫdъ* в качестве географического термина. В украинском Восточном Полесье *груд*, *грудьк* 'возвышение на болоте, где косят сено' (Льв. ССЖ), в других украинских диалектах, житомирских, черниговских и ровенских *груд* 'невысокая отлогая горка, холм' (Гринч. СУМ, Мар. МСУГА). В белорусских гродненских диалектах зафиксировано *грудьк* 'небольшое возвышение' (Сцяш. ГГВ). Этот термин распространен гораздо шире и охватывает почти всю Белоруссию, что и отражено в белорусском литературном языке — *груд* 'бугор, холм', 'сухой луг, суходол' (БРС, ТСБМ). В южновеликорусских брянских говорах *грудьк* 'островок' (с. Рогово, Почепск. р-п, карт. БОС), в орловских *грудок* 'песчаная отмель в реке' (бывп. Болховск. у., Сахаров 1901; ср. другие случаи переноса терминов наземного рельефа на подводный, стр. 34, 127—128).

²⁰ Вост.-слав. *груд* и *груда* восходят, вероятно, к разным этимонам (**grǫdъ* и **gruda*). Тем не менее их формальное и семантическое сближение привело к тому, что в наше время они в ряде случаев ощущаются как две формы (с разными родами) одного «слова». О вост.-слав. *груд*, *груда* 'куча', 'костер' более подробно будет сказано в подготавливаемой мною статье о славянских названиях костров.

Польск. диал. *grąd* уменьш. *grądzik* и *grądek*, кашуб. *grǫd* 'возвышение и сухое место среди болота' (Подлясье, Мазовше, Великопольско-шижнесилезское пограничье, Кашубск. зона), которое вопреки мнению авторов Варшавского словаря (SW, Log. PW) трудно воспринять как заимствование из немецкого *Grund*, *Grunt* (Ślaski, см. сноску 21), свидетельствует в пользу этимона для восточнославянск. *груд* **grǫdъ*, связанного чередованием *o:ę* с **gręda* (подобно **logъ: *lęga*, **krogъ: kreżъ*, см. стр. 114—120). Ср. также чеш. диал. моравск. *hrůd* 'лесистые возвышенности над Моравой' (Bart. DSM). В таком случае вост.-слав. *груд* не оказывается родственным апеллятиву *груда*, где *у* оказывается ископным (см. Фасм. ЭСРЯ, Sław. SEJP, Nitsche ГТР, 91, там же литература вопроса). Позднее произошло сближение в.-рус. *груд* и *груда*, подобно тому как и польск. *grąd* и *grądowy*, стало семантически и формально сближаться с немецким по происхождению *grunt* и *gruntowy* и родственным польск. *grzęda*²¹.

Таким образом, полесск. *груд*, *грудьк* по своему значению и происхождению чрезвычайно близко к полесскому термину *градá*, *градка*, который также означает твердую почву, но применяется нередко по отношению к более значительной площади такого грунта, чаще всего на заливных лугах, хотя и среди болота, болотистого леса и т. п. В некоторых случаях, быть может, оказывается существенным конфигурационный признак термина *градá* — "продолговатость, удлиненность", который выступает не всегда достаточно четко. Ср. *гр'едка* 'продолговатый бугор твердой земли на болоте или в лесу', 'градка в огороде' (Ол. Смп.), *градá* 'возвышенное место среди болота, обычно поросшее лесом, участок леса' (Хр. Вл.), *градка*, уменьш. *градочка* 'сухое место среди болота, поросшее лесом', синоним (редко) *бстрой* (Гр.), *градá* 'возвышенная сухая полоса на лугу': *надо градú косит'*, а *лох остáвит'* (Гл.), *градá* 'возвышенное место на лугу, на «болонье», в лесу, или на болоте': *ид'ош ц'орьс хаш'чú* — *коб на градú в'ирваца* (Др.), *градá* 'длин-

²¹ См. об этом подробнее в статье Б. Шляского (B. Ślaski. Grzęda i grąd. «Prace filologiczne», X. Warszawa, 1926, стр. 317—318, а также: Mosz. Uwagi, XXXVI, 111—112).

ный «остров» на болоте' (Ш. Бл. Зм. Гц.), *грядá* 'более возвышенное место на заливных лугах, продолговатой формы' (Гл. Кп. Дп. Дв.): *пíзко* — *пл'бсо* назывáющ'я, *грядá* — *уп'ш'е* (выше) (Кп.). Подобно тому, как говорят *дуббóви бстроў*, *бербóви бстроў* (Рд. и др.), в Полесье можно услышать *дуббóва грядá* и т. п. (Бл. и др.) или *г'радкa л'сy* (Сми. и др.): *г'радкy л'сa* *в'рубали* (Сми.). Ср. *бербóви г'руд* (Зд.) стр. 123, *бóстров л'сy* (Лк.), *л'пови островок* (Ол.) и т. п. (стр. 117, 118).

Отметим, что почти во всем Полесье *г'радкa* означает также 'грядка', а в некоторых пунктах еще и 'продолговатая отмель' (Лк.).

Помимо термина *грядá*, в Восточном Полесье известно и *подг'рад'je* 'подножье «гряды», 'место на лугу, прилегающее к «гряде»' (Гл. Др. Гц. Бл. Бд. Кп. Дп. Дв.): на лугу — *г'радá*, *подг'рад'je*, *бз'ерo* (Бд.), з *п'зкоo* м'ста *пог'ход'т* под *г'радy* — *это подг'рад'je* (Др.).

Польский географический термин *grzędy, grundy* (мн.ч.) 'участок леса на возвышенной почве среди болотистой местности', 'редкий строевой хвойный лес, где водятся козули' (SW) соответствует полесск. *г'радá* 'возвышенное место среди болота, поросшее лесом' и в.-рус. *г'радá* 'возвышенность, покрытая лесом' (см. ниже). Наряду с этим польск. *grzęda*, диал. *grądzia, grzęba, rząba* означают 'брус, верхняя чердачная балка', 'шест, насест', а также 'грядка' (SW). Ср. кашуб. *grąda* 'насест', 'грядиль' (Log. PW), н.-луж. *gręda*, уменьш. *grędka* 'бревно', 'подстропильная вязка', 'нашест', 'грядка', *grędnik* 'нива в деревне с овощными грядками' (Muka SĐSR), в.-луж. *hrjada* 'балка' (Jak. HSNS), полаб. *grōda* (Rost SDP, B. Szydłowska—Ceglowa, стр. 42, см. споску 36); чеш. *hřada, hřad*, диал. *hřád* 'насест' (PSJČ, SSJČ), словац. *hrada, hriadka*, уменьш. *hriadočka* 'балка, брус', 'грядка' (SSJ), болг. *гред* 'пелысокая (до двух метров) полоса земли среди поля' (Млад. БТР), *гредá* 1. 'то же', 2. 'балка' (Млад. БТР), макед. *гредa* 'то же' (PMJ), с.-хорв. *гредá* 'каменная скала, гряда' (PCXKHJ, Вук CP, RHSJ), 'отмель, банка' (сремск. Вук CP, RHSJ), 'мелкие камни, гравий, галька' (PCXKHJ, RHSJ), 'балка, брус' (RHSJ), 'грядка' (PCXKHJ, RHSJ), *гред'ица*, 'грядочка, грядка' (RHSJ), словен. *greda, gred* 'очень узкая терраса, уступ в снежных скалистых горах' (Badj. LjG, 62), *гредá* 'балка', 'насест', 'грядка' (SSS). Ср. также рум. (из слав.) *grînd*

'пригорок, холм' (Mih. ÎVSS 98) и венг. (из слав.) *gerend* 'то же' (Kniezsa MNSzJ I, 191).

Тот же в принципе набор значений фиксируется и на восточнославянской территории (притом словенский, как и во многих других случаях приближается к восточно-и западнославянским языкам). Ср. в.-рус. *г'радá* 'возвышенность, покрытая лесом', 'пелысокой горный кряж', 'коса по воде', 'перекат под водой' (ср. с.-хорв. диал. *гредá* 'отмель'), 'полоса, ряд, цепь', применительно к географическим терминам *г'ряда островов*, *г'ряда гор* и т. п., 'г'радкa', *г'радкa* 'г'радкa', 'шест, жердь', 'перекладина для вешанья платья и т. п.', 'длинная доска', *г'радки* 'продольные жерди в телеге' (СРЯ 1892), б.-рус. *г'радá* 'г'радá', 'г'радкa', *г'радá л'сy* (БРС), укр. *г'рад'ина* 'твердая земля между болотами, полоса земли, находящаяся выше поверхности по сторонам' (Гринч. СУМ), *г'радá* 'остров на плавнях, хребет острова, не затопленный водой' (гуцульск.-нижнеподнепровск. Гринч. СУМ, Дзеп. УНО 107), 'ряд немного возвышающихся скал' (закарпатск. Дзеп. УНО 107), 'речная мель от напесённого водой песку и гравия' (закарпатск., бойковск. Рудп. ГНБ 21, Дзеп. УНО 107; отсюда, вероятно, с.-хорв. диал. *гредá* 'гравий'), 'место, где река проходит узкое русло и волны ее подпрыгивают и плещут' (иными словами 'подводное возвышение, гряда подводных камней'. — Н. Т.) (карпатск.? Гринч. СУМ со селыкой па И. Верхратского), 'бревно, жердь в сельской хате, амбаре ниже потолка, тянущаяся от одной стены к другой для развешивания одежды и т. п.' (Гринч. СУМ), наконец, *г'радá*, *г'радкa* 'г'радкa в огороде' (Гринч. СУМ, УРС).

Таким образом, во всех группах славянских языков известно употребление слова **gręda* в качестве географического термина 'возвышенность, продолговатая возвышенность' и т. п., агрономического — 'грядка' и строительного — 'балка, шест' и т. п. (в вост.-слав. только 'шест'). М. Р. Фасмер предложил следующее семантическое развитие для интересующего нас термина: 'бревно' → 'возвышение' → 'отмель', 'грядка' (Фасм. ЭСРЯ), опираясь на данные балтийских и других индоевропейских языков. Не ставя сейчас задачи пересмотра мнения М. Р. Фасмера, по которому строительный термин оказывается первоначальным, что, в принципе, возможно, отметим лишь достаточно древний, безусловно, характерный еще для

праславянского периода параллелизм апеллятива в сфере географической терминологии и строительно-бытовой (см. ниже стр. 228, 246), а также, надо полагать, и сельскохозяйственной. Впрочем, этимологическая связь с рассмотренным выше словом **grgdъ* может свидетельствовать и в пользу большей древности географического термина.

В Западном Полесье около Споровского озера 'небольшое возвышение на болоте' с менее твердой почвой, чем у *грудка* (*груд*, *грудок*, *грудчок* Сп.) называется *сукмѣн'н'ик*: на болоте мочина (=темного) је виш'ш'оуо болота, муроука на јој трава такаја уже выростаје: кажуц' сукмѣн'н'ик (Сп.). Так же называется подсохшая почва у берега: у бѣрозі јак вода отсохне — сукмѣн'н'ик (Сп.). В Центральном Полесье, в Хоромске, *сухмѣн'* 'сухое место среди болот' (Хр.). Термин *сухмень* довольно широко распространен на белорусской и великорусской языковой территории в двух значениях: 1. 'сушь, сухое жаркое время, засуха' и 2. 'сухое место' (Нос. СБН, Даль СЖВЯ ССРЛЯ, Мурз. СМГТ). Ср. также псковск. и тверск.-осташковск. *сухловина* 'небольшое обсохшее место во время грязи' (Доп. Оп. 1858), псковск. *сухмень* 'мелкое место, обыкновенно песчаное' (переход в термин подводного рельефа, Кузнецов 1915)²², архангельск. *сушмень* 'сухая моховина выше уровня тундры' (Даль СЖВЯ). В б. Петрозаводском у. Олонецкой губ. *сухмѣнь*, *сухмѣнье* и *суходбл* — синонимы, означающие 'сушу, материк' (Куликовский 1898). В Восточном Полесье *суходбл* 'низменное место, заливаемое весной, а в другое время года обычно сухое' (Ш.). В Псковской зоне *суходбл* 'сухое, возвышенное место, противостоящее мокрому низменному' (б. Псковск. у., Копаневич 1902—1904), на Валдае в б. Новгородской губ. *суходонка* 'луг, не заливной', в Брянской зоне *луг заливной* противопостав-

ляется *лугу суходольному* 'не заливному' (карт. БОС), в Костромской зоне *суходбл* 'местность с сухой почвой' (Втор. Доп. 1905—1921), а в пермских и южно-сибирских говорах *суходбл* 'безводный овраг, глубокая безводная долина' (Огарев 1848, Волегов 1850, Гуляев 1847). Последнее значение характерно для белорусского и русского литер. языков (БРС, ССРЛЯ). Ср. также б.-рус. диал. *суходблина* 'низменное, по сухое место' (Нос. СБН), макед. *суводолица* 'сухой овраг' (МРС).

Не рассматривая подробно термины, означающие 'сушу' (полесск. *сѣхо*, местн. над. на *сѣси*, на *ш'ѣси*, Ол.) и являющийся общим для всех славянских языков (русск., б.-рус. укр. *сѣша*, польск. *suşa*, чеш. *souš*, словац. *suš*, болг. *сѣша*, с.-хорв. *сѣво*, *сѣхо*, словен. *súho* 'суша', полаб. *säus*, *säuse* в.-луж. *suš* 'сухая земля'), отметим, что для современных южнославянских языков, так же как и для западнославянских, не характерен двухкомпонентный словообразовательный тип с первым компонентом **суho*. Вместо него обычно фиксируются сочетания прилагательного с существительным типа словен. *suhi dol*, *suha žlebina*, *suha struga* 'суходол', *suhi plaz* 'обвал в горах' (Badj. LjG, 205, 207 и т. п.). Однако данные топонимии свидетельствуют, что когда-то такая словообразовательная модель была продуктивна. Ср. словен. *Suhodol*, *Suhodolnik* (Badj. LjG, 129, 205). В современном словенском языке для 'сухого русла реки', чаще всего горной, по которой протекает вода лишь после обильных дождей и таяния снегов, употребительны термины *sušica*, *súhelj*, *sušec*, *suhòr* (Badj. LjG, 225). В Восточном Полесье зафиксирован также термин *сухоблесок* 'сухое место среди болота, поросшее лесом' (Кч.); 'сухое ровное место, примыкающее к пойме реки, заросшее лесом' (д. Серые, Ельск. р-н): перешла луг, р'ечку, вишла на сухоблесок (д. Серые), *сухол'есок* 'лиственный лес на ровном или возвышенном месте' (Дк.).

²² По наблюдениям А. В. Никитина, «песчаные и суглинистые мели с крепким и чистым, но большей частью неровным, а иногда имеющим и каменные вкрапления дном на Псковском озере называются *сухмѣнями*, на оз. Велье — *нальями*, на Селигере в пределах Осташковского р-на также *нальями*, на оз. Пено и Веселуг — *суходблями*. *Сушмень* также 'сухое место, взгорок': Вон сено на сухмени-то лежит, чтож вы его не убрали? (д. Грива, Хвойнинск. р-н, Новгородск. обл.)» (см.: А. В. Никитин. Названия рыболовных угодий...).

веретье

В Восточном Полесье, в Голубице, зафиксирован термин *в'ер'етеје* в значении 'низкое болотистое, труднопроходимое место': іду по сѣху, а там дал'шэ в'ер'етеје — лозá кр'ѣпкаја і вода; ц'ѣр'ез в'ер'ѣт'еје п'ерејдї і там

бўд'е җрада (Гл.)²³. Несколько восточнее в Шестовичах, что находится также почти на самой Припяти, в'ер'ет'е 'расчищенная полянка в лесу (5—6 соток)': јак у лесу так растерёб'ана пол'анка — ёто в'ер'ет'е (Ш.). В Центральном Полесье известно значение, противоположное отмеченному в Голубице: *вэрэтија* 'возвышенное сухое место среди болота (от 2 до 10 гектаров)': вót вэрэтија висóка (Лп.). Менее значительный по размеру участок в Лопатице уже не *вэрэтија*, а *җрудок* (Лп.). В Западном Полесье в Радостове, наоборот, *вэрэ́тэ'ја*, *вэрэ́тэ'јка* 'небольшой островок, суша, среди болота': вэрэ́тэ'ја јак паше пудв'ірге, звэмо вэрэ́тэ'јеју; вэрэ́тэ'ја јек малэ́'јкі җострувóчок (Рдс.). Сухое место среди болота большего размера уже *җострув* (Рдс.) (см. стр. 116—117). Кроме того, в Радостове *вэрэ́тэ'јка* известна как термин, означающий 'оторванный, подмытый край берега' (Рдс.).

Таким образом, в Западном и Центральном Полесье географический термин *вэрэтија* входит в один синонимический ряд с *җруд* (*җрудок*) и *бструй*. Термину *җруд* он противопоставляется по признаку 'замкнутого пространства' (для термина *җруд* этот признак факультативен и потому не релевантен) и по признаку 'величины', так же как и термину *бструй*.

Термин *веретеје* встречается в Полесье не повсеместно. В славянском языковом мире он отмечен также еще в белорусских, северновеликорусских и рязанских диалектах²⁴, наконец, в словенском языке. Ср. б.-рус. витебск. *верацэя* 'холм среди болота, чаще поросший осинником' (с. Дубовое, Бешенковичск. р.-н, Касп. ВКС), псковск. *верэ́тье* 'возвышенное сухое место' (карт. ПОС), новгородск., череповецк. *верэ́тья* 'возвышенное место, покрытое лесом и спускающееся к речке косогором или обрывом' (Герасимов 1910), юж.-новгородск. *верэ́тье* 'открытая возвышенность, расположенная длинной грядой' (Строгова 1957), владимирск. *вереть* 'продолговатая возвышенность на пойме' (гор. Меленки, Добрынкин 1876),

²³ Это значение отмечают также Э. М. и В. Г. Мурзаевы: «В Полесье *веретейка* — вытянутая, заболоченная полоса, обычно заросшая ольхой и ясенем между *җрудами*» (Мурз. СМГТ 52).

²⁴ См. в.-рус. диалектный и исторический материал по термину *веретье*: В. П. Строгова. К особенностям названий рельефа в говорах по течению р. Мсты. Уч. зап. [Бийского гос. пед. ин-та], вып. I. Бийск, 1957, стр. 98—99 и 106—107.

костромск. горьковск. *веретье* 'длинные песчаные моренные гряды с ягельными борамп, расположенные среди низких заболоченных мест' (Мурз. СМГТ), северподвинск. *верэ́тье*, *верэ́тьевіа*, *верэ́тьеві́нка* 'сухое место в болоте, площадка на вершине или склоне горы, гребень холма' (Романов 1928), архангельск. *веретья*, *веретейя* 'продолговатая возвышенность на болоте' (Лешуконск. р.-н, А. Федоров 1949), 'открытая возвышенность среди лесной тундры' (А. Федоров 1949, Подвысоцкий 1885), 'холм в лесу' (каргопольск. Томилов 1928), 'возвышенное сухое место в болотистом лесу' (карт. СРНГ 1949), 'сухое в виде кочки место на тундре, где растёт мошкочка' (бывш. Опежск., Кемск., Кольск. у. Подвысоцкий 1885), 'наносная береговая возвышенность на низменных островах' (Подвысоцкий 1885, Федоров 1949, 1954), *верэ́тье* 'возвышенное сухое место, покрытое травой' (карт. СРНГ 1956), *веретейя* 'чистая площадка не заросшая кустами или деревьями' (Булич 1896); вологодск. *веретья* 'сухое высокое место в лесу' (Иваницкий 1883—1889), *веретейя* 'сухое, поросшее лесом место среди болота', *веретия* 'отмель', *веретия*, *веретейя* 'пожня на берегу, образующаяся из длинной и узкой полосы, у которой с обеих сторон узкий лог, или болото' (Протопопов 1853, Дилакторский 1902), *верэ́тье* 'повышенная гряда, ограниченная хотя бы только с двух сторон болотами, мокрым лугом' (б. Опоченск. у. Горновский 1920), вятск. *веретейя* 'небольшая возвышенная рощица на лугах' (карт. СРНГ), пермск.-солыкамск. *веретия* 'место на пологих склонах холма (угора) или между угорами', *вереть* 'низкое место' (Старцева 1962; ср. полесск. *верэ́теје* 'низкое, болотистое место'), *глухая веретья* 'запущенное поле' (Старцева 1962), пермск. *веретейя* 'высокое место' (Медянский р.-н, Теплов 1952—1954), *веретейя* 'поляна в лесу', 'место сборов молодежи на улице' (Вожгалыск. р.-н, Теплов 1950; ср. полесск. *веретейя* 'расчищенная полянка в лесу'), *веретия* 'сухое, несколько возвышенное место между болотами или сырыми местами', синоним *җрива* (Огарёв 1848), *веретейя* 'возвышенное место на низменных, поймаемых водою местах, не затопляемое весенней водой' (Луканин 1856), *веретия* 'возвышенное место, более чем *рёлка*' (Муллов б. г.), *верэ́тье* 'возвышенное место среди болота' (Лепорский 1854), уральск. *веретия* 'в низменной местности сухие

полосы, покрытые лесом', 'песчаный холм', 'место рубки леса' (Миртов 1930), *веретьё, вёреть* 'возвышенное место на берегу, на лугу, на болоте', 'сухие острова среди болот' (ССУ), сибирск.-обск. *веретье, вёреть, веретья, веретик* 'сухое возвышенное место, грива': в логу вода, а на веретье трава (ССО), тобольск. *вёретье* 'продольная гривка, возвышающаяся над соседними логами' (Потканов и Зобини 1899), енисейск. *веретей* 'кочки на тундровых болотах' (Хомутников б. д.), *веретья* 'небольшой бугорчик' (Кривошапки 1865), иркутск. *веретья* 'возвышенное место, длинная полоса между двумя логами или логом и рекой' (Бобрянов 1960), верхоянск. *веретье* 'сухое место на тундре, поросшее тальником' (Зензинов 1913), *веретье* 'открытое, высокое место' (Богораз 1901). Из южновеликорусской диалектной зоны известно только рязанск. *веретье* 'возвышенное место более, чем рёпка' (Опыт 1852), 'большая дорога' (Диттель 1898) и донск. *веретье* 'лесная площадь между двумя озерами' (Миртов 1929).

В украинских, большинстве южно- и средневеликорусских, а также в западно- и южнославянских говорах и языках (кроме словенского) **vertje* (**vertja*) в качестве географического термина не зафиксировано. Во всех этих говорах, также как и в некоторых севернорусских **vertje* (*веретье*) и близкие к нему дериваты, означают прежде всего 'мешок', затем 'рогожный куль', 'суму', 'шитую ридицу', 'грубый холст', 'покрывало из грубого полотна' и т. п. Рассмотрению этих значений специально посвящена статья В. П. Грипковой, где приведен обильный материал²⁵. Поэтому достаточно отметить только одинаковость словообразовательных моделей и даже акцентных вариантов для интересующего нас слова, выступающего и в географической, и в ткацкой или хозяйственно-бытовой лексической сфере — *веретье, веретьё* и др. Такой параллелизм, вернее идентичность формы, не случаен. Ареал ткацкого или хозяйственно-бытового термина *веретье* на великорусской диалектной территории: воронежские, тамбовские, орловско-курские, брянские, смоленские, тульские, калужские, рязанские, саратовские, ярославские, вологодские, новгородские го-

²⁵ См.: В. П. Грипкова. Вопросы исторической лексикологии русского языка, стр. 150—153.

воры. В вологодских говорах, например, наблюдается омонимия: *веретья* 1. 'сухое, высокое место в лесу', 2. 'рогожа или холстина, которой покрывают товар в дорогу' (Ивашицкий 1883—1889).

Особый интерес вызывает словенский материал. Вслед за Ф. Безлаем представляется вполне возможным вост.-слав. *веретье* считать одного происхождения со словен. *vrétje, rétje*²⁶. Ср. словен. *vrétje* 'источник, ключ', иногда 'место, где несколько источников, ключей' (Badj. LjG, 234—235). Словен. *vrétje*, так же как и *obr*, означает в карстовых горах Словении, покрытых или не покрытых лесом, не просто небольшой источник, а обычно место, где под напором выходит паружу подземная вода, ручей или речка, которая потом часто снова исчезает под землей (Badj. LjG, 234—235). Этот экстралингвистический факт позволяет нам в какой-то мере объяснить смысловую мотивированность интересующего нас географического термина, ибо если со стороны формального сближения интересующих нас восточнославянских и словенских форм дело обстоит вполне благополучно, то со стороны семантической оно достаточно сложно. Если вслед за М. Р. Фасмером русск. *веретá* и т. п. 'мешок' связать с русск. диал. *верать* 'совать, вкладывать', *вереть, завереть* 'запереть', болг. *вра* 'сую', чеш. *otevřiti* 'открыть, растворить, раскрыть', польск. *zawrzeć* 'заключить, запереть, вместить, включить', *worek* 'мешок' (Фас. ЭСРЯ), то праслав. **vertje* следует, по И. Голубу и Ф. Копечному, толковать как «то, что закрывается, скрывается, закрывается» (Нол.—Кор. ESJČ), отсюда вост.-слав. *веретье* 'мешок', с.-хорв. *vrèha* 'то же', словен. *vrèca* 'то же', чеш. *vrèčko* 'то же', словац. *vrecko* 'то же' и т. д.

Словенский географический термин *vrétje*, означающий 'выход на поверхность подземного ручья, речки', объясняется в аспекте «внутренней формы» как 'место, где находится подземный резервуар (мешок) воды', 'место, где под землей заключена, заперта вода'²⁷. К этому зна-

²⁶ См.: F. Bezlaž. Stratigrafija Slovanov ..., стр. 47. Он же. Slovenska vodna imena, del II. Ljubljana, 1961, стр. 152—153.

²⁷ Ср. аналогичное в.-рус. *ключ* 'источник, родник' и *ключ* 'ключ' (русск. *заключить* 'запереть', с.-хорв. *zaključiti* 'то же' и т. д.), где *ключ* 'источник' может быть истолкован как 'место,

чению очень близко первое отмеченное нами полесское и пермское значение *веретье*, *вэрьеть* 'низкое болотистое, трудно проходимое место', 'низкое место'. Переход 'ключ, родник' → 'низкое топкое место на болоте' наблюдается нередко в славянских диалектах, в том числе и в Полесье (см. ниже *криница* 'низкое топкое место', 'топкое место на болоте' стр. 218). Дальнейший переход от 'низкого места на болоте' к 'возвышенному месту на болоте' и т. п., наблюдаемый на примере целого ряда других лексем (см. стр. 97, 99—103), по линии 'верх' ↔ 'низ' уже не должен казаться удивительным. Характерно и то, что в отличие, например, от термина *ляда* и др. вост.-слав. географический термин *веретье* сохраняет прямо или косвенно во многих случаях признак "болото" — 'возвышенное место среди болота', 'сухое место в болоте' и т. п., хотя известны и случаи, когда *веретье* уже 'большая дорога' или даже 'лесная площадь'. Ф. Безлай отмечает, что словенские топонимы *Retje* и т. п. относятся к «местностям около болот или же заливных участков». Он относит словен. *vrétje* к числу архаических словенско-восточнославянских соответствий, наряду с такими географическими терминами (resp. топонимами), как *črtež*, *střžen*, *zanoga*, *oblaz*, *robež*, *suhor*, *duba* и др.²⁸

ляда — лядина

Географический термин *ляда — лядина*, как и связанные с ним пегеографические апеллятивы с той же лексемой-десигнатором, оказывается, пожалуй, самым изученным местным географическим термином восточнославянской языковой территории. Такое положение возникло в первую очередь потому, что *ляда* в числе очень немногих географических терминов было включено в программы всех трех атласов — белорусского, украинского и великорусского²⁹, ответы на которые представили в руки исследова-

где заключена, заперта вода', как то, видимо, допускал и М. Р. Фасмер, отмечая, что возможность общего происхождения омонимов *ключ* следует еще тщательно взвесить (Фасм. ЭСРЯ).

²⁸ F. Bezla j. Stratigrafija Slovanov...

²⁹ См.: «Праграма па вывучэнню беларускіх гаворак: збіранню звестак для складання дыялекталагічнага атласа бела-

телей обильный материал. Однако независимо от этого факта слово *ляда* (*лядина*), как один из терминов подсечного земледелия, издавна вызывало интерес славистов, который в последние годы усилился³⁰. Недавнее появление в свет «Диалектологического атласа белорусского языка», где имеется карта на значения слова *ляда* (единственная «семантическая» карта в атласе) и особенно публикация двух ценных работ О. Г. Пороховой, насыщенных конкретным материалом из великорусских диалектов, позволяют нам свести до минимума число примеров и ограничиться общими замечаниями³¹.

В обследованных нами полесских пунктах **lędo* в качестве географического термина встречается далеко не повсеместно. В ряде пунктов лексема *Л'áдо* (Млр. Ом.), *Л'áды* (Хр.) зафиксирована только в качестве топонима. В Западном Полесье славянский географический термин *ляда* встречается редко; там распространены омоним-германизм *ляда* 'приспособление для поднятия бревен' и 'набилки ткацкого станка', а также *ляда* 'сорняки в обмолоченном зерне'. В Восточном Полесье, как и во всей Восточной Белоруссии, *ляда* — географический термин. Между западнобелорусской и восточнобелорусской зонами идет с севера на юг через Минск широкая центральная полоса, где лексема *ляда* вообще неизвестна. Сведения белорусского атласа по Восточ-

русской мовы». Минск, 1950, стр. 97. «Програма для збірання матеріалів до діалектологічного атласа української мови». Київ, 1949, стр. 26; «Програма збирання свіденій для складання діалектологічного атласа руського языка». М.—Л., 1947, стр. 142.

³⁰ Следует отметить прежде всего интересную, до сих пор не утратившую своего значения статью В. П. Петрова (В. Петров. К палеонтологии слова «ляда», «лядина» (*land*)). «Язык и мышление», VI—VII. М.—Л., 1936), затем работы М. Рудницкого и А. А. Уфимцевой (М. Rudnicki. Rdzeń **lendh-* w językach indoeuropejskich. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. Mickiewicza». Filologia, № 1. Poznań, 1957; А. А. Уфимцева. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962), рассматривающие этимологию и семантическое развитие слов с корнем **lendh-* в общепалеоевропейском или общегерманском аспекте.

³¹ Так как у О. Г. Пороховой (Пор. Слова, Пор. Ляда) во всех случаях даны сведения об источниках, мы довольствуемся при передаче ее материала общим указанием места, опускаемая более детальную локализацию, имеющуюся у О. Г. Пороховой.

ному Полесью дают несколько обобщенное, «шварнацизированное» значение термина *ляда* 'высеченный участок леса, который раскорчевывается под поле' (см. карту № 337)³². Наши наблюдения не всегда с этим полностью согласуются. Ср. *л'адо* 'вообще большое поле', в отличие от *нал'эток* 'только пахотная земля, «помещичья земля»' (Бд.), 'большое, открытое поле' (Кв. Дв.)³³.

К. Мошинский уделил немало места интересующему нас термину (Mosz. STTF, 7—11). Опираясь на данные И. Пачоского, он пишет, что в б. Мозырьском и Речицком уездах *лядо* 'сухое место среди болота (ostrów), где любит расти сосна; сосновый лес', другими словами 'сухое пространство, поросшее сосновым лесом' (Mosz. STTF 7). Близкое значение зафиксировано в с. Листвин (Овручск. р-н) Н. В. Никоичуком: *л'адо* 'возвышенное место в лесу'. В том же районе в других трех пунктах П. С. Лысенко отметил *лядо* 'поляна в лесу' (Лыс. ССЖ). Значение *лядо* 'место, поросшее лесом, лес' спорадически встречается в Восточном Полесье (см. сноску 33; полное в комментариях к Белорусскому атласу) и часто на обширном пространстве, занятом великорусскими диалектами (см. Пор. Слова и Пор. Лядо).

Материалы первого тома «Атласа украинского языка» фиксируют слово *ляда* в значении 'участок земли' только местами в северо-западном углу исследованной территории, т. е. в украинском Восточном Полесье, —

³² См.: «Диялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963.

³³ В Белорусском атласе пункты Бд. и Дв. даны под № 1003 и 1014, где отмечено значение 'высеченный участок леса, который разрабатывается под поле'. Такое обобщение значения произошло, вероятно, под влиянием программы, где предлагается следующий вопрос: «281 (267). *Ляда* а) высечаны ўчастак лесу, які раскарчоўваецца пад поле; б) сарнякі ў абмалочаным збожжы; в) набіліцы ў кроснах?» («Праграма», стр. 97). Тем не менее во многих случаях были получены ответы, фиксирующие иные, чем предложенные программой значения, в том числе и для географического термина. См. данные комментариев к Атласу, например, в пункте Борщовка (1010), что против пункта Довляды (на левой стороне Припяти); *л'адо* — обл'е н'е спахано; *завораць, ц'в'ордо, йак л'адо* (Комментарии, стр. 957). Ср. также *л'ада* 'участок леса' (996), *л'адо* 'участок леса, на котором растет сосняк' (986), *л'ада* 'участок поля, на котором сеют' (919), *л'адо* — *харбы* *л'эс* (978), *л'адо* — *л'эс* (976) и т. п. (см. там же, стр. 957).

на всей остальной основной исследованной территории³⁴ известны значения 'опускная дверь (в потолке, в погреб)', 'опускная ставня', 'часть ткацкого станка'.

Термин *лядо* 'холм в лесу, заросший сосной' отмечен на Житомирщине (Попельнянск. и Володарско-Волыньск. р-н Мар. МСУГА) и в отдельных пунктах Черниговщины и Львовщины (Мар. МСУГА). Ср. житомирск. *лядина* 'сосна, растущая на ляде' (бывш. Новоград-Волыньский уезд. Гринч. СУМ; значение редкое, которое нельзя принимать за общеукраинское, как, например, дано у Преоб. ЭСРЯ). В Карпатской зоне географический термин *+lędo* в общем неизвестен (карт. КДА).

Первоначально *+lędo* у славян означало, вероятно, 'непаханный, нерасчищенный или вообще неиспользуемый, хотя и пригодный для земледелия участок земли, целину'³⁵. Ср. польск. *lada* 'новь, новина', диал. *ledzina* 'стерня' (SW), н.-луж. *lědo* 'необработанная земля, пустошь' (Muka SDSR), в.-луж. *lado* 'пустынная земля' (Jak. HSNS), полабск. *l'ōdii* '(необработанная) земля' (Rost SDP)³⁶, чеш. *lado* 'невозделанная, скудная земля'

³⁴ Слово *лядо* не вошло в первый том подготовленного к печати Украинского атласа («Атлас української мови (Полісся, Середня Наддніпрянщина та суміжні землі»). Київ, 1968), имеющего только одну семантическую карту — на значения слова *багно* (см. об этом подробнее: И. Р. Матвеев. Відбиття лексики в Атласі української мови. «Українська лінгвістична географія». Київ, 1966, стр. 18). Приношу глубокую благодарность коллективу составителей Украинского диалектологического атласа за предоставленную мне возможность ознакомиться с картотекой атласа. Особенно ценную помощь мне оказали Т. В. Назарова и Ф. Т. Жилко.

³⁵ О этимологии слова *+lędo*, помимо отмеченных в сноске 30, см. Vas. REW, Bern. SEW.

³⁶ В. Шидловская-Цеглова придерживается противоположного, чем П. Рост мнения, согласно которому полабск. *l'ōdii* «на общеславянской почве совершенно обособлено» своим значением 'обработанная земля, вспаханное поле', паряду с 'земля, страна' в полном соответствии с немецк. *Land, Reich* (см.: В. Sz y d-łowska-Cegłowa. *Materiałna kultura ludowa Drzewian połabskich w świetle poszukiwań słownikowych*. «Lud», XLVIII. Wrocław, 1963, стр. 30—31). Доводы и материал В. Шидловской-Цегловой нам кажутся убедительными и обоснованными. Отметим только, что такое полабское значение не изолировано. Ср. вост.-слав. Смоленск. *л'ада* 'наша на месте выкорчеванного леса', 'место, на котором срублен лес и заселено жито', великорусск. 'впервые разработанное поле, распашанная целина' (Пор. Ляда 180).

(PSJČ), чеш. диал. сев.-зап. *lado* чаще множ. *lada* 'общественный выпас, общее пастбище', сев.-вост. *lado* 'поле обширной площади': *nikdo nemá velký lado řepky*³⁷, словен. *leđina* 'невозделанная земля, обычно поросшая травой' (Badj. LjG 270, 274), с.-хорв. *ледина* 'целина', 'заущенное, необработанное поле', в некоторых случаях, вероятно, 'земля вообще' (RHSJ), макед. *ледина* 'целина' (PMJ), болг. *ляда*, *лядина* 'целина, заброшенный участок поля', *лядина* 'лукайка в лесу' (Гер. РБЯ — написание с *я* возникло у Н. Герова, вероятно, под влиянием русских форм. БТР, РСБКЕ и ряд других словарей эту лексему не фиксируют).

Восточные и южные славяне противопоставляли ее *ниве* (см. Пор. Слова 187—190), западные славяне в основном — *roli* (см. Mach. ESJČS).

Значение ⁺*leđo* (⁺*leđina*) 'пустошь, поляна', 'поляна в лесу' sporadически встречается в белорусских и украинских говорах (ср. также болг. *ледина*) и широко представлено в великорусских диалектах, где форма *ляда* характерна в основном для южновеликорусского и средневеликорусского диалектного комплекса (воронежск., брянск., тульск., смоленск., тверск., великорусск., повгородск.), а *лядина* преимущественно для северновеликорусского (костромск., вологодск., великолукск., тихвинск., корельск., исковск., тверск., однако и брянск. Пор. Ляда, 181, 185). Лексемное различие (с суфф. *-ina* и без него), как справедливо отметила О. Г. Порохова, не связано с семантикой и наблюдается приблизительно в тех же зонах и при других значениях интересующего нас слова.

У восточных славян термин *ляда*, *лядина* был долго связан с подсечным земледелием³⁸ (см. подробно Пор. Слова). Необработанная, но пригодная для обработки земля могла быть свободной от леса, но могла быть и чаще была на славянском Северо-Востоке покрыта им. Первоначально признак "растительность" был, видимо, не релевантен, а определяющим оказался признак "год-

ный для расчистки под пашню", отсюда и следующий признак-значение "подготовленный под пашню". Термин *ляда* 'участок из-под леса, подготовленный под пашню или луг', 'участок с вырубленным лесом', 'участок с вырубленным и сожженным лесом' и т. п. распространен в средне- и южновеликорусском комплексе (исковск., великолукск., тверск., смоленск., калужск., брянск.), слово *лядина* с тем же значением — в основном в северо-западной зоне средневеликорусских говоров (новгородск., великолукск., тверск.). Приблизительно тот же ареал занимает термин *ляда* (*лядина*) в значении 'земля, годная для поля или луга', 'поле, луг или огород (не из-под леса)', 'часто или впервые разработанное поле', или уже 'участок пахотной земли (окруженный лесом и т. п.)' (новгородск., великолукск., смоленск., тверск., калужск., брянск., орловск., при единичных фиксациях 'сенокос', 'дальний покос' в Вологодской и Вятской зонах).

Выход из сферы земледельческих терминов наблюдается уже при значении *ляда*, *лядина* 'предназначенный для вырубki или вырубленный участок леса (не под пашню)' (*ляда* — великолукск., симбирск., смоленск., брянск.; *лядина* — великолукск., тверск., тихвинск., вологодск., архангельск.). Здесь, однако, еще сохраняется признак "результат деятельности человека". Но с исчезновением и этого признака термин *ляда* (*лядина*) переходит в разряд чисто географических терминов и при этом обнаруживаются те же семантические сдвиги и противопоставления, которые мы наблюдали у ряда других терминов, обладающих аналогичными семемами.

В той же Великолукской и Смоленской зоне *ляда* 'лес' или 'еловый лес', 'ольшанник'. Значение *лядина* 'лес' зафиксировано в той же Великолукской, затем в Псковской, Новгородской, Тверской, Петербургской, Карельской, Олонецкой, Вологодской, Ярославской зонах и в русских говорах Латвии и Эстонии. Интересны случаи, когда *лядина* означает не просто 'лес', а 'лес' с дополнительными признаками "большой" (великолукск. красногородск.), "молодой, мелкий" (петербургск.), "высокий среди низкого" (ново-ладожск.), "редкий" (вологодск.), "густой" (олонецк., повгородск., исковск., великолукск., тверск.), "лиственный" (великолукск., ло-

³⁷ См.: S. Utěšený. *Draha — obciny — pasínky — lada*. «Onomastické práce». Praha, 1966, стр. 110—111.

³⁸ См.: П. П. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. М., 1932; Г. Е. Кочил. Сельское хозяйство на Руси с конца XIII до начала XVI в. Л., 1965.

дейнопольск., повгородск., вологодск.). Наконец, *лядиной* может называться ельник (великолукск.), березник (псковск., новгородск., великолукск.), ольшанник (псковск., тверск., великолукск.).

Особое внимание привлекает значение *лядина* 'лес на высоком сухом месте' (великолукск., новгородск., вологодск., великорусские говоры в Эстонии) и *ляда* 'высокое место на болоте' (тверск.), которое по признаку "высота" противоположно значению *лядина* 'низменное, болотистое место' (ярославск.³⁹, костромск., вологодск., архангельск., ивановск., ниже-новгородск., вятск., тверск., великолукск., новгородск., ново-ладожск., смоленск., курск.), *ляда* 'то же' (великолукск., вологодск., владимирск., тверск., тульск., калужск., смоленск., орловск., курск., брянск., воронежск.), *лядина* 'низкое болотистое место, поросшее лесом и кустарником' (отмечено в тех же зонах, что и *лядина* 'низкое болотистое место', кроме смоленск., курск., ново-ладожск.; известно еще в карельск., псковск. и рязанск. зоне), *ляда* 'то же' (великолукск., вологодск., смоленск., тульск., калужск., брянск., курск.), *лядина* 'болото без растительности' (вятск., псковск., ярославск., ивановск.).

Здесь наблюдается противопоставление, аналогичное уже отмеченному для термина *бор*: 'возвышенное место' ↔ 'болото' (см. стр. 27), а также для терминов, коррелирующих по линии 'верх' ↔ 'низ' (см. стр. 98—103). Достаточно ярко эта корреляция отражается в значении *лядина* 'овраг' (костромск.), 'рытвина, яма' (вологодск.), 'пеглубокая яма в поле, или лесу' (вологодск.), *ляда* 'большая яма' (вологодск.).

Семантическая цепь 'болото' ↔ 'болотистое топкое место' ↔ 'трясина', а также 'болото' ↔ 'лужа' ↔ 'грязь' (ср. случаи с *базно*, и т. п. на стр. 114, 149, 156, 189) обнаруживается в примерах, где *лядина* 'болотистое топкое место' (костромск.), *ляда* 'тряское, зыбкое место', 'заросшее кустами болото' (вологодск.), *лядина* 'трясина' (вологодск.), *лядина* 'лужа

после дождя' (костромск.), *ляда* 'перовное место с грязью' (вологодск.), 'лужа' (вологодск.). Ср. также *ляда* 'озеро' (курск.).

Семантическая цепь 'лес' ↔ 'лиственный лес' ↔ 'кустарник' ↔ 'сучья' ↔ 'сорняки в обмолоченном хлебе', манифестирующаяся лексемой *лядо*, выявлена нами также на лексемах *гай* и *шума*. Характерно, что *гай* 'мусор, отбросы (при обработке льна или сортировке соломы)' отмечено в Псковской зоне (напомним также, что для термина *гай* известны и значения 'болотистые непроходимые места, поросшие кустарником', 'топкий кустарник', 'болото' см. стр. 50, 52, 54), а *шума* 'остатки соломы, мякши', 'сор от семян, зерна', 'грязь, мусор, всякий сор' зафиксировано в той же Псковской зоне, на Витебщине, в Центральной и Восточной Белоруссии, в Восточном Полесье. Значение *ляда* 'сорняки в обмолоченном хлебе' встречается спорадически на севере, в центре и на юго-востоке Белоруссии и более компактно в белорусском Центральном Полесье, особенно на западе — на нижнем Немане и Щчаре. На севере Белоруссии известно также переносное значение 'беспорядок', 'вред' от основного значения 'рубленные ветки, сучья', связанного с подсечной работой⁴⁰. Такие значения *ляда* 'сучья в лесу' и 'неприбранное место в лесу, где рубили деревья, сучья' отмечены на Витебщине (см. пункт 62 и 19 белорусского атласа).

Что касается юж.-в.-рус. (из укр.) *ляда* 'дверь на чердак', 'лаз в подполье', 'погреб', 'прилавок в магазине', 'ставни' (Пор. Слова 185), укр. (из польск.) *ляда* 'опускная дверь в потолке (на чердак), в погребу и пр.', 'опускная ставня в прилавке', 'крышка над корытом', 'деревянная настилка, помост', 'часть ткацкого станка, сквозь которую проходят нити основы и посредством которой прибаваются одна к другой поперечные нити' (Гринч. СУМ), то оно восходит к другому этимону и справедливо считается заимствованием из немецкого *Läden* 'лавка', 'торговая лавка', 'ставень', *Láde* 'ларь, сундук, ящик'. При всей замкнутости попытки видеть в этом случае для *ляда* славянскую этимологию, кото-

³⁹ Подробнее об этой зоне см.: Г. П. Бондарук. Местные географические термины в топонимии Ярославской области. «Изучение географических названий». М., 1966, стр. 168.

⁴⁰ См. карту № 337 в книге «Дialectалагічны атлас беларускай мовы» и «Комментарии» на стр. 955—957.

рая бы могла опираться на случаи переносов термина из сферы географической терминологии в сферу строительной или ткаческой (или их параллельного существования), частично приведенные нами на стр. 228 (типа **okъno*, **dolъ* и т. п.), от них следует категорически отказаться, ибо в пользу германизма и притом довольно позднего говорит не только идентичность основных значений в немецком языке и в польском, украинском и южновеликорусском, но и география термина *ляда* в указанном значении, тяготеющая к средневропейскому ареалу. Ср. также польск. *lada* 'прилавок', 'сундук, ларь, ящик', 'подъемник, подъемное приспособление', 'часть ткацкого станка, набилки' (SW), чеш. *láda* 'сундук, ларь' (PSJČ), румынск. *ládă* 'ящик, ларь, сундук', венг. *láda* 'сундук, ящик'⁴¹. Того же характера и происхождения и западно-полесск. *л'ада* (*л'адо*) 'приспособление для подъема и погрузки бревен, подъемник', равно как и зап.-б.-рус. *ляда* 'деталь ткацкого станка, набилки' (см. карту № 337, где отмечен и ряд пунктов в Восточной Белоруссии), известное также, как видно, отчасти из приведенных выше примеров, во многих украинских, южновеликорусских (курских, воронежских) говорах и в польском языке⁴². Ср. немецк. *Lade* (*Weberlade*) 'набилки', *Lade* (*Ladebaum*) 'род крапа для поднимания и опускания тяжестей'.

По поводу великорусского демонологического термина *ляд* 'черт': на кой *ляд* это надо; во *ляд* противный! (тамбовск., тульск., архангельск., вологодск., саратовск. Опыт 1852, Пор. Слова 186), можно сказать, что он уже имеет вполне правдоподобную этимологию⁴³. Тем не менее можно предложить и иное доста-

⁴¹ См.: Kiss L. [рец.] Ф. П. Филип. Проект «Словаря русских народных говоров» М.—Л., 1961. Nyelvtudományi Közlemények, LXXVI. sz. 1. Budapest, 1964, стр. 246.

⁴² Германизмами позднего происхождения, помимо термина *лядо* (польск. *lado*), являются полесск., б.-рус., укр. *верстат* (польск. *warsztat*) 'усовершенствованный горизонтальный ткацкий станок' и целый ряд других терминов ткацкого станка. Подробнее см.: О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 136.

⁴³ Обычно *ляд* связывается с *ледячий* (книжн. *лядачий*) из польск. *ladacy* 'черт' (Vas. REW). При этом приводится форма *ladaco* (из **la-da-co*) 'что угодно', 'что бы то ни было' (Венг. SEW 698). Ср. русск. *чертеишб*.

точно простое решение: *ляд* — табуистическое название черта по месту его обитания (с переходом лексемы в парадигму мужского рода). Ср. аналогичное укр. *нетеча* 'черт': чего мені журитися, якої нетечі? (Гринч. СУМ), б.-рус. *болотник*, *вирбовник*, *оржавиник* 'разновидности чертей' (с агентивным суффиксом мужского рода; см. стр. 191; Ник. ОБВ 487), в.-рус. новгородск. *памха* (из приставки **ра-* и **тѣхъ* 'болото, мох' **ра-тѣха*) 'черт': памха б тебя побрала!, наряду с новгородск. *памха* 'глухое место на болоте, болото'⁴⁴ псковск. *болото* 'бранное слово, черт': фс'о пань бѣли, болото с нѣми; *болотник* 'черт, живущий в болоте' (карт. ПОС), псковск. *лес* 'бранное слово, дьявол' (б. Пороховск. у. карт. ПОС) и т. п.

Значения *ляда* 'шкура не годная лошадь', 'ленивая лошадь' (курск.), *ляда* 'дрянь' (донск.), *ляд* 'ленивый человек' (калужск. курск. с тем же, что и *ляд* 'черт', переходом в мужскую парадигму), *ляда* 'ленивый человек' и т. п. (брянск., курск., орловск., воронежск., укр.) выводимы, быть может, из *ляда* 'сорняки в обмолоченном хлебе' или даже из *ляда* 'болото' (весь материал заимствован у Пор. Лядо, Пор. Слова 186). Ср. русск. лит. и диал. *охвѣстье* 'остатки от первичной очистки зерна веянем', 'дрянь, приспешники' (ССРЛЯ, Старцева 1962 и др.) и т. п.

Наконец, в.-рус. буйск., костромск. *ляда* 'низкая гладкая трава' (Пор. Слова 185), по нашему мнению, бесспорно и непосредственно выводится из *ляда* 'луг', 'луг, лужайка в лесу', 'покос' и т. п. Едва ли необходимо предполагать промежуточное звено 'сорная трава' (Пор. Слова 185). Многочисленные случаи названия травы или сена по месту, где трава растет или где она скошена, приводятся ниже на стр. 247—249.

⁴⁴ См.: В. П. Строгова. Об особенностях слова «памха» в новгородских говорах. «Программа и тезисы докладов к IX научно-методической конференции Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов», ч. 2. Л., 1967, стр. 79—80.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БОЛОТО

болото

В Полесье, как и почти во всех восточнославянских диалектах, *болото* 'низменное пространство, обычно заполненное стоячей водой, чаще всего тонкое и илистое'. Слово *болото* встречается повсеместно и служит обобщающим гидрологическим термином, подобно лимнологическому *озеро*, потамологическому *река*, или орографическому *гора* и т. п. В зависимости от разных признаков — величины, тонкости, растительности, пригодности для сенокоса или выпаса, *болото* определяется другими более специальными терминами или снабжается определенными эпитетами типа *торп'аноје болото* 'торфяное болото' (Дк.), *жбу́тајэ болото* 'песчаное болото' (Дк.), *моговбе болото* 'болото, покрытое мхом и поросшее ольхой' (Дк.), *плаўноје болото* 'очень тонкое болото' (Хр.), *горéлоје булбто* 'выгоревшее болото' (Кч.) и т. п.

В Полесье *болото* чаще всего 'участок местности, не заросший деревьями и кустарником' (помимо признаков "низменность" и "тонкость"): открытые *болото* (Млр.), *болото* — там растет мох, били́ мох, рижий мох (Млр.), хотя возможно и *лісовбе болото* 'болото в лесу, болото, поросшее лесом' (Смп.). Во многих частях Полесья *болотом* называются сенокосные угодья, так как обычно часть весны и лета болото заполнено водой, а затем вода спадает и оно высыхает. Нередко информаторы толкуют слово *болото* следующим образом: *болото*, — там, де сіно кос'ат (Смп. Зм); в *болото* косіт'

(Лп.). При этом иногда словами *болото* и *луґ* передается один референт в зависимости от того, характеризуются он чисто географически или хозяйственно-экономически. В Дрогичинском Полесье болото, пересыхающее или подсыхающее летом, на котором можно пасти скот и косить траву, называется *луґ*, уменьш. *луґо́к* (Смп.). Однако уже несколько восточнее на Князь-озере термины *болото* и *луґ* относятся к разным референтам: *болото* 'чистое, или поросшее *лозбй* болото' (Дк.), *луґ* 'болото, поросшее лесом, заболоченный лес' (Дк.) (ср. словен. *log* 'лес, дубрава, гай'; см. стр. 112), а еще далее на юго-восток в Ельском районе наблюдается на тех же семантических основаниях противопоставление *булбто* — *волбка*: *јес'лі д'эрева нымá* — *булбто*, а *јес'лі д'эр'ево* — *волбка* (д. Серые). По признаку тонкости (гесп. проходимости) в Дрогичинском Полесье *болото* противопоставляется *бауні* 'труднопроходимому, тонкому болоту' (Смп.), хотя западнее, в Малоритском районе, что на юг от Бреста, *баунб* (*баубн*), наоборот, 'участок местности с почвой более твердой, чем на болоте, приболотье' (Зб. Ол. Мл.).

К наиболее распространенным дериватам от *болото* относятся общеполесское уменьш. с суфф. *-це* — *болы́тце* (Смп.), *болу́тце* (Кч.) 'болотце' и восточнополесское с сингулятивным суфф. *-ина*, уменьш. *-инка* — *болб́тина* 'отдельное болото среди леса или поля' (Дк.), *болб́тинка* 'небольшое, мелкое болотце в лесу, поросшее травой': *болб́тинка кру́гла миз лісу* (Кч.). Та же единичность иногда с небольшой семантической спецификацией характерна для восточнополесского термина *болот'анка* 'заболоченная, замшелая лесная полянка': *кроз л'ес прот'еуáје болот'анка* (Зс.). *балат'анка* 'отдельное болото среди пахоты или луга': *у то́ј балат'аноци вада упáла, так трава́ рас'т'е, а патбм снад'е, — косім* (Бд.). Ср. в Парицком р-не, что южнее Бобруйска, *балац'янка* 'заболоченная низинка среди поля или в лесу' (МСНДМ, 161).

Термин *болото* известен всем восточнославянским языкам. За исключением нескольких локальных случаев, его значение устойчиво 'болото, низкое пространство, обычно заполненное стоячей водой'. Довольно обширный ареал занимает термин *болб́тина*, означающий в большинстве случаев, как и Восточном Полесье, 'от-

дельное болото'. Ср. псковск. *болбтина* 'отдельное болото' (карт. ПОС), *болбтина*, *болотйна* 'болото' (карт. ПОС), *болотйна* 'маленькое болото' (карт. ПОС, карт. СРНГ), *болбтинка* 'болотце, поросшее мхом' (Копаневич 1904—1918), архангельск. пинеж. *болбтина* 'болото' (Матвеев 1961), 'сенокосная на низменной болотистой местности земля' (Подвысоцкий 1885), сев.-двинск. *болбтина*, *болбтинка*, *болотовинка* 'небольшое болотце' (Ромапов 1928), олонек. *болбтина*, *болбтница* 'мокрое место, болото', 'небольшое или ограниченное болото', 'место, образующее болото' (Куликовский 1885—1898, Маштаков 1931), костромск. *болотйна* 'болотистое место' (Второе Доп. 1905—1921), уральск. *болбтина* 'болотистая почва' (Миртов 1930), 'болото, заболоченное место' (ССУ), сибирск. обск. *болотйна*, *болотинка* 'болото' (ССО), московск. *болотинка* 'болотистое место' (Чернышев 1901, Второе Доп. 1905—1921), калужск. *болотйна* 'небольшое болото' (Второе Доп. 1905—1921), брянск. *болбтина* 'низкое место, болото' (карт. БОС), рязанск. *болотйна* 'болотистое место' (ССРНГ).

К сожалению, отсутствие контекстов при большинстве приведенных примеров, наряду с возможной окказиональностью толкования в отдельных случаях препятствуют тому, чтобы установить достаточно точно, в каких примерах суфф. *-ина* имеет значение единичности, а в каких собирательности или локативности. Так, вероятно, уральск. *болбтина* не имеет сингулятивного значения, а часть псковских и архангельских примеров — имеет; толкование «небольшое» можно в большинстве случаев рассматривать как «отдельное». Единичность достаточно четко выражена при двойной суффиксации *-овина*. Ср. псковск. *болотовина* 'отдельное болото' (карт. ПОС), 'небольшое озерцо стоячей воды, диаметром 5—7 метров' (карт. ПОС), псковск., тверск.-осташковск., новгородск.-валдайск. *болотавина* 'небольшое пространство низменного болотистого места' (Карпов 1855).

Отметим, что единичность иногда может быть выражена и отдельными уменьшительными суффиксами, которые, помимо семантического признака "меньшие размеры", несут в себе часто и признак уникализации, сингулятивности в определенном контексте (на уровне денотатов в определенной замкнутой сфере). К таким,

вероятно, относится псковск. *болбтко* 'болотце' (карт. ПОС), тверск.-осташковск. *болотажка* 'маленькое болото' (Копорский 1946) и др.

Собирательность и множественность выражены суфф. *-овье*: псковск. *болотовье* 'болотистые места' (карт. ПОС).

Термин *болбтня* 'топкое болотистое место, покос по болоту, сенокосное угодье, болото' зафиксирован в тверских-осташковских и псковских говорах (Карпов 1855, Копорский 1946, карт. ПОС), а также в Брянской зоне, где *болбтня* 'болотное место' (карт. БОС).

Образования с суфф. *-няк* служат в восточнославянской географической терминологии чаще всего для обозначения лесного пространства: *болотняк* 'лес, растущий на болотах' (Мурз. СМГТ). Ср. *болотияк* 'лес на болоте': лес болотняк был, блудили в нём (ССО), *болотняк* 'болотистое место' (поросшее лесом? — Н.Т.) (карт. ПОС).

Впрочем, семема 'лес, растущий на болоте' выражается не только лексемой *болотняк*, но и лексемами *болбтинка*, *болотовина* и, наконец, просто *болбто*. При этом признак "топкость", "болотистость" может иногда исчезнуть. Ср. псковск. *болбтинка* 'заросли в лесу' (Пуст. Усохи карт. ПОС)¹, *болбто* 'мелкий кустарник, где растёт мох' (Кр.-гор., Бережане; Себ. Усадище карт. ПОС), *болотовина* 'заболоченный лес' (Стр., Кочегоще карт. ПОС)², тверск.-осташк. *болотажка* 'плохонький лес' (старое) (Копорский 1946).

Наиболее любопытны случаи семантического перехода *болбто* 'болото' → 'лес' с полной утратой признака "топкость, болотистость" и с постоянным, а не факультативным признаком "древесная растительность". Такой переход зафиксирован пока только на Витебщине и Смоленщине (если считать приведенные псковские и тверские примеры несколько спорными)³. Так, Н. Я. Ни-

¹ Ср. пояснение собирателя: «луг не может быть в лесу, тогда не луг, а местечки, где можно покосить: если зарослей нет — лужайка, а если заросли — болотинка (там же, карт. ПОС).

² Пояснение собирателя: «где лес в мошовинах» (там же, карт. ПОС).

³ Ср. также новый материал из смоленских говоров: И. С. К о в ы р е в. Из истории некоторых областных слов (бо-

кпфировский в его известном описании Витебской Белоруссии пишет: «от пашен и покосов недалеко переход к лесу, который с давних пор почти повсеместно называется почему-то *болотом*, и обычное выражение — *ийць у болото, вийць з болота* понимается не иначе, как — идти в лес, выйти из лесу» (Ник. ОВБ, 466). Ср. смоленск. *болото* 'крупный лес' (Опыт 1852), *балѳта*, *балѳтвина* 'лес' (Добровольский 1914): иде ты был? — у балѳтн, за грибами (б. Поречск. у. с. Иньково, д. Луги; б. Духовищенск. у. с. Шиловичи; б. Ельнинск. у. Добровольский 1914), *болѳтвице* 'лес' (б. Смоленск. у. С. Дапково, Добровольский 1914)⁴.

В украинских диалектах зафиксировано меньшее число дериватов интересующей нас лексемы. Помимо широко распространенной исходной формы *болото* 'болото', отмечены *болѳтина* 'высохшее болото, место, где раньше было болото' (Мар. МСУГА) и *болѳтище, болѳтисько* 'место, где раньше было болото' (Мар. МСУГА). Таким образом, на Украине в сочетании с интересующей нас лексемой *-ина* в основном выступает как суффикс, обозначающий место в конкурирующей с другими локативными суффиксами *-ище* и *-исько*⁵.

Из семантических смещений, помимо указанного выше 'болото' → 'лес', можно отметить еще 'болото' → 'омут' (переход в потамографический термин), 'болото' → 'лука' (максимальная «микронизация» → 'грязь'). Ср. псковск. *болѳто* 'место в реке или большой канаве с очень спокойной водой, пескольо заросшее': всѳ болѳше сом заходѳл в болѳты (карт. ПОС), а также псковск. *болѳто* 'лука': так болѳто и стоѳит с дождѳа (карт. ПОС),

лото, кабат, понедѳлок, пара). — Вопросы русского языка, диалектологии и методики преподавания — «Уч. зап. Липецкого гос. нед. ин-та», вып. IV. Воронеж, 1965, стр. 112—113.

⁴ Аналогичные семантические процессы на балтийском материале были рассмотрены Э. Френкелем (см.: E. F r a n k e l. Beiträge zur indogermanischen Semasiologie. I. Zum Bedeutungswechsel von «Wald, Hain» mit «Sumpf» in den idg. Sprachen, besonders in Baltischen und Slawischen. «Revue des études indo-européennes», t. 1. Bukarest, 1938, стр. 405—412).

⁵ Суфф. *-ина* и *-ище* зафиксированы Т. А. Марусенко в Черниговской, Житомирской, Винницкой, Черкасской, Кировоградской, Львовской обл. (подробнее см. Мар. МСУГА). Что же касается *-исько*, то Б. Д. Гринченко приводит термин *болѳтисько* без указания источника (Гринч. СУМ).

тамбовск.-моршанск. *болѳто* 'лука' (Давыдов 1849). Вероятно, число примеров из восточнославянской зоны с переходом 'болото' → 'лука' можно было бы значительно умножить.

Переход 'болото' → 'лука' → 'грязь' характерен почти для всех западнославянских диалектов, а также для словенского и сербскохорватского языка. В сербскохорватских диалектах *блѳто* чаще 'лука', 'грязная лука, грязь' (RHSJ), чем 'болото' или 'озеро' (см. стр. 210, а также Schütz GTSK 63). Ср. уменьш. *блѳце, блѳтанце, блѳтшице* 'лука, лужица', реже 'озерцо'. В термине *блѳтина* суфф. *-ина* имеет аугментативное значение, а не как в украинском, где зафиксировано значение локативное, но с признаком, указывающим на прошлое состояние, т. е. означающее 'место, где раньше было болото'. Такое значение отмечено Вуком Караджичем в Боке Которской для локального термина *блѳтиште* 'место, где раньше было болото' (Вук СР, RHSJ), которое не следует смешивать с аугментативным *блѳтиште* 'большая лука, озеро', почти синонимичным термину *блѳтина* 'большая грязь, большая лука, озеро, болото' (Вук СР, RHSJ). Словен. *bláto* 'болото, заболоченное озеро', 'лука (на дороге и т. п.)', 'грязь', 'кал' демонстрирует почти то же положение, что и в сербскохорватском; вернее, идет немного дальше, включая в свою сферу еще одно семантическое звено 'кал, испражнения': ср. *bláto, črevésno bláto* 'говно' (SSS). Только географическими терминами остаются уменьшительные образования *blátec, bláčce* 'болотце, лужица', собирательное *blatje* 'болота, лужи' и, наконец, *blátnik* 'пизица, долина, овраг, балка' (Badj. LjG, 256, SSS), *blátna* 'трясина, топь, болотистая почва', *blatovina* 'болотистая почва' (Plet. SNS). Что касается слова *blátna* 'осадок, муть, der Schmant' (Plet. SNS), то оно связано с основным для современного словенского языка значением слова *bláto* 'грязь'. Ср. словен. *blátiti* 'пачкать' (SSS). Болг. *блѳто* сохраняет значение 'болото' (БТР, РСВКЕ), уменьш. *блѳтице* 'болотце', увелич. *блѳтище* 'большое болото' (Гер. РВЯ), в отличие от *блѳтище* 'болотное место' (Гер. РВЯ). То же макед. *блѳто* 'болото', *блѳтиште* 1. 'большое болото', 2. 'болотистое место, болотный ландшафт' (PMJ). Польск. *bloto* означает исключительно 'грязь, слякоть' (SW) и лишь форма мн. числа *blota* имеет значение 'болото' (SW), хотя в старо-

польском было *bloto* 'болото' (SS). То же положение наблюдается в чешском языке, где *bláto* 'грязь' и лишь мн. число *blata* 'болотистая местность' (PSJĀ, SJĀ). Ср. словац. *blato* 'грязь' (SSJ), диал. моравск. *byacko* 'грязь' (Mal. SNM). Из западнославянских языков семантически более древнее состояние отражают кашубский и лужицкие, сохранившие значение **bolto* 'болото' и в ед. числе. Ср. кашуб. *bloto* 'болото, топь', 'пруд', 'лужа, грязь на дороге, грязь' (Log. PW); н.-луж. *bloto* 'болото', 'грязь', 'заболоченный лес' (Мика SDR; ср. выше псковск. и смоленск. примеры, стр. 148), в.-луж. *blóto* 'грязь', 'типа', 'топь', 'болото', 'кал' (Jak. HSNS). Полабские памятники фиксируют только *bluotii* 'болото' (Rost SDP).

Таким образом, **bolto* 'болото' характерно для восточнославянских языков (хотя в западноукраинских бойковских и лемковских говорах Рудницкий и Грабец эту лексему не фиксируют; Рудн. ГНБ, Нrab. NGH) и для болгарского. В польском, словацком и чешском **bolto* почти всегда 'грязь'. Сербскохорватский и остальные западнославянские языки занимают промежуточное положение, к ним близок и словенский язык, притом в словенском и верхнелужицком **bolto* также 'кал'. Псковские диалекты, спорадически украинские и южновеликорусские, обнаруживают некоторую общность с западнославянскими, имеющими значение **bolto* 'лужа'. Однако, возможно, что при внимательном обследовании остальной восточнославянской территории такое значение не будет считаться узко локальным.

С семантическим переходом 'болото' → 'грязь' связано, очевидно, малое число субстантивных дериватов от лексемы **bolto* в современных западнославянских языках (вплоть до отсутствия уменьшительных в некоторых зонах).

Основными терминами, выражающими обобщенное понятие 'болото' в языках, где **bolto* в основном означает 'грязь', выступают: чеш. *bařina*, *močál* (PSJĀ, SSJĀ), словац. *močar*, *močarisko* (SSJ), польск. *moczar*, *moczadło*, *bagno* (SW), с.-хорв. *мѡчвара*, *бѡра* (RHSJ), словен. *močvir* (Badj LjG, 256).

Термин **močarъ* и близкие к нему дериваты в Полесье не зафиксированы. Однако они широко известны на славянской языковой территории. Ср. польск. *moczar*, *mo-*

czara, *moczadło*, *moczysko*, диал. *moczarzyisko* 'болото, болотистая, напоянная водой почва' (SW); кашуб. *m^oočor*, чаще мн. число *m^oočarə* 'болотистая вода', *m^oočəšce* 'сырое мокрое место' (Log. PW); полабск. *müöcar* 'болото' (Rost SDP); болг. *мочур*, *мочар* 'болото, трясина', *мочурище* 'болотистое место' (БТР, Гер. РБЯ); макед. *мѡчур* 'болото, топь', *мѡчуриште*, *мѡчурјак* 'болотистая, топкая местность' (PMJ); с.-хорв. *мѡчвар*, *мѡчвара* 'болото' (RHSJ), *мѡчар* 1. 'болотистая местность', 2. 'слякоть, сырая дождливая погода'⁶ (RHSJ), диал. чакавск. *močvir* 'болото' (Schütz GTSK, 63), словен. *močvir*, *močvár*, *močvára*, *močvarína*, собират. *močvirje* 'болото, болотистая местность', *močáva*, *močavína* 'влажная, болотистая почва (Badj. LjG, 256; Plet. SNS)⁷; в.-рус. новгородск. *мочага*, *мочажка* 'гладкое болотце', 'потное место на земле' (Даль СЖВЯ), псковск. *мочлявіна* 'мокрое место, болото' (карт. ПОС), псковск., тверск.-осташковск. *мочавина*, *мочевина*, *мочевина*, *мочивина* (Доп. Оп. 1858), архангельск. *мочажина*, *мочежйна* 'болотистая, вследствие склонения подземных ключей местность' (Подвысоцкий 1885), ярославск. *мочежйна* 'мокрое, сырое место' (Мельп. КЯОС), курск.-обоян. *мочакі* 'низкие, прилужные места' (Доп. Оп. 1858), среднеповолжск. *мочажина* 'влажное, потное место, кочковатое осоковое болотце у места вклинивания подземных вод' (Мурз. СМГТ); укр. *мѡчар* 'болото', 'трясина с подземными водами' (подробнее Мар. МСУГА, Гринч. СУМ), мн. число *мѡчари* 'то же', *мочариско* 'мокрое место между взгорьями' (Мар. МСУГА), *мочаридь* 'болото, заболоченная низменность', *мѡчи* 'то же' (Мар. МСУГА); б.-рус. витебск. *мочула*, *мочулина* 'естественный прудок довольно неопре-

⁶ Ср. болг. *мочава* 'метель, вьюга' (Гер. РБЯ), в.-рус. псковск., тверск. *моча* 'грязь, мокрота, слякоть' (Доп. Оп. 1858). В Полесье *мѡча* означает 'сырую, дождливую погоду': наша з'ем'я засуши ні боїца, а мѡчи вона боїца (Зс).

⁷ Как видно из примеров, в с.-хорв. и словен. представлены, помимо суффиксальных образований типа **moč-arъ*, **moč-urъ*, **moč-ava*, и сложения типа **moč-virъ*, **moč-varъ*, где вторым компонентом служит известная славянская гидрографическая основа **virъ*, **varъ* (см. стр. 213). Бедность материала не позволяет нам четче определить изоглоссы двух основных словообразовательных моделей, которые, видимо, на словенской и сербскохорватской штокавской территории накладываются друг на друга. На важность разграничения этих двух типов указал мне О. Н. Трубачев.

деленной величины' (Ник. ОВБ)⁸, *мачылка* 'зыбкое мшистое болото' (карт. ДАБМ 129).

Семантическая связь с глаголом **močiti* достаточно прочна и для большинства приведенных форм не затемнена словообразовательными, фонетическими и другими модификациями⁹.

При общности семантики и корневых основ приведенных терминов наблюдается наличие ряда словообразовательных моделей; при этом основными оказываются модели типа **močar* и **močvar*, занимающие широкий арсенал, в который входят польский, кашубский, чешский, словацкий, болгарский, македонский, сербскохорватский, словенский и украинский языки.

Почти тот же ареал занимает термин **molka*. Ср. польск. диал. *mlaka*, *mlako*, *mlaczysko* 'болото', 'заливной луг', 'луг на высохшем озере' (Подгалье, Тешинск. зона, Бескиды и Подгура — SW, также Gołzab споска 10); чеш. *mlaka*, *mláka* 'болотистая местность, болото' (PSJČ); словац. *mláka* уменьш. *mláčka* 'лужа' (SSJ); болг. *mláka* 'болото, болотистое место' (БТР); макед. *mlaka* 'болото' (PMJ); с.-хорв. *mláka* 'болотистое место', 'лужа' (RHSJ); словен. *mláka*, *mláčica* 'лужа' (Badj. LjG 253), укр. *mláka* 'болото', 'топь, тряси́на' (Гринч. СУМ, Мар. МСУГА), бойковск. *mláka*, *mláčka* 'мокрое поле' (Рудн. ГНБ 26), гуцульск. *mláka* 'мокры́й луг' (Hrab. NGH 42).

Укр. *mláka* 'тряси́на, болото, мокрое поле и т. п.' фиксируется в основном в западной диалектной зоне, распространяясь на всю территорию «Карпатского диалекто-

⁸ Примечание Н. Я. Никифоровского: «если мочула круглая, то диаметр самой большей будет около 15 саж. Мочула с более длинными концами переходит уже в болоцца, омшару, или кичовник» (Ник. ОВБ, СХЛ).

⁹ Еще более тесная семантическая связь ощущается в терминах типа **mokrina*. Ср. в.-рус. тульск. *мокрѣна*, псковск. *мокрѣвина*, тверск. *мокрѣвина* 'болото, болотце', 'лужа' (Даль СЖВЯ, Доп. Оп. 1858); укр. *мокрѣк*, *мокрѣць*, *мокрѣчка*, *мокрѣ* 'болото' (подробнее см. Мар. МСУГА); польск. *mokradło*, *mokradlina*, *mokrzyna*, *mokrzabina*, *mokrzawa*, *mokrzysko*, *mokroć* и т. п. 'болото, болотистая почва', 'место, где недавно была вода' (подробнее см. Nitsche GTP, 81); кашуб. *mokradło* 'болото' (Log. PW); чеш. *mokřad*, *mokřad'*, *mokřina*, *mokřavina*, *mokřisko*, редко *mokřadi*, *mokřadlo* 'влажное сырое место, мочажина' (SSJČ); слован. *mokrad'*, *mokradina*, *mokravina*, *mokrina*, *mokrisko* 'то же' (SSJ); словен. *mokrica* 'сырой луг' (Plet. SNS),

логического атласа» (см. карт. КДА) и несколько далее на восток и северо-восток¹⁰. Рум. *mlacă* 'болото' заимствовано из славянского, вернее всего из южнославянских языков (Mih. ÎVSS, 100).

Выше было отмечено, что в сербскохорватском языке наряду с *моцвара* в роли общего термина выступает *бара* 'болото', которое может означать также 'лужа', 'заливной луг', уменьш. *барѣца*, увелич. *барѣтина*, *барѣштина* 'то же' (RHSJ, Schütz GTSK, 63). Ср. также *бареш* 'болото' (Вук СР).

Этот исконнославянский термин распространен в более ограниченном ареале, включающем сербскохорватский, болгарский, словенский, чешский, польский и украинский языки. Ср. болг. *bára* 'ручеек, канавка', 'стоячая вода, лужа' (БТР); словен. *barje* 'торфяные болота' (Badj. LjG, 257); чеш. *bažina*, *bařina* 'болото', *bařisko*, *bařenisko*, *bařenistě* 'болотистое место' (PSJČ, SSJČ); польск. диал. *barzyna*, *barzówka*, опольск. *bažel'isko* 'болото' (SW, Nitsche GTP, 72); укр. *бар* 'мокрое место между возгорьями' (Житомирск., Черниговск., Винницк., Кировоградск., Львовск. зоны Мар. МСУГА, Гринч. СУМ), 'глубокий обрывистый овраг' (с. Панчево, Ново-Миргородск. р-н, Кировоградск. обл. Мар. МСУГА).

Остальные славянские названия болот имеют обычно более специальное значение с дополнительными семанти-

¹⁰ Если принять за исходную праславянскую форму **molka*, на что как будто указывает древнерусский пример *молокита* («да истокомъ по ямамъ къ молоките да къ другой молоките, да отъ молокиты прямо въ реку въ Истрицю» — Межевая грамота кн. Ивана Васильевича 1504 г., Срезн. МСДРЯ), то укр. *mláka* и польск. *mlaka* можно считать проникшими из словацкого (чешского), и из южнославянских через посредство румынского. Ср. рум. *mlacă*, *mlăştină* 'болото, болотистое место, топь' (Mih. ÎVSS, 100). См.: Z. Gołzab. Wyrazy pochodzenia południowo-słowiańskiego w polskich gwarach góralskich. «Język polski», XXXII, z. 5. Kraków, 1952, стр. 207—208; ср. также: он же. Гетички врски међу карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскиот елемент во ово подрачје. «Македонски јазик», X, кн. 1—2. Скопје, 1959, стр. 26. — З. Голлоб считает польск. диал. *mlaka* 'болотистое место в горах' южнославянского происхождения. Что касается др.-рус. *молокита*, означающего, судя по контексту, 'болото' или тому подобное, то в современных великорусских говорах ему есть соответствие — череповец. *молокита* 'болотное растение (?)', едят дети' (Герасимов 1910).

ческими признаками и более узкую сферу распространения. Из них нами будут рассмотрены только те, которые встречаются в Полесье и прилегающих к нему зонах. Подробно славянские названия болот (на основе инвентаря, собранного в Псковской зоне) исследуются в диссертации В. М. Мокиенко¹¹, а древнейший славянский лексический фонд, относящийся к терминам болота в его отношении к аналогичному балтийскому и германскому фонду — в работе Л. В. Куркиной¹².

багно

Лексема ⁺*bagno* встречается в Полесье в двух разновидностях *багно* и *багно* и выражает две семемы: во-первых, 'болото, болотистое место, иногда поросшее лесом', во-вторых, 'багульник, *Ledum palustre*'.

В Западном Полесье зафиксирована форма *багно* в значении 'лесистое болотистое место' (Млр. Зб. Рд. Ор. Ол. Лк.), или вообще 'довольно низкое тонкое место' (Млр. Зб. Ол.). Эта форма встречается параллельно с формой *багно* и выражает одну и ту же семему 'болото' (Млр. Зб. Ол. Рд. Лк. Мк): *болото*, — *честоје* (=чистое) *болото*, а *багно*, там *кушина*, на *јему* *корчи*, *рокита*, *травá* по *тих* *кóчках* *ростé*, *болотн'е* *такáја* *травá* (Зб.); *багно*, *багно* — там *ў* *тému* *багни* *багноваја* *бер'о́за* *дóбраја* (Ол.); *при* *багни*, у *стру́зі* *багн'ук* *ростé* (Ол); *багно*, *багно* — *це* *ни́з'ке* *мі́сце* *ў* *лісі* *де* *ростé* *багэ́ник* *і* *лохачі* *і* *якэ* *залива́еца* *водо́ју* (Рд.); *багно*, *багно* — *ліс* *такі́ј* *малáжі*, *журахлі́ні* *росту́ц'* у *тíм* *багни* (Ор.); *багно*, *багно* — *при́болот'је*, *але* *ліс* *ростé*, там *беро́за* *је* *і* *ол'ші́на* (Лк.)¹³.

Несколько западнее в Дрогичинском районе *багно* 'труднопроходимое тонкое болото' (Смн.), *багно*, уменьш. *багнуце́* 'низкое болотистое место в лесу' (Лх. Св. Рс.), а в Центральном Полесье в Столинском и Пинском райо-

¹¹ См.: В. М. Мокиенко. Лингвистический анализ местной географической терминологии. (Капд. дисс.). Л., 1969.

¹² См.: Л. В. Куркина. Названия болот в славянских языках. «Этимология. 1967». М., 1969.

¹³ В Луково термин *багно* устойчиво сохраняет признак лесной растительности, леса и на этом основании противопоставляется термину *пбуар* (см. стр. 198): *на болоті ужé пбуар*, *а ў лісі — багно* (Лк.).

нах *багно* 'топкое место на болоте' (Хр. Лп.): там *багно*, там *нел'га* *прогті* (Хр.). В этом районе Полесья за лексемой *багно* закреплена семема 'топкое болото', 'топкое место на болоте', а за лексемой *багно* 'багульник, *Ledum palustre*'. Севернее в Лунинецком районе *багно* только '*Ledum palustre*'. Далее на восток в Полесье известна по нашим наблюдениям в основном липь лексема *багно*, выражающая семему 'багульник' (Др. Дк. Вл.), *багни* 'багульник' (Бд. и др.), *багно* 'то же' (Кц), в то время как *багно* 'тонкое болото' и т. п. встречается редко (карт. ДАБМ 985, 889, 1007, 884 и др.).

Это положение подтверждается картотекой Белорусского атласа и другими диалектными материалами, которые фиксируют географический термин *багно* (*багна*) во всех зонах Белоруссии — довольно часто в Полодской, Витебской, Гродненской, Молодеченской, Могилевской, Гомельской (около 150 примеров) и реже в центральном, срединном диалектном массиве в Минской зоне и северной части Барановичской и Бобруйской зоны (карт. ДАБМ, Жак. ДМ, Касп. ВКС, Ник. ОВБ, Бяльк. ДСЎБ, Шат. КСЧ, Янк. ДС II, Сдяш. ГГВ). Почти повсеместно *багно* в Белоруссии 'топкое болото', 'зыбкое место', 'невыходящее болото', 'торфяное болото'. На Гродненщине в Волковском районе и в соседнем Ружанском районе Брестской области так же, как и в западном Полесье, зафиксирована форма *багно* 'торфяное болото', 'непроходимое болото' (Сдяш. ГГВ, карт. ДАБМ 670) наряду с *багна* 'тонкое болото' (Сдяш. ГГВ), 'грязь на дороге' (МСНДМ 151). Последнее значение отмечено еще в верховьях Березины и Вилии (Жак. ДМ). Ср. также *багна* 'густая грязь с водой' (д. Мосин, Хотимск. р-н, Могилевск. обл. карт. ДАБМ 647, см. ниже украинские примеры). Во всей Белоруссии известен также ботанический термин *багно*, *багни*, *багни*, *багонник* 'багульник' (Бяльк. ДСЎБ, МСНДМ 84, Янк. ДС I, Шат. КСЧ и др.).

Особый интерес представляет пример (правда, пока единичный!), отмеченный в верховье Березины (д. Пустоселье, Бегомльск. р-н Минск. обл.), где *багно* означает 'высокое место' то же, что *суходоль* (карт. ДАБМ 230; ср. *суходонка* стр. 128). Здесь наблюдается результат того же семантического процесса развития по принципу 'верх' ↔

'болото' зафиксированы, как отмечалось выше, в брестских и гродненских говорах. Характерно, что и там они выступают наряду с лексемой *багнб*. Что же касается нижнелужицкой омонимии *bagan* 1) 'болото при ключе', 2) 'Ledum palustre', то неизвестно, возможна ли она в системе одного диалекта или является омонимией «междиалектной», как, например, в Полесье в ряде пунктов. В других западославянских языках лексема *bagon, bagan* не отмечена. Ср. в-луж. *bahno* 1) 'болото', 2) 'Ledum palustre' (Jak. HSNS), *bahnišćo* 'болото, болотистое место', *bahniško* 'багульник', *bahnowizna* 'болотистая почва, болотная земля' (Jak. HSNS); чеш. *bahno* 'болото, грязь' (SSJČ), чеш. диал. вост.-ляшск. *bagno* 'грязь на дороге, особенно в поле' (Kel. VLN II, 128); словац. *bahno* 'болото', 'грязь', 'ил', *bahnisko* 'большое болото', 'болотистое место', *bahnina* 'болото, трясица, ил', *bahnovina* 'заболоченная почва', *bahurina* 'болотистое место', 'лужа' (SSJ, Isač. SRPS); польск. *bagno* 'болото', *bagnovina* 'торф', *bagnowisko* 'торфяное болото', при *bahun* 'Ledum palustre' (SW).

Тесная связь названий 'болото' и 'багульник' очевидна. Трудно определить, с какого из референтов оно было перенесено на термин, относящийся к другому референту. Вероятнее всего, с названия болота на название растения по типу явно более позднего переноса псковск. *бор* 'вереск' (см. стр. 32), волыск. *лядіна* 'сосна' (см. стр. 132) и многочисленных случаев переноса названий рельефа и т. п. на названия травы, сена (см. стр. 247). Для некоторых лексем, например для **bagъnъ* (*bagan, bagun, bagon*), возможно вторичное перенесение названия растения на болото по типу **mъxъ* (*мох, амшиарина* и т. п. см. стр. 164). Есть достаточно оснований предполагать, что существовала и древняя синкретичность значения, которое могло выражаться, как 'болото, поросшее багульником'.

Наконец, любопытно отметить, что полешуки, живущие на границе БССР и УССР, на территории, представляющей собой узкую полосу, начинающуюся восточнее Бреста и тянущуюся с запада на восток южнее Днепро-Бугского канала до Пины и южнее Пины почти до её впадения в Припять, имеют самоназвание *багн'ук*, мн. число *багн'укі*. Севернее их живут *заречане*, а еще

севернее и восточнее *літвіни*. Самоназвание *багн'ук* сохранилось до сих пор и зафиксировано нами в ряде населенных пунктов (Лх. Св. и др.)¹⁸.

олёс

В книге «Восточное Полесье» (Mosz. PW) К. Мошинский дает довольно подробное описание географии значений термина **olesъ* в Полесье и Белоруссии. Согласно данным, которыми он располагал, в б. Мозырском и Речицком у., так же как и во всем Полесье *ол'ос* (мозырск.), *ал'ос, ал'ошчык* (речицк.) означает 'ольховый лес на болоте'; в б. Бобруйском и Новогрудском у. Минской губ. и в б. Велижском у. Витебской губ. *алёс* 'топь, зыбкое место, болото'¹⁹; в б. Быховском у. Могилевской губ. — 'низкий луг', в б. Бобруйском и Слуцком у. *альсе* 'болото среди леса, заваленное деревом' (Нос. СБН), наконец, в говоре литовских поляков *olesie* 'болото в лесу', *olesisty* 'болотистый' (Karł. SGP). На основании этого материала К. Мошинский делает вывод, что на севере Белоруссии **olesъ* означает 'болото', а на юге — 'ольховый или лиственный лес на болоте' (Mosz. PW, 6). Наши наблюдения в общем не вносят коррективы в выводы К. Мошинского. Можно лишь отметить, что в Западном Полесье *ол'ос* 'болотистая местность с ольховым и смешанным лиственным лесом', а в Центральном и Восточном Полесье — 'болото с чистым ольховым лесом'. Ср.: *ол'ос* 'топкое болото, покрытое ольхой и березой' (Зб. Лк.); *ол'ос* — *багн такіј*; *ол'ос* — там *ол'ха, берёза росте... ол'оса*; у *тému ол'осові вёл'ме гүзко* (Зб.); *ул'ос, вул'ос* 'низкое заболоченное место в лесу, поросшее травой и кустарником' (Мк.); *ол'ос* 'болотистое место, поросшее ольхой', 'заросли ольхи на топком болоте' (Хр. Ом. Гл. Гц. Бд. Кн. Дн. Дв.); в ётом *ол'с'ё, чут' бугорок* — *бер'ёза пр'имос'т'нца на остроу'к'ё* (Гл.); *боровы дуб слабы, а на ол'осе крепчѣшіј* (Хр.).

¹⁸ Подробнее о самоназвании полешуков, об отдельных этнических группах в Полесье и их соотношении см. в труде Я. Обрембского (J. Obrembski. Problem etniczny Polesia. «Biblioteka „Spraw narodowościowych“», № 26. Warszawa, 1936), где имеется и этническая карта Полесья.

¹⁹ В этом случае К. Мошинский пользовался данными Е. Ф. Карского (см.: «Белорусы», т. I. Вильна, 1904, стр. 127), который в свою очередь черпал материал у Т. Р. Романова и И. И. Носовича (Нос. СБН).

Последний пример показывает, что *ол'бс* может противопоставляться *бору* по признаку "уровень местности": *на бору* — *на ол'сэ* (хотя возможно и употребление другого предлога — *в ол'сэ*, Хр.). В б. Парицком р-не Могилевск. обл. зафиксировано то же значение, что и в Восточном Полесье — *алёс* (род. п. *альсá*) 'болото, покрытое густым олешиком и лозой': у *альсэ* чэрці вóдзяцца (МСНДМ 161). Так же на Витебщине — *алёс* 'болото, где растет ольховый лес', 'лесное болото, где растет трава' (Касп. ВКС).

Помимо Полесья, центральной и северной Белоруссии, в ареал распространения термина *ол'бс* входит и Смоленщина, говоры которой в общем можно также считать белорусскими. Ср. *алёс* 'мокрое место': косяць алёс (Добровольский 1914), *альсавина* 'болотистое место, пересекаемое ручьем' (Добровольский 1914). Во всем этом ареале известен также термин, означающий специально 'ольховый лес', 'заросли ольхи' — *ол'шйна*, *ол'шинá*, *олéшник* и т. п. (Ол. Св. Смш. Сп. Гр. Хр. Дк. Зс.). Ср. смоленск. *алёс* 'мокрое место' и *алéшье* 'ольха, олешиник' (оба примера из б. Поречского у. Добровольский 1914). Поэтому, например, в Луково противопоставление терминов *ол'ш'йна*: *ол'бс* следует так же, как и в других полесских говорах, воспринимать в принципе как противопоставление чисто лесного термина болотному или синкретичному болотно-лесному.

Вслед за Е. Ф. Карским следует признать вероятность заимствования термина *ал'бс* из балтийского. Ср. литов. *alksnis* 'ольха' (DLKŽ, Fraen. LEW), латыш. *alksna* 'болотистое место и ольшаник' (Mül.-Endz. LVV)²⁰. Не исключена возможность, как заметил нам О. Н. Трубачев, заимствования и из более ранней формы **als-*.

волока

Географический термин *воло́ка* зафиксирован нами лишь в восточном белорусском Полесье. В Буде Головичкой *валóка* 'низкое, заболоченное, по проходимое летом место, поросшее ольхой', в отличие от термина *ал'бс*, который обладает признаком "непроходимость": *ал'бс* — недостúпный пакá не зам'брз'н'е (Бд.). В Зосин-

цах и в соседней дер. Серые, где не зафиксирована лексема **olestь*, *волóка* 'низинное место, поросшее ольхой или другими листовыми деревьями, обычно в лесу': *волóка* г'рúзка, г'р'ázка, вол'хá рас'т'е, б'ер'эза; булóто — *јес'л'и д'ер'ева пымá*, а *јес'л'и д'ер'ево*, то это *волóка* (д. Серые). В Кочищах *волóка* 'небольшое травянистое болотце в лесу, на низком месте' противопоставляется *болóту*: у *волóцы* рас'т'е така́ја кру́гла́ја трава́ — кру́г'л'áк, а на булóт'е — шыро́ка́ја; *волóка* из л'есу прот'áзн'ва́е, трава́ рас'т'е, хмуз'н'áк, вэрбни́чóк бывáе, берóзка, ракі́та (Кч.). В Глушковичах (Лельчицк. р-н) *волока́* 'зыбкое болотистое место' (карт. ДАБМ 978).

В близком значении этот термин известен в восточном украинском Полесье в с. Листвин, что западнее Овруча, где *волока́* 'низменный густой лес'. Восточнее, в Киевском и Черниговском Полесье *воло́ка* ('узкая полоса поля' (Лыс. СССР). Кроме того, в Полесье *воло́ка* 'мера земли', *волóка* 'тонкая веревка' (Ш. и др.), *волóка* мн. число *волóки* 'веревка, бечевка, которой подвязывают лапти'. Таким образом, в Полесье известно три термина, выраженных лексемой *воло́ка* — географический, метрологический и относящийся к названиям одежды. И хотя этимология этих терминов достаточно прозрачна, так как, несомненно, восходит к одному источнику **volkь*, **volčiti*, их семантическая предыстория различна. Известный еще в XIV в. и широко распространенный в Литовско-русском государстве термин *волока* (около 8—10 десятин, или 15—19 десятин)²¹, вероятно, восходит не непосредственно к глаголу *волочити*, а к *волóке* 'веревке, шнурку, перевязи'. Ср. аналогичные метрологические термины *веревка*, *шнур*, *прут* 'хлыст', *ланцюг* 'цепь', *лезиво* 'род веревочной лестницы', *топорище*, *косьё*, *кочерга* (*коцюба*), *лапоть* и т. п.²²

²¹ На Витебщине *валóка* 'мера земли около 20 десятин' (Касп. ВКС).

²² См. обстоятельное исследование В. А. Винника («Назви одилиць виміру і ваги в українській мові». Київ, 1966), где рассмотрены перечисленные метрологические термины. В. А. Винник приводит любопытный пример из «Архива Юго-Западной России» (том. VI, ч. I, Киев, 1883 стр. 315), зафиксированный под 1606 годом: «Тотъ застѣнокъ змѣреннъ есть шнуромъ волочымъ, который шнуръ въ собѣ маеть сажонъ тридцать».

²⁰ Ср. ареалы других балтизмов *твань* и *пелька* (стр. 165 и 169).

Что касается полесского географического термина *воло́ка*, то он мог возникнуть первоначально как транспортно-коммуникативный термин, как 'место, где волокли волоком' (ср. 'заболоченное, по проходное летом место', Бд.), минуя семантические звенья 'единица измерения поля', 'пахотное поле вообще'. Наличие таких звеньев в прошлом можно предположить для современного, уже выходящего из употребления слова *волок*: 'хутор', зафиксированного А. С. Лысенко на северной Житомирщине (с. Кремне, Олевский р-н, Лыс. ССЖ).

Любопытно семантическое развитие термина *волок* в северновеликорусских диалектах, проходившее, по всей вероятности, независимо от эволюции полесского термина *воло́ка*, *вб́лок*, по достигающее в ряде случаев близких конечных результатов.

В северо-восточной Сибири, на Колыме сохранилось древнее значение термина *волок* (*во́лок*) 'пространство между двумя реками, где нужно проволочивать лодки, или вообще ехать по земле, а не по воде' (Богораз 1901), на Северной Двине *волоковья дорбга* 'обходная дорога, дорога, по которой не ездят на колесах, а только на „волоках“' (Романов 1928), в Архангельском крае *во́лок*, *волочёк*, *волочка* 'перешеек, водораздел, узкое между двумя реками пространство земли, через которое можно перетаскивать, перевозить суда из одной реки в другую' (Подвысоцкий 1885), в Олонецком крае *во́лок* 'водораздел, дорога, идущая от одной деревни к другой лесом, где иногда на большом расстоянии нет жилья' (Куликовский 1885—1898). *Вб́лок* в значении 'расстояние между двумя деревнями' отмечено также на Северной Двине (Романов 1928) и в других пунктах Архангельской зоны (Сараева 1949, Мжельская 1948), в Пермской, Вологодской и Уральской зонах (Огарёв, 1848, Зырянов 1856, Шайтанов 1849, Дилакторский 1902, Миртов 1930, ССУ). В ряде случаев, это также 'расстояние между станциями', но чаще всего — 'лесная дорога', 'дорога через большой лесной массив' (Архангельская зона — Шкунов 1846, Подвысоцкий 1885, Меркулов 1957²³; Владимирская зона — Бодров 1849 и 1851; Вят-

²³ В д. Луза Онежск. р-на О. С. Мжельская отметила значение *вб́лок* 'дорога вообще': раздвэйся ты с вб́локу (Мжельская 1952).

ская зона — Колосов 1877²⁴; Пермская зона — Огарёв 1848, Луканин 1856; Сибирская зона — Молчапов 1929—1935). Затем в общем в тех же диалектных зонах *во́лок* 'значительное пространство черного леса между селениями' (Вологодская зона — Шайтанов 1849, Дилакторский 1902; Пермская зона — Волегов 1850, Луканин 1856, Александров 1895) и, наконец, просто 'лес'. Ср. вологодск. *волок* 'лес сам по себе, хотя бы без дорог' (Иваницкий 1883—1889), 'лес, который тянется на большое пространство' (Обнорский б. д.); вятск. *во́лок* 'бор' (Боричевский 1842—1847), костромск. 'крупный лес, растущий на пространстве нескольких десятков верст' (Даев б. д.).

Если в Полесье *воло́ка* установилась главным образом как термин, означающий 'болото в лесу', 'болото, поросшее лиственным лесом', то на великорусском Севере *во́лок* известен как термин, означающий 'лес', иногда даже 'дремучий лес' (Холмогорск. — Грандидевский 1907), а в южновеликорусских рязанских говорах как орографический термин *во́лок* 'пологая небольшая гора'. В допских же говорах, так же как и в колымских, *во́лок* 'место сухопутной переправы от одной реки к другой' (Миртов 1929). В древности это значение было широко распространено, а затем оно с развитием сухопутного транспорта все более локализовалось, или специализировалось, переходя в другую терминологическую сферу²⁵. С этим исконным значением тесно связано слово *воло́ка*, означающее 'род саней или дровен', 'приспособление из двух жердей или срубленных берез для перевозки сена и т. п.', 'деревянный треугольник для сохи' и др.²⁶

Географический термин *воло́ка*, *во́лок* мог возникнуть в восточнославянском диалектном ареале, независимо от с.-хорв. диал. *влáка* 'продолговатая пологая ложбина', 'открытая терраса'. 'площадка, луг (в горах)' (РСХКНЈ). Интересно еще раз отметить его основные семантические

²⁴ Для вятских говоров М. А. Колосов отмечает различие между *волоком* и *раменьем*: «*вб́лок* большой лес не менее верст пятнадцати, по которому пролегает дорога»; *непроезжий же — раменье* (Колосов 1877, стр. 232).

²⁵ В Ярославской зоне и несколько ниже по Волге *во́лок* 'пойма, низкие берега' (Мура. СМТ). *Волоковой берег* на Волге 'низменный, поемный берег' (Машгаков 1931).

²⁶ Рассмотрение географического распространения этих слов заняло бы слишком много места и увело в сторону от нашей основной темы.

звенья 'болото' ↔ 'лес' ↔ 'гора', отражающие переходы, уже известные на материале других лексем, хотя сходные значения были, несомненно, далеки от этих звеньев и находились вовсе вне сферы географической терминологии.

мох

Из полесских названий болот по признаку растительности следует отметить *мох*. Термин *мох*, уменьш. *мошók*, помимо общеславянского значения 'мох', означает в Зосинцах 'заросшее болото': у том мошкú ја волí нас; хвóјник по п'óm порóс, б'ер'ез'п'ак (Зс), в Замошье *мох* 'моховое болото' (Зм), в Дяковичах *мох* 'низкая болотистая местность, поросшая мхом и ольхой', *мушарíна* 'то же меньшей площади' (Дк). К. Мошинский противопоставляет *мох* и *уáло*, отмечая, что *мох* занимает меньшее пространство, чем *уáло*, и, «как показывает само название», он не обрастает травой, как *уáло*, а мхом (Mosz. RW, 16). Вообще же, заключает К. Мошинский, *мох* в Речицком Полесье — типичное 'лесное болото' (Mosz. RW, 16). *Мох* отличается от *мошáрника*, который в тех же Зосинцах означает 'серый мох, лишайник на плохой почве в лесу' (Зс.). В Голубице *мошáрник* 'поверхность, поросшая мхом, на болоте и в лесу' (Гл.), а в том же Восточном Полесье в Буде Головчицкой *амшарíна*, по объяснению информаторов, 'заниженное место, где растет лес разной породы и *бау́н* и ягоды' (ср. *парас'л'á*, *дубрóва*, *чорнол'ес'је* Бд.): *амшарíна* — машинно место, в амшарин'е худóба хóдит'; в амшарин'е јáюд набрал (Бд.). Таким образом, в Буде Головчицкой *амшарíна* выступает не как болотный термин, а как термин, означающий «приболотье», низменные места, поросшие лиственным лесом. Только как 'место, поросшее мхом', толкует *амшáру*, *амшáрину* И. И. Носович (Нос. СБН). На Червенщине, однако, *имшáрына* означает уже 'болото, на котором растет мох и карликовая сосна' (Шат. КСЧ). Ср. *имшáсты* 'моховой', *имшáровáты* 'о мелком лесе на моховом болоте' (Шат. КСЧ). То же значение зафиксировано на Витебщине, где *мох* 'болото' (кроме общего значения 'мох' — карт. ДАБМ 105, 133, 135, Касп. ВКС), *амшара* 'моховое болото, иногда с кустарником, деревьями', *амшáрына* 'низкий луг,

поросший мхом, иногда с кустарником, деревьями', *имшáра* 'моховое болото': на імшáры расьцець мох (Касп. ВКС)²⁷.

В Псковской зоне *мох* 'болото': *балóта* ил'и *мох* — *эта* *фе'о* равно (с. Мясово, Попова 1958, карт. СРНГ), *мох*, *мхи* 'моховое болото' (Кузнецов 1915), *мох* 'болотистые, непроходимые места' (карт. ПОС); то же значение имеют термины *миáры*, *амшарíна* (карт. ПОС), *имшенíк* 'омшеник', *омшáра* 'болото' (Опыт 1852), 'низменное место, покрытое мхом и иногда мелким лесом' (Доп. Оп. 1858). В архангельской зоне *мох* 'болото, покрытое мхом и редкими чахлыми соснами и елями' (Онежск. р-н. Калинин 1933, Мжельская 1948), на Северной Двине *мох*, *миáрник*, *мхи* 'моховое болото' (Романов 1928), в Олопецком крае *мох* 'болото' (Куликовский 1898), в Вологодской зоне *мох* 'болото' (Горновский 1920) и 'лес, где земля поросла мхом' (Харовский р-н, карт. СРНГ).

Южно- и западнославянские языки, исключая словенский и польский, не обозначают болото лексемой [†]*тэхъ* и ее производными. В словенском *máh*, помимо общего для всех славянских языков значения 'мох', означает также 'болото' (SSS, Plet. SNS), *mahóven* 'болотистый' (SSS, SP) *mahóvje* 'болото' (Plet. SNS, SP). Из западнославянских языков, по нашим сведениям, только польский выражает семему 'болото' производными от [†]*тэхъ*: ср. *mszar* диал. (из вост.-слав.) *mszaryna* 'низкое болотистое место, поросшее мхом и сосной', *mszarnik* 'торфяное болото' (SW), диал. *mechniasz* 'болотистая, мшистая поляна' (SW).

тваць, пелька, топило

В белорусском Полесье зафиксирован ряд терминов, означающих 'топкое место на болоте, топь, тряси́на'. Как и большинство рассмотренных выше, эти термины семантически неустойчивы и в некоторых говорах выходят за пределы отмеченного значения, выражая близкие семемы 'грязь', 'ил', 'заливной луг' и т. п. Однако

²⁷ На Витебщине «под именем *омшары* известно не только мшистое болото, но и преимущественно озерко, прудок на нем, который при безводье служит иногда единственным местным водохранилищем» (Ник. ОВБ 486).

семантическая амплитуда колебания этих терминов в общем минимальна, как будет видно из приводимых ниже примеров.

Термин *твань* распространен в Восточном и Центральном Полесье и то не повсеместно, так как в некоторых пунктах (Гр. Ом.) он не отмечен. Чаще всего *твѣн* ж. р. 'топкое место на болоте и в лесу' (Дж. Гл. Гц. Бд.), 'топь, вязкое болото, вязкое место в заболоченных местах' (Ш. Кн. Дн. Дв.), но встречается и иное значение — 'заросшие тиной и заболоченные берега'; 'наносный ил, грязь': 'озеро стоїт', одѣлнаја чыстаја вода, а вокрў; жоўб — твѣн'; зал'язла корова у твѣн', а вїд'ез'ти не мѵже (Гц.). В ряде случаев синонимами термина *тван* выступают *плѣў* и *топїло* (Гц.), или *топїло* и *дрїцўа* (Гл.). В Велуте *тван* отмечена только во втором, более специальном значении, ближе всего примыкающем к балтийскому (литовскому), которое, вероятно, было исходным: *твѣн* ёто — ұраз', сплѣў; сплѣў тол'ко коло раки [= около реки] (Вт.). В центральном Полесье *тван* 'грязь во время распутицы': такѣ тван', ни пројѣхат', ни проїтї; тван' на дорози (Хр.), в Хотыничях *тван* 'заросшее озеро' (карт. ДАБМ 754). В Восточном Полесье в Бабуничах, возле Петрикова, в Богутичах возле Ельска и в Забавье *тван* 'топкое зыбкое болото' (карт. ДАБМ 842, 1002, 897). Это же значение отмечено на северной окраине Восточного Полесья на Славгородщине — *твань* 'топь на болоте' (д. Вировая. карт. ДАБМ 623), и на южной окраине в северной Житомирщине, где *твань* 'трясина, топкое место на болоте' (Лыс. ССЖ).

Вне Полесской зоны *твань* известна в белорусском литературном языке (БРС) и белорусских диалектах. Ср. минск. *твань* 'болото, заросшее *трысц'бл*' (Копыльск. р-н Жак. ДМ), могилевск. *твань* 'топкое, болотистое место, в котором можно увязнуть' (с. Клины, Белиницк. р-н, МСНДМ, 52), *твань* 'тина, ил', *твѣнный* 'тинный, гнилой' (Нос. СБН)²⁸. Затем термин *твань* распространен

²⁸ О. В. Волк-Леванович в своем описании говора с. Татарковичи, что на северо-запад от Бобруйска, отмечает значение *бѣгна* 'большая грязь': «алїж вот *бѣгна* зрабілася — нї вылясьці, или «алїж вот *разбагнѣла*». В том же случае, продолжает он, говорят еще «*раствѣла*», поясняя, что «ета, калї вясной разгражуїцца аттаўшая зямля». О. В. Волк-Леванович делает неверное предположение, что в слове *раствѣла* мы наблюдаем

в украинских диалектах и в целом ряде южновеликорусских говоров — смоленских, калужских, курских, брянских, тамбовских, донских и терских. Ср. *твань* 'вязкая густая грязь в реке, болоте' (Гринч. СУМ, со ссылкой на материал И. И. Манжуры из б. Екатеринослав. губ.), *тван* 'жидкая грязь, болото' (Кривое Озеро, Николаевск. обл. Моск. СОО), *твань* 'тина болотная' (смоленск. Добровольский 1914), *твань* 'трясина' (брянск. карт. БОС), *твань* 'топкое место или грязное место' (обоянск. курск. Доп. Оп. 1858 и Машкин б. д.). *твань* 'топкое место, мочажина, болото' (тамбовск. Даль СЖВЯ), *твань* 'жидкая грязь, болото' (донск. Соловьев 1901, Миртов 1929), *твань*, *тваншце* 'загрязненное сорное место' (терск. ст. Наурская, Востриков 1907)²⁹.

Следует, несомненно, принять точку зрения тех ученых (С. И. Соболевский, Е. Ф. Карский, М. Фасмер, Э. Френкель), которые считают вост.-слав. *твань* балтийским заимствованием. Ср. литов. *tvānas* 1) 'половодье, наводнение, подъем воды', 2) 'залитое водой место, поднимающаяся вода', 3) перен. 'уйма, множество' (DLKŽ), латыш. *tvans* 'дым, чад' (Mül.-Endz. LVV). Семантические сдвиги достаточно очевидны и закономерны: 'половодье, наводнение' ↔ 'тина, ил, наносимый половодьем' ↔ 'болотная тина, ил, грязь' ↔ 'топкое, тинистое место, трясина' или 'грязное место'. Возможно, что и латышск. 'дым, чад' возникло в результате отмеченной эволюции: 'грязь' → 'дым, чад', а не от 'дымящейся воды', как предполагал М. Фасмер (Фасм. ЭСРЯ).

Ареал распространения лексемы *твань* в общем приближается к ареалу лексемы *пелька*, которая также является балтийским заимствованием. Западно- и южнославянским языкам обе эти лексемы неизвестны. Любопытно отметить, что и *твань* и *пелька* не зафиксированы

ассимиляцию, приведшую к переходу $p > n$ из **razivorila* (по типу *альтилерья*, *ярманка*). На самом деле здесь глагольные образования от существительных *багно* и *твань* (см. О. В. Волк-Леванович. Важнейшая рысь гаворки вѣски Татаркавічы і гаворак ваколічных вѣсак. «Записки аддзелу гуманітарных навук. Працы клясы філѣлѳіі», т. I. Менск, 1928, стр. 180).

²⁹ Из северно-великорусской зоны известна только одна запись в б. Переяславск. уезде Владимирск. губ. Н. Бодрова — *твань* 'топкое место' (Бодров 1849 и 1851), которая нуждается в проверке дополнительным материалом.

в Западном Полесье, а только восточнее и севернее линии Ясельда—Припять—Горынь³⁰. Ср. *pel'*, уменьш. *пéл'ка* 'чистое, не поросшее растительностью болото' (Вл.), *пел'á*, *пéл'ка* 'низкий, неспаханый участок поля, где обычно стоит вода' (Др.); *пел'á* 'низкое мокрое место в лесу, поросшее травой или мхом' (Гл.). Таким образом, в Восточном Полесье *пéлка* в основном означает 'болото, топкое, чистое болото'. Однако в Буде Головичицкой записано противоположное значение *пéла*, *пéжа* 'более сухое место в окружении болота, иногда поросшее «хмызняком», вереском или березняком' (Бд.). Ср. аналогичное явление с полесск. *вэрэтижа*, которое в большинстве случаев означает 'твердую почву на болоте', но известно и обратное — 'тонкое болото, заросшее лозой' (см. стр. 131), а также случаи энантиосемии 'верх' ↔ 'низ' и т. п. (см. стр. 103).

В украинском восточном Полесье в районе Овруча (с. Селизівка) *пéля* 'большая яма, колдобина с водой' (Лис. ССЖ), а на северной окраине белорусского Восточного Полесья на Глусчине *пéль* (*пéль*), уменьш. *пéлка* (*пéлка*) 'низина среди поля, обычно круглая или овальная' (Янк. ДС I), в Паричском р-не Гомельск. обл. *пéля* 'глубокое место в стоячей воде' (МСНДМ 167). Ср. аналогичные смещения для *пéльсо* (см. стр. 204).

Кроме отмеченных значений в Полесье, в центральной Белоруссии, на Брянщине и в районе Путивля зафиксировано *пéлька* 'прорубь'. Известны и значения, выходящие за пределы географической терминологии — 'глотка', 'ямка в горле', 'подшейные косточки', 'груды', 'ворот одежды', 'пуговица у рубашки', 'деревянный черпак', 'небольшое количество муки, крупы', бытующие в украинских, южно- и средневеликорусских говорах и в западной части северновеликорусских диалектов³¹.

В балтийских языках наблюдается следующее положение. Для западнолитовских жемайтских и аукштайтских говоров характерно *pélké* 'болото', для восточнолитовских *balá* 'болото'. Ср. древнепрусск. *pelku* 'топь, болотистое

³⁰ Об основных изоглосных зонах Полесья см.: Н. И. Толстой. О лингвистическом изучении Полесья. «Полесье», М., 1968, стр. 10—11.

³¹ Подробнее см.: Н. И. Толстой. Об одном балтизме в восточнославянских диалектах (*pélké* — *пéлька*). «Этимология 1967». М., 1969.

место, болотистая почва' (Fraen. LEW.) В латышском известны две формы *pelke* (из литов.) и *pelce* (собств. латыш.) 'лужа' (Mül-Endz. LVV). Семантический переход 'болото' ↔ 'лужа', так же как и 'топкое болото' ↔ 'яма с водой', известен на примере множества других терминов (см. стр. 114).

Термин *топило*, так же как и *твань*, зафиксирован нами в основном в восточном белорусском Полесье: *топилоб* 'глубокое, топкое место на болоте и в лесу' (Дк.), *топило* 'топкое, непроходимое место на болоте' (Гл. Др. Гц.); *тапило*, *топ'áноје мéсто* 'непроходимое болото' (Бд.); *выгорило*, *скопи́лас' вадá*, *зроби́лось' тапи́ло* (Бд.); *топи́ло* 'небольшое озеро среди болота' (Кн. Дп. Дв.); *топило* у болотных местáх (Кн.). На севере Лунинецкого р-на *топи́ло* 'выкопанный на болоте прудок', синоним *сáжалка* (Вл.).

В Белоруссии в Минской зоне отмечено *тапи́лы* 'топкое место на болоте' (д. Хотляпы, Узденск. р-н, Жак. ДМ); на Украине *топи́ло* зафиксировано Ф. Пискуновым и Б. Д. Гринченко. Первый толкует этот термин как 'ложбина с водой, лужа'³², второй — как 'место, куда стекает весенняя вода и где она застаивается', сопровождая пометой «кубанское» и примером: на топи́ли ничего не растет. На востоке Украины в окрестностях Славянска *топи́ло* 'поглощающие колодцы, карстовые провалы, воронки, частично запятые солеными озерами' (Мурз. СМГТ).

В других восточно- и западнославянских диалектах этот термин известен с иными суффиксами. Так, в восточнобелорусских и смоленских говорах широко распространено *топина́* 'топкое место, топь' (Нос. СБН), 'грязь' (Добровольский 1914), которое можно отчасти соотносить с брянск. *топи́на* 'проходимое болото', 'то же, что *багно́*' (карт. СРНГ), 'трясина' (карт. БОС) и псковск. *топи́на* 'трясина' (Подборовье, Гдовск. р-н. карт. ПОС); *тапи́нь* 'это где мёрз заплыль и стал мох, где ва мху мох жихъеца, ть гъвар'ат' не хад'йт' ётъ тап'инъ (Рожново, карт. ПОС). В той же Псковской зоне зафиксированы другие лексемы: *то́пливо* 'топкая земля' (Макимова

³² См.: Ф. Пискунов. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Киев, 1882.

1957), *топка* 'болотце' (также тверск.-осташковск. Доп. Оп. 1858), *топелина* 'грязь, топь' (также тверск.-осташковск. Доп. Оп. 1858), *топелица* 'грязь', 'последствие оттепели' (также тверск.-осташковск. Карпов 1855), *топель* 'грязь, топкое место' (Копаневич 1902—1904). Последняя лексема (и ее акцентные варианты) имеет довольно широкое распространение, — она отмечена в тверских говорах — *топель* 'грязь' (Опыт 1852), вологодских — *топиль* 'грязное болотистое место' (карт. СРНГ), Брянских — *топиль* 'топкое, вязкое место' (карт. СРНГ). Здесь же следует упомянуть русск. литер. *топь* 'трясина, топкое место' и диал., например, пермск. *топь* 'болотистое место' (Старцева 1962), уральск. *топесь* 'заболоченное место' (Полевск. р-н, Свердловск. обл. Глазырина 1958), сибирск. томск. *топльж* 'болотистое, топкое место, мало доступное для проезда' (б. Каинск. у. Молотиллов 1913), амурск. *топленйна* 'место, заливаемое водой' (Азадовский 1913—1914).

В западноукраинских бойковских говорах М. О. Опшкевич записал термин *топ'а* 1) 'прорубь', 2) 'глубина, глубь' (Оныш. СБД). Ср. зап.-укр. *топиль* 'водоворот' (Гринч. СУМ со ссылкой на В. Гнатюка). В польском *topiel*, *topielisko*, *topiela*, *top* 'глубокое место в воде, бездонная глубина' (SW), но *topielisko* (диал. *topieliszczce*) 'болотная почва' (SW), а диал. *top* 'болотистое место, болото' (SW). Ср. полаб. *tüöpéina* 'болотистая местность' (Rost SDP).

В русском, украинском, белорусском, польском, чешском, сербскохорватском и словенском языках распространен также термин **tonja* (из **top+nja*). В восточнославянских языках и прежде всего в русском *то́ня* означает в основном 'удобное место на реке или озере, где собирается рыба и успешно производится её лов' (см. Мурз. СМГТ), укр. также 'место, где тонут, небезопасное место' (Гринч. СУМ), польск. *toń*, *tonia* (диал. *tonia*) 'глубокое место в воде', 'место в реке или озере, где можно беспрепятственно забрасывать невод' (SW), чеш. *tůn*, *tůně* 'глубокое место в реке, озере', 'небольшие глубокие стоячие воды' (PSJČ) и лишь с.-хорв. *то́ња* 'торфяники, торфяная почва' (Schütz GTSK, 50). В словенском *tonja* 'яма с водой', 'глубокое место в реке, озере' (синонимы *tolmún*, *láva*, *mrtvíca*), а *tonvá* 'яма, воронка' (обычно в поле) (Badj. LjG, 181, 191, 252).

Последний пример демонстрирует переход из сферы водной терминологии в сферу орографическую. Любопытно отметить также полесско-сербскохорватское семантическое соответствие (*то́ња* 'торфяники', 'торфяная почва'), которое могло возникнуть и автономно.

плав, трясина

Термин *плав* (*плаў*) распространен во всем Полесье и за его пределами. Помимо лексемы *плав*, встречаются формы с префиксальным образованием *поплав* и *сплав*, которые не являются просто лексическими вариантами одного термина, а связаны как правило с разными семемами. Как отмечалось выше, термин *плав* выступает в некоторых полесских пунктах как синоним к терминам *твань* и *топýло*, означая 'очень топкое место', иногда просто 'воду на болоте', 'воду, на которой плавает дерн' и только в редких случаях 'заливной луг у реки или озера'. Ср. *плав* мн. число *плавý* 'трясина, зыбкое безлесное болото' (Ол.); як идэш, так то́дajúш'с'а на тэму плавóви, на тэму болóт'и (Ол.); *плав*, *плаў*, мн. число *плавý* 'топкое болото' (Зд. Св.); јест' такоје шо дýжец'а болóто — плавý; то плав взорваýс'а (Зд.); торф спливá на болóт'и, мéснос' нэзкаја, колыс' рувív не булó, то булó такéје плавó (Св.); *плаў* 'трясина, топь, водное пространство на болоте' (Гр.); плаў — грýзкоје мéсце и водá ид'óт по томý мéсц'у (Гр.), ср. *смýга* (Лх.); *плаў* 'топкое, непроходимое место на болоте' (Гц.); *плавýчаје болóто* (Гц.), *плавýноје болóто* (Хр.) 'зыбкое, топкое болото'; *плаў* 'топкое, непроходимое место на болоте' (Бд. Кн.). Только в Дяковичах на берегу Князь-озера (Червоного) *плаў* означает 'заливной луг у реки, или озера' (Дк.). Это значение в основном связано с термином *пóплав* (*пóплаў*), отмеченным для Полесья еще К. Мошинским: «*поплавы* — это на Полесье низины при болотах, заросшие сладкой, скашиваемой травой, называемой *мурах* или *мурахá*» (Mosz. STTF, 12). Ср. *пóплаў*, мн. число *поплавý* 'заливной луг, луг' (Мк.), *пóплаў* 'сенокосный участок не в «долине» и не на возвышенном месте, без кочек' (Лп.), 'низменный участок поля или огорода, непригодный для пахоты и используемый для сенокосов' (Сп. Ом.). В Велье по принципу перехода с названия местности на название растительности (см. стр. 32) *пóплав* 'травя, растущая

на низменных местах' (Вл.): в городе (огороде) росте травá така́ја, та по́плав јемý какжут' (Вл.). Ср. *поплавѣца* 'трава, растущая в воде' (Хр.).

Инвариантным значением термина *поплав*, определяющим другие перечисленные значения, кроме значения 'трава', можно считать 'участок земли (больших или меньших размеров), заливаемый водой и потому не пригодный для пахоты, а используемый как сеножать'.

Лексема *сплав* (*сплаў*) зафиксирована в Полесье в тех пунктах, где не отмечена лексема *плав* (*плаў*). Значение этого термина почти идентично значению термина *плав*: *сплаў* 'зыбун, топкое болото, в котором под поверхностью стоит вода' (Лх. Вл. Зс.); *сплавóвына* 'топкое болото' (д. Броды, Пружанск. р-н, Брестск. обл.). Характерно, что обычно при пояснении этого термина приводится один и тот же контекст: сплав ґн'е́ца, ґн'е́ца (Лх.); сплавы ґнў́ца, ґнў́ца (Зс.); сплавóвина — на болóтi, ґрў́зко аж здыма́еґца, видима́јиґца (д. Броды). В Велуте было предложено следующее толкование: јеслі зарóстаје топи́ло, назива́еґца сплав (Вт.); сплав то́л'ко коло ракі (Вт.). Термин *сплаў* 'трясина' отмечен на южной окраине Полесья на Волини (д. Озеряны Турийск. р-н), а на северо-восточной окраине в Парицком р-не Могилевск. обл. с тем же значением зафиксирован *сўплаў* 'топь, тряси́на': нi лезь у сўплаў, а то прова́лисья (МСНДМ, 169).

Вне Полесья термин *плаў* отмечен в Белоруссии в Минской зоне, где *плаў* 'травяной остров, заросшее сверху место на озере' (д. Крути, Мядельск. р-н, Жак. ДМ), *плаў*, *плавóк* 'большие и маленькие травяные острова, часто вместе с деревьями плавающие по реке' (д. Толь, Любанск. р-н, Жак. ДМ) и в Витебской зоне, где значение *плав* приближается к полесскому: *плаў*, *плавi* 'низменность, место, где река проходит через болото' (Касп. ВРС). По свидетельству Э. М. Мурзаева, в центральной великорусской зоне *плав* 'зыбун, болото, в котором под верхним растительным покровом стоит вода' (Мурз. СМГТ). Ср. также смоленск. *плав* 'дерев на воде' (Добровольский 1914), курск. *плав* 'болотистое место, где под дерном всегда находится вода' (б. Суджанск. у., Опыт 1852), псковск. *плав* 'масса корней и водорослей, сросшихся вместе и плавающих по озеру с растущими на них деревьями' (Копаневич 1904—1918), *плавок* 'островок' (Кузнецов 1915), иркутск. *плавь* 'болотистое место, где под

дерном вода' (Опыт 1852). Словарь литературного украинского языка (УРС) снабжает слово *плав* пометой «обл.», русским эквивалентом «трясина» и цитатой из издания «Ботаничний журнал» (т. X, № 3, Київ, 1953): «*плавами* на юге Украины называют небольшие, более или менее листо-торфяные образования, которые встречаются по берегам водоемов и среди заболоченных участков около рек». Б. Д. Гринченко приводит три значения: *плав* 1. 'плавающий остров из камыша и небольших растений'; 2. 'трясина, где под слоем растительности вода'; 3. 'сор, всякие предметы, плывущие по реке сплошным слоем' (Гринч. СУМ). А. А. Москаленко в украинских говорах Одесской зоны обнаружил значение, близкое ко второму, отмеченному Б. Д. Гринченко, *плаў* 'всё, что раньше плавало на воде (камыш, тростник), а потом осело' (Моск. СОО). Значение *плаў* 'остров' записано П. А. Дзедзеульским на Полтавщине (с. Хрум. Дзен. УПО, 104). Ср. волииск. *плавўн* 'остров' (с. Смидин и Старые Кошары. Дзен. УПО, 104), однако киевск. *плавун* 'мокрая заболоченная низменность' (с. Зарубенцы, Переяслав-Хмельницк. р-н, Мар. МСУГА). Термин *плавўн* распространен также на великорусском Севере: на Печоре *плавун* 'очень мокрое болото вблизи зарастающих озер, осоково-сфагновый зыбкий покров, колеблющийся при ходьбе' (Мурз. СМГТ), в Архангельской зоне *плавўн* 'сенокосный луг, заливаемый водой' (Опыт 1852, Подвысоцкий 1885), 'мокрый песок на морском берегу, оседающий под погами' (Дон. Оп. 1858).

Что касается термина *по́плав* (*по́плаў*), то он в общем в том же значении, что и в Полесье, — 'луг', 'заливной луг' (иногда с некоторыми дополнительными признаками), распространен почти во всей Белоруссии — на Мишшине, Гродненщине, Брестщине, Гомельщине и Могилевщине. Чаще всего *по́плаў* 'низкий, заливной луг', 'луг, расположенный у реки, выасной луг' (Жак. ДМ, Шат. КСЧ, Янк. ДС II), реже — 'небольшой лужок на болоте' (д. Дмитривичи, Каменецк. р-н, Брестск. обл. Жак. ДМ), 'небольшой лужок в лесу, или на болоте' (д. Телени, Гомельск. р-н, Жак. ДМ), 'низкое мокрое место на лугу' (д. Мстивж. Борисовск. р-н), 'заросшее место на озере' (д. Редковичи, Любанск. р-н, Гродненск. обл.), 'сор, наплывающий в результате наплыва реки' (д. Прыбор, Быховск. р-н, Мпск. обл.), 'мусор, наносимый водой во время наводка' (северн. Могилевщина п Полоцк. р-н, Жак. ТЛА 6) (ср. *плав* стр. 172).

В пограничных с основной белорусской территорией северско-белорусских диалектах *póplaw* 'луг' (Раст. СБГ), а несколько севернее на белорусской территории *póplaw* 'широкое место на реке': пойдзім кунца на поплыву (Костюковическ. р-н, Бяльк. ДСЎБ). Возможно, что термин *póplaw* в этом случае отсылался к зоне временного разлива реки. Ср., однако, *pl'óso* 'низкое место на лугу', 'болото' → 'небольшой залив на реке' (см. стр. 204). Карпатско-украинское *póplawa* 'болотистое пастбище' (Гринч. СУМ со ссылкой на Н. Верхратского) соответствует в общем полесскому *póplaw* и польскому *popław* (см. ниже стр. 175).

В Шестовичах (Восточное Полесье) отмечен термин *pláwli* 'непроходимые торфяные болота' (Ш.). В русском языке известно родственное *pláwni* 'низкие, поемные луга, заболоченные поймы рек, заросли в дельтах рек и т. п.' (Мурз. СМГТ). Термин этот, по свидетельству Э. М. Мурзаева, применяется чаще всего к южным рекам — Пруту, Днестру, Дону, Дунаю и т. д., хотя он известен и на Севере, в Архангельской зоне: *pláwni* 'поемное, затопляемое в половодье пространство в речной долине' (Подвысоцкий 1885). Термин *pláwni* мн. число *pláwni* 'мокрая заболоченная низменность' распространен на Украине почти повсеместно (Мар. МСУГА). В ряде пунктов Житомирской, Киевской, Черниговской, Черкасской, Сумской, Винницкой и Николаевской обл. отмечено *pláwla* 'мокрая затопляемая низменность, болотистый луг' (Мар. МСУГА), что соответствует приведенному выше полесскому примеру.

В Винницкой обл. известен также термин *zapláv*, *zapláva*, *zaplávina* 'мокрая заболоченная низменность' (Мар. МСУГА). Последние два термина распространены довольно широко и встречаются в Житомирской, Киевской, Черниговской, Кировоградской, Днепропетровской и Николаевской обл. (Мар. МСУГА). Ср. уральск. *zapláva* 'прибываемый к берегам во время весеннего разлива рек различных сор, большей частью сухая куга' (Карпов 1913).

В Восточном Полесье отмечен еще термин *prípławnik*, означающий либо 'небольшой залив на реке, куда прибывает пена, кора, щепки, мусор' (Др.), либо 'речные напосы — пена, кора, мусор, ил' (Бл.). На севере Белоруссии в Полоцком р-не встречается термин *apláw* 'мокрый луг' (с. Сасно, Жак. ТЛА, 6).

Вне восточнославянской территории термины **plavъ*, **poplavъ* отмечены в польском и кашубском. Варшавский словарь дает (без пометы «диалектное») термины *plaw* 'ток, течение воды, ручей', *popław* 'измененный луг среди поля', *poplawy* мн. число 'болотистая низменность' (SW, также Nitsche GTP, 70). По свидетельству комментариев к Кашубскому атласу (AJK I, 96), *plaw* 'ток, течение' известно в польских живецких говорах, а *popław* 'пастбище', 'сено с сухого луга' и *poplawek* 'небольшой луг' — в белостоцких говорах (MSGP). Без указания на диалектную принадлежность Варшавский словарь приводит также термины диал. *plawy* 'низменный луг', *popław* 'сырой болотистый луг' (SW). Видимо, однако, термин **plavъ* распространен на польской территории небольшими и немногочисленными островками, один из которых, белостоцкий, примыкает к Полесью, другой — к Карпатам (Живецкие Бескиды). У кашубов **plavъ*, **poplavъ* (*próf*, *prerpóf* и т. н.) повсеместно 'топь' (AJK I, 96—97), что в полной мере соответствует значению термина, зафиксированному в Полесье. Ф. Лоренц для слова *plaw* отметил следующие значения: 'сырой, заливаемый водой луг', 'топкое место, торфяник' (Log. PW).

В сербскохорватском языке *pòplav* (пòплāv), *pòplava* 'паводок, разлив, наводнение', *pòplavica* 'то же', *pòplaviti* 'наводнить, залить, затопить' (RHSJ), *náplav*, *náplava* 'нанос, ил, намыв' (RHSJ), в словенском *plávje*, *naplavina* 'то же', диал. церквенск. *plavjè*, глободольск. *splavina* 'то же' (Badj. LjG, 247), в болгарском *pòplav*, *popláva* 'наводнение' (Гер. РВЯ).

Отглагольное образование лексемы **plavъ* (от **plaviti*, *plavati* и т. п.) не вызывает сомнения, обнаруживая четкую семантическую связь глагола и существительного. **Plavъ* 'нечто плавающее' (ср. с.-хорв. диал. *pláv* 'судно, корабль, ладья' RHSJ) или 'нечто затопленное, наводняющееся', 'нечто нанесенное водой'. Ср., например, полесск.: *лужбк заплываје водбј, а болѣтце нѣ...* 'луг заливается водой, а болото пет' (Сп.). Того же отглагольного характера лексемы *tonúlo* (от **topiti*), *tracovina* (от **tręsti*), *zybún*, *zibi* (от **zybati*), *prówa* (от **prorývati*), *gruzlé* (от **gruznǫti*) и, очевидно, и *drygva*, *dregeva* и т. п. (ср. **drygati*, **drygnǫti* и т. н.; соврем. словен. *drégati* 'толкать, пихать, шевелить', соврем. вид *drégniti*, SSS).

Термин *трасі́на* 'тонкое место на болоте' (Ом.), реже *трасови́на* 'то же' (Хр.), известен в Полесье во многих пунктах (карт. ДАБМ 702, 739, 657, 668, 670, 714, 721, 886, 889). Он представлен почти во всех славянских языках и широко распространён в Белоруссии. Ср. полоцк. *трасина* 'болото, где растёт тростник' (карт. ДАБМ 54, 78), 'толкий заросший берег озера' (карт. ДАБМ 89), *трасу́н* 'тонкое место' (карт. ДАБМ 192), витебск. *трасина* 'тонкий, заросший берег озера', 'тонкое место', 'непроходимое болото' (карт. ДАБМ 135, 96, 102), могилёвск. *трасі́на*, *трасі́я* 'топь, тонкое болото' (Бяльк. ДСУБ), *трасина* 'тонкое зыбкое место' (карт. ДАБМ 610, 612, 628, 630, 631), слудск. и несколько южнее *трасі́на* 'то же' (Жак. ДМ, карт. ДАБМ 747, 792, 827), речицк. *трасі́на* 'то же' (карт. ДАБМ 1017), гродненск. *трасі́на* 'тонкое место' (карт. ДАБМ 667, 356, 362, 377), 'болото, где растёт тростник' (карт. ДАБМ 378), *трас'ці́на* 'непроходимое болото' (карт. ДАБМ 421), наряду с полонизмами *трасава* 'тонкое болото' (карт. ДАБМ 347, 348, 371), мпож. *трасавы* 'тонкие болота' (Сцяп. ГГВ), *трасаві́ца* 'тонкое болото' (карт. ДАБМ 384, 386); укр. *трасові́на* 'мокрая заболоченная низменность' (Черниговская, Винницкая, Кировоградская, Хмельницкая, Черкасская обл., Мар. МСУГА), *трасі́чка* (Львовская, Станиславская зона Мар. МСУГА, карт. КДА), *трасі́на* (Кировоградская обл. Мар. МСУГА) 'то же', *трасови́на*, *трасаві́на*, *трасаві́ця* 'тонкое место, трясина' (Гринч. СУМ, карт. КДА); в.-рус. *трасі́на*, *трасі́н*, *трасі́нник* 'наплавное, зыбучее болото, трясина' (Даль СЖВЯ) и т. п.; польск. литер. *trzęsawisko*, *trzęsawa*, *trzęsawiec*, диал. *trzęsawiszce*, *trzęsawizna*, *trzęsawina* 'болото, торф' (SW, Nitsche GTP, 89)³³, кашуб. *trąsawisze* 'болото, топь' (Rasm. SJPK); чеш. *trāsawisko*, *trāsawisko*, *trēsawisko* 'болотистая местность, тонкое болото' (PSJČ), словац. *trasovisko* 'топь, трясина' (SSJ); болг. *тресавище* 'болотистое место, поросшее мхом и травой' (БТР); диал. пирдопск. *тресавица* 'то же', брезникск. *тресалище* 'то же', софийск. *трасище* 'то же' (Стран. БННН 312);

³³ Ср. также польск. диал. *trepież*, *trepęza*, *trabeza*, *trepicha* 'болото, топь' (SW), которые, может быть, можно связать с глаголом **trepetati* и под., если к тому же учесть возможность возникновения этих форм под восточнославянским или словацким влиянием. Для более точной этимологии не хватает данных о географии слов.

с.-хорв. *трѣсетйште* 'торфяное болото, торфяник', *трѣсет* 'торф' (RHSJ); словен. *tresétina*, *tresèt* 'торф, торфяное болото' (Badj. LjG, 258)³⁴. Ср. словен. *tręsti se* 'качаться, вздыматься (о болоте)' (Badj. LjG, 258).

дрѣгва

Среди многочисленных болотных терминов, означающих 'топь, трясину, зыбкое болото', на Полесье отмечен также термин *драгва́*, имеющий вне полесской территории довольно широкое распространение. Как уже отмечалось, *драгва́* иногда выступает в качестве синонима к терминам *тва́н* и *топ'ло* 'тонкое место на болоте' (Др.). В соседнем с д. Дорошевичи пункте Голубица зафиксированы лексемы *дроува́* и *др'и'ува́* 'непроходимое место на болоте': *от др'и'ува́, каб н'е прорва'ус'а!* (Гл.). В Дяковичах отмечена *дрыува́* 'болотистая трясина': *ўзд'уто м'есто — дрыува́* (Дк.). С тем же значением *дрыува́* известна и в других пунктах (Ш. Бл. Зм. Бр.). В центральном Полесье встречается *дриу́н* 'топь, непроходимое место на болоте': *дриу́н дрыж'іт* (Гр.) и *дроува́* с тем же значением (Ом. Вл.): *драгові́ста бол'ото* 'тонкое болото' (Ол.). В Велье *дроува́* и *н'ётра* — синонимы.

На южной окраине западного Полесья, на Воляни, *драгові́на* 'трясина на болоте' (с. Сенкевичевка, Гороховск. р-н, Волянов. обл.), *драгові́на*, *драулі́на* 'трясина' синоним — *здухві́на* (д. Симонов, Гоцанск. р-н, Ровенск. обл.), а в восточном украинском Полесье западнее Овруча в с. Листвин, по записям Н. В. Никончука, *драгва́* 'трясина', а *дрѣгва́* 'холодец, студень'³⁵.

Материалы «Диалектологического атласа белорусского языка» (карт. ДАБМ) отмечают термин *дрыгва́* 'непроходимое тонкое болото', 'зыбкое место на болоте' не

³⁴ В данном случае, как и во многих других, «различия в значении» больше отражают различные толкования термина авторами словарей и лексикологических штудий, чем различные семемы, относящиеся к различным денотатам. Вероятнее всего, во всех случаях речь идет о 'зыбком болоте, трясине'.

³⁵ Ср. зап.-б.-рус. барановичск., ляховичск. (Брестск. обл.), корелийск. (Гродненск. обл.) *дрыгва́* 'студень', несвижск. (Минск. обл.) *дрыва́* 'то же' (Жак. ДМ), укр. *дрегли*, *драглі* 'студень'; *драгліти* 'превращаться в студенистое вещество' (Гринч. СУМ), юж.-в.-рус. курск. *дрегва́* 'студень' (Опыт 1852, Кардашевский 1947—1953), воронежск. *дрягва́* 'то же' (Доп. Оп. 1852).

только во всех частях Полесья, но и во всех зонах Белоруссии без исключения — Полоцкой, Витебской, Гродненской, Молодеченской, Барановичской, Минской, Бобруйской, Могилевской, Гомельской (зафиксировано около 200 примеров). Это подтверждается и другими источниками (Жак. ДМ, Бяльк. ДСУБ, Касп. ВКС, Шат. КСЧ и др.). В белорусском литературном языке принята наиболее распространенная форма *дрыгва́* 'трясина, топь' (БРС), но в диалектах широко известен также фонетический вариант *драгва́* 'то же', а затем и иные суффиксальные модели типа витебск. *драгба́*, *дражка́* 'то же' (Касп. ВКС), полоцк. *дрыгба*, *дрызья́*, *дрыгбы́на* 'топкое непроходимое болото' (Жак. ДМ). Ср. еще воложинск. (на ю.-зап. от Молодечно) *брыгва́* 'непроходимое болото' (Жак. ДМ). К этой же группе форм следует, вероятно, отнести и локальное витебск. *дрыч* 'зыбкое болото' (на сев.-вост. от Оршы — карт. ДАБМ 296, 300, 305) Ср. *кач* 'топкое болото' (см. стр. 186).

В России, в смоленских говорах, *дригва́* 'болото, топь' (Добровольский 1914, Жак. ДМ), *дрыгвель* 'непроходимое болото' (Кармаповск. р-н. Жак. ДМ), в Брянских — *дрягва*, *дрягвина* 'болото, топь' (карт. БОС), в курских *дряга* 'топкое, грязное, болотистое место; трясина' (Кардашевский 1947—1953, Халанский 1904).

На Украине *драгва́*, *дрягва́*, *драговина*, *дряговина*, *драглина́* 'топь, топкое место, трясина' (Гринч. СУМ): *драглинаста лука* 'топкий луг' (б. Васильковск. у. Гринч. СУМ). Т. А. Марусеико отмечает для укр. *драговина* (*драговина*) также значения 'мокрая низменность' (с. Кустовцы, Винницк. обл.), 'углубление, из которого течет вода' (с. Карашина, Черкасск. обл.) и 'глубокая пропасть' (с. Лосятин, Тернопольск. обл. Мар. МСУГА).

Особенно любопытен последний пример, придающий лексеме **dregva* в общем такую же семантическую амплитуду колебания, что известна для лексемы **bezgdьna* (см. стр. 235), с той, однако, разницей, что диахронически (этимологически) семантические сдвиги шли в обратном направлении.

Смоленск. *дресливец* (*дрисливец*) 'лес в болоте' (Добровольский 1914) следует, вероятно, связать с др.-русским *драславыи* 'угрюмый' (Срезн. МСДРЯ). Ср. полесск. *т'бмниј лес*, *т'бплиј лес* и т. п. При этом, возможно, оправдано и предположение М. Фасмера (Фасм. ЭСРЯ),

по которому формы типа старославянск. *драселъ*, *драхлъ* связаны с русск. *дрягать* 'дергаться, судорожно биться' (из **dregs-*)³⁶. Ср. в.-рус. *дрягá* 'судорога', словенск. *drégati* 'толкать, шевелить' и рассмотренное выше *дрягва*, *драгва* и т. п. Последний семантический путь развития более вероятен.

Что касается архангельск. шенкурск. *дребь* 'болотистое, мокрое место, поросшее лесом' (Опыт 1852), то его правильнее связать с исковск. и тверск. *дребьё* 'старые, испортившиеся грибы' (Доп. Оп. 1858), *дребиться* 'начисто портиться (о грибах)' (Доп. Оп. 1858), курск. *дробизгá*, *дрббизь* 'мелкие предметы, мелочь' (Доп. Оп. 1858); орловск. *дрэбка* 'кушанье из гречишной муки и простоквашы, сбитых вместе' (Кардашевский 1947—1953). Ср. семантически с полесск. *мэрва* 'вязкое, зыбучее болото' (стр. 181). *Дрэбка* ср. с *дрегва́*, *дрыгва́* 'студень' (стр. 177).

нетра, нетеча, нерва

Термин *нетра* отмечен в северной части Западного Полесья, в Центральном и Восточном Полесье, т. е. в общем севернее и восточнее линии Яссльда—Прпийть—Горынь. Ср. *нетра* 'топь, трясина, топкое место на болоте' (Лп. Вт. Вл.): *де же болото такé лихэ, та по мбжно ўлэзт', кáжуц' н'этра* (Вл.); *нетра* 'заросли густого молодого леса' (Гр.); *нетры* 'густой лес' (д. Ледея, б. Давид-Городокский р-н, Брестск. обл. Жак. ДМ), *нетра* 'непроходимые лесные заросли' (Смп. Дк.); *от заросло, така́ н'этра, н'э вў^мл'ез'т'і... зарос'л'і* (Дк.); *нетра* 'непроходимые места в больших лесах и вязких болотах' (Кн. Дн. Дв.), *нетра* 'непроходимые болота большой площади' (Бд.). В качестве синонимов отмечены в Велуте *н'этра* и *дрогва́*, в Городной — *нетра* и *пўй'а*, в Симоновичах — *нэтра* и *нытэча*.

На восточной окраине Полесья в районе Речицы *н'этры* 'недоступные заросли лозы, тростника, ольхи' (Mosz. РW), южнее Бобруйска в Паричком р-пе *нетра* 'труднодоступное место в топком болоте, в болотистом лесу, труппоба' (МСНДМ, 167), а на юго-западной гра-

³⁶ Ср. б.-рус. диал. *дрэгаць* 'дрожать, вздрагивать' (Белиницк. р-н, Могилевск. обл. МСНДМ, 21).

лице Полесья, на Волини *нётра* 'непроходимый лес', синоним *ушча, ушчавина* (д. Озеряны Турыйск. р-н и д. Сенкевичевка Гороховск. р-н). По материалам Э. И. Жаковой, в ряде белорусских диалектов отмечен термин *нётры* 'болото' и 'лесная чаща, забитая хворостом' (Жак. ДМ), в том числе и *л'асна́ја н'ётра* 'лесная чаща, непроходимый лес' (д. Ст. Новоселки Несвижск. р-н, Минск. обл. Жак. ДМ). Ср. б.-рус. лит. *нётры* 'дебри, труднопроходимое место' (БРС).

М. Р. Фасмер приводит смоленское *нётра* 'болотистая почва, болото' со ссылкой «на Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского (нам этой лексемы в словаре обнаружить не удалось) и ставит под сомнение возможность происхождения термина непосредственно из литовского *nėndrė* 'тростник', как допускал А. И. Соболевский (Vas. REW)³⁷. Опираясь на материал из великорусских говоров В. Даля, у которого с пометой *юж., зап.* дано *нётря* 'роща, пуца, заказник, бережник, заказный, заповедный лес, заповедник' и склоняемое *нетронь меня* и *нётря* 'человек недотрога, недотыка, обидчивый' (Даль СЖВЯ), М. Р. Фасмер производит *нетря, нетра* из *ne* и **ter-* с указанием на глагол *тереть* и исходное значение 'пощада, Schonung' (Vas. REW). Следует принять этимологию М. Р. Фасмера, предложив некоторые уточнения семасиологического порядка. Вероятно, лучше корневую часть **ter-* связывать с глаголом *теребить* 'вырубать лес' (ср. полесск. *прóу'ереп* 'вырубленный участок в лесу', Дк.), того же корня, что и *тереть*, и возводить к исходному основному значению 'место, где нельзя теребить лес', 'место, где не теребили лес' (такими неудобными для превращения в пахотную землю были лесные заболоченные участки). Семантический сдвиг 'непроходимое место в лесу' (= 'болотистое место в лесу') → 'непроходимое болото' и обратное переименование наблюдается и на примере других терминов (*нетеча, мереча, бездна* см. стр. 187). Корневая часть

³⁷ Следует согласиться также с М. Р. Фасмером (Vas. REW), что сопоставление б.-рус. *нетра* с греческ. *νῆτρον* 'прялка, кудель' (от корня **nē-t-*), предложенное Г. А. Ильинским в качестве соответствия, необосновано (см.: Г. А. Ильинскі. Блр. нётра — рас. «болото, трясина, дебри». «Записки аддзелу гуманітарных навук». Кн. 2. «Працы клясы філёлэгіі» т. I, Менск, 1928, стр. 235).

-тра (-тры) возникла, надо полагать, в результате редуцирования и стяжения. Что же касается начального отрицания *ne*, то подобный словообразовательный тип представлен в полесск. *нётча* и смоленск. *немерэчча* 'непроходимое место в лесу' и 'плохая погода' (Добровольский 1914) (ср. смоленск. *мирэчча* 'болото' см. стр. 187), хотя в последнем примере наличие отрицания кажется немотивированным в смысловом отношении.

Термин *нётча*, отмеченный в Полесье в д. Симоновичи в качестве синонима к *нётра*, зафиксирован также в украинских, польских и сербскохорватских диалектах. Ср. укр. *нётеч, нетеча, нетечина* 'стоячая вода, болото' (Гринч. СУМ)³⁸, бойковск. *нетеча* 'небольшой ручей, речка' (с. Ясень, Оныш. СБД)³⁹, польск. диал. *nieciecz, nieciecza* 'стоячая вода', 'маленькое прибрежное озеро, образовавшееся разливом реки' (SW), с.-хорв. *нётеча* 'стоячая вода' (Schütz GTSK, 64)⁴⁰. Семантическая эволюция достаточно прозрачна и коротка: **neteča, *neteka* (< *ne + tek + ja*): 'стоячая, непроточная вода на болоте' → 'непроходимое место на болоте' → 'непроходимое место в лесу'. Ср. б.-рус. *нётрахац* 'болото, топь' (д. Чернин, б. Парицк. р-н карт. ДАБМ 866) с вполне прозрачной «внутренней формой», а также карпатские термины *бэзма* 'пропасть' (с. Криве, Стрыйск. р-н, Львовск. обл.) и *бэзма* 'непроходимое место в густом лесу' (с. Майдан, Старосамборск. р-н, Львовск. обл. карт. КДА).

В Восточном Полесье в Замошье в качестве синонима к *дрыгва* известно *мерва* 'вязкое, зыбучее болото' (Зм.).

³⁸ Переносное значение 'черт' (Гринч. СУМ), см. сноску на стр. 143.

³⁹ Возможно, что И. Гоцкий, материал которого приводит М. О. Онышкевич, не совсем точно толковал термин, который, надо полагать, относится к болотной речке, возможно, иногда к стоячей воде на болоте, как видно из приведенного примера, толкующего слово *нетеча* из того же с. Ясень: *м'яка, шчо іде вода н'ейу, а по боках обр'осло трав'у, шчо у вод'і трав'а растэ. По материалам КДА, в с. Ясень нётч'і означает 'омут' (карт. КДА). Ср. еще бойковск. нётчичі 'бездорожье' (← 'стоячая вода, лужи на дороге'? — Н. Т.), отмеченное Ю. Кмитом в с. Горышний Дзвиняч (Оныш. СБД).*

⁴⁰ И. Шютц почерпнул термин из словаря Г. Шамшалоича (G. Šamšalovič. Njemačko-hrvatsko-srpski i hrvatsko-srpsko-njemački rječnik. Zagreb, 1929), где, к сожалению, не указано, в каких диалектах бытует этот термин.

Несколько южнее на северной Житомирщине *мэрва* только 'мелкая мятая солома, сено': *кўри мэрву зробили* (Льв. ССЖ), как и в большинстве других украинских диалектов. Ср. укр. *мэрва*, *мервиськь* 1. 'мятая тертая, негодная солома', 2. 'дрань, негодное' (Гринч. СУМ); польск. *mierzwa* 'старая солома', 'навоз' (SW); чеш. *mřva* 'пересушенная солома', 'навоз' (SSJC); словац. *mřva* 'кросиво' (соломы и т. п.) (SSJ, Isač. SRPS); словен. *mřva* 'крошка', 'сено' (SSS), с.-хорв. *mřva* 'крошка, кусочек' (RHSJ); макед. *mрва* 'крошка, кусочек мяса (в пицце)' (PMJ); болг. *мрѣвка* 'кусочек мяса' (БТР).

грузля, дви́ж, здмух, ко́жух и др.

Термин *грузля́* 'вязкое, топкое место на болоте, трясина' отмечен нами лишь в Западном Полесье (Мл. Зб.): *вру́з лед*, *ка́же, ви́лэз*; в *лісі́ грузля́* и на открытом болоте́ *грузля́* (Мл.). С этими словообразовательными моделями он записан в том же Западном Полесье — *грузало́* 'тонкое болото' (д. Журавок, Ивановск. р-н, карт. ДАБМ 744) и на Ровенщине, где *грузавина́* 'топь' (д. Ходосы, Ровенск. р-н). Ср. *грузавина́* 'тонкое место, трясина' (б. Новоград-Волинск. у. Гринч. СУМ). Связь с широко распространенным в Полесье глаголом *гру́знути* 'вязнуть' и прилагательными и наречием *гру́зкий, гру́зко*, 'тонкий, вязкий', 'топко, вязко' очевидна. Ср. также укр. *грузь* (б. Киевск. у.), *грузота́* (б. Черкасск у.) 'тонкое место, трясина' (Гринч. СУМ); польск. *grąz* (р. п. *gręzi*) 'тонкое болото, топь, трясина' (SW). Здесь представлена иная ступень чередования *g/g̃*, чем в русск. *грязь* 'грязь', *грязнуть* 'вязнуть' и т. п. Ср. также в.-рус. *грязевіще*, *грязевіна* 'топь, болото или грязь большого объема' (Даль СЖВЯ); польск. *grzęzawica*, *grzęzawisko* 'тонкое место, топь, трясина', *grzęz* 'грязь' (SW), с.-хорв. обл. устар. *grěz* 'наносы, тина, грязь' (РСХНН, RHSJ со ссылкой на словари Белостенца, Ямбрешча, Габделича), чакавск. (?) *grez* 'топь, трясина' (Schütz GTSK, 51 со ссылкой на словарь Д. Парича); словен. *grěz*, *gréza*, мн. ч. *grezi* 'грязь, тина', 'болото, трясина, топь', 'болотистая почва' (Badj. LjG, 256), *grezina* 'трясина, топь', *grezetina* 'болотистая почва', *grezovina* 'грязная, раскисшая земля' (Plet. SNS).

По тому же принципу, что и *грузь* (*грузля́*) от *гру́з-нуть*, от глагола *вязнуть* образования диал. б.-рус. *вязь* 'болото, топь' (Нос. СБН), в.-рус. орловск. *вязь* 'топь, болотистое место' (Кардашевский 1947—1953), псковск.-великолукск. и поворжеевск. *вязь* 'болото' (Доп. Оп. 1858), псковск. и тверск.-осташк. *вязель* 'вязкое место', рязанск. *вязило́* 'болото' (Доп. Оп. 1858), ярославск.-пошехонск. *вязьтина* 'вязкое место' (Копорский 1929).

Термин *дви́ж* 'трясина, топкое место на болоте' (Бд.), так же как и *дви́жно́е болото́* 'топкое, болото' известен только в Восточном Полесье юго-западнее Наровли в белорусской его части, несколько южнее в украинской части в форме *здвиг* (Словечко, Овручск. р-н, Льв. ССЖ) и *здви́ж* (с. Васильковичи и Ушомир, Коростеньск. р-н, Льв. ССЖ) и значительно западнее на Ровенщине в форме *дви́жавина́* 'трясина, топь' (д. Гвоздов, Гошанск. р-н). Т. В. Назарова в своем труде «Лингвистичний атлас пнжньої Прип'яті» приводит изоглоссу термина *здви́ж, дви́ж*, 'топь' в качестве одной из образующих пучок изоглоссы на белорусско-украинском языковом пограничье, пдущий в основном немного западнее Нижней Припяти и Днепра после впадения в него Припяти. Термин *здви́ж, дви́ж* распространен на запад от этой линии. *Дви́ж, дви́жавина́, здви́ж, здвиг* (ср. глаг. **dvigati*, **dvignoti*) имеют «внутреннюю форму», связашую со свойством зыбкости, подвижности болота. Ср. семантически сходные образования: б.-рус. полоцк. *зыбэль* 'болото около озера' (карт. ДАБМ 24), *зыбун* 'непроходимое болото', 'зыбкое место' (карт. ДАБМ 38, 57, 77, 197), минск. *зыбун* 'то же' (карт. ДАБМ 202), *зыбаўка* 'тонкое болото' (карт. ДАБМ 159); в.-рус. архангельск. *зыбун, зыбўль, дыбун, дыбўчее болото, ходун* 'род трясина, поросшая мхом и болотными растениями земля, на которой выступает из-под ног вода' (Подвысоцкий 1885, Грандильевский 1907), пермск. *зыбун* 'трясина', *зыбук* 'болотистое место', *зыбуніна* 'топкое, болотистое место' (Старцева 1962—1965), словенск. *zibi, ozibi* 'топи, трясина, торфяники', *zibati se* 'качаться, вздыматься (о болоте и др.)' (Badj. LjG. 258), польск. диал. *ruchawka* 'топь, болото' (SW), *ruch* 'движение', *ruchawka* 'брожение, волнение', *ruszyć (się)* 'двигнуть(ся), шевельнуть(ся)' (SW); польск. *ligawica* 'топь, трясина', *ligać* 'лягать, бить ногой' (SW), в.-рус. псковск., тверск. *качь* 'зыбель, трясина,

топь' (Даль СЖВЯ), ср. качать, качаться; полесск *вѣдымка* 'трясина, зыбкое место' (д. Гирск, Кобринск. р-н, карт. ДАБМ 699), ср. укр. *видимати* 'выдувать' (УРС), в данном случае, вероятно, 'вздымать, поднимать' и, наконец, также полесск. *бўхтовыца* 'топкое место на болоте': болота дўйеца, коро́ва уура́зла ў бўхтовыцы (д. Горск. бывш. Пружанск. р-н. карт. ДАБМ 687). Ср. б.-рус. *бухто́риць* 'неумеренно лить жидкость' (переносно точнее 'надувать', 'надуваться'. — Н. Т.), как видно из примеров: Досиць тебе бухториць... Набухторив пузо (Нос. СБН).

Термин *здох* 'топь, трясина' отмечен в Западном Полесье на Брестщине (Лк.): *здох* — шо не мо́жен' іті по болоту, шо прова́л'увае́ш'с'а туді (Лк.). Ср. б.-рус. *дму́хаць* 'дуть, вздувать' (Нос. СБН), укр. *дму́хати* 'дуть', *дму́хнути* 'подуть', *здохну́ти* 'сдуть' (УРС), польск. *dmuchać* 'дуть', *zdmuchać* 'сдуть в кучу' (SW), кашуб. *dm'ux* 'дуновение', *dm'uxac* 'дуть' (Log PW), чеш. *dmychati* 'дуть, вздувать', *zdmýchati* 'вздуать, раздуать' (PSJČ), н.-луж. *dmuchaś*, диал. *dmuchaś* 'дуть, раздувать' (Muka SDSR).

Другая форма *зду́ха* 'непроходимое болото' отмечена несколько северо-восточнее (д. Линёво, Пружанск. р-н, карт. ДАБМ 685), а еще восточнее в районе Дрогичина зафиксировано *зду́ховина* 'топь, трясина' (Смн.), встречающееся и на Пинщине в формах (*у*)*зду́ховина* 'непроходимое болото' (д. Козики, Ивацевичск. р-н. карт. ДАБМ 716), *здохво́йна* 'непроходимое болото' (д. Оброво Ивацевичск. р-н, карт. ДАБМ 722), *зды́ховина* 'зыбкое болото' (д. Хотыничы, Ганцевичск. р-н, карт. ДАБМ 754) и на южной окраине Полесья на Ровенщине, где *здохб-вина* также 'топь, трясина', синоним — *драговина́* (д. Спмонов, Гоцаиск. р-н). В районе Барановичей и севернее ближе к Неману известно *зду́ховина* 'непроходимое место на болоте, где пробился родник' (карт. ДАБМ 405), *зду́хавина* 'топкое, качающееся болото' (карт. ДАБМ 441), *ды́хавина* 'то же' (карт. ДАБМ 485) и *уздохавина* 'то же' (карт. ДАБМ 440). Недостаток материала не дает возможности определить точнее ареал, в котором распространен термин *здоховина*, зафиксированный также далеко на юге в Савранском р-не Одесской обл., где он означает опять-таки 'топкое место на болоте' (Моск. СОО). Ср. польск. диал. бесприставочное *duchowina* 'влажная, боло-

тистая почва', 'сырая влажная земля' (SW, Nitsche ГТР, 75, 96)⁴¹. Термин отражает способность вязкого болота вздуваться, подниматься, когда на него ступают. Возможно, что он непосредственно связан с анатомическим термином *зду́хвина*, *зду́хи*, *зду́ховина*, означающим в украинском языке 'часть между ребрами и сидящими костями (у четвероногого животного)' (Гринч. СУМ). Ср. в.-рус. пермск. *зду́хи* 'легкие' (Старцева 1962). С представлением о подвижном, «дышащем» болоте связаны, очевидно, и смоленск. *ды́хлинка* 'топина в болоте, где можно провалиться' (Добровольский 1914), *ды́халица* 'место тряское, трясина' (Опыт 1852).

К изложенному выше типу терминов семантически близки (по принципу метафоры) локальные полесские термины *кожу́х* 'топь, трясина' и *поду́шка* 'то же'. Ср. *кожу́х* 'топь, трясина' (Зб.): ка́жуц' на тэму болот'і там ко́жу́х збу́риўс'а (Зб.) и деэтимологизовавшуюся форму с удвоением начального слога *кокожу́х* 'зыбкое место' (с. Букча около Турова, карт. ДАБМ 975), а также *поду́шка*, мн. ч. *подушкі́* 'топь, трясина' (Смн. Зм.): ко́лис' гну́тки міс'ц'а на болота́х зва́ли сплаві́, або подушкі́, там г'ра́зке міс'ц'е (Смн.); *поду́шка* 'топь' (д. Слободка около Турова и д. Глинка около Столина, карт. ДАБМ 972, 964).

В Северной Житомирщине А. С. Лысенко, помимо упомянутых выше терминов *твань*, *сплав* (*сплаві́*), *здви́ж* (*здви́г*), отметил в Овручском районе для семемы 'трясина, топкое место на болоте' лексемы *ба́ба* (с. Лучанки),

⁴¹ Топкое место на болоте, если там бьют ключи, оказывается обычно также незамерзающим. Ср. укр. *духовина* 'незамерзающее место на пруду или на реке' (б. Черкасск. у. Гринч. СУМ). С точки зрения «внутренней формы» *духовина* может быть истолкована, как 'место, где выходит «дух», или «пар», где земля или водная поверхность дышит'. Ср. русск. *отдушина* 'отверстие для выхода воздуха' (Ож. СРЯ), б.-рус. диал. витебск. *праду́хлина* 'отверстие в болоте' (Касп. ВРС); укр. *бпарть* ж. и м. р. 'незамерзающее место на болоте' (б. Полтавск. губ.) и 'промоина, продушина во льду' (Гринч. СУМ); польск. *oparzelisko*, *oparzystko* 'незамерзающий источник, сырая незамерзающая земля', диал. *oparczysko*, *para* 'незамерзающее болото', *sparzystko* 'мокрое место на болоте', 'родник, где зимой тает снег' (SW); чеш. *sparfelisko*, *opafisko*, *opafelisko* 'место, где на поверхность выходит теплый источник, не замерзающее зимой' (Mach. ESJČS 354); словац. *sparisko* 'то же' (SSJ).

бэзна, животчина (с. Маски) и *жойтан* (с. Ашиляница). Последний термин, безусловно, нового происхождения из *фонтан*. Термин *баба*, так же как и полесск. *кожед*, *подушка* мотивирован свойством вспучиваемости топкого болота (возникновением бугорка на топком болоте); ср. украинск. *баба* 'сугроб, бугор снега', 'шарообразный комок глины' и т. п. (Грипч. СУМ). Термин *бэзна* в качестве болотного термина известен также на украинских Карпатах (см. подробнее на стр. 235). Что же касается термина *животчина*, то он в несколько иной форме и ином значении *животок* 'временное русло реки, ручья' (Гл.) встречается также в белорусском Восточном Полесье, например в Голубице: проб'ігла вода, животок остаўс'а (Гл.). Этимология этого термина достаточно прозрачна, а его инвариантное значение может быть определено, как 'место, где бывает ток, течение', так как в Полесье глагол *жити* 'жить' имеет также широко распространенное значение 'бывать, временно находиться' (Сп. Смл. и др.), а глагол *бути* часто выступает в значении 'жить'. Ср. на луц'у, на бóлоти живé нависні водá (Смл.) 'на лугу, на болоте бывает весной вода'; ја дэколі живу ў Брэстí (Смл.) 'я время от времени бываю в Бресте'; і у нашој сіл'скај лаўці живу́т' радíо́лі (Смл.) 'и в нашей сельской лавке иногда бывают радиолы'; пред Окт'áбр'скују рэвал'у́цыју ті́е «дідí» живу́т' (Сп.) 'перед праздником Октябрьской революции бывает праздник «дід» (поминовение усопших)'; ја ш'о́ буду дóвго́ бу́ти (Смл.) 'я еще буду долго жить'; по́шбо́ до одно́го́ д'ад'ка́ бу́ти (Сп.) 'я пошел жить у одного дядьки'.

На великорусском Севере глагол *жить* применительно к реке, морю означает 'быть свободным ото льдов, не скованным льдом' (Подвысоцкий 1885), а *живая вода* 'открытая вода во льдах, полынья между ледяными полями' (Вахтин 1894, Маштаков 1931), либо на Белом море также *живая вода* 'никогда не пересыхающие отмели' (СРЯ). Во многих других великорусских диалектах *живая вода* 'двигающаяся, текущая вода' (СРЯ). В исконных говорах *живая глина* 'постоянно мягкая, не отвердевающая, близ живого ключа' (СРЯ). Того же типа полесск. *живá ұраз* 'жидкая, слошная грязь' (Ом.).

Отказываясь от задачи перечисления всего множества локальных восточнославянских болотных терминов, отметим лишь некоторые из них — территориально

или структурно-семантически приближающиеся к полесским.

Локальное б.-рус. гродненск. *жыравó* 'топкое болото': крын'іца гóйдаіацца, туд жыравó (Вылковыск. р-н. Сцяш. ГВ), вероятно, от *жир*. Ср. русск. *жирная грязь*, а также свидетельство Н. Я. Пикифировского о том, что на Витебщине ржавую, стоячую на болоте воду, покрытую железистым палетом, называют *салом*, *свечками*, «паноминающими пролитый и плавающий на водной поверхности жир» (Ник. ОВБ 487—488). Того же, очевидно, происхождения сибирск. *засало* 'застойная со ржавчиной вода на болоте' (СРЯ), новгородск. череновецк. *маслявина* 'топкое место, болото' (Герасимов 1910).

морочна, руда, белъ и др.

В Центральном Полесье между Пинском и Давид-Городком отмечен термин *морбчне* 'низкое, топкое болото' (Хр.), *морбчна* 'болото, или тонкая поляна среди леса' (Рб.), *морбчина* 'большое болото, болотистая местность' (Гр.), *морбч'а* 'болото, где растет клюква' (д. Глинка, Столинск. р-н, карт. ДАБМ 964). В Лопатине *Морбч'а* известно уже только как топоним («урочіско»). Термин возник, вероятно, в результате субстантивации из сочетания *морбчне болото* и т. п. Ср.: *морбчне болóто*; такó вэлíкэ морóчнэ (Хр.).

Иная ступень чередования (*oro/ere*: **or/er*) представлена в термине *мерéча*: б.-рус. могилевск. *мярéча* 'непролазное болото, топь' (б. Ряснянск. р-н, Бяльк. ДСЎБ), витебск. *мярéча* 'чаща': у мярéчах каля балота заўсёды жывуць ваўкі (Чашницк. р-н, Касп. ВКС), смоленск. *мирéчча* 'болото' (б. Перечск. у. Добровольский 1914). Случаи сдвига 'непроходимое болото' → 'лесная чаща', так же как и обратное 'лесная чаща' → 'непроходимое болото' не единичны (см. стр. 180), равно как и случаи перехода географического термина в метеорологический, как, например, укр. карпатск. *мла́ка* 'болотистое место' (почти повсеместно, карт. КДА) и надднестрянск. *мла́ка* 'сырая погода' (с. Остров, Галицк. р-н, карт. КДА) с.-хорв. *мóчар* 'болотистая местность' и 'слякоть, сырая, дождливая погода' (RHSJ. см. стр. 151). По этому же принципу связаны смоленск. *немерéчча* 'непроходимое место в лесу' и *немерéчча* 'шляхая погода' (?): икавá

погода? — да пашло такая немерѣчка (Добровольский 1914), где начальное *не* возникло, быть может, как показатель отрицательного признака (ср. *непогода* и др.). Ср., однако, отмеченное в украинском Восточном Полесье в Олевском и Овручском р-не Житомирск. обл. *хмерѣча* 'заросли, чащоба', синоним *димерзѣ* (Лис. ССЖ) и в Полесск. р-не Киевск. обл. *хмерѣча* 'густой молодой лес, выросший на месте старого леса' (Лис. СССР), где начальное *х* — неясного происхождения и едва ли объяснимо контактной с *хмѣра* 'туча' и т. п.

Термин *морочне* применяется по отношению к пинским обширным безлесным болотам со скудной растительностью. Информаторы поясняют, что на таком *морочном* болоте не косят, а только собирают ягоды — клюкву. *Морочне болото* следует, вероятно, этимологизировать, как 'мрачное, темное болото'. Ср. б.-рус. *мѣрак*, укр. *мѣрок*, в.-рус. *мѣрок*, *морѣка* 'мрак, сумрак' (БРС, УРС, Даль СЖВЯ). Наименование болота по признаку цвета — довольно распространенное явление в славянской географической терминологии⁴².

В украинском Западном Полесье на Ровенщине отмечен термин *рудѣна* 'болотное пастбище' (д. Ходосы, Ровенск. р-н), а в украинском Восточном Полесье около Овруча *рудѣ* 'ржавое болото' (Лис. ССЖ). Термин *рудѣ* 'ржавое болото' известен и в других районах Украины — на правобережной Черкасщине (Лис. СПЧ), в Ставищанском р-не Киевской обл., где *рудѣ* 'ржавое болото на берегу' (Лис. ЛСР, 41) и на юго-востоке Житомирщины, где *рудѣ* уже 'болотистый луг или берег' (Пал. СГМ). В материалах Т. А. Марусенко по Житомирской (Ружинск. р-н), Вишницкой (Вишницк. и Улановск. р-н) и Хмельницкой обл. (Староконстантиновск. р-н) *рудѣ* толкуется как 'заболоченная низменность' (Мар. МСУГА). В том же значении на Черниговщине отмечена *рудка*, а в Станиславской зоне — *рутка* 'выбоина, наполненная водой' (Мар. МСУГА). В Белоруссии на Полоччине *рудѣ* 'черная земля', 'стоячая вода на болоте' (Жак. ГЛА 12), на

⁴² См.: В. М. Мокриенко. Основные семантические модели образования славянских географических терминов со значением 'болото'. «Местные географические термины в топонимии», М., 1966, стр. 20.

Случчине *рудѣ* 'ржавое болото', 'желтая вода на болоте' (д. Островок, Жак. ДМ), на Гродненщине, в Вылковском р-не *рудѣ* 'ржавчина на болоте': балотна рудѣ така што н'и адмѣйш (Сцяп. ГГВ), что в полной мере соответствует сев.-в.-рус. архангельскому *рудѣ* 'болотная ржавчина' (Грандильевский 1907), 'что-нибудь замазное, грязное', 'сажа' (Опыт 1852). Это значение можно считать переходным семантическим звеном к следующему — 'грязь', которое известно в витебских, могилевских и смоленских говорах. Ср. *рудѣ* 'грязь': у бані ня мѣўся, дык столька руды на цѣле (Касп. ВКС); *рудѣ* 'грязь, нечистота на теле, чернота от пота' (Нос. СБН); *рудѣ* 'грязь': у сусѣда ў хаце столькі руды, што ўвайсьціць страшна (Бяльк. ДСЎБ); *рудѣ* 'грязь', *рудяный* 'грязный': вадѣ рудяна, нильгѣ яѣ п'іць (Добровольский 1914). Тот же семантический переход отмечен для терминов *болѣто*, *багно*, *твань* и др. (см. стр. 167). Ср. закарпатск. укр. *болѣто* 'болото' → 'грязная вода после стирки' (Дзен. ССДЗ), с.-хорв. *блато* 'болото' → 'грязь', наряду с 'болото' → 'озеро' и др.⁴³ Ср. также польск. *ruda*, диал. *reda* 'болото', 'болотный торф', *rudawa* 'ржавое болото', диал. *rudawina*, *rudowina*, *rudawizna*, *rudowizna*, *rudowisko* 'болото с болотной рудой, с окраской руды' (SW).

По мнению большинства исследователей (Mosz. STTF, 2—3, Zar. NBP, 110—111, Nitsche GTP, 73 с указанием литературы), вост.-полесск. *бель* 'болотистый луг', 'лужайка' названо по признаку (свойству) цвета, хотя для отдельных полесских микрозон можно предположить с некоторой осторожностью, если не переход *пел* > *бел*, то хотя бы их контаминацию (см. выше стр. 168). Термин *бель* имеет довольно четкий ареал, включающий восточнополесские, северо-западные белорусские

⁴³ Значение *рудѣ* 'кровь', так же как, вероятно, и болг. *рудина* 'горный луг, пастбище' (БТР), макед. *рудина* 'лужайка, открытое место в лесу, поляна' (РМЈ), с.-хорв. диал. *рудина* 'луг с травой, опаленной солнцем' (см. стр. 83) возникли независимо от термина *рудѣ* 'болото' по той же связи с признаком (свойством) цвета. О термине *рудный* и его значении в Полесье, Закарпатье и некоторых других славянских зонах см.: В. А. Москвич. Из полесской терминологии цветообозначений (опыт типологического сравнения семантического поля цветообозначений в полесских говорах с говорами других славянских и контактирующих с ними языков). «Полесье». М., 1968.

и некоторые польские диалекты, в основном северо-восточные (мазовецкие) и северные. Ср. полесск. *б'эл'*, *б'эл'ка* 'нетопкое болото, поросшее травой', 'сенокос в лесу' (Зс.), *бел'*, *б'эл'ка* 'заболоченное низкое место' (Кч.), *бел'*, *б'эл'ка* 'небольшое болото (до 1 га)' (Бр.). В Речницком Полесье *б'ел'* 'ровная болотистая поверхность (луг, лужайка) среди леса, поросшая жесткой травой' (Mosz. STTF, 2), в соседнем Парицком р-не Гомельск. обл. *бель* 'болото, где преимущественно растет березняк' (МСНДМ 164), на Гродненщине *б'ел'* 'болотный луг' (Mosz. STTF, 2).

По данным А. Зарембы, почерпнутым из словаря Я. Карловича (Karł. SGP), его собственных диалектологических наблюдений и других источников, термин *biel* 'мокрый, заболоченный луг' довольно широко представлен в мазовецких говорах, а из кашубских и малопольских говоров известны единичные примеры. В том же значении в мазовецких и кашубских зонах зафиксирован термин *bielnik*, который в тех же мазовецких и отчасти великопольских говорах чаще всего означает 'сухой луг, пастбище', 'травник для отбелики полотна'. Значение 'сухой луг' закрепилось за термином *bielawa*, широко распространенном в Великопольше, на кашубской территории и отчасти в Мазовье. В польских диалектах бывш. Восточной Пруссии К. Нитц отметил *biela* 'заболоченный луг' (Zag. NBP, 110—111).

Вне указанного ареала в б. Шенкурском у. Архангельск. губ. отмечен еще термин *биль* 'покрытое мхом болото' (Подвысоцкий 1855), а в Поволжье *биль* 'моховой кочкарник, заросший редкими кустами ольхи и соснами' (Мурз. СМГТ).

Так же по признаку цвета возникло полесск. *риж'ец* (Мл.), *ры'жец*' (Смн.) 'торф и рыжая земля на болоте', 'болото с железистой окраской': де рыжец, там тверде болото, воно ны прог'р'аз'аже (Смн.), равно как и б.-рус. диал. *ирж'авинне* 'ржавчиною покрытое болото': в иржавини утопив коня (Нос. СБН), витебск. *орж'авинь*, *орж'авиня* 'багна с ржавеатою грязью, возможная на болотине и на луговой низине' (Ник. ОВБ 487)⁴⁴, *ржа-*

⁴⁴ В Полесье, в Белоруссии и вообще у славян известно поверье, согласно которому черти водятся в болотистых местах.

вень 'ключ на тонком глубоком болоте' (карт. ДАБМ 42), в.-рус. олонек. *рж'авченик* 'болото железного цвета, точно покрытое ржавчиной' (Куликовский 1898), архангельск. *рж'авец* 'болото, содержащее в себе железную руду' (Подвысоцкий 1885), укр. *ржавець* 'ржавое болото, ржавая река' (Гринч. СЎМ), болг. диал. оряховск. *рж'адавица* 'вид почвы', лужицк. *рж'аюица* 'то же' (Стран. БННП 329), польск. диал. *rdzawka* 'болото, топь, трясица', 'ржавая вода', 'подпочвенная вода' (SW). Того же типа диал. малопольск. *siwica* 'болотистые, торфяные луга' (Zag. NBP, 110), в.-рус. архангельск. *черновина* 'наполненная перегнившими растительными остатками ямца в моховом тундристом болоте' (Подвысоцкий 1885, Опыт 1852), в.-рус. *чернедь* 'черноземный торф' (Даль СЖВЯ) и др.

Название почвы по признаку цвета — явление широко известное в разных славянских и других языках. Ср. полесск. *сіросік* 'серый песок при болоте, у воды' (Млр. Мк.) *ж'блква* 'желтый песок под плодородным слоем почвы', 'желтая песчаная земля' (Дк.); с.-хорв. *ч'рница* 'черная земля' (RHSJ, Вук СР); *ж'утица* 'желтая глинистая почва'⁴⁵, польск. диал. *plowizna* 'желтовато-сероватая земля', *plowina* 'серая земля, более тяжелая, чем *ropielica*', *ropielica*, *ropielatka* 'легкая земля пепельного цвета' (Zag. NBP, 110, Karł. SGP) и др. На той же основе возникают болотные и речные термины, так или иначе характеризующие цветовые особенности почвы или воды⁴⁶. Эпитет *черный*, реже *крас-*

В Симоновичах полагают, что наиболее частым местопребыванием черта — *лих'о* служат заросли лозы на болоте: лих'іј в лозі сидіт' (Смн.). На Витебщине черти — *няч'ісцики*, живущие на болоте, имели свою «табель о рангах»: наиболее страшный черт — *орж'авиник*, затем следует *вир'овник* (см. *вир*, стр. 212) и за ним уже наименее маститый — *бол'отник*. По свидетельству Н. Я. Никифоровского, обозвание кого-нибудь первостатейным чертом выражается такими словами: ня з віру и пи з бол'ота, а з с'амый орж'авини!...». Таким образом, «орж'авинь или орж'авиня представляется гнездилищем крайнего беса» (Ник. ОВБ 487).

⁴⁵ См.: С. Ристић и Ј. Кангрга. Речник српскохрватског и немачког језика. Београд, 1928.

⁴⁶ Богатый, но недостаточно лингвистически систематизированный материал по болгарским диалектным названиям почвы в зависимости от ее цвета и влажности дан в монографии И. Странского (Стран. БННП).

ный и белый применяется и к лесу. Ср. полесск. *ч'брний лес* 'лиственный лес', синоним *т'бмний лес* (Гл.), *чернол'ес'је* 'смешанный лес, растущий на низких местах' (Гл.), *чернол'ес'је*, *ч'брний лес* 'лиственный лес' (Ол. Дк. Бд. Кч.). Ср. псковск. тверск. *ч'рень* 'дубовый лес' (Даль СЖВЯ), донск. *чернь* 'чернолесье, лиственный лес' (Даль СЖВЯ).

Подобно тому, как многие термины-названия болота создавались на основе его окраски-цвета, ряд болотных терминов возникал как отражение другого свойства — температуры воды (resp. замерзаемости—незамерзаемости и т. п.). Впоследствии эта мотивированная связь слов могла быть утрачена. Так, термин **molka* 'болото' (см. стр. 152) следует, вероятно, связать с прилагательным **molkъ* 'теплый, тепловатый', ср. с.-хорв. *млака вода* 'тепловатая вода', с.-хорв. термин *врело* 'источник' (см. стр. 213) с с.-хорв. *врело* 'кипящий', *врела вода* 'кипящая вода'; *топлице* 'горячий источник', *топла вода* 'горячая вода' (RHSJ); б.-рус. глусск. *студз'анцй* 'места с холодной водой на болоте' (д. Олница, карт. ДАБМ 816) со слав. **studьньь* 'ключ', 'колодец' и **studьнь* 'холодный'. Что же касается полесск. *холодник* 'болото' (д. Дребя, Лунинецк. р-н, карт. ДАБМ 803), то возникновение этого термина следует скорее связать с названием народного блюда, ср. б.-рус. *халадник* 'окрошка' (БРС), укр. *холодник* 'ботвинья' (УРС), чем непосредственно с прилагательным **holdьнь* 'холодный'. Того же характера полоцк. *буз'а* 'тонкое болото' и *буз'анайе балбта* 'то же' (карт. ДАБМ, 72, 82). Обратное соотношение, т. е. возникновение названия блюда из географического термина наблюдается в примере с б.-рус. и укр. *дрыгва* 'холодец, студень' (см. стр. 177).

смуга, струга, погоня

Болото, как известно, характеризуется стоячей водой, заполняющей низменные пространства. Тем не менее при изменении уровня воды на болоте появляются небольшие течения, которые в Полесье часто называются *смуга* (Лх. Св. Хр.): *проходит* така смуга между (в)островками (Св.). *Смуга* обычно заполнена тиной и грязью и потому те места, где она протекает, называют

еще *мул'ака, мул'* (Лх.). В засушливые годы место, где бывает *смуга*, высыхает и остается лишь потрескавшаяся земля без растительности. В этом значении термин *смуга* зафиксирован в Городном: *смуга* — неудобш'ина на болоті (Гр.). В Восточном Полесье в Дяковичах *смуга* 'узкая заболоченная низина, поросшая травой, по которой протекает *ц'екл'ица*' (Дк.). Близкое значение отмечено на южной окраине украинского Западного Полесья на северо-западе Волынской обл., где *смужка* 'место в долине, затапливаемое водой' (с. Забужье, Любольшк. р-н). Севернее центрального белорусского Полесья, в окрестностях Барановичей, *смуга* 'непроходимое болото' (д. Почапово, Городищенск. р-н, карт. ДАБМ), *смуглина* 'то же' (д. Малаховцы, Новомышск. р-н карт. ДАБМ), *смугарына* 'вязкое болото' (д. Иванковичи, Новомышск. р-н карт. ДАБМ). Полесский термин *смуга* следует сопоставить с укр. *смуга* 'полоса, черта' (Гринч. СУМ, УРС), юж.-в.-рус. курск. тамбовск. *смуга* 'пятно в виде полосы' (Доп. Оп. 1858, Даль СЖВЯ), польск. *smug* (устар. *smuk*), *smuga* 'полоса, черта, штрих', 'узкая длинная полоска земли, дуга, леса между полями или лесом' (SW). Ср. также польск. диал. *smug* 'болото', 'луг', 'участок поля' (SW), чеш. *šmoucha* 'грязная полоса' (PSJČ), словац. *smuha* 'то же' (SSJ), в.-луж. *smuha* 'полоса, линия' (Jak. HSNS), н.-луж. *smuga* 'то же' (Muka SDSR), словен. *smuga* 'то же' (Plet. SNS), болг. диал. страпджанск. *смуга* 'след от человека или животного на росистой траве' (БД I, 139).

«Языковой атлас Кашубщины» информирует нас достаточно подробно о различных значениях термина **smugъ*, **smuga* в польских, кашубских и поморских (словинских) говорах. Польск. диал. *smug*, *smuga* 'узкое поле', 'узкий луг' зафиксировано во многих великопольских, малопольских и мазовецких пунктах (Karł. SGP, MSGP). В вармийско-мазурских говорах *smug* 'луг', 'пар' (KSWM), в кашубских — 'узкий мокрый лужок', 'узкий сухой лужок' (AJK I, карта № 44, I, 126), в словинских *smüg* 'участок земли' (Log. SW), *smug* 'участок поля' (Ram. SJPk). В Кашубской зоне наиболее распространенное значение *smuga* 'узкий мокрый лужок', но в единичных случаях отмечены также 'стоячая вода, небольшой пруд', 'вода среди травника',

'узкая речка', 'сухой лужок', а в соседних с кашубской зоной польских диалектах: 'сухой узкий лужок при поле', 'возвышенное сухое место на мокром лугу' и др. (подробнее см. АЖК I, 127). В последнем значении отражен семантический сдвиг по линии 'низ' ↔ 'верх'.

Любопытно отметить также с.-хорв. чакавск. *smūg* (*smūk*) 'деревянное приспособление, при помощи которого волокут камни' (о. Брач, RHSJ) и особенно *smigor* 'палка под канелью' (в виде полосы? — Н. Т.) (г. Риека, RHSJ), где отражено смещение первоначального термина 'полоса' (вероятно, прежде всего 'полоса на болоте' — отсюда и 'грязная полоса') в периферийную сферу другой терминологической системы. Более подробное рассмотрение семантических преобразований этого термина потребовало бы также привлечения дублетной лексики **smukъ* и ее дериватов.

Наряду с термином *смуга* в том же Западном Полесье встречается *смуга* 'небольшое течение на болоте' (Смн.): ў Зал'йс'с'е була поўн'а, там стру́га прот'ікала (Смн.). В несколько ином значении этот термин известен в белорусском Восточном Полесье — *стружка* 'старое заросшее русло реки' (Бд.), а в украинском Восточном Полесье, по материалам А. С. Лысенко, известно значение *стру́га* 'небольшой ров' (Лис. СССР), возникшее, вероятно, сравнительно поздно в связи с мелпоративными сооружениями. В качестве речного термина *стру́га* 'ручей, струя' (Гринч. СУМ, Лужк. RP) распространена в украинских диалектах⁴⁷ и во всех западнославянских языках. Ср. польск. *struga* 'струя, поток, ручеек' (SW), кашуб.

⁴⁷ М. Юрковский (Лужк. RP, 64) приводит со ссылкой на З. Кузеду и Я. Рудницкого также укр. *струг* 'ручей, поток' и материал по родственным лексемам-терминам *струя*, *струм'инь*, *струмок*. Ср. бойковск. *стру́я* 'ручей, поток' (Рудн. ГНБ), 'глубокая вода в реке', 'волна' (Опшн. СБД), с.-хорв. *стру́ја* 'ток, течение' (RHSJ), русск. литер. *струя́* 'узкий поток жидкости' (Ож. СРЯ), укр. *струя́* 'то же' (УРС), б.-рус. *струм'ень* 'струя, поток, течение' (БРС), а также укр. *струм* 'струя, поток, ток', *струм'инь* 'то же', *струм'ина* 'струя' (УРС), польск. *strum* 'быстрый ручей', *strumień* 'ручей, проточная вода' (SW), кашуб. *streamiń* 'ручей' (Ram. SJPK), полаб. *sträumēn* 'быстрый ручей' (Rost SDP), н.-луж.-*tšumjeń* 'река, ручей' (Muka SDSR), чеш. *strumen*, диал. *strumeň* 'ключ, источник' (PSJČ), словен. *strumen* 'стержень' (Badj. LjG, 245).

strega 'то же' (Ram. SJPK), полаб. *sträuj* 'то же' (Rost SDP), н.-луж. *tšuga* 'то же' (Muka SDSR), в.-луж. *trūha* 'то же' (Jak. HSNS). В чешском и словацком *strouha* (PSJČ), *struha* (SSJ) 'канавы, ров' (ср. вост.-полесск. *смуга*), а в сербскохорватском *смуга* 'русло ручейка, потока, реки, по которому течет вода, струя воды' (RHSJ), *смуге* 'рукав ручейка, речушки' (RHSJ); в словенском *strūga* известна в том же значении, что и в сербскохорватском *смуга* и *смуге* (Badj. LjG, 226, 250), а также в значении 'поток ветра' (SSS). В.-рус. диал. *смуга* 'боковой залив, старица на реке', зафиксированное на Псковщине (Кузнецов 1915), соответствует отмеченному восточнополесскому значению 'старое заросшее русло' и с.-хорв. и словен. 'рукав реки, речушки'. От него, вероятно, и развилось сев.-в.-рус. *смуга* 'омут, кодобина в речке, которая летом пересыхает, оставая лишь местами воду' (Даль СЖВЯ), хотя в той же Псковской зоне известны также вторичные значения *истру́га* 1. 'маленькое глухое озерко', 2. 'низкое место, покрытое лесом и водою' (Опыт 1852). Э. М. Мурзаев для термина *иструга* отмечает также значения 'старица', 'покинутое русло', 'омут', 'рукав реки', 'болотце, заливаемое водой' (Мурз. СМГТ)⁴⁸. Последнее из них, так же как и псковск. 'низкое место, покрытое лесом и водою' соотносится с латыш. *struga* 'болото, лужа' (Mül.-Endz. LVV), которое, вероятно, следует признать заимствованием из восточнославянского.

В несколько специализированном значении термин *стру́га* известен на Смоленщине — 'рвы и пизины, в которые вода заходит от реки во время весеннего половодья, загораживается летом плетнями' (Добровольский 1914). Связь этого термина с приведенными выше ощущается достаточно четко. С другой стороны, он раскрывает путь семантического перехода к омонимичному смоленскому термину *стру́га* 'запруда, способствующая ловле рыбы весной' (Добровольский 1914).

Что касается в.-рус. термина *застру́га* (*заструга*), широко распространенного во всем Поволжье, на Севере

⁴⁸ А. И. Попов отмечает великолукск. *иструга* 'часть бывшего русла реки', 'речное озеро', 'староречье', 'старица' См.: А. И. Попов. Из истории лексики. . . , стр. 87.

и в Сибири, то он демонстрирует довольно широкий диапазон значений от 'небольшой ямы, вымытой водой у самого уреза реки и всегда наполненной ею', 'заливчика в песках, который перегораживается, чтобы запретить выход рыбы', 'залива в реке, огражденного косами со стороны течения, и мели, идущей от берега и тянущейся вдоль по реке', 'песчаной гряды у берега', 'поперечного песчаного порога в реке', 'волнообразной неровности морского песчаного дна' до 'твердых, волнообразных неровностей снега', 'образовавшегося от заметей возвышенного слоя снега' (Подвысоцкий 1885; линия семантического расхождения 'низ' ↔ 'верх'), 'небольшого снежного бугорка с возвышенным острым концом, плоской задней стороной выдвинувшегося навстречу ветру' (Богораз 1901), наконец, 'громadных снежных валов и гряд, образуемых ветрами' (более подробно с указанием географического распространения термина см. СРЯ 1903).

Выше был приведен пример: *ў Заліс'с'е була погон'а, там стру́га прот'ікала* (Смн.). В этом случае *погон'а* 'узкая ложбина, место стока вод при весеннем таянии снега и атмосферных осадках': *ўэто погон'а, де вода прот'ікае нависні, ці посл'а дощ'ів* (Смн.). Ср. также *погон'а* 'узкая и длинная низменная местность среди более возвышенной' (пояснение информатора: «такая ложбина может быть в лесу, на поле, сенокосе». Лх.). Однако этот термин известен и в качестве болотного: *погон'а* 'заболоченная ложбина': там лоза росте, літом влісті не мѳжно, — болѳто *ўш'ча* (Кк.); *погон'а* 'очень густые заросли, тянущиеся больше на болоте и на низких местах' (Зд. Гр.). Термин *погон'а* распространен в Центральном и в примыкающем к нему Западном Полесье. Фиксация его вне Полесья нам неизвестна. **Pogonja* — именное приставочное образование от **rog-nati* с внутренней формой 'место, что гонит воду'. Ср. сходные словообразовательно (но часто бессуффиксальные) и отчасти семантически: **po-tokъ* 'поток, ручей' (**tek-ti* 'течь'), **po-roj* 'стремительный поток воды' (**ry-ti* 'рыть'), **po-loj* 'речной залив' и др. 'подснежная вода' и др. (**li-ti* 'лить'), **po-plavъ* (см. стр. 173) (**plav-i-ti* 'затоплять'), **po-nik* 'подземный ручей, выходящий на поверхность или исчезающий вновь' (**nik-ti, nik-nq-ti* 'возникать'), **po-nogъ* 'пропасть' (**ner-ti* 'нырять') и др.

выжар, погарь, бол, прорва и др.

Названия различных ям и небольших водных просторанств на болоте образуют специальный раздел полесской болотной терминологии, изобилующей разнообразными терминами. Часть из них различается не только формально (лексемно), но и семантически и относится к разным денотатам, часть же, относясь к одним и тем же денотатам и обладая одинаковыми семемами, оказывается синонимами в пределах одного диалекта или междиалектными.

В качестве одного из характерных полесских терминов К. Мошинский приводил *выжар*. Он зафиксировал его в Восточном Полесье (Гл. Др. Дк.) и определял как 'место на болоте, где выгорел торф, иногда до глубины одного метра, заполненное водой' (Mosz. PW, 15). Нам он обнаружен в том же значении в западной, центральной и восточной частях Полесья: *выжар*, мн. ч. *вижарі* 'яма от выгоревшего торфа и травы' (Рд.); *выжар, віжар* 'то же' (Хр. Ом. Гр. Вл.), *ўжар, ўжар* 'то же' (Дк. Др. Гц. Ш.); *вужаріна* 'то же' (Гл.), *віжар* 'выжженное место в лесу или на болоте' (Лх.); ср. *віжар* — *віжоріне місце* (на болоте и в лесу) (Св.); *вижар* 'глубокое место на болоте, яма, заполненная илом', синоним *окно* (Зд.). В Хоромске синонимом к *выжар* выступает *віжор*, а в Ольманах *выжар* противопоставляется *крініці*: *јѳжелі велікаја мѳстїна, ўѳбр'ац' крїніца, а малаја — выжар* (Ом.). В Буде *выжар* 'когда-то сторевший и проросший лес' — синоним *пажар*: *маладѳ л'ѳсе на пажар'е парѳс* (Бд.).

В некоторых случаях, как в д. Симоновичи, *выжар* — чисто болотный термин без признака окружающей лесной растительности: *выжар* 'выгоревшее место на болоте', 'место, где когда-то горело болото': *јак ліс віжорит', то він зноў наростѳ, а болѳто віжорит', то назавши тѳје мѳс'ц'ѳе віжар зовўт' — скотїну на віжар ўѳїлі; там би јамка* (Смн.). Иногда же, как видно из примеров, приведенных выше, *выжар* может быть в лесу. Выгоревшее место на болоте, ставшее ямой, обычно затопляется водой и потому *выжар* входит в ряд терминов, означающих водное пространство на болоте (реже в лесу). Ср. *ўжар* 'выгоревшее место на болоте, заполненное водой' (Гл.): в *ужарах*, *ў* тих *јамах ш'ч'ўч'кі лѳвал; вјунї, лїн'к'ї* попадајуца в *ужарах* (Гц.). Однако нередко признак

“выгорелость” оказывается устаревшим. Так, в Одрьжине *вѣжар* только ‘топкое открытое место на болоте или в лесу’: *вѣжар* бива́је на болѳти і ў лѳси, як ўлѳзе ў јѳб корѳва, то не вѳлзе (Од.). Ср. *вѳж’ер* ‘топкое болото’ (д. Усов, Лельчицк. р-н, карт. ДАБМ 993).

Термин *вугоръ* встречается sporadически в Центральном и Восточном Полесье. В Хоромске, как отмечалось выше, наряду с *вѣжар* известно *вѳгор* ‘яма с водой на болоте или в лесу’: *вѳгор* лѳсу ‘яма как озеро’ (пояснение информатора Хр.). Ср. *вѳгор*, *вугорѳц* ‘выгоревшее болото в лесу, мелкое и трухлявое’, ‘небольшое чистое место среди волоки’: *вѳгор* — *ничѳго* *ни* рас’т’ѳ, *однѳ* *травѳ* *позас’ѳдѳје* *по* *береѳѳх* (д. Серые, Ельск. р-н).

На крайнем западе исследованной полесской территории в качестве междиалектного синонима к *вѣжар* зафиксировано *пѳгар* ‘выгоревшее место на болоте’ (Од. Млр. Зб. Лк.): *ў* *тѳму* *поѳарѳви* *водѳ* *булѳ*: *ў* *поѳарѳви* *водѳ* *набрѳў*: *бикѳ* *напојѳў* (Млр.); *поѳарѳ* *такѳје*, *де* *болѳ* *то* *поѳарѳло* (Лк.); *вѳт*, *ка*, *сухѳје* *лѳто*, *пѳгар* *вѳсох* (Лк.). Отметим при этом, что так же, как и *вѣжар*, термин *пѳгар* (уменьш. *поѳарѳц*) очень часто употребляется без признака “выгоревшее”, означая лишь ‘топь, топкое место’, ‘низменное место’: на болѳти *ужѳ* *пѳгар*, а у лѳси *баѳнѳ* (Лк.). Здесь наблюдается уже противопоставление по признаку “в лесу — не в лесу”. Однако для выгоревшего места в лесу чаще, чем *вѣжар* и *пѳгар*, употребляется термин *пожѳр*, который не всегда связан с признаком “низменность, топкость места”. Чаще всего *пожѳр* ‘выжженное место в лесу’ (Кн. Дн. Дв.), *пожѳр* (Лк.), *пож’ѳр* (Св.), *пожѳр* (Ор.) ‘пожарище, место, где когда-то был пожар’: *поѳнѳў* *скѳтинѳ* *на* *пожѳр* (Ор.), выступает как синоним термина *ѳрл’ѳ*, или *поѳорѳлѳш’ѳ*, *поѳорѳл’ѳ* (Лк.), в то время как горелый лес называется обычно *ѳорѳл’ѳник* (Св.), подчиняясь словообразовательной модели ряда *берѳзѳник*, *ѳѳбѳнѳник*, *олѳшѳник* и т. п.⁴⁹ Чаще, чем *поѳорѳлѳш’ѳ*, встречаются синонимы *пожарѳиѳца* (Св. Рб. Гр.), или *пожарѳиско* (Мк. Лп. Вт.), *пожарѳиш’ѳ* (Рд. Млр. Хр. Ом. Гл. Гц. Зс), *пужѳрѳиш’ѳ* (Св.) ‘выжженный участок леса’. Последние подчиняются то одной, то другой словообразовательной модели в зависимости от ряда *ѳитѳниско*, *ѳѳчѳнѳш’ѳ*, *(в)ѳўѳш’ѳ* и т. п. или *ѳѳт-*

нѳш’ѳ, *ѳѳчѳнѳш’ѳ*, *(в)ѳўѳш’ѳ* и т. п.⁵⁰ Вообще в Полесье эти слова отличаются довольно богатой синонимической. Так, например, в д. Радеж зафиксирован следующий синонимический ряд: *пожорѳиш’ѳ*, *погорѳл’ѳ*, *бѳнис’ко*, *вѳпал’ѳнка*. При этом последнее — *вѳпал’ѳнка* имеет дополнительный семантический признак “искусственно выжженное, выжженное человеком”, который отсутствует у других перечисленных синонимов.

В ряде случаев *пожарѳиш’ѳ* в Полесье может означать не только ‘пожарище, место, где выгорел лес’, но и ‘место, где когда-то горел лес’ и даже ‘лес на выгоревшем месте’. Ср. *пожарѳиш’ѳ*, редко *л’ѳс* = *пожарѳиш’ѳ* ‘молодой лес, выросший на пожарище’ (Бд.), см. ниже аналогичные значения в других зонах. Термины типа *пожарѳиш’ѳ*, *пожарѳиско* имеют распространение далеко за пределами Полесья. Их подробное рассмотрение как не географических терминов в полном смысле этого слова мы опускаем.

На южной окраине Полесья в Новоград-Волынском районе термин *вѣжар* зафиксирован в значении ‘западина’ (с. Михеевка, Мар. МСУГА). В западной Белоруссии на Гродненщине *вѣжѳры* ‘топкие места’: *там* *вѣжѳры* *аднѳ*, *ѳѳѳѳѳ* *н’ѳл’га* (д. Мочулина, Вылковск. р-н. Сцяп. ГГВ). Польск. *wуѳar* ‘место, выжженное пожаром на болотистой или торфяной почве, где в сырое, мокрое время собирается вода’ (SW) полностью соответствует наиболее распространенному полесскому значению. Зап.-укр. *пѳгарь* ‘место, на котором сожжѳл лес’ (Гринч. СУМ со ссылкой на И. Верхратского), бойковск. *пѳгар’*, *поѳар’ѳ’ѳ*, *поѳар’ѳина* ‘место, спаленное огнем или солнцем’ (Рудн. ГНБ, 28). В Восточной и Северной Белоруссии известны термины *вѣгар*, *гѳры* и т. п. Ср. вост.-могилевск. (Краснопольск. р-н) *вѣгар* ‘место, где выгорел торф’, *вѣгыр* 1. ‘место в болоте, где выгорел торф’, 2. ‘болотистый лужок среди поля’ (Бяльк. ДСЎБ), — в последнем случае вновь наблюдается «деэтимологизация» термина (то же в Мстиславском р-не. Бяльк. ДСЎБ); витебск. (Бешенковичск. р-н) *гѳры* ‘выгоревшее место на торфяном болоте’, синоним *вѣгарка*, *гарѳлѳки*, *паѳѳрка* (Касп. ВКС), *паѳѳр’ѳ* ‘большое пространство выгоревшего

⁴⁹ См.: Н. И. Толстой. «Из опытов. . . II», стр. 23—24.

⁵⁰ См. ДАБМ, карты № 270—274.

торфа' (Сенненск. р-н Касп. ВКС). Н. Я. Никифоровский толкует витебск. *gáри*, *вьгари* как 'пожарище, где лес выжжен под пашню' и поясняет, что 'от сущ. *вьгарь* пужко отличать *вьгарки* (употр. во мп. ч.) — выгоревшие торфяные болота и луговинные места» (Ник. ОВБ, 439, СХХП).

В Псковской зоне *вьгор* 'место, где сгорел лес', *вьгарина* 'место, выгоревшее в лесу или на болоте', *вьгаратка* 'выгоревшее место в лесу' (карт. ПОС), *вьгоря* 'место, где раньше был лес, но потом выгорел' (Копаневич 1904—1918), а также *гарь* 'место среди леса, раскорчёванное и выжженное' (карт. СРНГ). На Урале, однако, *вьгор* не только 'выгоревший лес' (Миртов 1930), но и 'небольшая возвышенность на поляне' (Коптеловск. и Сухоложск. р-ны, ССУ)⁵¹, а *вьгора* собир. 'молодые деревья, выросшие на месте выгоревшего леса' (ССУ). В большинстве северовеликорусских, а также в рязанских говорах термину *вьгор* соответствует *гарь*. Ср. архангельск., вологодск., вятск., пермск., уральск., енисейск. *гарь*, *гáри* 'выжженное пожаром лесное пространство' (Подвысоцкий 1885, Иваницкий 1883, Дилаторский 1902, Васнецов 1907, Лукаши 1856, Миртов 1930, ССУ) и рязанск. *гарь* 'горелый лес' (Городцов 1902), соотносимое с вологодск. *гарь* 'обгорелый лес на болоту' (карт. СРНГ). Интересно развитие семантики термина *гарь* в Архангельской, Северно-Двинской, Ладужской и Обской зонах. Так, в Архангельской зоне, помимо отмеченного выше *гарь* 'выжженное пожаром лесное пространство' (Подвысоцкий 1885 с пометой *повсем.*) и *гáриво* 'пожарище, погорелое место' (Доп. Оп. 1852), зафиксировано *гарь* 'лес на горелом месте': где уж на горелом месте лесок поднялся, так это гарь, а где недавно горело, так пол; пол долго не заростат (Кеврола, Пинежск. А. К. Матвеев 1961; ср. приведенные выше полесск. *пажар'гш'ч'а* и уральск. *вьгора*). В Обской зоне *гарь* 'осинник, выросший на выгоревшем месте' противопоставляется *бѣли*: вот сгорит всё, если березник родится на этом месте, то бѣль, если осинник, то гарь (Колпашевск. и Верхне-Кетск. р-ны, Томск. обл. ССО),

⁵¹ В этом случае снова при сравнении с центр.-полесск. *вѣгор* 'яма с водой на болоте или в лесу' (см. стр. 198) наблюдается поляризация значений по линии 'верх' ↔ 'низ': 'яма в лесу' — 'возвышенность в лесу' (см. стр. 101).

но при значении *гарь* 'смешанный лес на выгоревшем месте' эта корреляция отсутствует (Верхне-Кетск., Зырянск., Томск. Шегарск. р-ны. ССО). У Ладужского озера *гарь* 'густой лес' (Кедров 1898), а в с. Усьянско-Дмитровском в бассейне Северной Двины М. Романов записал, что «гарь — хороший еловый лес на сухой почве» и пометил: «не пужко смешивать с горелым лесом; этот последний называется на Усье горильцем» (Романов 1928)⁵². Так, в результате постепенных семантических сдвигов утратилась, наконец, первоначальная «внутренняя форма» слова⁵³.

⁵² Предположение М. Романова, что усьянск. *гарь* восходит к шведск. *gran* 'ель' через эганы **гран* > *гарань* > *гарнь* > *гарь*, очень мало вероятно. Приведенные выше примеры демонстрируют достаточно убедительно этапы семантической эволюции от *гарь* 'пожарище' до *гарь* 'густой лес'.

⁵³ Наблюдаемый семантический процесс связан с тем фактом, что местные географические термины очень часто выполняют ту же функцию, что и топонимы. В отличие от последних, которые только называют, термины обозначают (см. подробнее: Н. И. Толстой. Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции. «Топонимастика и транскрипция». М., 1964). Горелое место называется *гарью*, и здесь еще «внутренняя форма» мотивирована свойством референта, затем на том же месте вырастает лес и мотивированная связь утрачивается. Если бы такой случай был единичным, возник бы топоним *Гарь*. Когда же таких случаев оказывается множество, топонимы не возникают, а возникает новый географический термин — старый лексема соответствует новая семема 'густой лес' и т. п. Отличие топонима от географического термина, таким образом, можно объяснить статистически. Топоним — единичен, географический термин — множествен. Здесь можно было бы привести немало случаев из Полесья, когда в отдельных говорах (отдельных населенных пунктах) географический термин в силу единичности, уникальности референта, знаком которого он является, превращается в топоним. Таковы, например, *Бор* в Голубице и *Пл'осо* в Шестовичах, ибо носителям говора не были известны другие боры и другие плеса, для них *Бор* и *Пл'осо* уже *урбчище*, *урбчиско* — топоним. И наоборот, при множестве одинаковых топонимов (т. е. имеющих одну и ту же лексему), относящихся к одинаковым (одинаковым функционально или физически) референтам, топоним иногда превращается в географический термин. Ср., например, *Черемушки* (Московские *Черемушки*, *Ташкентские Черемушки* и т. п.), или переход *Дунай* в *дунáй* 'река' в украинских диалектах (Jurk. ВР, 462), закарпатск. *Тисы* в *тйса* 'река', *межтйсами* 'остров' (Дзеп. УНО, 112) и т. п. Подробнее см.: Ю. А. Карпенко. Взаимосвязь географических терминов и топонимов. «Местные географические термины в топонимии». М., 1966.

В Восточном Полесье зафиксирован термин *бон* (*бом*) 1. 'выгоревшая глубокая яма в торфяном болоте, заполненная водой', 2. 'глубокая яма в реке' (Бд.): на круґу можна параїті, а бон ужэ на парод'еш (Бд.). Этот мало-распространенный в Полесье термин соответствует карпатскому *ббня*, *ббнице* 'глубокая яма на болоте, наполненная грязной водой': ббн'а гей глббкa — веліка ббнице (с. Чорпа. Гриц. СЗО); там на млаці така ббн'а, що мaло корба не потала (с. Луг — Росишка. Гриц. СЗО, см. также карт. КДА), бойковскому *ббн'а*, синоним *боркaн* 'большая стоячая вода' (с. Вышков, Долинск. р-н. карт. КДА), кашубскому *bonawa*, *bonawka* 'дёрн, трава' (АЖК II, 162) и нижпелужичскому *bon*, *bonk* 'луг, поляна' (Мука SDSR), 'влажный мокрый дерн'⁵⁴. Вероятно, +*bonъ* является достаточно давним заимствованием из германского (ср. нем. *Bonn* 'мокрая луговая трава'), сохранившимся в окраинных островных зонах у лужичан, кашубов, полешуков и карпатских украинцев.

В Западном Полесье в с. Ляховичи отмечен синоним к термину *віжар* — *паї* мн. ч. *паїї* 'яма на болоте, заполненная водой': паїї повиґаривали (Лх.) (возможно, из *паль*, *пали*, ср. аналогичную пару *п'ел'а* ~ *п'еја*, стр. 168).

Термин *прірва* означает в Западном Полесье 'яму на болоте после выгнивания торфа' и т. п. (Зб. Св.). Ср. *прорва* 'тонкое место' (д. Добруччи, Пружанск. р-н. карт. ДАБМ 980). Ему почти синонимичен термин *прорів* 'место, где можно провалиться': прорів на плавах (Ол.), в то время как *перерва* означает 'место, где вода размыла дороґу' (Лх.). Последнее значение в Центральном Полесье закрепилось за лексемой *прбрва*: жекелі прібртна вода порве дорбѹ, то зовѹц'а прбрва (Хр.). Ср. ярославск. *прбрво* 'ручей' (Мельн. КЯОС).

В. И. Даль определяет *прбрву* как 'прорыв, пролом, особенно от воды', 'прямое русло реки, прямой проток, который река вновь продолжила, покинув старый, окольный'; 'рукав, соединяющий два рукава одной реки или рукав одной реки с другою' (Даль СЖВЯ, см. также Маш. МОВС). И. И. Носович приводит для *прорвы* три значения: 1. 'промоина, прорыв плотины водою'; 2. 'про-

пасть, вырытая сильным падением воды'; 3. 'прорванное место' (Нос. СБН). Второе значение, правда, без указания на действие воды, отмечено в северско-белорусских говорах: *прбрва* 'бездонная пропасть' (Раст. СБГ) и зафиксировано почти повсеместно на украинской территории: *прірва* 'глубокая пропасть' (Мар. МСУГА). В Кировоградской обл. наряду с отмеченным значением известно также *прірва* 'крутой склон горы', 'крутой отвесный берег' (Мар. МСУГА).

Семантическая связь существительного *прбрва* (*прірва*) с глаголом *прорват* 'прорвать, пробить', *прорвају*, *чуа* 'прорваться, провалиться (в болото и т. п.)' (от **pro-rvati*) ощущается достаточно четко (ср. *плав* — **plavati*, *трясовина* — **tręsti* и т. п. см. стр. 171—176). Того же характера в общем образовании типа с.-хорв. *прбвала* 'пропасть' (RHSJ), ср. **pro-valiti* 'пробить, провалить'; *прбнаст* 'то же' (RHSJ), ср. **pro-padti* 'пропасть' и т. п.

плёсо

К болотным терминам в известной мере относится также полесск. *плес*, *плёсо* мн. ч. *плесá*. Ср. *плёсо* 'водное пространство на тонком болоте' (обычно 3 × 3 или 5 × 5 м.) (Лк.); *плёсо* — самáя вода, так, абы колодец выкопаниј (Лк.); *плёсо* 'грязное, не поросшее растительностью место на болоте, где высохла вода' (Рд.); *плес* 'пространство воды на болоте (сотки две, три, или 10—15), иногда заросшее *черботој*'⁵⁵. В Сварыни, помимо болотных участков, *плёсом* называются и заболоченные берега озер. Таким образом, наблюдается переход от водного термина к болотному (или наоборот). К. Мошинский отмечает в Восточном Полесье в районе Хойника топоним *Пл'бсо* — название торфяного болота и указывает со ссылкой на Ч. Петкевича, что в Речицком Полесье так называются некоторые торфяные болота (Mosz. STTF, 12).

⁵⁵ *Чербот* 'тростник, *Phragmites communis*' характерен для многих болот Полесья и других славянских зон. По названию этого болотного растения возник географический термин +*čertъ*, означающий 'болото'. Ср. польск. диал. (из вост.-слав.) *czereł*, *czerot* 'болото среди леса, поросшее камышом и тростником' (SW), с.-хорв. кайкавск. *črēti* 'болотистое место, особенно в лесу', 'лесное болото' (RHSJ), словен. *čret*, *čréta* 'болото, болотистая местность' (Badj. LjG, 257).

⁵⁴ Что касается карпатск. *ббн'а*, *ббнице*, то здесь вполне возможно допустить, как заметил Р. В. Кравчук, происхождение от *кав-боня*, *бул-боня* или даже *бодня* (см. стр. 226).

Нами в том же Восточном Полесье, но несколько западнее, *пл'осо* зафиксировано уже не как специальный болотный термин, а как 'чистое пространство в лесу' и 'низменное место в заливных лугах'. Ср. *пл'есо*, *пл'осо* 'чистое пространство среди леса, не лес', синоним *у́ало* (Гл. Др.): *ид'ом с л'есу — от' яко́же пл'есо!* (Др.). В Дяковичах отмечено то же значение, там *пл'осо* противопоставляется *у́алу* по признаку величины; *у́ало* — большее по площади (Дк.)⁵⁶. Южнее Мозыря *пл'осо* 'низкое мокрое место на дугу', синоним *бз'еро* (Бд.): то *у́рада*, а *ми́к у́рад* — *пл'осо*, там вода *дэ́ржиц'ца*; *лава́јут' р'ибу* у *пл'ос'е* (Бд.); *пл'осо* 'низменное место на заливных лугах' (Кн. Дн. Дв.): вода *потом'ит* і *у́ради* і *пл'осо*; *у́рада* *потом* *пл'осо*, *у́рада* *потом* *пл'осо* (Кн.). Значительно севернее этой зоны уже в районе Бобруйска *пл'ос* 'болото' (д. Плессы. Жак. ДМ).

Вне Полесья и примыкающих к нему территорий *плёсо* известно почти исключительно как водный термин. Лишь в словаре Б. Д. Гринченко отмечено диал. *плёсо* 'грядка четырехугольной формы': *плесо* *огірків*, *капусти* (б. Змеевск., Лебединск. и Константиноградск. у. Гринч. СУМ)⁵⁷. В большинстве же случаев укр. *плёсо* 'озеро по течению реки, сильно расширенное место реки, чистое, незаросшее, с тихим течением' (Гринч. СУМ). Это значение отмечается и в бойковских — *плёсо*, *плесб* (Рудн. ГНБ 28, Оныш. СБД) и в гуцульских говорах — *плёсо* 'спокойное, обычно глубокое место в горной реке, потоке' (Нгаб. NGH, 44)⁵⁸. В Закарпатье, однако, известны значения, которые, во-первых, фиксируют антонимичность по отношению к признаку "спокойствие", во-вторых, по отношению к признаку "глубина": *плёсо* 'глубокая яма в реке с водоворотом' и *плёсо* 'лу́жа' (Дзен. ССДЗ). Ср. случаи аналогичного семантического сдвига для *багно́*,

⁵⁶ Напомним, что Голубица и Дорошевичи расположены на берегу Припяти, а Дяковичи у Князь-озера, однако *пл'осо* в качестве речного (водного) термина там неизвестно.

⁵⁷ Ср. также сев.-в.-рус. пермск., оханск., соликамск. *су́хо-плесы́* 'возвышенные луговые места, на которых худо растет трава' (Волегов. карт. СРНГ). Здесь, вероятно, отмеченный термин противопоставляется водному без первого компонента *сухо-*.

⁵⁸ По данным картотеки «Карпатского диалектологического атласа» *плёсо* (*плёсо*) 'глубокое место в реке, омут' отмечено на севере и северо-востоке зоны распространения гуцульских говоров (в пунктах 48, 50, 65—67, 69, 78, 89 КДА).

безбодня, *яру́га*, *озер'ина* и др. 'лу́жа' (см. стр. 235, 237; 210, 213).

В ареале великорусских диалектов также наблюдаются случаи, когда фиксируются полярные показатели признаков "глубина" и "спокойствие воды", как видно из следующих примеров. «Плесом на реках волжского бассейна называют ту часть реки, где она протекает на десятки верст по прямому направлению, не встречая на пути перекатов, мелей и других препятствий, и значительно глубже остальных мест...». «Волга волгарями делится на плеса...»⁵⁹. Волжский термин *плёсо* толкуется еще как 'фарватер' (Доп. Оп. 1852), *плёс* 'часть речного пути' — в ярославских говорах: между Ярославлем и Рыбинском (Мельн. КЯОС), *плёсо*, *плесб* 'глубокое место в водоеме, яма' — синонимы *бочаг* и *богот*, *боготб*, *боготье* 'глубокое место в реке, где она принимает настоящий вид реки', *плёсо* 'небольшой отлив воды', 'пространство воды между двумя изгибами' (Мельн. КЯОС). На Севере в олонечких говорах отмечены те же значения: *плёсо*, *плёс* 'тихое, глубокое место в быстротекущей реке', 'водное пространство между двумя мысами в озере' (б. Каргопольск. и Олонечк. у. Куликовский 1898). Для архангельских говоров А. Подвысоцкий отмечает *плёсо*, *плёса* (уменьш. *плесцо́*) 'прямолинейное направление реки от одного загиба или берегового выступа до другого' (Подвысоцкий 1885), что соответствует волжскому, олонечкому и сибирскому 'всякое тихое глубокое место на реке со спокойным течением, высокая отмель' (Мурз. СМГТ). Однако для Архангельской зоны характерно и 'колени, загиб реки в ее уклонении от прямого направления, вследствие чего течение в этих местах быстрее' (Подвысоцкий 1885), где признак "спокойного течения" оказывается не релевантным так же, как и отмеченный в значении, зафиксированном на Волге, признак "прямого направления". Более того, в Архангельской зоне известны случаи перехода водного термина *плёсо* в сухопутный термин, где релевантным оказывается лишь признак "расстояния": *плёсо* 'пространство, путь, которое пешеход может пройти в один день' (пинежск. Подвысоцкий 1885), вероятно, из *плёсо* 'расстояние водного пути' (ср. волжск.). Наконец, в той же

⁵⁹ См.: С. П. Неуструев. Словарь волжских судовых терминов. Нижний Новгород, 1914, стр. 233.

Архангельской зоне повсеместно *плёсо* 'береговая часть материка, образовавшаяся от завала реки землею, или от изменения направления русла реки' (Подвысоцкий 1885); ср. полесск. *пл'бсо* 'пнаменное место на заливных лугах' (см. выше стр. 204). В качестве термина берегового и подводного рельефа *плёсо* было зафиксировано в Тверской зоне — осташковск. *плёсо, плёс* 'подводное продолжение мыса, отмель' (Доп. Оп. 1852), где вместо признака глубины выступает признак мелководья, хотя современные записи свидетельствуют о том, что «плёсо в Приселгерье — широкое пространство «чистой» воды между островами» (наблюдения А. В. Никитина).

В южновеликорусской зоне *плёс* остается водным термином. Ср. тамбовск., донск. *плёс, плесá* 'небольшой залив в реке' (Опыт 1852). Признак мелководья отмечен в Смоленской зоне, где *плес* 'заовина, мелкое место в озере или реке': рыба гуляить на плясú (Добровольский 1914), по также и *пл'бса* 'чистое, незаросшее среди озера место' (Иванова и др. 1958).

В западнославянских языках *pleso, plosa* чаще всего — водный термин, хотя в диалектах отмечены случаи, когда он означает часть прибрежной суши. Так, в польских диалектах, помимо значения *plosa* 'открытое озеро' и 'глубокое место в реке', 'яма в реке, выбитая водой' (SW), зафиксировано *plos* 'луг' (SW) и *plosa* 'островок из сплетенных водных растений на озере или пруде' (Nitsche GTP, 199). Ср. чеш. и словац. *pleso* 'горное озеро' — синоним *mořské oko, morské oko* (PSJČ, SSJ), чеш. диал. *pleso* 'глубокое место выше плотины'⁶⁰, др.-н.-луж. *plosa* 'глубокое озеро', 'глубина', 'бездонное болото' (Nitsche GTP, 167); ср. полесск. *плёсо* 'водное пространство на топком болоте'.

В современных южнославянских языках этот термин не зафиксирован. Ф. Безлай, однако, приводит значительное число топонимов со словенской территории типа *Ples, Pleso*. По его мнению, этот географический термин заимствован из «дославянского субстрата» (об этимологии, топонимическом материале и литературе вопроса см. Bezl. Sin., 134—135).

⁶⁰ См.: А. В. Исаченко. *Morské oko* — «небольшое горное озеро». «Езиковецки иследвания в чест на акад. Ст. Младенов». София, 1957, стр. 315.

В Полесье место на болоте, где видна вода, не заросшее мхом и другой растительностью, называется обычно *окно́*. Как правило, оно небольших размеров (2 × 2, 3 × 3 метра) и в сухие годы становится незаметным, — его «затягивает» растительностью (Ол.). В д. Деревная, в Центральном Полесье *окно́* — 'чистая вода на болоте' (Дрв.), в соседней д. Городная такое место называется просто *јама* (так и во многих других полесских пунктах). В Олтуше *окна* бывают на *плавові* (см. *плав* стр. 174). В Симоновичах *юкно́* 'топкое место на болоте, где можно провалиться': *юкно́* — там помішана вода з мўл'іу (Смн.)⁶¹. Ср. также *вукно́* 'водная поверхность, яма среди болота': в вукне́ жек стўпиш, то фс'б (Рс.); *окно́* 'глубокая яма на болоте' (Зд. Дк.), 'глубокая яма с водой на болоте' (Др. Зс.). На Воляни *окно́* 'яма на болоте' (д. Озеряны, Турийск. р-н. Волыиск. обл.).

То же значение, что и в Полесье, известно в белорусском литер. языке *акно́ ў балотце* (БРС), в витебских и, вероятно, во многих других белорусских говорах. Ср. витебск. *во́кнішча* 'отверстие в топком болоте, окнище' (Касп. ВКС). В смоленских диалектах *окни́ще* 'глубокое топкое место', 'продушина', 'прорубь' (Добровольский 1914), *вокни́ще, вокно́* 'род самородного в малом объеме глубокого и даже бездонного прудка', 'опасное в озере или реке место, тянущее все вглубь' (Маш. МОВС, ср. ниже бойковск. *вікно́* 'водоворот'), *оклины* мн. ч. 'болотные места, встречающиеся на месте бывших озёр': йес так'ни оклины астаушы, к йим н'е п'дыд'ит' (Слободск. р-н, Иванова и др. 1958), в тверских (осташковских) *акни́ще* 'оконце в трясине, отверстие' (Копорский 1945), в архангельских (мезенских) *окно́* 'открытое и весьма глубокое место на заросшем, заглохшем озере' (Подвысоцкий 1885). Во владимирских говорах, по свидетельству К. Тихонравова, «окнами называются в забких болотах промежутки между кочками, наполненные водой и необыкновенно глубокие» (Тихонравов 1849). На Псковщине *окни́ще* 'трясина, топкое место' (Кузнецов 1915), *окна* 'проруби во льду для ловли рыбы' (Копаневич 1901), а в Архан-

⁶¹ В д. Симоновичи Ф. Д. Климчук записал следующее: «Роска́вујут' шо в ўэтим міс'це ко́лис' бу́ло юкно́, да корову́ бу́ло вт'а́нуло, то чіриз два́ дні корова́ коло́ Пін'ска́ ві́шла»

гельской зоне *окно́* также 'вход в погреб' (Холмогорск. р-н, Широкова 1952).

Во всех перечисленных значениях не трудно увидеть архаическую семантику, если учесть, что с.-хорв. *о́кно* 'чистое, незаросшее место на болоте', 'незамёрзшее место на болоте', 'шахта, вход в шахту' (RHSJ), болг. *окно́* 'отверстие, дыра в каком-либо предмете' (БТР), 'шахта, вход в шахту' (Гер.РБЯ), макед. *окно* 'шахта' (PMJ), словен. *о́кно* 'шахта, вход в шахту' (SSS), *о́кно* 'глубокое место в воде, болоте' (Люблианские болота. Bezl. Sin. 125, 140 см. там же перечень топонимов), польск. *окно* древн. 'ключ, родник', совр. 'небольшое озеро, незаросшее место на болоте' (Nitsche GTP, 208), 'шахта' (SW), диал. *окниско* 'топкое место на зыбком болоте' (SW).

Несколько специфическое значение термина **окъно*, возникшее, быть может, в результате смены референта из-за миграции населения из равнинно-болотной географической зоны в горную, зафиксировано на Карпатах в бойковских и частично соседних надднестрянских говорах. Ср. *вікно́* 'водоворот' (пункты № 5, 6, 12, 13, 31 карт. КДА), *вікно́* 'омут' (пункты № 8, 15, 17, 18, 20, 21 карт. КДА), *вод'ане́ вікно́* 'водоворот' (с. Ластовка, Старосамборск. р-н карт. КДА), *вікнашчэ* 'то же' (с. Тростянец, Калушск. р-н карт. КДА)⁶². Ср. также у Б. Д. Гринченко без указания на место фиксации термина *вікніна* 'воронка водоворота', *вікно́*, *вікніна* 'не заросшее водорослями место на болоте' (Гринч.СУМ).

Семемы, аналогичные рассмотренным, присущи и лексеме **око*, от которой возникло давнее производное **окъно*. С.-хорв. *о́ко*, помимо общеславянского значения 'глаз' и др., сохраняет архаическое значение 'источник', 'место на водной поверхности (озера и т. п.) иной окраски, где бьет родник' (RHSJ), словен. *око́* 'затон, глубокое место в реке, где бьет родник' (Badj. LjG, 252, Bezl. Sin, 141), польск. диал. *око* 'незаросшая, голая часть на водной поверхности' (SW).

⁶² По материалам М. О. Онышкевича, относящимся также к бойковским говорам, *вікно́*, *вікнішчэ* 'пропасть, прорва, глубина' (Старый Самбор, Страшевичи), *вікнішчэ* 'водоворот' (Старое Кобло. Оныш. СБД). В надднестрянских говорах в районе впадения реки Лимницы в Днестр зафиксировано *вікніна* 'бездна' (с. Остров и Козино, Галицк. р-н).

Особый интерес представляет сложный термин **морскоје око*, привлекая уже внимание А. В. Исаченко⁶³. Здесь интересен новый пример из Закарпатья: *морск'э око* 'трясина' (с. Кваси, Тячевск. р-н, карт. КДА). Ср. словац. *morské oko* 'высокогорное глубокое озеро' (SSJ), чеш. *mořské oko* 'то же' (PSJČ), польск. *okno morskie* 'омут, бездна', 'глубокое место в воде' (SW); см. выше бойковск. *вод'ане́ вікно́*. Ср. также литов. *akis* 'омут' (DLKŽ).

В Белоруссии восточнее Новогрудка зафиксировано *чортаво в́ока* 'небольшая, но глубокая естественная яма, заполненная водой' (д. Ерёмичи, Кореличск. р-н, Гродненск. обл. Жак. ДМ). Возникновение термина связано с широко распространенным поверьем, что черти гнездятся на болоте и в глубоких местах. Ср. русск. литер.: в тихом омуте черти водятся (см. также материал, приведенный на стр. 191).

В связи с изложенным любопытно отметить, что в архангельских говорах, помимо приведенного выше мезенского термина *окно́* 'открытое и весьма глубокое место на заросшем, заглохшем озере', известно *глазіна* 'глубокая лужа на моховом болоте' (Подвысоцкий 1885), *глазовіна* 'круглое отверстие в болоте, имеющее сообщение с озером, под ним находящимся' (Доп. Оп. 1858), в то время как 'окна на лицевой стороне дома' также называются *глазами*: наш дом глазами стоит к реке (Подвысоцкий 1885). В соседней Олонецкой зоне *глазінік* 'отверстие во льду, польнья, провал, место, не поросшее травой в болоте' (Куликовский 1898), а в смоленских говорах положение обратное — *окно́* (*вокно́*) означает 'глаз': окна моё видють плоха; мае в́окны плоха смотрють (Добровольский 1914). Ср. также пермск. *озерко́* 'зрачек' (Старцева 1962).

В Полесье *озеро*, помимо общеславянского значения 'озеро, замкнутый в берегах естественный водоём' (ср. *Сп'брисв'ке ўозіро*, *Хр'іс'ке ўозіро*, *В'бл'анс'ке ўозіро* Смн.), означает также 1. 'незаросшее и глубокое водное пространство на болоте' (Гл. Др. Зс. Кч. Бд. и др.): вл'іез'еш у о́зеро не мо́жна в'пл'езті, твап' (Бд.), 2. 'самое низкое место на лугу, где стоит вода' (Гл. Др. Бд.):

⁶³ См. А. В. Исаченко. *Morské oko* — «небольшое горное озеро», стр. 315.

на лу́гу града́, подгра́д'је, оз'еро (Бд.), 3. 'отрезанная мелью часть реки' (Гл. Др.): ловил рибу в долине, а н'е в оз'ер'е (Гл.), 4. 'глубокое место в реке' (Кч.): оз'еро у р'еке́ глубо́које (Кч.). Таким образом, в Полесье *озеро* (*гозіро, вбз'еро*) в значении 'незаросшее, чистое водное пространство на болоте' оказывается междиалектным синонимом для термина *окно́*. То же положение наблюдается в Смоленской зоне, где *окнище* 'глубокое топкое место' (ср. витебск. и тверск. *окнище*) синонимично термину *озерина*: «озеро имеет много окнищ или озерин» (Добровольский 1914). На Витебщине *азярына* 'широкое и глубокое место на реке' (с. Пустоселье, Докшицк. р-н МСНДМ, 65).

В Архангельской зоне *озерина* 'покрытое водяными растениями болото' (мезенск. Подвысоцкий 1885), в Вологодской — *озерина* 'низкое место, где была вода' (Кадухой р-н, Петрова 1950), в Череповецкой — 'лу́жа' (Герасимов 1910), во Владимирской — 'небольшое озеро, образовавшееся в низком месте полою водою' (Волоцкой 1902), в Пермской — 'лу́жа, похожая на озеро, самое маленькое озеро' (Муллер 1863), в Уральской — 'большая лужа' (Бирюков 1934). Здесь наблюдается семантический процесс, обратный отмеченному в сербскохорватских диалектах, где *блато* 'грязь' ↔ 'болото' ↔ 'озеро' (ср. черногорск. *Скадарско блато* 'Скадарское озеро' и т. п.). В обоих случаях становится перелевантным признак "величина". В северно-великорусских говорах этому способствует также значение суффикса *-ина*, обычно выражающего единичность, отдельность (иногда даже, как, например, в псковских говорах, с оттенком уменьшительности; см. стр. 146).

В Псковской зоне *озэрье* 'глухое озеро, поросшее уже мелким леском' (пороховск. Доп. Оп. 1858). Кроме того, в связи с лексемой *озерина* можно еще раз отметить явление называния травы (сена) по месту ее произрастания (см. стр. 248).

В Псковской и Тверской зоне *озернина, озерница* 'озерная вода' (Карпов 1855, Доп. Оп. 1858).

Ряд болотных терминов является одновременно речными и озерными. Болотная терминология в той ее части, где она не касается суши (в такой мере, в какой на болоте можно отделать воду от суши), а топких, залитых водой участков, оказывается водной терминологией, иногда

не дифференцированной по отношению к речной и озерной.

Так, в некоторых пунктах Полесья *рiчка* 'непроходимое болото, трясына' (Рс.): *рiчка* — шо парэ́тнi? ны мб́жна, ѓру́зко, як упадэ́н, то на кул'iнах вiлэ́зiш (Рс); *рiчка* 'течение на болоте' (Гл.); *рiчка* 'участок воды на болоте, больший, чем *криница* (протяженностью до 0,5 км)'.
 Термин *пріст'*, отмеченный в словаре Э. М. и В. Г. Мурзаевых как речной апеллятив, употребляемый на Припяти — *прість* 'прямой мелководный проток между рукавами реки или рекой и рукавом' (Мурз.СМГТ), зафиксирован нами на Пинщине как *пріст'* (местн. п. у *прістi*), уменьш. *прісточка* 'течение воды на болоте' (Лп.). Значение, отмеченное Э. М. Мурзаевым, достаточно древнее и исходное, указывающее на 'прямой водный путь', 'прямик' [ср. полесск. *прбсто* 'прямо', *напрістiу* 'напрямик' (Ш.), б.-рус. *прбсто* 'то же' (БРС, Нос. СБН), укр. *прбсто* 'то же' (УРС), польск. *prostó* 'то же' (SW)], не может поставить под сомнение этимологию бойковского *пріст'*, р. п. *прістi* ж. р. 'глубокая вода в реке или ручье' (Рудн. ГНБ 29), надднестрянского *пріс'ц'* 'омут' (с. Тростянец, Калушск. р-н. карт. КДА), *пріс'ц'*, *прістенка* 'то же' (с. Илемня, Долинск. р-н, карт. КДА). Семантический переход 'прямой водный путь через болото' → 'глубокое место на болоте' → 'глубокое место в реке, ручье' снимает сомнения об этимологии слова (см. Jurk. OZUG, 71) и свидетельствует о возможности проникновения термина из Полесья на Карпаты, а не наоборот. На первоначальное бытование термина **prostь* в качестве коммуникационного указывает также диал. в.-рус. *прість* 'прямой путь, прямая дорога, прямик' (Даль СЖВЯ), б.-рус. *прісц'ёнъ* 'прямик — дорога' (Нос.СБД). Ср. также диал. польск. *prośc* 'проток' (SW).

Наиболее топкие места на болоте, оказывающиеся часто и наиболее глубокими местами, обозначаются иногда теми же терминами, что и глубокое место в реке. Последнее в свою очередь далеко не всегда, как отметил Ф. Безлай (Bezł. Sin. 125), дифференцируется по отношению к водовороту, так как водовороты бывают именно на глубоких местах. Рассмотрим некоторые речные (и озерные) термины этого порядка.

ОМУТ. ЯМА. ЛУЖА

vir

Термин *vir* (*vir*) распространен почти во всем Полесье. Его значение несколько меняется и колеблется, возможно, даже в зависимости от того, живут ли носители говора в населенном пункте, расположенном на реке, на озере или в стороне от водоемов. Так, на Припяти и Горыни *vir* 'водоворот' (Хр. Вл. Зс. Кч. Др. Кн. Дн. Дв.), на Князь-озере (Червонном) *vir* 'глубокое чистое место в озере' (Дк.), а *вўкрут*, синоним *кўўча*, 'водоворот': *вўкрут* — д'е сїл'но вода кўўц'їц' (Дк.), в Лопатине *vir* 'большая яма в реке, омут' (Лп.), в Буда-Головчицкой *vir* 'небольшая яма, заросшая травой' (Бд.).

В значении 'глубокое место в реке, озере', 'водоворот' термин *vir* известен в большинстве белорусских говоров (ср. могилевск., червенск., витебск. северско-б.-рус., Бяльк. ДСЎБ, Шат. КСЧ, Касп. ВКС, Раст. СБГ) и в белорусском литературном языке (БРС)¹. В том же значении *vir* приводится почти во всех украинских словарях (Jurk. OŽUG, 72). Материал Карпатского диалектного атласа отмечает *vir* (*vēr*, *выр*) 'водоворот', 'глубокое место в реке, омут' не повсеместно; наряду с ним в качестве междиалектных синонимов чаще всего встречаются *кўўтїж*, *бул'бїна* и *плїсо* (карт. КДА). Особое значение отмечено лишь в некоторых падднестрянских говорах — *vēr* (*вєр*) 'пропасть' (с. Семигишев,

¹ И. И. Посович отмечает также *vir* 'быстрота реки' и 'быстрый ручей' (Нос. СБН). На Гродненщине *в'ирбїк* 'ручеек' (Вылковыск. р-н, Сцяш. ГТВ).

Стрыйск. р-н, с. Гошев, Калущк. р-н, карт. КДА). Из дериватов, сохраняющих то же значение, что и *vir*, можно привести зап.-укр. *вўрло* 'глубокая яма на дне реки' (Jurk. OŽUG 72), бойковск. *вировїня* 'то же' (Рудн. ГНБ 33). На великорусской диалектной территории этот термин отмечен в Смоленской зоне: *vir* 'глубокое место на озере, реке или болоте' (Добровольский 1914), в исконной зоне, где *vir*, помимо отмеченного выше значения, также 'тонкое место' (карт. СРНГ), *вўрина* 'глубокое место в реке, водоворот' (карт. СРНГ), в Курско-Орловско-Брянской зоне, где *vir* 'глубокое место в реке, озере', 'водоворот в реке', 'омут' (Халацкий 1904, Кардашевский 1947, 53, Тиханов 1904) и спорадически в ряде соседних говоров. Ср. также польск. диал. *wyrek* 'глубокое место в реке' (Nitsche GTP, 168), болг. *vir* 'глубокое место в реке, где медленно течет вода, омут', 'яма, наполненная водой' (БТР), макед. *vir* 'лу́жа', 'огороженное место для скопления воды' (PMJ), с.-хорв. *vīr* 'водоворот, глубокое место в реке', диал. 'источник' (Schütz GTSK, 73), словен. литер. *vīr* 'источник, родник', 'водоворот' (Badj. LjG 230. SSS), уменьш. *vīrček*, *vīršček*, *vīrek* 'источник, родник' (Badj. LjG 230). Ср. словен. диал. в Робедишче *vīr*, *vīar* 'глубокое место в реке', в Савиньской долине *vir* 'источник', в Белой Краине и Истрии *vir* 'водоворот, глубокое место в реке' (подробнее см. Bezl. Sin., 127)².

Из семантических смещений интересно отметить макед. *vir* 'лу́жа', где наблюдается исчезновение признака "глубина". Ср. аналогичное укр. полтавск. *безбїдня* 'лу́жа', словен. краньск. *tonja* 'лу́жа' и т. п. см. стр. 235, 241, 204).

Что касается этимологии праслав. **virъ*, то вероятнее всего, что он связан с праслав. **vbr-ě-ti* 'кипеть, клокотать', отражая другую ступень чередования (см. Фасм. ЭСРЯ). Ср. с.-хорв. *врїло* 'источник, родник', словенск. *vrēlec* 'то же', в.-рус., б.-рус., укр. *ключ* 'то же' и с.-хорв. *врїти*, *кљўчати* 'кипеть, бурлить, бить ключом', *врїла вїда*, *кљўчала вїда* 'кипяток' (RHSJ).

² В числе многочисленных этимологически тождественных словенских междиалектных синонимов Ф. Безлай приводит: *vėri* 'водоворот, глубокое место в реке' (Поляне), *vėren* (Випава), *vrij* и *brėj* (Брда), *berij* (Врсно, Брегинь) и *izber* (Борьяна). *Berij*, впрочем, означает 'большая лужа' (Bezl. Sin., 128).

В Центральном и Восточном Полесье отмечены также термины *омут* и *загроба* в значении 'глубокая яма в реке, омут'. Первый из них, хотя и с иным вариаantom лексемы, имеет достаточно широкий ареал распространения вне Полесья (ср. в.-рус. *омут* 'омут, глубокое и тихое по течению место в реке', укр. обл. *омут* 'то же' — УРС, Мар. МСУГА — возможно, под влиянием русского языка, а также русск. *мут* 'осадок, ил, грязь', польск. *met* 'мут, осадок' и т. п.), второй нам представляется локальным восточнополесским, этимологически связанным с *уроб* 'могильная яма, могильный холм' и т. п. Ср. *обтмет* (Хр.), *обтмут* (Гл. Бл.), *омут* (Кн. Дн. Дв.) 'глубокое место в реке, омут'; *зауроб*, *зауробина* 'глубокая яма в реке', 'обрыв', 'глубокая яма в земле' (Гл. Др.); *зауробба* 'глубокая яма в реке' (Бл.), *зауробина* 'то же' (Хр.)³.

Помимо отмеченного выше локального полесского термина *вукрут* (из **vy-krotъ*) 'водоворот' (Дк.): *вукрут* — д'е сіл'но вода круціц' (Дк.), известно еще *круча* 'водоворот' (Дк. Зм.): на круче челоу'ек мо́же захваціца (Дк.), *кручен'* 'водоворот' (Гл.), *крутоворот* 'то же' (Лк.) и *вертолал* 'водоворот в реке, озере на месте, где бьет родник' (Рд.), связанные с глаголом **krot-i-ti* 'крутить, вертеть'; в последних двух случаях также с **vort-i-ti* 'вращать', **vort-ě-ti* 'вертеть'. Эти термины находят свое соответствие в ряде украинских говоров, особенно в Карпатской зоне, где широко известны дериваты типа *круч'іж* (к' < т'), *крутиш*, *крутіл* 'водоворот', реже

³ Эта словообразовательная модель с приставочным (*за-*) и суффиксальным (*-ина*) образованием (последнее несколько факультативно) широко распространена в украинских говорах. Ср. *завалина* 'место, где провалилась земля, впадина', *заглибина*, *заглибина* 'впадина', *задолина* 'небольшой овраг, долина', *закітайна* 'долина, котловина', *западина* 'впадина', *заплавина* 'мокрая заболоченная местность' (Мар. МСУГА). Инвариантным значением всех этих терминов является 'углубленность', вернее 'углубление, впадина'. Они не обладают семантическим признаком 'места, находящегося за каким-либо другим местом' типа *заболотье* 'местность, место за болотом' и т. п. О последнем типе подробнее см. в монографии М. Карася (M. K a r a ś. Nazwy miejscowe typu Podgóra, Zalas w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955.)

крутѣло, *кружѣло*, *крутіл'ниц'э*, *скрут*, *закрута*, *круч'і* 'то же' (карт. КДА). Ср. также в.-рус. *крутень* 'водоворот' (Даль СЖВЯ).

каверть, сажалка, копанка

Локальным и, вероятно, архаичным восточнополесским термином является *каверть* 'небольшая глубокая яма с водой (обычно только на лугу)' (Гл. Др. III. Бл.): в лесу *јама*, а на лу́гу, на за́лве — *каверть* (Ш.), в Боложевичах также — 'глубокая яма в реке' (Бл. наблюдения Р. В. Кравчука). Его этимология может быть представлена как **ka-vort-ь*, где *ka-* местоименная приставка (ср. **ka-dьlbъ* см. стр. 220)⁴, а основа *-vortь*, связанная с глаголом **vort-ě-ti* 'вертеть'. В Голубище синонимом к *каверть* выступает *бз'еро*, если оно большей величины (см. стр. 209), в Шестовичах — *сажалка*.

Распространенная почти во всем Полесье, Белоруссии, на Украине, Смоленщине *сажалка* означает в большинстве случаев 'пруд, рыбный садок' (ср. этимологическую связь с глаголом **sad-ja-ti / sad-i-ti* 'сажать'), а также 'естественный или выкопанный колодец для собирания воды'. Первое значение известно в белорусском литературном языке (БРС), оба указанных выше значения термина *сажалка* (вариант *сажавка*) бытуют в украинском литературном языке (УРС). В украинском Восточном Полесье *сажалка* (*сажалка*) 'выкопанный пруд, большая яма с водой' (Лис. СССР). Зафиксированное в белорусском Восточном Полесье в Шестовичах значение отражает процесс некоторой детерминологизации: термин утерял свой специальный рыбоводческий признак и стал только гидрографическим⁵. В Западном Полесье в д. Луково этот процесс не отмечен, — там *сабж'авка* 'небольшая ямка, выкопанная специально для разведения рыбы'

⁴ О приставке *ka-* в славянских языках см.: A. Debeljak. O mrtvih velarnih predponah. «Slavistična revija», I. V—VII. Ljubljana, 1954.

⁵ Вероятно, того же характера переход в термин рельефа, зафиксированный на Черниговщине (с. Мутычев, Ренкинск. р-н), где *сажавка*, *сажалка* 'углубление, низменность' (видимо, широкая яма — Н. Т.), согласно ответу на анкету Т. А. Марусенко (Мар. МСУГА).

(пояснение информатора: «в местах, где нет озер» Лк.)⁶, в д. Ляховичи *сажалка* 'пруд', а на Олтушском озере термин *сажалка* применяется к 'глубокому месту, где водится рыба' (Ол.): там же така жёмка в о́зир'и, — сажалка в нас назива́ет'с'а; триста пудов ри́би за одну́ то́н'у злові́ли (Ол.); мул'ана́ја сажалка (Ол.). Ср. польск. *sadzawka* 'прудок, рыбный садок'; у Рея 'чулан, кардер, темница' (куда «сажали» Н. Т.) (SW).

На Смоленщине наблюдается переход термина из рыбо-ведческой сферы в сферу льповодческую в силу иного функционального использования той же реалии: *сажалка* 'расширенный и углубленный родник, в котором мочат пеньку' (Мурз. СМГТ, со ссылкой на С. В. Кирикова)⁷.

По тому же принципу смещения значения на функциональной основе возникло зафиксированное в Полесье на Гнязь-озере — *копанка* 'место на озере или реке, где стирают белье' (Дк.), в то время как в том же Полесье, в Белоруссии и на Украине *копанка* чаще всего 'искусственная яма с водой, выкопанный прудок'. Ср. б.-рус. литер. *копанка* 'пруд' (БРС), диал. *копанка* 'выкопанный прудок': в копа́нце ри́ба завелася (Нос. СБН), укр. *копанка* 'яма с водой, род маленького колодца без венца' (Гринч. СУМ, УРС), 'выкопанный пруд, сажалка' (Грипч. СУМ, УРС), 'колодец', 'ключ', 'родник' (подробнее см. Jurk. OŽUG, 65), диал. одесск. *копаниця* 'яма, вырытая для скопления воды, бескрубный колодец с долине' (Моск. СОО). Ср. смоленск. *копань* 'вырытая сажалка, озерцо небольшое, искусственно сделанное': у копани мачили пня́нку (Добровольский 1914), новгородск.

⁶ Ср. пояснение Н. Я. Никифоровского, касающееся рыбо-водства на Витебщине в конце XIX в.: «Где нет поименованных и других водовместилищ, окрестные безводники принуждены копать *сажилки* — прудки различного вида — круглые, квадратные, продолжные, — что вполне заменяет *моулы*. В крепостническое время отдельные помещики обязывали крепостных устраивать *сажилки*, по возможности, в каждом отдельном поле и на лугах, даже и тогда, когда под руками находились водовместилища, и помещать туда карасей и линей» (Ник. ОВБ, 485).

⁷ Н. Я. Никифоровский указывает на время, когда *сажилки* на Витебщине изменили свою функцию. «К сожалению, — пишет он, — дело с такими *сажилками* (рыбными садками. — Н. Т.) остановилось на прекращении крепостничества, и только сравнительно в свежее время, в силу строгого воспрещения мочить лен и пеньку в реках и озерах, стали появляться на полях и лугах кое-какие *сажилки*, для мочения льна исключительно» (Ник. ОВБ 485—486).

тихвинск. *копанец* 'копань, наполненная водой, или небольшой колодезь, вырытый в лесу или на пустом месте для временного употребления' (Доп. Оп. 1852), псковск. и тверск.-остаповск. *копанец*, *копанчик* 'худо обделанный колодезь, также яма для сбережения воды на поливку огородных овощей' (Доп. Оп. 1852), воронежск. и астраханск. *копань* 'колодезь, выкопанный в степи' (Опыт 1852). От них, однако, следует отличать сев.-в.-рус. ярославск. *копань* 1. 'явьнь расчищенное место в лесу'; 2. 'бревно, выделяемое из дерева, выкопанного с корнем' (Опыт 1852, Мельн. КЯОС) и юж.-в.-рус. рязанск. *копань* 'чищоба, расчисть, починок, кулига' (Даль СЖВЯ). В русском литературном языке *копанка* и *копань* известны как областные слова: *копанка*, *копань* 'яма, ров, колодец, выкапываемый для собирания дождевой или почвенной воды', *копань* 'место, расчищаемое под пашню', 'дерево, выкорчеванное, вывороченное с корнем' (ССРЛЯ).

Польск. *копанка* 'квашня', диал. *копанка* 1. 'квашня', 2. 'колодезная ямка' (SW) имеет соответствие не только в восточнославянских диалектах, но и в южнославянских. Ср. словен. *kopanja* 1. 'квашня', 'корыто для корма скота', 2. 'ухаб, воронка, западина' (Plet. SNS, SSS), с.-хорв. *копања*, *копањица* 'квашня, долбленое корыто' (RHSJ), макед. *копан*, *копана*, *копанка* 'то же' (PMJ), болг. *копаня*, диал. *копанка* 'квашня, корыто для корма скоту' (БТР, картотека «Атласа болгарских говоров в СССР»).

Таким образом, в вост.-слав. языках, а также в польском и словенском *копань*, *копанка*, *копанка* и т. п. выступает как географический термин, первоначальное значение которого было 'искусственно вырытый маленький водоём, прудок'. Можно предположить довольно ранний переход этого термина в другой регистр, в сферу терминологии посуды, как показывает материал польского и всех южнославянских языков (см. ниже многочисленные случаи параллельного употребления одних и тех же лексем в указанных двух терминологических сферах; см. стр. 219—228), хотя не исключена возможность возникновения термина, означающего 'квашню, корыто для корма скоту' из *копань* и т. п. 'дерево, выкопанное, вывороченное с корнем', способное служить материалом для производства посуды различного, в том числе и большого, объема и прочности.

Участок воды на болоте нередко находится там, где имеется выход для подземных вод. В зависимости от того, сколь дождливо или засушливо время года, он может измениться в размерах, или даже затянуться илом и зарости быльем. Вообще же в Полесье *криница* не всегда 'ключ, источник, родник' (Рд. Ор. Ол. Лк. Мк. Св. Лх. Зд. Сп. Гр. Вт. Хр. Ом. Вл. Гл. Др. Ш. Зс. Гц. Бр. Кв)⁸, а иногда вообще 'небольшое пространство чистой воды пригодной для питья' или даже просто 'участок воды на болоте (3—4 сотки): језелі велікаја мјестіна јовор'ад' криница, а малáја — вб́жар (Ом.). В некоторых пунктах *криница* 'яма на месте вырванного с корнем дерева, заполненная водой' (Дк.), или просто 'яма с водой' (Ол.). В качестве болотного термина *криница* известна в Белоруссии на Гродненщине и на белорусско-литовском пограничье восточнее Вильнюса, где она означает 'топкое болото', 'непроходимое болото' (карт. ДАБМ 139, 140, 178, 183, 350, 385, 387)⁹. В Лепельском р-не в верховьях Вилии и Березины зафиксирована *криница* 'топкое место вокруг родника' (карт. ДАБМ 237) — семема, послужившая, вероятно, промежуточным звеном в семантическом сдвиге 'ключ' → 'болото'. Аналогичное явление наблюдаем в случае — *ключавина, ключевина* 1. 'ручеек у истока', 2. 'место, откуда бьет жила' (псковск., тверск.-осташковск. Доп. Оп. 1858) и *ключевина* 'участок болота, сырое место в лесу' (Мурз. СМГТ). Ср. также латыш. *aluots* 'родник', б.-рус. *алёс* 'болото в лесу' (см. стр. 159).

Термин **krinica* в украинских, белорусских, юго-западновеликорусских говорах и некоторых польских диалектах, пограничных с украинской языковой территорией, почти повсеместно означает 'источник, ключ, родник'. Более древним и, вероятно, первоначальным для географического термина значением, отраженным в современном 'колодец', было 'сооружение для ограждения и

⁸ На Нижней Припяти южнее Наровли зафиксировано *жерелб* 'ключ, родник' (Дн. Дв.), широко известное в украинских говорах.

⁹ Ареал распространения топонимов от апеллиатива *криница* см.: В. А. Николов. Ручей — Ключ — Колодезь — Криница — Родник. «Материалы и исследования по русской диалектологии», вып. II. М., 1961, стр. 192—194.

сохранения воды' (подробнее см. Jurk. OŽUG, 65—66, Mosz. STTF, 6—7).

Особый интерес представляет словенский материал. В словенском языке *krnica* 1. 'водоворот', 2. 'котловинка, западина', 3. 'квашня, долбленое деревянное корыто' (Plet. SNS, SSS, Badj. LjG, 191). Здесь термин представлен под двумя «терминологическими регистрами» — в сфере географической терминологии¹⁰ и в сфере названий посуды. Ср. также словен. *krinja* 'Kübel, кадка' (Plet. SNS). В с.-хорв., болг., чеш. и лужиц. языках **krinica, *krina, *krinьka* и т. п. выступают только как термины посуды. Ср. соответствующее словенскому чакавск. (на острове Крк) *krnica* 'большая деревянная миска' (RHSJ; слово отмечено также в XVII в. в словаре И. Белостенца), штокавск. далматинск. (в Дубровнике) *krinica, krinca* 'глиняная миска', др.-серб. *крина* 'чаша, миска', 'мера зерна' (подробнее см. RHSJ), болг. *крѣна* 'деревянный цилиндрический сосуд — мера зерна (до 15 кг)' (БТР), *крѣна* уменьш. *крѣнка, крѣница, крѣничка* 'деревянный сосуд для меры зерна', обл. (диал. — Н. Т.) 'корзинка', 'плетеная корзинка для ягод', 'коробка', 'небольшая деревянная ступка' (Млад. БТР; н.-луж. *kšinica* 'миска, ступка или стопка', 'масленка', *kšinka* 'чаша, малая ступка или стопка', *kšinawa* 'миска, ступка или стопка' (Muka SDSR); в.-луж. *křinca* 'стопка', 'масленка', *křinka* 'стопка', 'ларь', *křinčka* 'масленка' (Jak. HSNS); чеш. *okřin*, уменьш. *okřinek* 'небольшая, широкая, обычно деревянная миска' (PSJČ, SSJČ); польск. диал. *krzynów* 'деревянная миска' (SW).

Если в болгарских диалектах деминутив от *крѣна* — *крѣнка* и *крѣница* известны в общем как равноправные варианты, что характерно в принципе и для сербскохорватского и лужицкого языков, то в значительной части великорусских говоров *криница* и *крѣнка* (*крѣнка*) семантически разошлись: за первым утвердилось значение

¹⁰ Р. Бадюра дает детальную классификацию значений термина *krnica*: 1. 'неглубокая выбоина, лужа на шоссе, на лесных проселочных дорогах', 2. 'углубление, воронка, в скале', 3. 'яма в воде, омут, водоворот', 4. 'яма, впадина на месте, где подмывают грунт подземные воды, например, подземная река', 5. 'ледниковые кары, цирки в высоких горах' (Badj. LjG, 192). 6. *krničica* 'ямка, углубление, выдолбленное в скале для соли козам и овцам' (Badj. LjG, 178).

'источник, ключ', за вторым — термин посуды. Ср. тверск., смоленск., курск., воронежск., донск. *криница* 'родник, ключ воды', 'ключ, родник', 'мелкая копань, колодец на водяной жиле, куда вставляется бочка, чан' (СРЯ 1926, Опыт 1852, Даль СЖВЯ) и *кринка* (*кринка*) 'горшок для молока', 'глиняный невысокий кувшин', 'большая глиняная чашка', 'глиняный горшок, делающийся кверху значительно шире', характерное для всех северновеликорусских и многих средне- и южновеликорусских говоров (см. подробно СРЯ, 1926)¹¹, а также для русского литературного языка (ССРЛЯ). В псковских и тверских (осташковских) говорах, однако, фиксируется *криница* 'крынка, горшок' (Доп. Оп. 1858), а в онежских (Вытегра) *криница* 'то же' (СРЯ 1926).

Что касается архангельск. *кринка* 'небольшое озерко, скорее яма, наполненная водой' (Доп. Оп. 1858, стр. 324), белозерск. *кринка* 'очень топкое место около лесных озер' (СРЯ 1926) и вологодск. *кринка* 'глубокие места с ямами в реке' (СРЯ 1926), то здесь трудно определить, являются ли эти значения архаическими или вызваны относительно поздним переходом термина из сферы посуды в разряд географических апеллятивов (ср., однако, аналогичное положение в словенской языковой зоне). Ограничимся пока указанием на параллельное употребление терминов в двух регистрах, которые можно наблюдать на довольно многочисленных примерах, где выступают другие лексемы.

Семантическую трансформацию в результате утери признака "сооружение" или просто перехода из сферы терминов посуды в сферу географических терминов претерпело слово **kadъlbъ*, известное в Полесье в трех значениях: 1. 'яма с водой', 2. 'толстое, полое внутри дерево, пень', 3. 'деревянная посуда'. Ср. *кадоўб* 'чистая вода, озерцо на болоте' (д. Рудня Валавская, Ельск. р-н), *кадоўб* 'яма, глубокий залив на реке, где крутится вода' (Зм.), *кадоўб* 'глубокая яма в реке' (Бр.) *кадовб* 'низинка, ложбинка со стоячей водой' (Бл.), *кадолб'ец* 'глубокая яма с водой на лугу или на покосе' (Гл.), *кајдуб* 'вытоптанное скотом место на лугу' (Смн.), *каўтоб* 'мелкое

озерцо на лугах' (Кн. Дн. Дв.), *калдбѣнина* 'глубокая яма' (Дк.). В ряде пунктов Полесья, как, например, в Голубице, известны одновременно два термина-«омонима» из разных терминологических сфер: *кадоўб* 1. 'толстое, полое дерево, пень', 2. 'глубокая яма с водой на лугу' (Гл.). В качестве третьего «омонима» в Полесье широко распространено **kadъlbъ* 'деревянная посуда': *кадоўб* 'выдолбленное в середине дерево наподобие бочки' (Гр.), *кајдоб*, *кајдобэц* 'выдолбленный или берестяной сосуд для хранения муки, масла' (Од.), *кајдуб*, *кајдубчык* 'выдолбленная посуда для муки, соли, сыпучих продуктов' (Лх. Св. Великий Лес, Заречка, Дрогичинск. р-н), *калдубец* 'деревянная посуда для хранения соли' (Мк.): *коліс* 'специально для соли видобували калдубці' (Мк.): *калдубец* 'деревянная посуда для хранения проса, ячменя' (д. Заболотье, Малоритск. р-н), *калдубчык* 'посуда для масла' (Ор. Лк.).

Все основные значения слова **kadъlbъ*, известные в полесских говорах, зафиксированы также на обширной белорусской и украинской языковой территории. Ср. б.-рус. литер. *калдѣбина* 'колдобина, выбоина' (БРС), области. *кадабан* 'то же' (БРС), диал. *калдѣбина* 1. 'выбоина колеса', 2. 'яма, образовавшаяся от течения воды весной, или рытина', 3. 'яма с водой под навесом дерева или кустарника' (Нос. СБН), глусск. (юго-западн. Бобруйска) *кадаўбіна* 'колдобина на дороге', *кадаўб* 1. 'глубокая яма в реке', 2. 'колдобина на дороге' (Янк. ДС I), литер. *кадаўб* уменьш. *кадаўбэц* 'долбленный сосуд, кадолб' (БРС), глусск. *кадаўб*, уменьш. *кадоўбчык* 'посуда для зерна, муки, выдолбленная из целого куска дерева', синоним *кадыр* (Янк. ДС I), червенск. *кадаўб*, уменьш. *кадоўбчык* 'кадка, выдолбленная из дерева' (Шат. КСЧ), б.-рус. диал. *кадовба* 'дерево, выдолбленное и вставленное вроде кади в землю для стока воды, особенно криничной' (Нос. СБН), укр. обл. *ковдѣбина* 'колдобина' (УРС), *ковдѣба* 'озерцо', *ковдѣбина* 'ухаб' (Гринч. СУМ), диал. *ковдѣбашка* 'яма с водой, оставшаяся на лугу после наводнения' (Льс. СОЖ), *ковтѣба*, *ковтѣбина* 'то же' (Мар. МСУГА со ссылкой на А. С. Лысенко), полтавск. *кадовбина* 'яма, наполненная водой', *калдѣбина* 'яма, углубление в земле', синоним *ковбанка* (Ващ. СПГ) и *кадуб* 'большая кадка для муки и т. п.' (Ващ. СПГ), так же укр. лит. *кадіб* (р. п. *ка-*

¹¹ В районе Ростова Великого *кринка* 'посуда для ставленья пшеничного теста — ошары' (Волоцкой 1902). Ср. словен. *krnica* 'квашня'.

доба), *кадівб* (р. п. *кадовба*), редко *кадуб* 'большая кадка, чан' (УРС), 'большая кадка, употребляющаяся для хранения зерна или муки, капусты и пр.', 'квасильный чан для обработки кож' (Григч. СУМ), наконец, *кадіб*, *кадівб* 'часть древесного пня, пустая в середине и вставляемая в родник вместо колодезного сруба' (Григч. СУМ), 'сруб из цельного пня' (УРС с пометой *обл.*).

Удачная этимология интересующего нас слова была предложена еще Ф. Миклошичем, усматривавшим в форме **ka-dъlbъ* местоименную приставку *ka-* и основу, связанную с глаголом *dъlb-i-ti* 'долбить'. Формы типа *калдобина* возникли, вероятнее всего, в результате метатезы. Затем появились и некоторые другие фонетические и словообразовательные модификации, которые широко представлены в великорусских диалектах. (Наиболее подробно этимология слова **kadъlbъ* с указанием литературы дана Ф. Славским — Slaw. SEJP). Ср. русск. литер. *колдббина* 'выбоина, рытвина, ухаб на дороге, яма в реке, озере и т. п.' (ССРЛЯ) с правописанием, не соответствующим произношению и, вероятно, этимологии¹², диал. ярославск. *колдббина* 'яма на дороге' (Мельн. КЯОС), псковск. торопецк. *калдобина* 'рытвина на дороге' (СРЯ 1911), тверск., ржевск., тульск. *колдббина* 'яма с водою в лесу или в поле' (Опыт 1852), тульск. *колдббина* 'пробоина, яма без воды, протоптанное место' (Доп. Оп. 1858), орловск. *колдббина* 'глубокое место, яма в пруде, или реке' (СРЯ 1911), брянск. жиздринск. *калдубина* 'ямка в ручье' (Второе Доп. 1905—1921), прибалтийско-русск. старожилч. *колдбба*, *колдббина* (*голдоба*, *голдобина*) 'яма, наполненная водою': то *мачл'ав'йна*, то *калдб'ина* зовут (Лат.); *в'ык'п'на й'ама*, там *вад'а*, *й'эта з'в'ьд'ца галдб'ина* (СРСП), московск. зарайск. *колдыбань* 'яма на дороге и в других местах' (СРЯ 1906—1907), курск. рывльск. *колдыбань* 'яма, в которую собирается ключевая, дождевая или пропущенная из реки вода, для мочения пеньки' (Опыт. 1852), воронежск., коротоякск. *калдыбань* 'яма, ухаб' (Путинцев 1906, СРЯ 1906—1907), донск. *колдубань* 'выбоина с стоячею водою' (СРЯ 1911), терск. *колтобань* 'выбоина на дороге с грязью или дождевой водой, ухаб, колдыбоина' (Караулов 1900),

московск., зарайск. *колдыбашина* 'яма', *колдыбачина* 'омут' (Второе Доп. 1905—1921), тульск. *колдыбаина* 'колдобина' (СРЯ 1906—1907), рязанск. *калдабачина* 'глубокая яма с водой, образовавшаяся сама собой' (Доп. Оп. 1858), *калдабаина* 'то же' (СРЯ 1911), воронежск. верхотипинск. бобровск. *колдыбаина* 'выбоина на дорогах, лугах или степях' (Опыт 1952, СРЯ 1906—1907), воронежск. ниже-левинск. *калдыбажинка* 'водородна, колея, прорезанная колесом' (Второе Доп. 1905—1921), курск. *калдыбаша* 'место, где моют белье' (Опыт 1852), астраханск. *колдыбашина* 'яма' (СРЯ 1906—1907), оренбургск. бузулукск. *калдыбажинка* 'маленькое озерко' (Зеленин 1906), брянск. севск. *колдыбина* 'яма, лужа с водой' (Vas. REW), смоленск. *калдужина* 'лужина в углублении', 'низкое место среди поля без воды' (Добровольский 1914), а также в.-рус. диал. *кадолб*, *кадолбь* 'долбленая кадочка, дуплянка' ['бывает с крышкой и паметкой, замест коробыи и скрыни» (Даль СЖВЯ)], *кадлуб* (*калдуб*) 'сосуд, сделанный из цельного куска или отрубка дерева, выдолбленного внутри' (СРЯ 1906—1907), курск. рывльск. *колдыбанка* 'шайка с водою': помой мясное в колдыбанке (Опыт 1852), курск. *колдыбанка* 'лоханочка, кадушка' (Даль СЖВЯ), наконец, смоленск. *кадолба* 'дерево, выдолбленное и вставленное в землю для стока воды, особенно криничной', 'липовая кадка без дна, вставленная в криницу' (Добровольский 1914), 'колода' (Второе Доп. 1905—1921).

Западнославянские языки в общем не используют слово **kadъlbъ* в качестве географического термина. За исключением польск. диал. *kadtubek* 'родник, ключ'¹³, **kadъlbъ* на всем славянском Западе означает в основном 'колоду, пень, обрубок дерева' с рядом переносных значений 'туловище, колодка, болванка' и т. п. Согласно интересному описанию и материалу Ф. Славского, совр. польск. *kadtub* 'туловище', 'корпус предмета' восходит к польск. диал. *kadtub* 'выдолбленный пень', 'деревянный сосуд, кадка' (отсюда и диал. 'лукошко'), а также 'выдолбленный пень дерева, служащий как колода под мельничным жернов', чеш. *kadtub* 'выдолбленная из дерева

¹² Ср. замечание в СРЯ (т. IV, вып. 5, 1911): «Иногда пишут по произношению *калдобина*».

¹³ См. Mały atlas gwar polskich, t. I. Wrocław—Kraków 1957, карта № 41, где *kadtubek* 'источник в лугах, обложенный камнем'.

посудина', 'форма, болванка' (SSJČ), 'модель, образец', нар.-диал. 'выдолбленный пень в колодце, роднике', 'колода под жерновом', моравск. *kadlub* 'деревянная кадка для зерна', 'грудная клетка', 'гусиная туша', словац. *kadlub* 'сруб колодца', 'болванка', 'брюхо', др.-н.-луж. *katub* 'выдолбленный пень', в.-луж. *kadołb* 'дымовой колпак', 'дымовая труба, дымоход' (подробнее с литературой вопроса см. Sław. SEJP). В южнославянских языках интересующая нас лексема не зафиксирована.

От названия посуды возник также восточнополесский термин *макот'бр* мн. ч. *макотрѳ* 'водоворот' (Гл. Др.) и производный от него глагол в безличной форме *макотрѳје* или в личной форме *водѳ макотрѳје* 'крутится вода в водовороте' (Гл. Др.). Ср. полесск. *макотра*, *мактра* (Лх. Од.), *мактра*, *макотэрка* (Св.) 'широкая глиняная посудина, в которой обычно пекут блины': *мактра* вишша, *вѳрц'а҃а* *нѳшша* (Лх.), б.-рус. литер. *макоцѳр* 'горшѳк для растирания мака' (БРС), диал. *макоцѳр* 'глиняный поставец' (Нос. СБН), мниск. червенск. *макоцѳрт*, *макоцѳер* (р. п. *макотрѳ*) 'глиняная посуда для терки мака' (Шат. РСЧ), витебск. *макоцѳр* 'глиняный сосуд, в котором трут мак, коноплю и т. д.', 'глиняный сосуд печь бабки' и проч. (Касп. ВРС), парицк. (южнее Бобруйска) *макоцѳр* 'глиняная посуда с двумя ушками или ручками' (МСНДМ, 166), северск.-белорусск. *макоцѳер* 'высокая глиняная посуда' (Раст. СБГ), укр. бывш. екатеринославск. *макотерть* 'котловина' (Гринч. СУМ, со ссылкой на И. И. Манжуру, Мар. МСУГА), *мактра* 'то же', *макорти* 'то же' (Гринч. СУМ), а также 'род большой глубокой глиняной посуды с круглым дном и значительно бѳльшим дна широким отверстием, употребляющейся для помещения муки, теста, масла и пр.', *макортик*, *макорть*, *макотерть* 'то же' (Гринч. СУМ), юж.-в.-рус. *мактра*, *макотра*, *макотертъ* 'большой, широкий горшок, в коем трут кием мак, табак' (Даль СЖВЯ). В качестве термина посуды **makotъra* известно также в польск. *makotra*, *makutra* 'горшок для растирания мака, макотра' (SW) и в словен. *makóter* 'пест' (Plet. SNS)¹⁴. Ср. также

¹⁴ М. Р. Фасмер предложил этимологию общевост.-слав. *макотъра из греч. *мактра* с последующей стадией «народного осмысления в сторону макоцѳр уже в «общерусском языке», которое завершилось в форме макоцѳр — мак и тереть (см.: «Греко-славянские этюды, III». — Сб. ОРЯС, т. LXXXVI, № 1. СПб., 1909,

полесск. *маковэрт* 'пест для растирания мака, картошки' (Ол. Лк. Рд.), укр. полтавск. *макогін* 'то же' (Ващ. СПГ).

Еще один полесский термин, связанный с названием посуды, *верт'олá* 'водоворот' (Ор. Рд.): *ў óзері је рудн'ік ізземн'і, бје водá, віт ц'óго получáјуц'а верт'олі* (Рд.), известен наряду с *вэрт'ага* 'глиняная миска, в которой растирают мак' (Лк. Мк. Заболотье), 'глиняная посуда для выработки сыра' (Рд.), 'глиняная посуда, в которую наливают топленое молоко' (Лх.). Ср. укр. *вертьбóг* 'ухаб', 'яма в песке, выбитая ветром', *вертьбога* 'род посуды' (Грипч. СУМ, Мар. МСУГА), этимологически восходящие к **vьrt-ě-ti* 'вертеть, крутить'.

В Западном Полесье известен также широко распространенный в славянском мире географический апеллятив **kotьlъ* в качестве водного термина: *кот'ол* 'омут, яма в реке, озере' (Рд.): *кот'ол — глубóке місце де топл'ац'а л'уди, жоó вібила водá* (Рд.). Ср. русск. *котел* 'небольшая яма круглой или эллиптической формы на дне залива или озера' (Мурз. СМГТ), укр. *котéл* 'углубление земной поверхности круглой формы, котловина, долинка на горном пастбище, горная впадина' (Мар. МСУГА, Нгаб. NGH, 40, Дзен. ССДЗ), польск. *kocioł* 'котловина, широкая круглая западина' (Nitsche GTP, 58), словен. *kòtla* 'глубокое место (в реке и т. п.)', 'котловина', 'яма' (Bezl. Sin., 141, Badj. LjG, 187), *kòtel* 'яма в воде', 'глубокое место в реке (под водопадом и т. п.)', 'яма в горах', 'плоская впадина' (Piet. SNS, Badj. LjG, 188), а также с суффиксальным образованием *-ina*: русск. *котли́на* 'глубокая впадина, ямина, котловина', 'самое глубокое место в озере, пруде', *котлови́на* 'округлая глубокая яма, впадина, провал', 'такое же углубление земли обширного объема' (Даль СЖВЯ), укр. *кітлі́на* 'долина круглой формы, котловина', *кітлови́на*, *котлови́на* 'то же' (Мар. МСУГА), укр. тернопольск. *кітлі́ха* 'западина круглой формы', (Мар. МСУГА), б.-рус. *катлаві́на* 'котловина' (БРС), польск. *kotlina*, *kotlowina* 'то же'

стр. 119—120). Ф. Миклошич, А. И. Соболевский, А. Преображенский и др. возводили этимон непосредственно к двум упомянутым славянским компонентам, отвергая заимствование, что, вероятно, подтверждается словен. *takóter* (подробнее и литературу вопроса см. Vas. REW, Преоб. ЭСРЯ под *мак*) и особенно такими формами, как польск. *wiercimak*, синоним *wiercioch* 'пест для растирания мака и т. п.' (SW), полесск. *маковэрт* 'то же' (Ол. Лк. Рд. и др.) и т. п.

(SW), чеш. *kotlina* 'то же' (PSJČ), словац. *kotlina* 'то же' (SSJ), н.-луж. *kotlišćo* 'то же' (Мука SDSR), в.-луж. *kótlina*, *kotlišćo* 'то же' (Jak. HSNS), с.-хорв. *кòтлина* 'то же' (RHSJ), словен. *kotlina* 'то же' (Badj. LjG, 188), болг. *котловина* 'то же' (БТР), макед. *котлина*, *котловина* 'то же' (PMJ).

Того же характера и другие примеры, частично уже приводившиеся в работах Ф. Безлая (Bezł. Sin.), М. Юрковского (Jurk. OŽUG) и Т. А. Марусенко¹⁵.

Ср. укр. *казанок* 'западина округлой формы' (кировоградск. Мар. МСУГА), 'водоворот' (карпатск. Мар. МСУГА, со ссылкой на Н. Верхратского), 'небольшой котел' (Гринч. СУМ); с.-хорв. *кàзан* 'котловина', 'котел' (RHSJ), болг. *казан* 'котел' (БТР), макед. *казан* 'то же' (RMJ) и др.

Укр. *корыто* 'русло реки' (Гринч. СУМ), 'должина между двумя горами или возвышенностями' (винницк. Мар. МСУГА), 'корыто' (Гринч. СУМ), польск. *koryto* 'русло', 'корыто', диал. *koryczna* 'западина в форме корыта' (SW), чеш. *koryto* 'русло', 'корыто' (PSJČ), словац. *koryto* 'то же' (SSJ), н.-луж. *koryto* 'русло реки', 'жолоб, канавка', 'корыто' (Мука SDSR), в.-луж. *koryto*, *korto* 'корыто', 'сточная канава' (Jak. HSNS), с.-хорв. *кòрыто* 'русло реки', 'корыто' (RHSJ), словен. *korito* 'ложбинка', 'русло' (Badj. LjG, 219, 222), 'корыто' (SSS), болг. *корыто* 'русло', 'корыто' (БТР), макед. *корито* 'то же' (PMJ).

Укр. карпатск. *бадѣня* (*бадбня*, *бадѹня*) и польск. (из укр.) *badunia* 'естественная или искусственная глубокая яма в ручье, реке, пруду', 'выбоина на дороге, заполненная водой'¹⁶; полесск. *бòдн'а* 'деревянная кадушка для зерна' (Лк. и др.), укр. гуцульск. и др. *бòдня* 'кадка или род улья с крышкой и замком' (Гринч. СУМ), юж.-в.-рус. воронежск., донск. *бòдня* 'кубѣль', 'коробья', 'кадушка с крышкой и замком, вместо сундука' (Даль СЖВЯ), польск. диал. *bednia*, *będnia* 'кадка', *bodnia* (из укр.) 'то же' (SW), чеш. *bedna* 'ящик' (PSJČ),

¹⁵ См.: Т. О. Марусенко. Українські назви рельєфів... , стр. 145. — Этимологии слов — названий посуды **вѣдьна*, **ѣвьръ*, **кадыльъ*, **koryto*, **кринька*, **лопъсь*, **макотыра* см.: О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология... .

¹⁶ См. Э. Балецкий. Из словарного состава украинских карпатских говоров. «Studia Slavica», t. IV, f. 3—4. Budapest, 1958, стр. 399—400.

с.-хорв. *бадањ* 'кадка, чан' (RHSJ), 'большое, полое внутри бревно, через которое течет вода на мельничное колесо' (Вук СР), словен. *bedènj* 'глубокое место в реке', 'кадка, корыто', 'выдолбленная колода' (BezI. Sin. 141).

Словен. *déža* 'вырытая водой котлообразная яма' (Badj. LjG, 186), 'кадка, кадочка (для масла)' (Plet. SNS, SSS), с.-хорв. диал. западн. *díža*, *džva* 'деревянная посуда для молока, вина и т. п., подойник', чакавск. *džica* 'подойник для овец' (RHSJ), полесск. *дишка*, *дишчина* 'квашня' (Ол. Лк. и др.), в.-рус. *дежа́* 'квашня' (СРЯ 1895), укр. *дiжá* 'то же' (Гринч. СУМ), б.-рус. *дзэжа* 'то же' (БРС), польск. *dzieża*, диал. *dziža*, *dziecza* 'квашня' (SW); чеш. *díže*, *díž* 'то же' (PSJČ); н.-луж. *žěža* 'то же' (Мука SDSR), в.-луж. *džěža* 'то же' (Jak. HSNS).

С.-хорв. *чабар* 'котловина' (Schütz GTSK 39), 'ушат, кадка, лохань' (RHSJ), словен. диал. триестинск. *čebèr* 'глубокое место в воде' (BezI. Sin., 125), литер. 'ушат, чан, кадка, лохань' (Plet. SNS, SSS), болг. *чѣбър* 'то же' (БТР), польск. *ceber*, диал. *czeber* и др. 'деревянное ведро, кадка' (SW), чеш. *džber* (ранее *čber*) 'деревянная кадка с двумя ушками' (PSJČ), укр. (из польск.) *чѣбер* 'ушат, бадья, кадка, чан, лохань' (Гринч. СУМ), *чѣбрó* 'ведро' (УРС), б.-рус. *чѣбар* 'ушат' (БРС), в.-рус. (из укр., польск.) курск. *чѣбарь* 'род большого ведра, которым черпают воду из колодезей', орловск. *чѣбаркá* 'железное ведро к низу узкое, а кверху широкое' (Опыт 1852);

Словен. *lònes* 'вырытая водой котлообразная яма' (Badj. LjG, 185), 'горшок' (Plet. SNS, SSS), с.-хорв. *лѡнац* 'глиняный или медный горшок, кастрюля' (RHSJ).

Словен. доленск. *kadica* 'вырытая водой котлообразная яма' (Badj. LjG, 186), литер. 'кадка' (SSS), с.-хорв. *кадица* 'кадка, кадочка', 'ванночка' (RHSJ), болг. *када* 'чан, кадь' (только Гер. РБЯ), макед. *када* 'ванна', диал. 'кадка' (PMJ), в.-рус. *кадь*, *ка́дка* 'большая деревянная посуда об одном дне' (СРЯ 1906—1907), б.-рус. *кадзь* 'кадь, кадка' (БРС), укр. *ка́дка* 'то же' (УРС), польск. *kadź*, *kadka* 'то же' (SW), чеш. *kad'* уменьш. *kadečka* 'то же' (PSJČ), словац. *kad'a*, уменьш. *kadička* 'то же' (SSJ), н.-луж. *kaž*, *kadka* 'то же' (Мука SDSR), в.-луж. *kadź* 'то же' (Jak. HSNS).

Словен. истрийск. *betáč* 'глубокое место в реке' из итальянск. *bottaccio* 'бочонок', 'мельничная запруда' (Bezl. Sin. 140).

Укр. *яндилá* (*яндолá*) 'углубление в вершине горы' и 'большая миска с двумя ушами по краям' (б. Лебедянский у. Гринч. СУМ), киевск., подольск. *яндилá* (*яндолá*) 'крышка для улья' (Гринч. СУМ); юж.-в.-рус. *ендовá* 'небольшое круглое озеро, соединяющееся проливом с другим озером или рекой' (Даль СЖВЯ), тульск., рязанск. 'глубокое, но небольшое озеро, окруженное болотами' (СРЯ 1897), рязанск. скопинск. *яндовá* 'впадина, образованная весенними водами в лугах, полях, болотах', воронежск. бобровск. *ендовá* 'небольшой заливек в реке в виде ендовы', донск. 'круглое по виду озеро', тамбовск. *ендовище* 'овраг' (СРЯ 1897); в.-рус. пензенск. *ендовина* 'отлогое место между горными возвышенностями' (Опыт 1852), волжск. саратовск. *ендовина* 'ендова, большой сосуд, братина' (СРЯ 1897); костромск. *ендовище* 'впадая поляна или луговина, обширная плоская впадина' (Даль СЖВЯ); сев.-в.-рус. (архангельск., олонек., вологодск., ярославск., вятск., волжск.) и юж.-в.-рус. (рязанск., тульск., донск.) *ендовá* (*яндовá*) 'большая медная, или жестяная чаша с открытым поском, из которой разливают или даже пьют пиво, брагу, мед, квас, род братины, но в большом размере' (СРЯ 1897), рязанск. *ендовá* 'большая деревянная точеная миска, обыкновенно из липы или осины, реже из березы' (СРЯ 1897). Ср. также в.-рус. *ендова* 'разделка, углубление на кровле, отвод для стока в воронку или желоб и самая воронка' (Даль СЖВЯ)¹⁷.

¹⁷ Следует обратить внимание на параллельное употребление терминов в двух терминологических сферах — географической и строительной. Не ставя себе задачу выявления всех славянских терминов такого рода, что может послужить предметом отдельной работы, отметим лишь некоторые из них, преимущественно связанные с Полесьем. Ср. *окно́* 'окно' и 'яма в земле, на болоте' (см., стр. 207), полесск. *градá* 'продолговатая возвышенность на лугу', 'грядка', с.-хорв. *gréda* 'горная гряда', 'отмель', 'балка, перекладина' (см. выше, стр. 126), полесск., б.-рус., укр. *горá* 'чердак' (см. Н. Д. Корень, М. С. Шушкевич. Полесская строительная терминология. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 133) (БРС, Гринч. СУМ), полесск. *верх* 'стык двускатной крыши, конек' (см. Н. Д. Корень, М. С. Шушкевич. Указ. соч., стр. 132), укр. *верх* 'дымовая труба' (УРС. Гринч. СУМ), полесск. *дол* 'место перед порогом в избе' (Хр.), укр. *діл* 'земля-

На переход из сферы названий посуды в сферу терминов рельефа указывает и совр. литов. *iñdas* 'посуда', 'сосуд', *iñdaujù* 'шкаф для посуды' (DLKŽ), так как вост.-слав. *ендова* справедливо считается заимствованием из балтийского, вероятно литовского¹⁸ (этимологию и литературу вопроса см. Vas. REW, Traut. BSW). Ср. также б.-рус. *яндбѹка* 'ендова' (БРС, Нос. СБН).

В числе географических терминов, возникших из названий посуды, можно упомянуть также сев.-в.-рус. архангельск. *сковородá* 'плоский подводный камень' (Даль СЖВЯ).

яма

Термин *јама* (фонетич. вариант *јэма*) в общеславянском значении 'яма, углубление в земле' распространен в Полесье повсеместно. В большинстве случаев он обозначает 'яму вообще', а в некоторых случаях, которые отмечались выше, в результате противопоставления возникает термин более детализированного, специального характера: в лесу *јама*, а на заливе — *каверт*' (Ш.). Чаще всего, однако, а может быть даже и всегда ⁺*јама* остается обобщающим термином подобно *горе*, *болоту* и *лесу*. Будучи родовым термином, ⁺*јама* нередко заменяет видовые, обозначая и 'водоворот', 'глубокое место в реке':

ной пол' (УРС, Гринч. СУМ), полесск. *біло* 'продолговатое боковое бревно в дверях сарая' (Смн.), с.-хорв. *біло*, уменьш. *білице* 'гребень горы, криж', 'брусок, брус на граблях и бороне, на котором укреплены зубья' (RHSJ), болг. *біло* 1. 'верхняя часть горного хребта, водораздел, верхний край горы', 2. 'конек крыши, верхний край крыши', 'балка в самой верхней части постройки' (БТР), укр. *білице* 'брус на бороне, на котором укреплены зубья', черниговск. *біло* 'верхние, боковые перекладины, соединяющие передок и задок воза' (Гринч. СУМ). В Полесье, кроме отмеченного значения, также *біло* 'верхняя перекладина в воротах', 'верхняя перекладина в кровати', *біло*, уменьш. мн. ч. *біліца* (Ол. Дк.) 'верхняя перекладина (верхние перекладины) в ткацком стане' (см. Ш. Г. В л а д и м и р с к а я. Полесская терминология ткачества. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 195). На параллелизм географических терминов и терминов орудий ткачества обратил внимание П. Шютц, рассмотревший слова **bьrdo*, **před-slo*, **bidlo*, **grebenъ*, **podъnožьje* (Schütz GTSK, 4—7).

¹⁸ См. А. S a b a l i a u s k a s. Lietuvių kalbos leksikos raida (в сб. под тем же названием). Vilnius, 1966, стр. 86.

викручуваје ја́му тој водо́ј (Зс.), и 'овраг': по на́шому ја́мка, по украї́нські ба́лка (Зм.), и 'пещеру' (Гл.)¹⁹ и т. п.

Помимо уже рассмотренных терминов, относящихся главным образом к болотному или водному ландшафту (+*окъно*, +*кавръть*, +*кадълъ* и др.) и имеющих достаточно широкую семантическую амплитуду колебания, приведем ряд полесских терминов, связанных с семемами: 'яма — искусственно выкопанное углубление', 'яма — выбоина', 'яма — лужа' и т. п.

В Западном Полесье зафиксирован термин *коба́н'е* 'яма, заполненная водой (где когда-то брали песок, глину)' (Ол.), *коба́н'а* 'искусственная яма (от разрыва снаряда, копки глины и т. п.)' (Зб.), *каба́ун'а* 'искусственно вырытая на болоте яма' (Рд.) (контаминация с *бауно?* — Н. Т.): *як вода́ је, то́ у коба́ун'ах водо́и́'а ри́ба* (Рд.); ср. *са́жалка* (стр. 215), *ре́вен'* (стр. 236). На Ровенщине *коўба́н'а* 'водоворот' (с. Гвоздов, Гошанск. р-н). Ср. укр. *ковба́ня* 'котловина, или глубокая яма, наполненная водой', 'яма на реке, море' (Гринч. СУМ, Јук. ОЖУГ, 70), полтавск. *ковба́нка* 'небольшая впадина, наполненная водою', синоним *колдббина* (Ващ. СПГ), днепропетровск. *ковба́йна* 'ухаб на дороге' (Мар. МСУГА), харьковск. *ковба́нитися* 'валяться в грязи (о свиньях и т. п.)' (Гринч. СУМ), затем *калаба́ня*, *калабу́ха*, *калабач*, *калабаш* 'лужа', *калаба́тина*, *колаба́тина* 'топкое место' (Гринч. СУМ), юж.-в.-рус. калужск. *калбина* 'озерко' (СРЯ 1906—1907).

На территории «Карпатского диалектологического атласа» интересующий нас термин встречается в общем повсеместно. Здесь отмечено лишь наличие ряда лексических вариантов: *колоба́н'а*, *колуба́н'а*, *ко́либан'а*, *калаба́н'а*, *коўба́н'а*, *калаба́тэна*, которые чаще всего относятся к семемам 'лужа', 'яма на дороге', 'яма с грязной водой' (карт. КДА) и лишь в нескольких случаях означают 'яму в реке', 'водоворот': *колэба́н'ь* 'водоворот в реке, глубокое место' (с. Уличное, Дрогобычск. р-н, Львовск. обл.), *калаба́н'а* 'яма на дне реки', 'яма с водой или без воды в поле' (с. Красноиллья, Коссовск. р-н, И.-Франковск. обл.),

¹⁹ В Голубице *ја́ма* 'небольшая пещера', *нора́* 'большая пещера (обычно у реки)'. Ср. укр. также *нора́* 'источник': закарпатск. *нора́нка* 'источник' (Јук. ОЖУГ, 66), надднестрянск. *нора́* 'то же': *нора́ йде бйё, то на пол'е, кернёчка, йама з водо́у* (с. Угринов, Калущск. р-н, карт. КДА).

колібан'а 'яма в ручье' (с. Дубриничи, Перечинск. р-н, Закарпатск. обл.). Ср. также *калабушки* 'яма в ручье' (с. Тростянец, Калужск. р-н), *калабач* 'лужа' (с. Корытное, Вижницк. р-н, Черновицк. обл.), *колобач* 'яма на дороге с водой и грязью' (с. Черешенка и с. Великое, Вижницк. р-н, карт. КДА) и польск. диал. (из укр.) *kolbań*, *kalabania*, *kolabania* 'лужа, озерцо стоячей воды, топкое озерцо', 'очень глубокое место в реке' (SW).

Этимология интересующего нас термина не совсем ясна и потому трудно с полной достоверностью приводить родственный материал. М. Юрковский возводит *колубаха*, *колубан'а* к **kadъlbъ* + суффт. *-acha*, *-anja* и т. п. (Jurk. OZUG, 70), что в принципе вероятно. Однако весьма перспективно и сближение вслед за М. Фасмером и Ф. Славским (Vas. REW, Sław. SEJP) формы *колубан'а* *коубан'а* с в.-рус. *колоб* (согласно Ф. Коршу и др., из греч. *κόλλαςος* 'род хлеба') 'круглый хлеб', 'небольшой коровай', 'ржаная или сдобная лепешка' (СРЯ 1911). Ср. тверск. ошашковск. *колубан* 'толстая сдобная лепешка из пшеничной муки' (Доп. Оп. 1858), архангельск. сольвычегодск. *колобан* 'пирог из ячменной муки без пачинки; имеет вид лодки, с острыми концами' (СРЯ 1911)²⁰, *колубашка*: псковск., московск., владимирск., вятск., волжск. 'колобок, лепешка', вятск. 'всякое мягкое вещество, смятое наподобие колобка', вологодск. 'череп человека', вятск. малмыжск. 'прозвище толстого и низенького мальчика' (СРЯ 1911), вологодск. *колубёна* 'ленивая, неаккуратная женщина' (СРЯ 1911), астраханск. черныярск. *колубан* 'неподвижный, неразвитой человек' (СРЯ 1911).

Обращает на себя внимание параллелизм форм с *коло-* и *кала-*, зафиксированный не только на украинской, но и на севернорусской окающей территории в словах, относящихся к названию хлеба, обрубков дерева, посуды и т. п. (часть приводимых в словарях примеров с *коло-* можно, вероятно, отнести за счет «орфографической» записи): *калабан* 'то же, что *колубан*', или только с *кала-* вятск. малмыжск. *калабушки* 'неудачно испеченный хлеб', владимирск. *калабушка* 'коровай хлеба' (СРЯ 1906—1907).

²⁰ Можно было бы предположить, что именно этот момент послужил основанием для переноса слова в сферу географических терминов, если принять этимологическое сближение М. Р. Фасмера, что, однако, в общем маловероятно.

Если признать возможность этимологии, выдвинутой Ф. Коршем и Э. Бернекером (Bern. SEW) и поддержанной М. Р. Фасмером (Vas. REW), выводящей вост.-слав. *кблѡб* и т. п. из греч. *κόλλαφος*, и затем возводить к ним интересующие нас географические термины, или даже принять предположение, что часть из них восходит к **kadъlbъ*, все равно следует, вероятно, допустить наличие контаминации и сближения либо с общеслав. **kolo* 'круг' [ср. **kolo-vortъ*, русск. *колѡворѡт* 'водоворот' (СРЯ 1911) и др.], либо с **kalъ* 'грязь' и т. п. для целого ряда перечисленных терминов, как в плане формальном (лексемном), так и содержательном (семемном).

Следует, однако, обратить внимание на два момента. Во-первых, на идентичность ряда словообразовательных моделей терминов видов хлеба в великорусских, в основном северновеликорусских, и ям с водой в украинских говорах: *колѡбѡн* : *колѡбѡня*, *калабуха* : *калабуха*, *калѡбушки* : *калѡбушки* и т. п., и во-вторых, на названия кусков дерева, деревянных колод, деревянной посуды. Ср. укр. *ковбѡн*, *кѡвбиця* 'чурбан, на котором рубят дрова'²¹, *ковбѡн* 'короткий толстый обрубок дерева, употребляющийся вместо табурета' (Гринч. СУМ со ссылкой на И. Верхратского), *ковбѡтка* 'кусок' (Гринч. СУМ), гуцульск. *кѡвбок* 'более толстая часть дерева, уже отрезанная от вершины' (Гринч. СУМ со ссылкой на В. Шухевича), в.-рус. *колбѡн* 'толстый, около аршина длиной, обрубок бревна', 'полено, неколотое, толстое', 'обрезок дерева, доски, и т. п.' В ярославских говорах *калабѡшка* 1. 'деревянная чашка (у староверов)', 2. 'чашка, из которой кормят собак и кошек', 3. 'лепешка' (Мельн. КЯОС), в вологодских *калабѡшка* 'грубо обделанная деревянная чашка, миска' (Иваницкий 1883—1889), 'чашка для еды' (Дилакторский 1902), в повгородских *калабѡшка* 'ветхая деревянная чашка' (СРЯ 1906—1907), в олонецких и онежских — *калабѡшка* 'деревяшка, поленце' (СРЯ 1911). Переход 'круглый хлеб' → 'круглая деревяшка' вполне допустим, если не выводить *калабуха* и т. п. непосредственно из **kadъlbъ*.

²¹ Это значение зафиксировал «Mały atlas gwar polskich», (t. II. Wrocław—Kraów, 1959, cz. II, str. 40) у польских переселенцев с востока из района непосредственного контакта с украинскими говорами, живущих сейчас на Западных землях: *koban*, *kozban* 'пень, на котором рубят дрова, деревья'.

Можно высказать достаточно осторожное предположение о возможности следующего семантического развития: 'деревяшка, деревянная колода' → 'деревянная чашка' → 'яма' ('озерцо' и т. п.), затем безусловное: 'деревяшка, колода' → 'толстый человек' → 'ленивый человек', 'неопрятный человек'. Ср. польск. диал. (из Куяв, окрестностей Калиша и Крамска) *kalabania* 'тучный и коренастый человек' (Sław. SEJP II, 365) и приведенные выше в.-рус. *колобáшка* 'толстый, низенький мальчик', *колобéна* 'ленивая, неаккуратная женщина', *колобáн* 'неподвижный человек' (ср. *чурбáн* 'то же'). Подобное явление наблюдается в македонском языке, где *колобан* 1. 'верзила, дубина, высокий человек', 2. 'лентяй' (PMJ).

В Западном Полесье в Збуроже синонимом к *кобáня* зафиксировано *бајúра* 'искусственная яма (после копки глины и т. п.)' (Зб.). Несколько западнее Збурожа в Луково *бајúр* известен как синоним к *гúрба* 'сугроб' (Лк.). Здесь можно было бы предположить для названий объектов меньшего размера, чем «гора», «ложбина, овраг» наличие энантиосемии по принципу 'верх' ↔ 'низ' (см. стр. 98—103), если бы была уверенность, что термины не восходят к разным этимонам. Термин *бајóра*, *балю́ра* широко распространён в украинских диалектах. Согласно материалам Т. А. Марусенко, *бајóра* 'выбоина на дороге' (черниговск., кировоградск.), *балю́ра* 'то же' (черкасск. Лис. СПЧ 9), *бајóра* 'углубление на месте водоёма', 'яма в песке' (кировоградск.), 'глубокая яма с грязью' (бойковск. Ю. Кміт. Словник бойківського говору. «Літопис Бойківщини». Самбір. 1934), 'болото' (бойковск. Оныш. СВД), 'яма, пропасть' (сумск. С. І. Дорошенко. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини. «Діалектологічний бюлетень» IX, Київ, 1962. стр. 104), *балю́ра*, *баню́ра* 'большая глубокая лужа' (Гринч. СУМ, Верх. ГГЛ). Ф. М. Пискунов²² приводит противоположные значения для *баю́ра*, *балю́ра* — 'бугор' и 'выбой, рывина' (без указания на место фиксации, вероятно, основываясь на примере: Кто ж заснув тут сиротою || Під баюрою сиркою? Щоголев). Толкование нуждается в подтверждении новым материалом. Ср., однако, западнополесск. *бајúр* 'сугроб', хотя в Полесье почти повсеместно

²² См.: Ф. М. Пискунов. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан...

γύρβα 'сугроб', а также γύры 'сугробы'. Ср. также юж.-слав. (болг.) бајр 'холм' из турецко-османского bayir 'холм'.

В польском языке известно литер. *bajor*, *bajoro*, *bajorzysko*, диал. *bajura*, *bejoro*, 'болото, топь', 'лужа' (SW), а также диал. *bajory* 'густые, непроходимые заросли, особенно на болотах' (Sław. SEJP). Ср. также укр. лемковск. байоро 'лужа' (Верх. ГГЛ).

Для украинских форм и общих с ними польских существует вскользь высказанная А. Брюкнером (Brück. SEJP), разработанная Ф. Славским (Sław. SEJP) и принятая рядом лингвистов (Rudn. EDUL и др.) этимология, выводящая *bajor*, *bajoro* из ⁺*banior(o)* < ⁺*banja*, хотя еще нельзя считать полностью отведенным и неудачным (Nitsche GTP, 205) старое предположение Ф. Миклошича о тюркском происхождении интересующего нас термина²³, которое мы даже склонны принять, так как оно вполне убедительно с формальной и допустимо со стороны семантической и внешнелингвистической — исторической. Для словен. *bájar* 'пруд', 'стоячая вода, лужа' (Badj. LjG, 245, SSS), однако следует предположить германский источник — *der Weiher* 'пруд' (Sław. SEJP). О формах *bajoro*, *bejoro*, которые, по нашему представлению, не должны обособляться от *bajura* и др., существует ряд различных мнений (подробнее см. Nitsche GTP 205—206), среди которых можно упомянуть и маловероятное предположение Я. Отрембского о возникновении *bajoro* из контаминации *bag-no* и *jez-ioro*²⁴. С большим успехом, быть может, для укр. лемковск. *бандюра* 'глубокая яма в реке' (Верх. ЗУГ), *банджур* 'то же' и 'глубокая яма, выбитая водой' (Верх. ЗУГ), *банджюра* 'тоня во льду' (Верх. ГГЛ), *банюра*, *банюр* 'лужа', 'глубокое место в реке, где можно купаться' (Верх. ГГЛ) можно допустить контаминацию *бајр*, *бајра* с *бáня* 'источник', (Гринч. СУМ), хотя возможно и самостоятельное развитие перечисленных слов.

²³ См.: F. Miklosich. Die türkischen Elemente in den süd- und osteuropäischen Sprachen, I und II, Nachtrag I, II. «Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse», Bd. 37. Wien, 1889, стр. 9.

²⁴ См.: J. Otrębski. Życie wyrazów w języku polskim. Poznań, 1948, стр. 253.

Что касается сев.-в.-рус. архангельск. *банёва, банёвка* 'яма, бакалдина, озерцо на задворках деревни, куда стекает вода из бань, помой и т. п.' (Даль СЖВЯ), то эти лексемы возникли, вероятно, независимо от рассмотренных непосредственно из *ба́ня* 'баня'.

Вслед за М. Юрковским можно, видимо, считать ориентализмом неясного происхождения и укр. *бака́й* 'глубокая яма в реке, пруду', 'выбоина с лужей (на дороге и т. п.)', 'выбоина в балке', 'яма в болоте', 'пропасть', 'ямка, которую выгребли куры', так же как и *бакáль* 'озеро', *бакáні*²⁵ 'заболоченная мокрая равнина' (подробнее см. Мар. МСУГА, Jurk. OŽUG 69).

Не ставя себе задачей решение вопроса об этимологии упомянутых терминов — обращение к ней вызвано лишь необходимостью определить возможность их совместного рассмотрения, — отметим, что междиалектная семантическая амплитуда колебания для *баюра* и подобных близка к амплитуде для *бакáй* и подобных и достаточно широка — от 'небольшой ямки, выбоины на дороге' до 'глубокой ямы на болоте', 'пропасти'. Это же положение характерно, в общем, для терминов *ковба́н'а* и *безо́дн'а*.

Если для многих описанных терминов можно отметить семантический сдвиг от 'небольшой ямки', 'выбоины' в сторону 'глубокого места, пропасти' (признак малого объема, так же как и признак наличия воды часто оказывается не релевантным), то с термином *безо́дн'а* произошел сдвиг в обратном направлении — от 'бездонной глубины, пропасти' к 'луже'. Такое явление наблюдается локально на Полтавщине, где *безо́дня* не только 'большая глубина', 'глубокая яма', но и 'лужа': тепер після дощу скрізь по вулиці безодні (с. Билики, Вац. СПГ). На южной окраине украинского Полесья в Ровенской зоне *безо́дн'а* 'топкое болото, топь' (с. Гвоздов и с. Симонов Гоцанск. р-н), то же значение зафиксировано в б. Брацлавском у. Подольской губ. Ср. вост.-б.-рус. гомельск. *бэзма* 'топкое болото'

²⁵ Термин *бакáні* 'заболоченная мокрая равнина' зафиксирован анкетным методом на Бойковщине (с. Тяпча, Болеховск. р-н. Мар. МСУГА, у Опыш. СБД не отмечено). Возможно, что термин относится или относился к так называемому «ржавому болоту» и его следует сопоставлять с укр. *бакáн* 'род красной краски' (Гринч. СУМ со ссылкой на К. Шейковского).

(д. Хорошевка, Добрушск. р-н карт. ДАБМ 936). Наконец, в большинстве украинских говоров, так же как и в остальных славянских языках, *бездня* 'глубокая пропасть' (Мар. МСУГА), хотя известны и значения 'крутой, отвесный берег', 'крутой склон горы', 'глубокая яма', 'источник в поле' (подробнее см. Мар. МСУГА). Ср. этимологию *bezъdъna* из *bezъ* + род. п. от *dъno* 'без дна', польск. *bezdeń, bezedno, bezdno, bezdnia, bezdna, bezednia, bezdnie, bezdennia, bezdenność* 'бездна' (SW), польск. диал. *bezodnia* 'глубокое, бездонное озеро' (Nitsche GTP 206), чеш. *bezdna, bēzdně, bezdno, bezdný* (соответственно *bezedna* и т. д.) 'неизмеримая глубина, бездна' (PSJČ), словац. *bezdno* 'бездна' (SSJ); болг. *бѣздна* 'то же' (БТР), макед. *бѣздна* 'то же' (PMJ), с.-хорв. *бѣздан, бѣздана* 'то же' (RHSJ), словен. *brēzden, brēzno, brēzen, brēzno* 'пропасть, бездна, яма в горах' (Badj. LjG 177)²⁶, в.-рус. архангельск. (б. Шенкурск. уезд) *бездѣнница* 'на моховых болотах озеро жидкой тундры, глубиною иногда до 7—8 сажен', псковск. в.-рус. *бездѣнница* 'пучина, бездна' (Доп. Оп. 1858), б.-рус. *бѣздань, бяздѣнне* 'то же' (БРС, Нос. СБН).

Локальным полесским термином можно считать *рѣвен* мн. ч. *рѣўн'и* 'яма на болоте (обычно наполненная водой и используемая для ловли рыбы, иногда высохшая)' (Рд.). В отличие от *кобѣўн'и, рѣвен* не выкапывается, а возникает естественным путем. Быть может, термин возник в результате перехода в сферу болотной терминологии из речной, где он мог означать 'глубокое место с бурлящей («ревущей») водой'. Однако для такого утверждения мы не располагаем нужным материалом. Ср. все же укр. *ревуча* 'долина потока' (Бориспольск. р-н Киевск. обл. Мар. МСУГА), а б.-рус.

²⁶ Ср. словенский орографический термин *dno, dnišče, dānce, dence* 'самая низкая поверхность, низкое место, впадина', противопоставляющийся 'верху, вершине' (*vrh, vršina*); иногда это — 'яма, трещина, расщелина в горах' (Badj. LjG, 177), а также *dnička, dničica* 'ямка (обычно заполненная водой)', *dnika, dničica* 'впадина', *dnjāča* 'котловина' (Badj. LjG, 178—179). В качестве соответствия словенскому *dno* и его дериватам известно только укр. *дно* 'глубокая и узкая долина', зафиксированное в Улановском р-не Винницкой обл. (Мар. МСУГА), хотя в топонимах оно более употребительно. Ср. также термины, образованные от названий посуды (стр. 223—229).

витебск. *рычаль* 'небольшой ручей между берегом и речным болотом' (Касп. ВКС).

К числу названий небольших ям и луж в Полесье относится также термин *jarúga* 'небольшое углубление, ямка, где образуется лужа после дождя' (Смн.), 'выбоина, яма с водой или без воды (чаще на дороге)' (Гр. Лп. Ом.), 'лужа' (Хр.). Этот тюркский по своему происхождению термин (из тюркск. *jaruk*, *jaruk*, *jarug* см. также стр. 103) широко распространен в славянских языках.

В украинском *ярúга* 'овраг', обычно 'большой' и иногда 'заросший лесом' (подробнее см. Мар. МСУГА), в украинских лемковских диалектах *ярúга* 'пропасть, обрыв', 'ров, канава' (Верх. ГГЛ), иногда 'выбитая водой сухая впадина' (Верх. ЗУГ), в южновеликорусских диалектах тульск. *ярúг* 'буерак, ручей' (Опыт 1852), курск. обоянск. *ярúга* 'овраг, поросший лесом', воронежск. *ярúга* 'лог, покрытый лесом', 'роща, растущая на острове' (Доп. Оп. 1858), в польских диалектах *jaruga* 'глубокий, заболоченный овраг', 'болото', 'низменная часть леса, густо поросшая деревьями, где волчица вскармливает волчат', 'лужа, грязь' (SW), в восточно-словацких диалектах *jaruha* 'болото' (Sław. SEJP). Ср. словен. *jarúga* 'глубокая канава' (SSS), с.-хорв. *járuga* 'овраг, буерак', 'рытвина', 'большая лужа', 'канавка, желобок' (RHSJ, Schütz GTSK 47). С.-хорв. (с. Крале около Бихача, Западная Босния) *jaruga* 'лужа' соответствует польскому *jaruga* 'лужа' и полесскому *jaruga* 'то же'.

В данном случае, так же как и в предыдущем примере с *bezъdъna*, наблюдается значительная амплитуда колебания: 'лужа' ↔ 'ямка' ↔ 'овраг' ↔ 'пропасть'. В Полесье при этом отмечаются признаки минимальной величины (resp. глубины), что, несомненно, связано с географическим рисунком Полесья, в то время как в Карпатах, для которых характерен горный ландшафт, признак величины (resp. глубины) гипперифируется — *ярúга* 'пропасть' (Верх. ГГЛ).

Во многих населенных пунктах Полесья отмечено противопоставление терминов *jarúga* и *кал'úга* по признаку величины. Так, в Хоромске *jarúga* 'большая лужа', *кал'úга* 'лужа меньших размеров', *кал'úжина* 'отдельная лужа еще меньших размеров' (Хр.). В Лопач-

тине наблюдается противопоставление по признаку глубины (что, в общем, то же самое, что и по признаку наличия или отсутствия воды, т. к. большая лужа обычно глубже): *кал'уґа* 'лужа', *јаг'уґа* 'яма, обычно наполненная водой' (Лп.). Ср. также *кал'уґа* 'лужа' (Ор. Гр. Ом.), *кал'уґа* 'лужа', 'низкое место на лугу, где стоит вода', *кол'уґа* 'лужа (обычно на дороге)' (Кн.), *кал'уґа* (Дн. Дв.), *кал'уґа* 'грязь, слякоть, распутица' (Зд. Смп.). В последнем случае наблюдается переход в метеорологический термин²⁷.

Термин **кал'уґа* — общеславянский с устойчивым основным значением, с достаточно широкой амплитудой семантического колебания, в отдельных локальных зонах. Ср. в.-рус. тверск. костромск. *кал'уґа* 'топь, болото насолоды, сплошная мочижина', 'поемный луг, пойма, пожня' (Даль СЖВЯ), ярославск. *кал'уґина* 'лужа', 'коля, яма на дороге', синоним *кальга* 'коля, яма на дороге' (Мельн. КЯОС), владимирск. *кал'уґа*, *кал'уґина* 'большая лужа' (СРЯ 1906—1907), пензенск.-саранск. *кал'уґа* 'лужа после дождя или оттепели' (СРЯ 1906—1907), вятск. *кал'уґина* 'большая лужа', 'застойная вода' (СРЯ 1906—1907), пермск.-соликамск. *кал'уґина* 'лужа' (Старцева 1962), нижегородск. *кал'уґина* (гипероканье) 'лужа, яма с водою на дороге' (Даль СЖВЯ), *кал'уґина* 'небольшая лужа' (СРЯ 1906—1907), тульск. *кал'уґа* 'топкое, болотистое место' (СРЯ 1906—1907), рязанск. *кал'уґа* 'лужица, водомоина' (СРЯ 1906—1907), тульск., курск., воронежск. *кал'уґа* 'грязная лужа', 'болотистое место' (Опыт 1952, СРЯ 1906—1907), курск.-обоянск. *кал'уґа* 'впадина земли, наполненная водою, лужа' (Доп. Оп. 1858), смоленск. *кал'уґина* 'небольшая ямка, наполняющаяся в проливной дождь водою', *кал'уґина* 'ямка': с трудом праехаў — ўся дорґа ў кал'уґинах (Добровольский 1914). К числу специальных значений относятся в.-рус. калужск., тульск. *кал'уґа* 'полуостров, оток, калач' (Даль СЖВЯ; требует проверки дополнительным материалом. — Н.Т.), также

²⁷ В великорусских говорах наблюдается различие между географическими терминами *кал'уґа*, *кал'уґа* и т. п. и метеорологическим *калега*. Ср. владимирск., нижегородск., вятск.-уржумск. *калега* 'слякоть, мокрый снег', архангельск.-сольвычегодск., вологодск.-яренск. *калега* (гипероканье *калега*) 'то же' (Опыт 1852, Дилакторский 1902, Титов 1842, СРЯ 1906—1907).

онежск.-олонецк.-карогопольск. *калѹжина* 'дерево, бревно, затонувшее в воде', 'часть гнилого сухого дерева', 'дерево, сгнившее в воде', 'большой кусок, обломок дерева' (Доп. Оп. 1858, Куликовский 1898)²⁸, *калѹжья* 'большие куски, обломки дерева' (Куликовский 1898, СРЯ 1906—1907), наконец, олоонецк. повенецк. *калѹжина* 'лошадиный мѣрзлый кал' (Куликовский 1898). Ср. далее б.-рус. литер. *калѹга*, *калѹжина* 'колдобина, лужа' (БРС), диал. витебск. *калѹга*, *калѹжина* 'то же' (Касп. ВКС), молодеченск. *калѹгавина* 'колея с выбоинами' (МСНДМ 99); укр. *калѹжа*, *калѹжка* 'лужа, грязь', *калѹка* 'большая, сильная грязь' (Гринч. СУМ), черниговск. *калѹга*, *калевина* 'углубление на дороге' (Мар. МСУГА), *кал* 'грязь' (Гринч. СУМ)²⁹; польск. литер. *kałuża*, диал. *kaluga*, *kaługa*, *kałuź*, *kałuża*, *kałuźnica*, *kałuza* 'низинка или канава с грязной, болотной водой, образовавшаяся от дождя или стоков', 'грязь', 'болотце', 'лужа' (SW), чеш. *kaluž*, *kalužina*, уменьш. *kalužka*, *kalužinka* 'лужа, лужица' (PSJČ), диал. моравск.-ганацк. *kałuha* 'лужа' (Bart. DSM), словац. *kaluž*, *kałuža*, *kalužina* 'лужа' (SSJ), с.-хорв. *калужа*, *каљужа*, *каљуга*, *каљуга*, увелич. *калужина*, *каљужина*,

²⁸ Значение 'сгнившая часть дерева', 'гнилое дерево', 'сгнившее в воде дерево' и т. д. и т. п. локализуется по имеющимся данным в западной зоне сев.-в.-рус. говоров, где, кстати сказать, не отмечено *калѹжина* 'лужа'. Перенос значения произошел, вероятно, на базе: 'мокрое, «гнилое» место на земле' → 'гнилое (от влаги, воды) место на дереве' → 'гнилое дерево' или 'гнилой кусок дерева' → 'кусок гнилого дерева' → 'кусок дерева (гнилушка)' и т. п.

²⁹ Для укр. литер. и диал. терминов *калабѣня*, *калабѣтина*, *калабѣч*, *калабѣш*, *калабѣха* 'лужа' (см. стр. 230), возможно и для сумск. *калантир* 'лужа после дождя' (Дорош. ДЛС, 110) следует признать определенное воздействие «народной этимологии» и сближение с *+каль*, *+кал'ижа* и т. п. Здесь, видимо, уместно сказать и о довольно значительном числе украинских названий ям и луж с начальными *ка-*, *ба-*, а также привести такие параллельные формы, как: укр. *каламѹтити* — *баламѹтити* 1. 'мутить, возмущать' (воду), 2. 'нарушать покой, смутянить, возмущать людей' (Гринч. СУМ), *каламѹтний* — *баламѹтний* 1) 'мутный, нечистый (о жидкостях)', 2) 'неспокойный, тревожащий, смутный' (Гринч. СУМ); *балабан* 'род хлебного печеня' (Гринч. СУМ) — в.-рус. *калабан* 'большой калач вроде каравай' (см. стр. 231—232), укр. *балабушка* (уменьшит. от *балабуха*) 'небольшая булочка, испеченная и сваренная в воде', 'ком, комок' (Гринч. СУМ) — в.-рус. *калабушка* 'каравай хлеба' (см. стр. 231).

лужина 'лужа' (RHSJ), диал. (в Рисне) *kàлужа* 'мусорная, помойная яма, помойка' (Вук СР), словен. *kalúža*, *kaliž*, *kálišče* (*kalisce*), *kálcí*, *kaliček*, *kalíči*, *kálcína*, *kal* 'лужа', 'топь, болото', 'озерцо в горах', 'родничёк', 'цистерна' (Badj. LjG, 233). Для словенского языка характерно изменение семантики в связи с горным ландшафтом (прежде всего отсутствие значения, а также и признака 'грязи' для последних трех значений).

Обращает на себя внимание тот факт, что лексема *+kaluga* (*+kal'uga*) известна в тех славянских языках, где распространена лексема *+jaruga*. Не рассматривая, однако, форму *+kaluga* как контаминацию *+kaluža* и *+jaruga*, отметим, что первая могла «поддерживаться» и сохранять устойчивость благодаря второй, так же как форма *+kaluža* могла утверждаться, а в некоторых зонах затем и вытесняться формой *+luža*, тем более, что значение, относящееся ко всем трем лексемам, было очень близким, а в некоторых зонах и идентичным. Вслед за целым рядом лингвистов мы не склонны выводить этимологию слова *+kaluža* из местоименной приставки **ka-* и **luža*, или из сложения форм **kalo-luža*, а принимаем за исходный этимон слово **kalъ* 'грязь' с суффиксальным образованием в виде пейоративов **-'uga*, *-uga* и парных с ними **-'uža*, *-uža* (см. подробно Sław. SEJP). Ср. образования с другим суффиксом типа словен. *kališče*, *kálcína*, *kaliček*, смоленск. *кал'явина*, часть из которых, однако, может относиться и к более позднему времени. Что касается термина **luža* (ранне-праславянская форма **lougja*; этимологию см. Vas. REW, Fraen. LEW), то он находит свое соответствие в литов. *liūgas* 'лужа' (DLKŽ), латыш. *luga* 'топкое болотистое место на заросшем озере', *lugava* 'плохая, сыкатная осенняя погода' (Mül.-Endz. LVV) и распространен в восточнославянских (кроме украинского), лужицких и словенских языках. Ср. русск. *лужа* 'лужа, вода, скопившаяся в углублении на поверхности почвы' (ССРЛЯ), б.-рус *лужына* 'лужа' (БРС), чеш. *louže*, *louž* 'лужа' (PSJČ), диал. моравск. *tužerňa* 'то же' (Bart. DSM), в.-луж. *tuža* 'то же' (Jak. HSNS), н.-луж. *tuža* 'то же' (Muka SDSR), полаб. *lāuza* 'то же' (Rost. SDP), словен. *lūža* 'то же' (Badj. LjG, 253, SSS). В словенском языке синонимами к *lūža* выступают *krníca*, *mláčica*, *mláka*, *lókva* (*lókve*), *lókvice*,

kál, kalúža и другие приведенные выше дериваты (Vadj. LjG, 253). Наконец, отметим, что в словенском диалекте с. Ратечи в Краньской горе *tonja* 'лужа' (Vadj. LjG, 253). Ср. многочисленные аналогичные переходы: укр. полтавск. *безбдн'а* 'лужа', макед. *вир* 'лужа' и т. п. (см. стр. 204, 210, 213, 235).

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Основной фонд современных славянских географических терминов отличается в общем единством своего лексического состава при довольно большом многообразии семем, относящихся к каждой конкретной лексеме. Семантические сдвиги, явившиеся предметом нашего наблюдения, при всей их кажущейся разноплановости не произвольны, иногда даже строго лимитированы коррелятивными отношениями в рамках семантического микрополя, в рамках конкретной системы терминов.

Отмеченное богатство семантического спектра отдельных лексем и лексических групп, выявляемое в полной мере лишь в результате синхронного сравнения разноязычного, преимущественно диалектного славянского материала, зафиксированного в различных зонах и говорах, может быть интерпретировано как ряд или цепь семантических сдвигов и шагов. Иными словами, синхронные особенности диалектов в пространстве могут быть представлены как диахронические, как последовательности изменения диалектных черт во времени. Чем большее число различных значений-рефлексов известно в славянском мире, тем с большей достоверностью и подробностью возможно восстановление процесса семантической эволюции от начального до конечного ее состояния, тем более убедительна реконструкция семантики термина-этимона. Реконструкция системы праславянских географических терминов — задача достаточно сложная, требующая к тому же специальных подготовительных исследований. К ее решению, вероятно, можно будет приступить непосредственно после завершения ряда исследований по географическим терминам других славянских диалектных зон, в том числе по некоторым

великорусским, болгарской, чешской и словацкой зонам, по балтийской географической терминологии, с учетом положения в ряде сопредельных терминологических сфер.

Тем не менее и сейчас можно высказать суждение о том, что полесская географическая терминология близка к праславянской не только по составу лексем (среди которых число поздних заимствований в общем невелико), но и по семантике терминов, что, видимо, следует объяснить близостью географической среды в Полесье к географическим особенностям славянской прародины и некоторой архаичностью полесских диалектов. Особенного внимания требуют полесско-кашубские, полесско-польские, полесско-карпатские, полесско-псковско-севернорусские и полесско-южнославянские соответствия в сфере географических терминов, которые следовало бы сопоставить с соответствиями из других сфер лексики. Первые попытки их выявления дали положительные результаты и надо думать, что в скором будущем, благодаря новым полевым исследованиям в Полесье, их число значительно возрастет.

Обращаясь к семантическим изменениям и сдвигам в славянских диалектах в целом, отметим, что они захватывают все сферы географической терминологии с переходом из одного класса терминов в другой.

Именно поэтому одной из главных задач нашей работы было установление наиболее полного набора семем, относящихся к каждой отдельной лексеме в общеславянском масштабе и выявление на этом основании ряда «семантических цепей». В результате обнаружилось, что одни лексемы имеют чрезвычайно широкую семантическую амплитуду колебания, другие — устойчиво связаны со сравнительно узким кругом значений, т. е. имеют минимальное число звеньев семантической цепи. Чаще всего первые — это с современной синхронной точки зрения «немотивированные» названия (т. е. утратившие в настоящее время в диалектах так называемую «внутреннюю форму»), или географические термины, возникшие диахронически из терминов сельскохозяйственных (земельной обработки, меры земли) и т. п. (например, ⁺lędo, ⁺volka, ⁺krężь и т. д.), вторые — мотивированные по преимуществу, сохранившие смысловую связь с однокоренными глаголами или прилагательными (⁺topilo, ⁺tręsina, ⁺plavъ и т. д.), хотя такое положение нельзя

считать абсолютным (ср. случаи с *+vyžarъ*, *+bezъdъnja*, *+poroslja* и т. п.). Далее, что крайне существенно для семасиологии (resp. этимологии), выявилась повторяемость некоторых семантических цепей (одинаковая последовательность звеньев и в смысловом и даже иногда в лингво-географическом плане), относящихся к разным лексемам, что позволяет судить более точно об известных закономерностях семантического процесса (ср. *+šuma* и *+gajъ*, *+bajrak* и *+balka* и т. д.) по «связанности» ряда семем, которые с точки зрения чисто логической классификации оказываются достаточно далекими друг от друга.

Из числа таких «связанных» семем укажем в первую очередь те, которые относятся к рельефу (или болоту) и растительности. Таковы:

(1) 'гора' ↔ 'лес' (*+borъ*, *+poroslja*, *+polnina*, *+materikъ*, *+krqtja*, *+lęda*, *+šalga*, *+bajrak*, *+balka* и др.);

(2) 'болото' ↔ 'лес' (*+bolto*, *+bagъno*, *+olesъ*, *+volka*, *+netra*, *+gajъ*, *+lęda* и др.);

(3) 'луг' ↔ 'лес' (*+polnina*, *+lqgъ*, *+lqka*, *+gajъ* и др.);

(4) 'овраг' ↔ 'лес' (*+lęda*, *+bajrakъ*, *+balka*, *+sigla* и др.);

(5) 'гора' ↔ 'берег' (*+bergъ*, *+gora*, *+kręžъ* и др.).

В ряде случаев наблюдается поляризация признака "наличие растительности, залесённость":

(6) 'местность, свободная от леса' ↔ 'место, поросшее лесом, лес' (*+polnina*, *+borъ*, *+gajъ*, *+lęda*, *+lqgъ*, *+vertъje* и др.).

Однако наиболее ярко момент поляризации выступает в терминах, где основным релевантным признаком (resp. значением) является 'верх' — 'низ':

(7) 'верх' ↔ 'низ' (*+vъrxъ*, *+qvalъ*, *+krqtja*, *+rypa*, *+borъ*, *+lęda*, *+vertъje*, *+biъjъ*, *+jurъ*, *+jarъ*, *+bajrakъ*, *+balka*, *+šalga* и др.).

То же положение наблюдается у терминов подводного рельефа:

(8) 'яма' (глубина) ↔ 'мель' (мелкость) (*+pleso*, *+bezъdъnja* и др.).

В ряде случаев фиксируется употребление одного и того же термина в сфере наземного и подводного рельефа при той же поляризации по линии 'верх' ↔ 'низ':

(9) 'верх' ↔ 'глубина' (*+kręžъ*, *+biъjъ*, *+jarъ*, *+jurъ* и др.).

Иного плана соотношение семем по линии 'целое' ↔ 'часть целого', например:

(10) 'лес' ↔ 'участок леса' (+*gajъ*, +*lędo* и др.); 'лес' ↔ 'дерево' (+*lęszъ*, +*borъ*, +*lędina*, +*gajъ*, +*gora*).

Довольно распространенным типом семантического сдвига является переход видового термина (понятия) на родовой и наоборот, происходящий в связи с утерей или возникновением определенного семантического дифференциального признака:

(11) 'лес вообще' ↔ 'лес определенного типа, качества, породы деревьев, и т. п.' (+*borъ*, +*volka*, +*gajъ*, +*šuma* и др.).

В качестве одного из наиболее распространенных и существенных дифференциальных признаков выступает признак величины ('большой' ↔ 'малый'), активизация которого способна привести к смене денотата:

(12) 'болото' ↔ 'лужа (яма с водой)' ↔ 'грязь' (+*bolto*, +*bagъno*, +*bezъdъnja*, +*ezero*, +*jaruga*, +*lędo* и др.).

Наконец, особый случай представлен в переносе названия географического объекта на траву (сено):

(13) 'болото, луг, берег и т. п.' → 'трава' (+*bolto*, +*grqдъ*, +*poplavъ*, +*ezerina*, +*galo*, +*bъrdina*, +*beržina*, +*krežina*, +*lęda*, +*lqka*, +*molka* и др.). Ср. обратное 'растительность' → 'болото' (+*mъxъ*, +*bagъno?* и др.).

Настоящий перечень семантических связей (resp. переходов) и лексем, их отражающих, не претендует на полноту. Более подробное их изложение дано в тексте книги. Кроме того, перечень дается в панхроническом плане, что, по нашему мнению, возможно, так как почти все изложенные процессы характерны как для древнего славянского состояния, так и для современного (что видно хотя бы на примере заимствованных слов). Большинство из этих связей и переходов почти универсальны, так как могут быть прослежены на материале других языковых семей.

По своему характеру, однако, семантические связи (resp. переходы) различны. Одни из них, например 'гора' ↔ 'лес', могут стать семами одной «сложной» семемы, например 'гора, покрытая лесом', другие могут сосуществовать в одной языковой системе (говоре), будучи выраженными одной и той же лексемой, т. е. омонимичными, например +*grqдъ* 'твердая почва среди болота' и +*grqдъ* 'трава, сено с твердого участка земли

среди болота', третьи, наконец, возможны, или встречаются только в разных системах, например ⁺qvalъ 'возвышенность' и ⁺qvalъ 'яма, овраг', ⁺borъ 'болото' и ⁺borъ 'возвышенность'. Эти моменты следует учитывать при дальнейших исследованиях на основе материала, изложенного в книге.

Географическая терминология связана в лексемном, а в широком плане и в смысловом отношении с другими терминологическими сферами, в первую очередь с названиями частей тела, посуды, частей ткацкого станка (ткачества), построек и их частей, погоды и в меньшей степени с другими сферами:

(1) части тела: ⁺golva, ⁺čelo, ⁺lѣbъ, ⁺nosъ, ⁺oko, ⁺ustъje, ⁺xrbъbtъ, и т. д. и т. п. Примеров великое множество.

(2) посуда: ⁺kadъlbъ, ⁺kazanъ, ⁺kotъlbъ, ⁺krina, ⁺makъtъra, ⁺lonъcъ, ⁺bъdъnъ и др.;

(3) ткачество: ⁺bъrdo, ⁺bidlo, ⁺lѣdo, ⁺grebъnъ, ⁺prѣdslo, ⁺podъnoжъje и др.;

(4) строительство: ⁺okъno, ⁺grѣda, ⁺porгъ, ⁺gora, ⁺въrxъ, ⁺dolъ и др.;

(5) погода: ⁺moča, ⁺nemerča, ⁺molka и др.

При этом лексемы, свойственные терминам частей тела, употребляются в основном в сфере терминов горного рельефа и в речных терминах; посуды — в терминах ям, впадин, водоворотов; ткачества — в терминах горного рельефа; строительства — в терминах рельефа, а погоды — в болотной терминологии.

* * *

В книгу из-за ограниченности ее объема оказалась не включенной часть полесских (и соответственно славянских) водных (речных) терминов (*бурчак* 'быстрый ручей', *роучак* 'ручей' и т. п.), часть терминов рельефа (*долйна* 'дол', *науорок* 'пригорок' и т. п.) и леса (*березина* 'березовый лес', *дубйна* 'дубовый лес', *чауарник* 'поросль молодого леса, кустарник' и т. п.). Автор предполагает обратиться к ним в скором будущем в другой работе.

Приложение

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН — ВИД СЕНА, ТРАВЫ

В Полесье часто сено называется по тому географическому объекту, на котором оно скошено, т. е. оно может именоваться так же, как географический анеллятив или даже как топоним. В Симоновичах могут сказать: *урудá дав корбвы* 'я дал корове «груда», или — *дав болóта корбвы*, или даже, наконец, *дав заліс'с'а корбвы* (Смн.). Сено называется *уруд*, *болóто*, *заліс'с'е* в зависимости от того, где оно скошено — на болоте, на груду (см. стр. 123) или в урочище *Заліс'с'е* (Смн.). Здесь мы наблюдаем явление, аналогичное возникновению марок вин типа *бордо*, *малага* или *цинандали*, *макузани* и т. п.¹ Той же «марки», что и сено, может быть и трава («нескошенное сено»), при этом нередки случаи, когда название определенного географического объекта (например, *дуброва*) исчезает, а название травы остается (см. стр. 44). Это явление характерно не только для Полесья, но и для всего славянского мира. Помимо приведенных примеров с терминами *боровина* (см. стр. 35), *дубрва*, *груд*, *пожарница*, *болóто*, отметим следующие:

+*bolto*: в.-рус. новгородск. *болото* 'сено' (Эрдман 1857, Доп. Оп. 1858), 'грубая трава, растущая на низких местах' — *два стога болóтѣѣ поставили* (пример показывает, что речь идет о сене — Н. Т. карт. СРНГ).

+*bergъ*: с.-хорв. чакавск. 'трава, растущая на берегу ручья', 'сено из такой травы'. Русло, где течет вода, называется *brig* — *Narôj govoda u brigu. Kural sam se u brigu. Brig-ом* называется и та земля, которая находится справа и слева от воды. Затем *brig* — и та трава, которая растет у воды (эта трава называется еще *otava* или *luka*): *Imam vôz briga* (или *otave*) 'У меня воз «брига» [Шушнево село около Огулина в Хорватии (ZNŽO V, 164)].

+*galо*: полесск. *гáло* 'болотная трава' (д. Листвин близ Овруча; запись Н. В. Никончука).

+*loka*: польск. *laka* 'сено': *zebrał swoją lakę* 'убрал свое сено' (SW).

¹ См. об этом: Н. И. Толстой. Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции. «Топонимастика и транскрипция». М., 1964.

+lɛdо: в.-рус. костромск. *ляда* 'низкая гладкая трава' (Буйск—Пор. Слова 185; Пор. Ляда 183).

+mоlkа: укр. карпатск. *мліка* 'сено', 'трава'. Значение 'трава', 'сено' наряду со значением 'болото' отмечено в 15 пунктах (в ареале бойковских и примыкающих к ним северо-западных гудульских говоров) Карпатского атласа, а только значение 'трава' в трех пунктах (см. карт. КДА 83, 86, 87). Значение 'болото' записано более чем в сотне пунктов. Довольно часто фиксируется сочетание *млячнє сіно*, *мляковїтє сіно* и т. п.

+pо-plavъ: полесск. *пбплав* 'трава, растущая на приусадебном участке' (Вл.); *пбплаў* 'луговое сено' (д. Россохи, Пружанск. р-н, Жак. ДМ); б.-рус. гродненск. *поплаў* 'сено, которое было скошено недалеко от хаты' (карт. ДАБМ 377); польск. белостокск. (из белорусского? — Н. Т.) *porław* 'сено с сухого луга' (наряду со значением 'пастбище' — АЖК I 96).

+pо-žagъ: полесск. *пжжър* 'трава, выросшая на пожарище', 'сено из этой травы' (Гл.), наряду со значением 'выгоревшее место в болоте или в лесу' (Гл.): *Пжжър хорошб жєст корбѡва* (Гл.), *пжжърн'їк* 'трава, растущая на выжженном месте в лесу' и 'выжженное место в лесу': *Трав'ининá на хвајбѡвѡм пжжърн'їкѹ — пжжърн'їк* (Бд.).

Во многих случаях названия травы и сена, образуясь по отмеченному выше семантическому способу, получают словообразовательное оформление при помощи суффикса *-ina*. В этом случае суффикс *-ina* выступает для обозначения «продукта» от географического (геоботанического) объекта (ср. продукт от животного +telɛ — *telɛtina* 'телятина' и т. п.).

+bаgъpипа: укр. карпатск. *багніна* 'сено с болота' (с. Майдан, Старосамборск. р-н, Львовск. обл. карт. КДА 6).

+bоltина: в.-рус. архангельск. *болотина* 'болотная трава или сено' (Второе Доп. 1905—21); псковск. *болтина* 'трава, растущая на болоте', 'сено из болотной травы', (карт. ПОС), *болотїнка* 'то же' (карт. ПОС); тверск. *болотина* 'болотная несъедобная трава' (карт. СРНГ); олонек. *болотина*, 'клевер' (Рыбников 1864); уральск. *болотина*, *болтинка* 'трава, растущая на болоте', 'сено с заболоченного места' (ССУ); рязанск. *болотина* 'болотная трава и сено' ССРНГ).

+bегъjипа: укр. южно-киевск. *бєрєжїна* 'мелкая береговая трава' (Лис. ЛСР 41); в.-рус. вологодск. *бережїна* 'сено, снятое на берегу реки, озера или ручья': *бережїны у меня еше воза два будєт* (Дилакторский 1902).

+bъgdипа: словен. *brđina* 'вид горной травы' (Badj. LjG, 113).

+оzегїпа: в.-рус. вологодск. *озерїна* 'сено с берегов озера' (Дилакторский 1902); ярославск.-ростовск. *озерїна* 'сено из озерной осоки' наряду с 'небольшое озерко, образовавшееся в низком месте поюлю водою' (Волоцкой 1902).

+kгєžипа: псковск. *кряжїна* 'травянистый покров берега, болота, реки, края нивы' (карт. ПОС).

+ *molkovina* (форма, осложненная суффиксом *-ov*): укр. карпатск. *млаковина* 'сено с болотистого места' (с. Грабовска, Калушск. р-н карт. КДА 42); *млаковѣна* 'то же' (с. Русов, Снятинск. р-н, карт. КДА 59), ср. также *млаштѣна* 'отава' (с. Щербинцы, Новоселицк. р-н, Черновицк. обл. карт. КДА 84).

Из других суффиксов можно отметить еще суффикс *-isa*. Ср. полесск. *поплавѣца* 'трава, растущая в воде и стелющаяся по ней' (Хр.); *пожарнѣца* 'трава на бывшем пожарище', 'сено из этой травы' (Сп. Кн. Дв. Дн. см. также стр. 198).

Нет сомнения, что в результате новых диалектологических экспедиций и внимательных поисков в славянских диалектных словарях и материалах число примеров, подобных приведенным, значительно возрастет.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

б.-рус. — белорусский	праслав. — праславянский
болг. — болгарский	польск. — польский
в.-рус. — великорусский	рум. — румынский
в.-луж. — верхне-лужицкий	русск. — русский
вост.-слав. — восточнославянский	сев.-в.-р. — северновеликорусский
др. — древне-	серб. — сербский
зап.-слав. — западнославянский	с.-хорв. — сербскохорватский
кашуб. — кашубский	слав. — славянский
латыш. — латышский	словац. — словацкий
литов. — литовский	словен. — словенский
лужиц. — лужицкие	тур. — турецкий
макед. — македонский	укр. — украинский
н.-луж. — ниже-лужицкий	хорв. — хорватский
общеслав. — общеславянский	чеш. — чешский
полаб. — полабский	юж.-в.-р. — южновеликорусский
	юж.-слав. — южнославянский

диал. — диалектное	разгов. — разговорное
книжн. — книжное	собр. — собирательное
литер. — литературное	совр. — современное
народ. — народное	суфф. — суффикс
обл. — областное	увелич. — увеличительное
простор. — просторечное	уменьш. — уменьшительное

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

Ахт. МББР — Материали за български ботаничен речник. Редактирани от Б. Ахтаров. София, 1939.

Бак. РСХКЈ — Ј. Б а к о т и ћ. Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1936.

БД — Българска диалектология. Кн. I, II. София, 1962—1965.

БдК М I — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Материалы по южнославянской диалектологии, т. I. СПб, 1895.

БРС — Беларуска-рускі слоўнік. М., 1962.

БТР — Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Йв. Леков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. Български тълковен речник. София, 1955.

Бяльк. ДСУБ — І. К. Бялькевіч. Дыялекталагічны слоўнік ўсходняй часткі Беларускай ССР. Мінск. (рукопісь).

Ващ. СПГ — В. С. Ващенко. Словник полтавських говірів. Вип. I. Харків, 1960.

Верх. ГГЛ — І. Верхратський. Про говор галицьких лемків. Львів, 1902.

Верх. ЗУГ — І. Верхратський. Знадобы для пізнання угорських говорів. «Записки Наукового Товариства імені Шевченка», XLV. Львів, 1902.

Второе Доп., 1905—1921 — Ф. И. Покровский и Е. Н. Яценко. Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1905—1921. Архив ИРЯз АН СССР, шифр 117—118.

Вук СР — Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник. Беч, 1852.

Гер. РВЯ — Н. Геров. Рѣчникъ на българскый языкъ съ тълкувание рѣчи-ты на българскы и на русскы, ч. I—V. Пловдив, 1895—1904.

Горяев ЭСРЯ — Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

Грин. СУМ — Б. Д. Гринченко. Словарь української мови. Т. I—IV. Київ, 1907—1909.

Гриц. СЗ0 — М. А. Грицак. Словник українських говорів Закарпатської області. Ужгород (рукопісь).

Даль СЖВЯ — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Том I—IV. Изд. 4. СПб.—М., 1904—1912.

Дзен. ССДЗ — Й. О. Дзендзелівський. Практичний словник семантичних діалектизмів Закарпаття. Ужгород, 1958.

Дзен. УНО — Й. О. Дзендзелівський. Українські назви для 'острова на річці'. «Studia Slavica», т. XII. Budapest, 1966, стр. 103—113.

Дорош. ДЛС — С. І. Дорошенко. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини. «Діалектологічний бюлетень», IX. Київ, 1962, стр. 101—122.

Елез. РКМД — Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског дијалекта. Св. I—II. Београд, 1932—1935.

Жак. ДМ. — З. И. Жакова. Рукописные материалы по белорусской и великорусской диалектной лексике.

Жак. ТЛА — З. І. Жакова. Тышы лексічных адрозненняў у паўночна-ўсходніх беларускіх гаворках. — В кн. З. І. Жакова, Э. Д. Блінава. Пытаньня беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1962.

Желех. МНС — Е. Желеховский, С. Недільский. Малорусско-німецкий словарь. Львів, 1886.

Жучк. Мат. — В. А. Жучкевич. Рукописные материалы по местным географическим терминам Белоруссии.

ИИБЕ — Известия на Института за български език. Кн. IV, София, 1956.

Касп. ВКС — М. I. Касьярович. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927.

Карт. БОС — Картотека «Брянского областного словаря» (хранится на кафедре русского языка Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, Ленинград).

Карт. ДАБМ — Картотека «Дыялекталагічнага атласу беларускай мовы» (хранится в ин-те языкознания им. Я. Коласа, Минск).

Карт. ДАУМ — Картотека «Атласу середньонадніпрянських і північних говорів української мови». Київ (хранится в отделе диалектологии Ин-та языкознания им. А. А. Потебни, Киев).

Карт. КДА — Картотека «Карпатского диалектологического атласа» (хранится в секторе славянского языкознания Ин-та славяноведения АН СССР, Москва).

Карт. ПОС — Картотека «Псковского областного словаря» (хранится в Словарном кабинете филол. фак-та ЛГУ, Ленинград).

Карт. СРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в словарном секторе Ин-та русского языка АН СССР, Ленинград).

Лис. ЛСР — П. С. Лисенко. Лексичні особливості говірок Ставищанського району Київської області. «Діалектологічний бюлетень», V, Київ, 1955, стр. 31—45.

Лис. СПЧ — П. С. Лисенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. «Лексикографічний бюлетень», VI, Київ, 1958, стр. 5—21.

Лис. СССР — П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961.

Лис. ССЖ — А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 5—60.

Мар. МСУГА — Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). «Полесье», М., 1968, стр. 206—255.

Мар. НРУЯ — Т. А. Марусенко. Названия рельефов в украинском языке. Канд. дисс. Киев-Каменец-Подольский, 1967.

Маш. МОВС — П. А. Маштак. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.

Мельн. КЯОС — Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Млад. БТР — Ст. Младенов. Български тълковен речник с оглед към народните говори, т. I. А—К. София, 1951.

Моск. СОО — А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.

МСНДМ — Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Мінск, 1960.

Мурз. СМГТ — Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959.

Ник. ОВБ — Н. Я. Никифировский. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895.

Нос. СБН — И. И. Носович. Словарь белорусского наречья. СПб., 1870.

Ож. СРЯ — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1960.

Оныш. СБД — М. О. Онишкевич. Словник бойківського діалекту. Львів (рукопись) [Часть словаря (буква «Б») напечатана, см.: «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 61—105].

Пал. СГМ — Л. С. Паламарчук. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки Вчорайшенського району Житомирської обл. «Лексикографічний бюлетень», VI. Київ, 1958, стр. 22—35.

Пор. Ляда — О. Г. Порохова. *Ляда, лядá. Ныва, нивá.* Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, стр. 179—197.

Пор. Слова — О. Г. Порохова. Слова *ляда, лядина и нива* в русских народных говорах. «Лексика русских народных говоров». М.—Л., 1966, стр. 175—191.

Преоб. ЭСРЯ — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914; М.—Л., 1949.

Раст. СБГ — П. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Л., 1927.

Римаш. ЛЛЗС. — К. П. Римашевская. Заметки о лексике леса Западных Саян. «Уч. зап. Красноярского пед. ин-та», т. 25, вып. 3. Красноярск, 1963, стр. 118—152.

РМЈ — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I. Скопје, 1961.

РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език, I—III. София, 1955—1959.

РСХКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. I—III. Београд, 1959.

Рудн. ГНБ — Яр. Рудницкий, Географічні назви Бойківщини. Изд. 2. (Winnipeg), 1962.

СДЗБ — Српски дијалектолошки зборник (САН). Београд, 1905 и далее.

СЕЗБ — Српски етнографски зборник. Београд, 1894 и далее.

Сим. БР — Симонович. Ботанички речник научних и народних имена биљака са имелима на руском, енглеском, немачком и француском језику. Београд, 1959.

Срезн. МСДРЯ — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—3, СПб., 1893—1912.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.—Л., Вып. I, 1965, вып. 2, 1966.

СРСН — В. Н. Немченко, А. И. Саница, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

СРЯ — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1891.

ССУ — Словарь русских народных говоров Среднего Урала, т. I. Свердловск, 1964.

ССО — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, т. I, 1964; т. II, 1965.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. I—XVII. М.—Л., 1950—1965.

ССРНГ — Словарь современного русского народного говора (дер. Деулино, Рязан. р-на Рязан. обл.). М., 1967.

Стран. БННП — И. Странски. Български народни названия на почвата според цвѣта и овлажняването ѝ «Изв. на Почвения институт», кн. 2. София, 1954, стр. 292—313.

Сцяш. ГГВ — Т. Ф. Сцяшковіч. Гаворкі Ваўкавыскага раёна Гродзенскай вобласці Беларускай ССР. Гродна, 1959.

ТСБМ — А. Я. Баханькоў, І. М. Гайдукевіч, П. П. Шуба. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1966.

Умл. КГ — И. Умленски. Кюстендилският говор. София, 1965.

УРС — Українсько-російський словник, т. I—VI, Київ, 1953—1963.

Фасм. ЭСРЯ — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. Перев. с нем. М., 1964—1967.

Шат. КСЧ — М. В. Шатэрнік. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.

Янк. ДС I, II — Ф. Янкоўскі. Дыялектны слоўнік. Мінск, I—1959; II—1960.

Источники, использованные в «Словаре русских народных говоров» (вып. I, М.—Л., 1965), в список сокращений не внесены. В тексте указывается только автор и год издания, а полные данные следует искать в I вып. «Словаря русских народных говоров» (см.: «Список источников»).

AJK — Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Wrocław—Warszawa—Kraków; Zesz. I, cz. I—II, 1964; Zesz. II, cz. I—II, 1965.

Badj. LjG — R. Badjura. Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953.

Bart. DM I—II — F. Bartoš. Dialektologie moravská. Brno, I—1886, II—1895.

Bart. DSM — F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1905.

Belič. DNM. — I. Belič. Dolská nářečí na Moravě. Praha, 1954.

Bern. SEW — E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1913.

Bezl. Krč. — F. Bezlaj. Krčevine. «Slavistična revija», letn. VIII, 1—2. Ljubljana, 1955.

Bezl. Sin. — F. Bezlaj. Sinonima z pojmem «locus fluminis profundior» — «Slavistična revija», letn. V—VII. Ljubljana, 1954.

Brück. SEJP — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

DLKŽ — Dabartinės lietuvių kalbos žodinas. Vilnius, 1954.

Fraen. LEW — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. B. I—II. Göttingen, 1962.

Goł. TNO — T. Gołębiewska. Terenowe narwy orawskie. Kraków, 1964.

Greg. SNSB — A. Gregor. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha—Brno, 1959.

Hol.-Kop. ESJČ — J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Hrab. NGH. — S. Hrabec. Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950.

Jak. HSNS — F. Jakubaš. Hornjoserbskoněmski słownik. Budyšin, 1954.

Isač. SRPS — A. V. Isačenko. Slovensko-ruský prekladový slovník. Bratislava, d. I—1950; d. II—1957.

Jurk. OZUG — M. Jurkowski. Terminy na określenie źródła, ujścia i głębi w języku ukraińskim. — «Slavia Orientalis», XIII, № 1. Warszawa, 1964, str. 63—72.

Jurk. RP — M. Jurkowski. Rzeka, potok i ich synonimy w języku ukraińskim. «Slavia Orientalis», XII, № 3. Warszawa, 1963, str. 459—466.

Kál. SSLN — K. Kálal, M. Kálal. Slovenský slovník z literatury aj nářečí. Banská Bystrica, 1923.

Kam. STŁ — M. Kamińska. Słownictwo topograficzne w gwarach okolic Łodzi. «Onomastika», rocz. IX, zes. 1—2. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964, str. 203—223.

Karł. SGP — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, I—VI. Kraków, 1900—1911.

Kell. VLN II — A. Kellner. Východolašská nářečí, II. Brno, 1949.

Kniezsa MNSzJ — István Kniezsa. A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I—II. Budapest, 1955.

KSWM — Kartoteka Słownika warmińsko-mazurskiego. Zakład Językoznawstwa PAN w Warszawie.

Kuc. PSTWM — M. Kucala. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

Lor. PW — F. Lorentz. Pomoranisches Wörterbuch. B. I. Berlin, 1958.

Lor. SW — F. Lorentz. Slovinzisches Wörterbuch, I—II. Spb, 1908—1912.

Mach. ESJČS — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

- Mal. SNM — I. Malina. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946.
- Mih. ÍVSS — G. Mihăilă. Împrumuturi vechi sud-slave în limba română. București, 1960.
- Mikl. EWSS — F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Mosz. PW — K. Moszyński. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928.
- Mosz. STTF — K. Moszyński. Uwagi o słowiańskiej terminologii topograficznej i fizjograficznej oparte przeważnie na materiale białorusko-poleskim. Lwów — Warszawa, 1921.
- Mosz. Uwagi — K. Moszyński. Uwagi do 4. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego. «Język polski», XXXVI. Kraków, 1956, str. 109—116.
- MSGP — Magazyn Słownika gwar polskich. Zakład Językoznawstwa PAN w Krakowie.
- Muka SDSR — E. Muka. Słownik dolnosěrbskeje řecy, I. Pr., 1924; II. Praha, 1928.
- Mül.-Endz. LVV — K. Mülenbacha. Latviešu valodas vārdnīca. Redīgējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Rīga 1923—1932.
- Nitsche GTP — P. Nitsche. Geographische Terminologie des Polnischen. Köln, 1964.
- Oss. PTT — L. Ossowski. Z poleskiej terminologii topograficznej. «III Међународни конгрес слависта. Саопштења и реферати». Београд, 1939, стр. 45—46.
- Plet. SNS — M. Pleteršnik. Slovensko-němski slovar. Ljubljana, 1894—1899.
- PSJČ — Příruční slovník jazyka českého, Díl I—VIII. Praha, 1935—1957.
- Ram. SJK — S. Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Dio I—XVI. Zagreb, 1880—1958.
- Rib. СДЗб IX — J. — Ribarić. Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri. «Српски дијалектолошки зборник», Књ. IX. Београд, 1940.
- Rost. SDP — P. Rost. Die Sprachreste der Dravāno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.
- Rudn. EDUL — I. B. Rudnyc'kyj. An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. Parts 1—5. Winnipeg, 1966.
- Schütz GTSK — I. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.
- Sław. SEJP — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I—II. Kraków, 1952—1965.
- SP — Slovenski pravopis. Izdala Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Ljubljana, 1950.
- SS — Słownik Staropolski. Warszawa, 1953 и далее.
- SSJ — Słownik slovenského jazyka, I—V. Bratislava, 1959—1965.

SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého, I—II. Praha, 1960—1964.

SSS — S. Škerlj, R. Aleksić, V. Latković. Slovenško-srbskohrvatski slovar. Ljubljana—Beograd, 1964.

Stieb. NMG — Z. Stieber. Nazwy miejscowe pasma Górców w Beskidzie Zachodnim. «Lud Słowiański», t. III, rez. 2. Kraków, 1934, стр. 213—265.

Svěrák KN — F. Svěrák. Karlovičské nářečí. Praha, 1957.

SW — J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I—VIII. Warszawa, 1900—1927.

Szym. SGD — M. Szymczak. Słownik gwary Domaniewka w powiecie Łęczyckim. Wrocław—Warszawa—Kraków, cz. I. 1962; cz. II, 1964; cz. III 1964; cz. IV 1965.

Tom. ČD — I. Tominec. Črnovrški dialekt. Ljubljana, 1964.

Traut. BSW — R. Trautmann. Baltisch-Slawisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Vas. REW — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. B. I—III. Heidelberg, 1953—1958.

Zar. NBP — A. Zaręba. Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954.

Zar. SSS — A. Zaręba. Słownik Starych Siołkowic w powiecie Opolskim. Kraków, 1960.

ZNŽO — Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena, Izd. JAZU. Zagreb, 1896 и далее.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ПОЛЕСЬЯ¹

Боложевичи — Бл.	Кочище — Кч.
Боричевичи — Бч.	Лопатин — Лп.
Буда — Бд.	Луково — Лк.
Велуга — Вт.	Ляховичи — Лх.
Вельё — Вл.	Мокраны — Мк.
Головчицы — Гд.	Одрижин — Од.
Голубица — Гл.	Олтуш — Ол.
Городная — Гр.	Ольманы — Ом.
Деревная — Дрв.	Орехово — Ор.
Довляды — Дв.	Радеж — Рд.
Дорошевичи — Др.	Радостов — Рс.
Дяковичи — Дк.	Рубель — Рб.
Заболотье — Зл.	Сварынь — Св.
Замошьё — Зм.	Симоновичи — Смн.
Збурож — Зб.	Спорово — Сп.
Здитово — Зд.	Хоромск — Хр.
Зосинцы — Зс.	Шестовичи — Ш.
Конотоп — Кн.	

¹ См. карту в сб. «Полесье» (М., 1968). На карте отсутствуют Збурож (Малоритский р-н, неподалеку от Олтуша), Симоновичи (Дрогичинский р-н, севернее Дрогичина), Радостов (Дрогичинский р-н, юго-восточнее Сварыни).

КРАТКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

В целях экономии места, а также доступности для географов-лингвистов дается сокращенный указатель, составленный по следующему принципу.

В основу кладутся славянские географические термины в их современной русской форме. Если термин известен в трех основных группах славянских языков (южной, западной и восточной), лексема остается без пометы. Если термин имеет ряд других словообразовательных форм, они обычно не приводятся, а сигнализируются пометой «+др.» (плюс дериваты). Не приводятся также фонетические варианты лексем. В указателе приняты следующие сокращения:

б. болгарский
 бр. белорусский
 вр. великорусский
 в.-сл. восточнославянский
 з.-сл. западнославянский
 л. лужицкие
 п. полесский
 п. польский

с.-вр. северновеликорусский
 сн. словенский
 сд. словацкий
 сх. сербскохорватский
 у. украинский
 ч. чешский
 ю.-вр. южновеликорусский
 ю.-сл. южнославянский

баба п. 185—186
 багно+др. 110, 145, 150, 154—159, 244, 245
 баденя у. ю.-вр. п. ю.-сл. 226—227, 246
 баир б. 73, 83
 байрак у. 101, 244
 бакай у. 235
 балкан б. 61, 73, 81
 банева с.-вр. 235
 бара 150, 153
 баюра у. п. 233—234
 бездна 235—236, 244, 245
 бель п. бр. п. 189—190
 бердо 71, 96—97, 102, 245, 246, 248

берег+др. 71, 90—96, 244, 245, 247
 болото+др. 43, 45, 110, 122, 144—154, 210, 244, 245, 247
 болонь+др. 74—76
 бон (бом) з.-сл. в.-сл. 202
 бор+др. 13—14, 22—41, 42, 43, 45, 51, 160, 244, 245, 246
 буза бр. 192
 буй вр. 103, 244
 бухтовица п. 184
 веретье 129—134, 244
 вертела, вертега и т. п. бр. у. 225
 верх 33, 83, 98—99, 101, 244, 246

вир+др. 212—213
волок(а) в.-сл. 145, 160—164,
243, 244, 245
вукрут *п.* 212, 214
выгор, выжар и т. п.+др.
в.-сл. *п.* 197—210, 244
выдымка *п.* 184
вязь+др. бр. вр. 183
гай+др. в.-сл. з.-сл. сх. сн.
26, 48—56, 70, 141, 244, 245
гайгора вр. 53
гало+др. в.-сл. з.-сл. 104—
110, 204, 245, 247
гвозд *п.* з.-сл. сх. сн. 57, 61, 62,
63, 64
глаз(ов)ина вр. 209
голина б. сн. 107—109
holoboŭ 40
гора+др. 60, 61, 62, 64, 65,
66, 71—73, 83, 94, 244, 245,
246
груд в.-сл. з.-сл. 45, 104, 116,
122—125, 128, 130, 245
грузля *п.* у. п. 175, 182
гряда+др. 125—128
грязь+др. 182, 246
движ+др. *п.* бр. у. 183
дежа 227
дерево+др. 59, 60
дно+др. у. сн. 236
дрегва+др. в.-сл. 166, 175,
177—179, 181
дубина *п.* 44
дубрава+др. 44—48, 51
ендова+др. в.-сл. 228—229
животчина *п.* 186
жираво бр. 187
загроб(ина) *п.* 214
заросль+др. в.-сл. 43, 44
здух, здуха и т. п. *п.* 184—185
зыбь, зыбун и т. п. бр. вр. сн.
175, 183
каверть *п.* 215
кадка 227
кадолб+др. в.-сл. 220—224, 246
казан(ок) у. ю.-сл. 226, 246
калужа 237—241
ключевина вр. 218
кожух *п.* 185
колобания+др. в.-сл. з.-сл. 230—
233

копанка 216—217
корыто 226
корь ю.-вр. 103
kosodrevina сц. 28
котел+др. 225—226, 246
край 88—95
крин(ип)а 197, 211, 218—220, 246
круг+др. 118—120, 49
круган в.-сл. 120
круча в.-сл. 90, 100, 212, 244
кряж в.-сл. 120—122, 243, 244,
245, 248
кушак *п.* 118
лес+др. в.-сл. з.-сл. сх. сн.
24, 26, 48, 56—73, 245
ligawica *п.* 183
лонац сх. сн. 227, 246
луг+др. 43, 45, 61, 110—114,
145, 244
лука+др. 114—116, 244, 245,
247
ляга вр. 114
лядо+др. 16—17, 24, 134—143,
243, 244, 245, 246, 247
макотер *п.* бр. у. п. сн. 224—
225, 246
материк вр. 87, 244
мерва 181—182
мереча бр. у. 187
млака у. ю.-сл. з.-сл. 152—153,
187, 192, 245, 246, 247, 248
мокрина, мокряк и т. п. 152
морочне бр. у. 187—188, 246
морске око у. ч. 157, 206, 209
мох 164—165, 245
мочар, мочвар, мочвир 150—
152, 187, 246
петеча *п.* у. п. сх. 181
негра *п.* бр. вр. 179—181, 244
обала+др. у. сх. 88, 95
озере 204, 209—211, 215, 245,
248
окно 207—209, 210, 246
олес *п.* бр. 159—160, 244
омут в.-сл. 214
остров 37, 61, 116—118, 123,
130
пай *п.* 202
пелька в.-сл. 167—169
плесо в.-сл. з.-сл. сн. 203—
206, 212, 244

погарь+др. в.-сл. 44, 198—
199, 247, 249
погоня п. 196
подушка п. 185
полонь, полонина и т. п. п. у.
з.-сл. ю.-сл. 61, 62, 71, 74—88,
104, 109, 111, 113, 244
(по)плав 171—175, 243, 245,
247, 249
поросль в.-сл. 42—44, 45, 244
прість п. у. п. 211
прорва, прорыв п. вр. у. 175,
202—203
ревень п. 236
ржавень, ржавец и т. п. в.-сл.
п. б. 190—191
рипа, ропа и т. д. у. п. сх.
100—101, 244
руда+др. в.-сл. п. ю.-сл. 83,
188—189
guchawka п. 183
рыжец в.-сл. 190—191
сажалка в.-сл. п. 215—216
смолина п. 34
смуга 192—194
струга+др. 194—196
струм+др. 194
субор вр. 40

сухмень, суходол и т. п. в.-сл.
128—129
твань в.-сл. 166—169, 177
тоня 170—171, 241
топило, топель и т. п. в.-сл.
з.-сл. 166, 169—170, 175, 177,
243
топлище сх. 192
трясина, трясун, трясовина и
т. п. 175, 176—177, 243
увал+др. вр. сх. 99, 244, 246
хвоя+др. п. 22, 23, 43, 57
холодник п. 192
хоўп п. 118
храст ю.-сл. 47
цебер 227
чернолесье в.-сл. 43, 192
черот п. сх. сн. 203
шалга с.-вр. 87, 244
шума+др. 54, 62, 64—71, 72,
141, 244, 245
юр вр. 103, 244
яма 229
яр вр. 103, 244
яруга у. п. сн. 237, 240, 245

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Введение	5

Г Л А В А П Е Р В А Я

ГОРА — ЛЕС

Бор	22
Поросль	42
Дуброва	44
Гай	48
Лес	56
Полонь, болонь — полонина	74
Край, берег	88
'Верх' — 'низ'	98

Г Л А В А В Т О Р А Я

БЕЗЛЕСНОЕ ПРОСТРАНСТВО — ЛЕС

Гало	104
Луг — лука	110
Остров	118
Круг — кряж	118
Груд — гряда	122
Веретье	129
Ляда — лядина	134

Г Л А В А Т Р Е Т Ъ Я

БОЛОТО

Болото	144
Багно	154
Олес	159
Волока	160
Мох	164

Твань, пелька, топило	165
Плав, трясина	171
Дрегва	177
Нетра, нетеча, мерва	179
Грузля, движ, здмух, кожух и др.	182
Морочна, руда, бель и др.	187
Смуга, струга, погоня	192
Выжар, погарь, бон, прорва и др.	197
Плесо	203
Окно, озеро	207

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОМУТ. ЯМА. ЛУЖА

Вир	212
Омут, загроба, крутень	214
Кавертъ, сажалка, копанка	215
Криница, кадолб, макотер и др.	218
Яма	229
 Краткие выводы	 242
 Приложение	 247
Сокращения названий языков	250
Сокращения названий источников	250
Сокращения названий населенных пунктов Полесья	257
Краткий указатель	258

Никита Ильич Толстой

**Славянская географическая терминология
(семасиологические этюды)**

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики

Редактор издательства Г. Н. Корозо

Технический редактор А. П. Гусева

Сдано в набор 2/II 1969 г. Подписано к печати 15/V 1969 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 13,86. Уч.-изд. л. 14,4.

Тираж 2500. Тип. зак. 885.

Цена 1 руб.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»

Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

1 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»